

ЗАПИСКИ ИИМЖ РАН

• 2007 •

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Н. Носов. От редакции	7
--------------------------------	---

ИЗ ИСТОРИИ НИМК РАН

В. А. Алехин. Сектор/Отдел археологии Средней/Центральной Азии и Кавказа ЛОИИМК АН СССР — ЛОИА АН СССР — ИИМК РАН и его предшественники в ИАК — РАИМК — ГАИМК — ИИМК АН СССР (основные вехи истории)	10
Г. И. Зайцева. Радиоуглеродная группа ИИМК РАН: история создания, современное состояние	93

СТАТЬИ

С. А. Аслапин, Е. В. Бельева, Е. М. Козжаков, В. П. Любин, Г. М. Саркисян, А. В. Суворов. Работы Армяно-Российской археологической экспедиции в 2003—2006 гг.	142
В. Е. Щелинский, С. А. Кулаков. Новые данные о раннем палеолите на Таманском полуострове (Южное Приазовье)	155
Л. Б. Вишневский. О возможных случаях культурной преемственности между <i>Homo neanderthalensis</i> и <i>Homo sapiens</i>	166
Н. Д. Праслов, М. Н. Желтово. Об одной малоизвестной странице исследований в Костенках	182
Л. Б. Кирико. Древние связи населения Южного Туркменистана и долины Зеравшана (начало формирования торговых путей в Средней Азии)	193
С. В. Кашигов. Лепная керамика из некрополя Артющенко-2	209
И. И. Ермеев, О. Ф. Дзюба, О. В. Лисицына. Древнее расселение и земледелие на восточном берегу оз. Ильмень по данным археологии и палеогеографии	215
А. Н. Бегорьков, В. Н. Кисельниковский, А. В. Курбанов. К традициям стеклотелия в древнем Владимире (по материалам раскопок 2006 г. в «Ветчаном городе»)	257
А. Е. Мусин. О роли личности в археологии. Императорская Археологическая Комиссия на первом этапе своего существования (1859—1882)	269
А. Е. Мусин. Связь времен	287
Список сокращений	291
Правила оформления рукописей для публикации в «Записках ИИМК РАН»	293

CONTENTS

E. N. Nosov. Editorial.....

FROM THE HISTORY OF IHMC RAS

V. A. Alekshin. Department of Archaeology of Middle/Central Asia and Caucasus of the IHMC RAS and its predecessors at the Imperial Archaeological Committee and succeeding institutions (milestones of history).....

G. I. Zaitseva. Radiocarbon group at the IHMC RAS: its history and current state.....

RESEARCH PAPERS

S. A. Aslanian, E. V. Belyaeva, E. M. Kolpakov, V. P. Luybin, G. M. Surkisian, A. V. Suvorov. Works of the Armenian-Russian Archaeological Expedition in 2003—2006.....

V. E. Shchelinsky, S. A. Kulakov. New data on the Early Paleolithic of the Taman' Peninsula, South Azov region.....

L. B. Viskovitsky. Two possible cases for cultural continuity between *Homo neanderthalensis* and *Homo sapiens*.....

N. D. Pruslov, M. N. Zheltova. About one insufficiently known page in the history of field research at Kostenki.....

L. B. Kircho. Ancient connections between South Turkmenistan and the Zeravshan valley (the formation of the first trade routes in Middle Asia).....

S. V. Kashaer. Hand-modeled pottery from the Necropolis of Artyushchenko-2.....

I. I. Erenev, O. F. Dzyuba, O. V. Listyina. Ancient settlements and farming on the eastern shore of Lake Ilmen' as reflected in archaeological and paleoenvironmental data.....

A. N. Egor'kov, V. I. Kilyushevsky, A. V. Kurbatov. About some traditions of glass making in ancient Vladimir (with particular reference to the materials of 2006 excavations at «Vetchany gorod»).....

A. E. Musin. On the role of personality in archaeology: Imperial Archaeological Committee during the first stage of its existence (1859—1882).....

A. E. Musin. The link of times.....

List of abbreviations.....

Instructions to contributors.....

ОТ РЕДАКЦИИ

Перед Вами второй выпуск «Записок ИИМК РАН» (ЗИИМК № 2). Они были задуманы как сугубо институтский печатный орган, отражающий жизнь нашего коллектива, его историю, наиболее интересные и важные результаты научных исследований и полевых открытий сотрудников. Этому направлению мы старались придерживаться и в этом году.

Традиционно в конце года в ИИМК РАН проходят общие собрания, на которых подводятся важнейшие итоги работы Института и его отдельных подразделений за прошедший год, отмечаются вышедшие книги, наиболее значимые полевые открытия, анализируются проведенные конференции, обсуждаются недочеты и сложности работы, перспективы развития, вопросы финансирования. Конечно, такие собрания завершаются предновогодним чаепитием, но их производственный характер остается главным.

И вот в 1999 г. появилась мысль о целесообразности проведения менее формальных общепитутетских собраний, которые могли бы способствовать сплочению коллектива. Возникла она в юбилейный год 140-летия создания Императорской Археологической Комиссии и 80-летия Российской Академии истории материальной культуры (РАИМК), на фундаменте которых и существует нынешний ИИМК РАН. Решили ежегодно устраивать «День института», как своеобразный день его рождения, как существуют Дни городов, День страны. Насчет времени его проведения никаких сомнений у нас не было. Декрет о создании РАИМК был утвержден Совнаркомом 18 апреля 1919 г. и подписан его председателем В. И. Лениным. Именно поэтому было предложено выбрать для задуманных собраний среду третьей недели апреля каждого года, без обязательной жесткой привязки к точному числу. Дело в том, что в ЛОИА АН СССР — ИИМК РАН уже в течение десятилетий среда традиционно считается днем проведения Ученых советов и общих собраний.

В первый «День института» с докладом о предистории его создания и перипетиях его истории на протяжении 80 лет выступил директор ИИМК РАН Е. Н. Носов. С тех пор «Дни института» стал традиционным и проводится ежегодно. На них выступали представители разных Отделов с рассказом об итогах важнейших археологических открытий: В. А. Трифонов — о дольменах Северного Кавказа и опыте их восстановления, А. Н. Кирпичников — о результатах работ в Старой Ладозе, К. К. Марченко — об изучении античных древностей Северного Причерноморья экспедициями ИИМК, В. А. Питулько — об уникальных открытиях на Севере Сибири мезолитической Жоховской стоянки на Новосибирских островах и палеолитической стоянки на р. Яне в Якутии, С. С. Миняев — о блистательных по своей методике многолетних исследованиях могилы хуннского царя в долине Царам (Бурятия). Обязательным условием являлось сопровождение выступлений разнообразным иллюстративным материалом и «популярный» даже для профессиональной аудитории живой рассказ о том, что было сделано, и о значении открытий.

Коллектив Института постепенно сменяется, стареют одни поколения, приходят новые. На фотографиях 40—30—20-летней давности нынешние молодые сотрудники с трудом узнают или не узнают вообще своих именитых коллег времен их юности и, наоборот, старшее поколение с удивлением порой переспрашивает фамилии тех, кто не так давно работает в соседних Отделах и Лабораториях. Именно поэтому один из «Дней института» был посвящен показу многочисленных слайдов разных лет, в основном из работ многих экспедиций. Речь шла о бытовой жизни археологов, забавных или характерных эпизодах, общих праздниках и внезапно свалившихся трудностях и т. д., т. е. о той стороне экспедиционной жизни, знакомой каждому из нас, которая не попадает в официальные полевые отчеты. Сотрудники принесли массу материала, хранящегося и угасающего в домашних шкафах и столах. В комментариях смонтированный фоторяд особо не нуждался, вызывая всеобщее оживление, воспоминания и вопросы. В результате удалось собрать воедино и перенести на современные электронные носители массу любопытной информации из жизни археологического сообщества, каким является ИИМК. В 2005 г., накануне празднования 60-летия Победы в Великой Отечественной войне, «День института» был посвящен его судьбе, его сотрудникам в тяжелые годы испытаний ленинградской блокады, эвакуации. Были зачитаны выдержки из писем в блокадный город, сохранившихся в Научном архиве ИИМК РАН, подобраны фотографии тех, кто самоотверженно спасал и сохранил для будущих поколений уникальный архив Института и его библиотеку в годы войны. Эти материалы опубликованы в ежегоднике «Археологические вести» за 2005 г. № 12 (Васильева 2005; Носов 2005).

В 2009 г. исполнится 90 лет со времени создания РАИМК. Прошедшие десятилетия заслуживают своей оценки, определения места ленинградского — петербургского коллектива археологов в развитии отечественной науки. Известно, что такие обобщения не могут быть написаны спонтанно, к юбилеям и датам, если хочется иметь не иллюстративный ряд жизни коллектива, а академический анализ его деятельности. Мы решили начать такую подготовительную работу, предоставляя руководителям подразделений во время проведения «Дня института» слово об истории возглавляемых ими Отделов и Лабораторий, о тех, кто стоял у истоков научных исследований в той или иной области, об основных достижениях, причем хотелось, чтобы жизнь коллективов была представлена как можно менее казенно. Одним словом, задумка состоит в том, чтобы, не спеша, по кирпичикам собирать историю ИИМК.

Первое слово было предоставлено в апреле 2006 г. заведующему Отделом археологии Центральной Азии и Кавказа В. А. Алёшкину. Отдел является самым крупным научным подразделением ИИМК РАН. Исследования его сотрудников охватывают различные хронологические периоды на огромном пространстве — от Бурятии на востоке до степей Причерноморья на западе, территорию Кавказа и Центральной Азии. В Отделе работали многие крупнейшие отечественные археологи и востоковеды — А. Ю. Якубовский, Б. Б. Пиотровский, М. М. Дьяконов, М. П. Грязнов, А. М. Беленицкий, В. М. Массон и др.

В 2007 г. во время «Дня института» был заслушан доклад Г. И. Зайцевой о зарождении, становлении и достижениях радиоуглеродной группы ИИМК

РАН, входящей в Лабораторию археологической технологии, хотя в Институте группу привычно называют в обиходе «радиоуглеродной лабораторией». Лаборатория входит в число первых радиоуглеродных лабораторий мира и является первой в системе Академии наук СССР. Сейчас ей исполнилось 50 лет, чему была посвящена юбилейная конференция, состоявшаяся в Санкт-Петербурге в апреле 2007 г.

Работы В. А. Алёшкина и Г. И. Зайцевой положили начало разработке будущей истории ИИМК РАН. В данном выпуске ЗИИМК публикуются их развернутые материалы, причем объем текстов и количество иллюстраций, которые могли представить авторы, заведомо не были ограничены. В дальнейшем мы предполагаем поместить материалы по истории других подразделений нашего Института. Это совсем не значит, что написанные сейчас и в будущем разделы по истории отдельных Отделов и Лабораторий будут механически объединены в одну книгу, это лишь предполагает, что начат сбор материалов к истории ИИМК.

В рамках подготовки к юбилею Императорской Археологической Комиссии (основана в 1859 г.) следует рассмотреть статью А. Е. Мусина, посвященную начальным этапам ее существования и сложным взаимоотношениям первых организаторов отечественной археологии. Остальные включенные в сборник статьи представляют результаты исследований, ведущихся в различных подразделениях Института.

Директор ИИМК РАН, член-корреспондент РАН

Е. Н. Носов

Васильева 2005 — *Васильева Р. В.* «Устали скитаться. Пора домой...» // АВ. 2005. № 12. С. 11—25.
Носов 2005 — *Носов Е. Н.* К 60-летию победы в Великой Отечественной войне // АВ. 2005. № 12. С. 9—10.

СЕКТОР/ОТДЕЛ АРХЕОЛОГИИ СРЕДНЕЙ/ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И КАВКАЗА ЛОИИМК АН СССР — ЛОИА АН СССР — ИИМК РАН И ЕГО ПРЕДШЕСТВЕННИКИ В ИАК — РАИМК — ГАИМК — ИИМК АН СССР (ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ИСТОРИИ)¹

В. А. АЛЁКШИН

Более полувека в Ленинградском отделении Института истории материальной культуры АН СССР (ЛОИИМК АН СССР) — Ленинградском отделении Института археологии АН СССР (ЛОИА АН СССР) — Институте истории материальной культуры РАН (ИИМК РАН), главном археологическом учреждении Ленинграда—Санкт-Петербурга, существует Отдел² (до 1986 г. Сектор), занимающийся исследованием древностей Центральной Азии (до 1997 г. Средней Азии), Кавказа и той части степной зоны России (до 1991 г. Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, далее — РСФСР), которая простирается от Причерноморья до Забайкалья. Это подразделение возникло не на пустом месте. Еще в конце XIX—начале XX в. усилиями ученых

¹ Я глубоко признателен Н. А. Беловой и Т. П. Ивановой, сотрудницам рукописного отдела Научного архива ИИМК РАН, за их четкую работу по выдаче из хранилища архивных дел, изучение которых и позволило мне написать эту работу. Я также благодарен за помощь в подборе архивных материалов О. П. Игнатьевой, заведующей АРЭМ, и Г. А. Марушлиной, сотруднице РА ГРМ.

² Невозможно писать историю одного из подразделений ИИМК РАН, не касаясь истории всего учреждения, которая в свою очередь зависела от событий, происходивших в стране. Именно поэтому в статье имеются экскурсы, вроде бы не связанные непосредственно с Отделом археологии Центральной Азии и Кавказа. Однако научные сообщества иногда находятся под столь сильным воздействием внешних факторов, что не говорить о них нельзя, тем более когда речь идет об истории России первой половины XX в. Необходимо также подчеркнуть, что в публикуемой работе, объем которой ограничен условиями издания, нет возможности осветить всю многогранную деятельность одного из ведущих подразделений Института. В связи с этим некоторые весьма существенные аспекты научной жизни отдела (координация археологических исследований в союзных республиках бывшего СССР и международные контакты) описаны далеко не в полной мере. Характеристика других сторон работы Отдела (участие его сотрудников в отечественных научных форумах, научно-педагогическая и административная деятельность) вообще опущена, так как должна стать предметом отдельного исследования.

Санкт-Петербурга—Петрограда, членов Императорской Археологической Комиссии (ИАК), было начато изучение древностей южнорусских и азиатских степей Российской империи, а также таких ее окраин, как Кавказ, Туркестанский край, Бухарское и Хивинское ханства. Затем научно-исследовательские организации, последовательно заменявшие ИАК в Петрограде—Ленинграде в 1918—1945 гг., внесли немалый вклад в исследование археологических памятников Средней Азии, Кавказа и степной зоны Советского Союза (СССР), государства, образовавшегося в 1922 г. на территории, которая охватывала большую часть бывшей Российской империи. Таким образом, события, предшествующие возникновению в 1951 г. Сектора археологии Средней Азии и Кавказа ЛОИИМК АН СССР, важны для понимания того, насколько традиционны некоторые научные направления, разрабатываемые в ИИМК РАН. Сохраняя и развивая их, коллектив Института во второй половине XX в. сумел стать одним из ведущих археологических центров страны, сделав ряд блестящих открытий, по праву вошедших в сокровищницу мировой археологии.

Археология Средней Азии, Кавказа, Сибири и южнорусских степей в ИАК

ИАК начала археологические изыскания в Туркестанском крае в 1880-х гг., после того как было завершено присоединение Средней Азии к Российской империи. Одним из первых в Туркестан был командирован профессор Н. Н. Веселовский (1846—1918), известный русский востоковед и археолог, который по поручению ИАК в 1884 г. произвел раскопки на городище домонгольского времени Афрасиаб возле Самарканда. В 1890 г. ИАК направила в Туркестан профессора В. А. Жуковского (1858—1918), исследовавшего здесь руины города Мерв (Выдающиеся ученые Санкт-Петербурга... 2003: 12, 15).

С 1887 г. Н. Н. Веселовский, уже будучи членом ИАК, развернул обширные по тем временам работы на юге России, вначале в Таврической губернии и в области Войска Донского, а затем в Кубанской области, где кроме рядовых курганов и поселений различных эпох он раскопал такие хорошо известные археологические памятники бронзового века, как Майкопский курган, содержащий богатое захоронение предположительно вождя, и каменные гробницы у станции Царская (ныне станция Новосвободная). В 1893 г. и с 1904 по 1917 г. молодой ученый из Санкт-Петербурга Н. Я. Марр (1863—1934) вел по поручению ИАК археологические исследования средневекового армянского города Ани в Карской области, ныне территория Восточной Турции (Выдающиеся ученые Санкт-Петербурга... 2003: 12, 18).

По-иному развивалось исследование древностей Сибири, которая находилась слишком далеко от научных и культурных центров Европейской части России. Несмотря на открытие Томского университета в 1878 г., в Сибири ощущался недостаток образованных людей. Многие из них ехали туда отнюдь не добровольно: либо к месту службы, либо в ссылку. Оказавшись в новых для себя условиях, некоторые чиновники, офицеры, учителя и политические эмигранты проявили неподдельный интерес к археологическим находкам и стремились изучать их на профессиональном уровне. ИАК, организационные возможности которой были не безграничны, не могла направлять своих специа-

листов в столь отдаленную область империи. Поэтому Комиссия вступила в контакты с краеведами на местах, отчасти корректируя их работу и выдавая им разрешение на раскопки. Таким образом, ИАК была в курсе всех наиболее известных археологических открытий в Сибири. В качестве примера плодотворного сотрудничества столичных археологов с местным краеведом можно указать на контакты Комиссии с преподавателем Барнаульского окружного училища, впоследствии академиком, В. В. Радловым (1837—1918). В 1863 г., когда он по поручению правительства и на средства Горного управления отправился на Восточный Алтай изучать быт нерусского населения, ИАК выделила ему деньги на археологическое исследование Минусинских степей, где он раскопал в том же году более 100 археологических объектов, включая курганы эпохи бронзы и железного века (Вадецкая 1973: 108—110).

При других обстоятельствах пробудился интерес к археологии у Д. А. Клеменца (1848—1914). Сосланный в 1881 г. за противоправительственную деятельность в Сибирь, он провел почти 15 лет в Минусинске, Томске и Иркутске. Уже в 1883 г. Д. А. Клеменц начал обследовать археологические памятники в верховьях рек Томь и Абакан, а в 1886 г. выпустил книгу «Древности Минусинского музея». После этого он попал в поле зрения ИАК и стал ее членом-корреспондентом. С 1888 г. Д. А. Клеменц получал от Комиссии открытые листы на право раскопок и средства на их проведение. Им исследованы курганы под Минусинском и Ачинском. Кроме того, Д. А. Клеменц описал пещеры, средневековые крепости и наскальные изображения (Вадецкая 1981: 31, 33, 35).

Другой краевед, сибиряк А. В. Адрианов (1854—1920), раскапывая в 1883 г. курган в снисейской степи, впервые обнаружил раскрашенные глиняные погребальные маски, относящиеся, как теперь известно, к таштыкской культуре. Узнав об этих находках, ИАК сразу же затребовала их в Санкт-Петербург. Позже о погребальных масках появились специальные исследования. Впоследствии А. В. Адрианов находил погребальные маски и при раскопках других курганов на юге Сибири (Вадецкая 1981: 39—42).

Так трудами членов Комиссии, а также командированных по ее заданию специалистов или краеведами, поддерживающими с ней тесные связи, было положено начало изучению древностей Средней Азии, Кавказа и евразийских степей (Причерноморье и Сибирь) в Санкт-Петербурге.

Археология Средней Азии, Кавказа, Сибири и южнорусских степей в РАИМК

После падения в России монархии, которое произошло 2 марта 1917 г., Археологическая Комиссия в Петрограде перестала именоваться Императорской. Началась работа по ее перестройке. 24 сентября 1918 г. на общем собрании Комиссии было решено создать проект Устава Российской Государственной Археологической Комиссии (РГАК). Работа над ним была закончена в начале октября (Пескарева 1980: 26, 27). 17 октября 1918 г. проект утвердили в Народном Комиссариате по просвещению, одном из правительственных ведомств РСФСР (Пескарева 1980: 27; РА, ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 1, л. 39 об.). Позднее РГАК была преобразована в Российскую Академию истории материальной культуры (РАИМК). Декрет о создании РАИМК был утвержден на

заседании Малого Совета Совнаркома 18 апреля 1919 г. (РА, ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 1, л. 76, 102). Документ был подписан председателем Совета Народных Комиссаров Н. Лениным,³ управляющим делами Совнаркома В. Бонч-Бруевичем и секретарем М. Фотиевой. РАИМК находилась в ведении научного отдела Народного Комиссариата по просвещению (РА, ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 1, л. 102).

15 июля 1919 г. коллегия Народного Комиссариата по просвещению отвела под РАИМК часть здания Мраморного дворца,⁴ расположенного на Дворцовой набережной неподалеку от Троицкого моста (РА, ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 2, л. 1). Но уже 24 июля того же года Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного Комиссариата по просвещению информирует руководство вновь созданной Академии о том, что «весь Мраморный дворец с отдельными его корпусами передается в распоряжение Академии с тем, чтобы в нем были размещены Академия и все ее вспомогательные учреждения, а также Археологический музей» (РА, ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 2, л. 3).

9 августа 1919 г. председатель Археологической Комиссии Н. Я. Марр в письме на имя уполномоченного комиссара Народного Комиссариата по просвещению З. Г. Гринберга⁵ сообщил о том, что «во исполнении декрета Совета Народных Комиссаров о преобразовании Российской Государственной Археологической Комиссии в Академию истории материальной культуры 5 августа 1919 г. было созвано избирательное собрание для выбора членов Академии. Избирательное собрание закончило работу 7 августа, и с этого числа Академия истории материальной культуры должна считаться окончательно сконструированной и фактически начавшей свою деятельность, Российская же Государственная Археологическая Комиссия с того же числа прекратила свои работы, перейдя в состояние ликвидации». В Академию было избрано 28 человек, включая 13 членов бывшей Археологической Комиссии. Председателем Академии избран Н. Я. Марр (РА, ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 1, л. 63).

Структурно новая Академия состояла из трех отделений: этнологического, археологического и истории искусств. Каждое отделение включало несколько разрядов.⁶ Например, в составе этнологического отделения были сформированы разряды древностей Кавказа и прилегающих стран, древностей Юго-Восточной России и Средней Азии, древностей Северо-Восточной России и Сибири⁷ (РА, ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 1, л. 97, 108). В составе археологического отделения наряду с прочими были созданы разряды археологии Древнего Востока (руководитель Б. А. Тураев), археологии Кавказа и яфетического мира (руководитель Н. Я. Марр),⁸ археологии Ирана, археологии Индии и Дальнего

³ Именно так воспроизведены инициалы главы правительства на отпечатанном в типографии экземпляре декрета, хранящемся в НА ИИМК РАН (РА, ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 47, л. 1).

⁴ Последним владельцем дворца в дореволюционное время был великий князь Константин Константинович Романов, президент Академии наук и известный поэт.

⁵ Инициалы Гринберга в письме не указаны.

⁶ Число разрядов в Отделениях постоянно менялось. В начале было создано 32 разряда, но уже в 1923 г. их число сократилось до 17 (РА, ф. 2, оп. 1, 1923 г., д. 4, л. 36).

⁷ Первоначально последний разряд именовался разрядом Северо-Восточной России и Прибалтики, однако позже один географический регион (Прибалтика) был вычеркнут и заменен другим (Сибирь).

⁸ Позднее, в 1921 г., разряд археологии Древнего Востока и разряд археологии Кавказа и яфетического мира были объединены в одно подразделение под руководством Н. Я. Марра (РА, ф. 2,

Востока (руководитель С. Ф. Ольденбург), археологии Средней Азии (руководитель В. В. Бартольд), буддийской археологии (руководитель С. Ф. Ольденбург) и мусульманской археологии (руководитель В. В. Бартольд)⁹ (РА, ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 10, л. 80, 81; 1920 г., д. 3, л. 108, 109). Позднее появились разряд археологии Армении и Грузии (РА, ф. 2, оп. 1, 1920 г., д. 13, л. 104, 104 об.; д. 20, л. 9, 13, 14). Таким образом, проблематика, которой ныне занимается Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН, оказалась разделенной по двум отделениям и 11 разрядам.

Создание РАИМК протекало на фоне ожесточенной гражданской войны, ставшей следствием насильственного захвата власти в России партией большевиков в октябре 1917 г. Последовавшее затем вооруженное противостояние белых и красных армий сопровождалось иностранной интервенцией, распадом страны и утратой части ее территории, разрывом хозяйственных связей между различными экономическими районами государства, нехваткой продовольствия, топлива и медикаментов, распространением инфекционных заболеваний, параличом деятельности централизованных структур власти, культурных и научных организаций.

В связи с этой катастрофической обстановкой сотрудники только что созданной Академии были лишены возможности заниматься раскопками археологических памятников и ездить в заграничные командировки. Коллектив РАИМК, вынужденный ограничиться лишь изучением древностей, находящихся, как тогда говорилось, в пределах досягаемости, сосредоточился на исследовании «доступных, главным образом в Петрограде и Москве, источников, а именно: на описании музейных и других коллекций, изучении литературы, эстампажей надписей, разработки материалов, добытых экспедициями прошедших лет», а также приступил к «подготовке к печати тех или иных, возможных по условиям времени, работ» (РА, ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 10, л. 82, 83; д. 12, л. 4). В некоторых разрядах «в интересах сбережения времени» заседания не проводились, а «план работ был намечен в беседах заведующего и сотрудников» (РА, ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 20, л. 4). Тем не менее уже в 1919–1920 гг. намечались планы будущих археологических исследований РАИМК.

Так, В. В. Бартольд, руководитель разряда археологии Средней Азии, планировал раскопки в Мерве, «единственной местности в Средней Азии, от которой собраны и подробно разработаны исторические сведения», и на городище Афрасиаб, вблизи Самарканда, а также в округе Хивы, где сохранились древние архитектурные памятники и были известны находки «каменных баб»

оп. 1, 1921 г., д. 4, л. 90). В 1922 г. оба разряда вновь обрели самостоятельность, причем первый из них после восстановления стал называться разрядом археологии и искусства Древнего Востока (РА, ф. 2, оп. 1, 1922 г., д. 1, л. 6 об.; д. 10, л. 22, 24). В 1926 г. разряд археологии Кавказа и яфетического мира переведен в этнологическое отделение (РА, ф. 2, оп. 1, 1926 г., д. 17, л. 8).

⁹ Первоначальный проект структуры РАИМК предусматривал создание разряда археологии Индии, Средней Азии и Дальнего Востока, а также разряда археологии средневекового Востока (РА, ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 1, л. 97, 108). Однако в процессе создания РАИМК разряд археологии Средней Азии был выделен в самостоятельное подразделение, а разряд археологии средневекового Востока был заменен разрядом мусульманской археологии (РА, ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 1, л. 153; д. 10, л. 80, 81). Разряд археологии Ирана хотя и был включен в структуру РАИМК, но фактически не был организован (РА, ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 10, л. 81).

(РА, ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 21, л. 6, 7; 1920 г., д. 3, л. 105). В 1920 г. в РАИМК была создана Комиссия¹⁰ по изучению юга России, ставившая своей целью воссоздание истории культуры от палеолита до образования Древней Руси в обширном регионе от Черноморского побережья и предгорий Кавказа до среднего течения Припяти и от западной границы бывшей Российской империи до области Войска Донского. В состав комиссии были включены сотрудники разрядов археологии Древнего Востока, а также Кавказа и яфетического мира (РА, ф. 2, оп. 1, 1920 г., д. 1, л. 82). Эти же научные коллективы должны были составить постоянную Комиссию по исследованию классического Востока, которая намеревалась провести «изучение и совместное издание культурно-исторических материалов, находящихся в русских музеях и собраниях», а также при улучшении внешних условий организовать археологические изыскания «в пределах стран изучаемых культур» (РА, ф. 2, оп. 1, 1920 г., д. 2, л. 19). Разряд буддийской археологии планировал провести «разведочную командировку» в Среднюю Азию «ввиду несомненных указаний на существование буддийских древностей в недрах земли русского Туркестана» (РА, ф. 2, оп. 1, 1920 г., д. 3, л. 103 об.).

В период становления Академия испытывала острую нехватку кадров. В. В. Бартольд, возглавлявший разряды археологии Средней Азии и мусульманской археологии, пишет о том, что оба подразделения вряд ли могут считаться «организованными ввиду отсутствия постоянной текущей работы и постоянного состава сотрудников» (РА, ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 21, л. 6; 1920 г., д. 20, л. 1). Ему вторит В. К. Шилейко, ставший после смерти Б. А. Тураева руководителем разряда археологии Древнего Востока: «В связи с невозможностью найти научных сотрудников хотя бы с поверхностным знанием важнейших языков переднеазиатского культурного мира, разряд принужден ограничить свой личный состав» (РА, ф. 2, оп. 1, 1920 г., д. 18, л. 1). Об этом же тревожится и Н. Я. Марр, руководивший разрядом археологии Кавказа и яфетического мира, сетуя на то, что его подразделение не располагает ни достаточным количеством работников, ни специалистами в области этнической и культурной истории Кавказа (РА, ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 10, л. 97; 1920 г., д. 19, л. 9).

В 1920 г. общее положение дел в науке настолько ухудшилось, что 7 декабря руководство РАИМК было вынуждено направить письмо в Совет Народных Комиссаров. В нем содержалась просьба обеспечить здание Академии теплом и светом, сделать более легким приобретение книг, инструментов и материалов, разрешить оплату за наличный расчет работ, выполненных для учреждений, и оплату реальных расходов по командировкам, улучшить материальное положение всех служащих научных учреждений путем введения пайка и повышения ставок, демобилизовать научных сотрудников, призванных на военную службу, разрешить вернуться на родину эмигрировавшим ученым, дать возможность публиковать научные труды, организовать доставку книг из-за границы, установить систематические командировки ученых за границу, приглашать иностранных ученых в Россию (РА, ф. 2, оп. 1, 1920 г., д. 9, л. 190,

¹⁰ Работы, требующие участия в них специалистов различных областей знания, велись в комиссиях РАИМК, число которых также часто менялось. В 1921 г. функционировали 21 комиссия, а к 1923 г. осталось только 5 (РА, ф. 2, оп. 1, 1923 г., д. 4, л. 36 об.).

191).¹¹ В обращении к властям было также подчеркнуто, что «гибель „чистой“ науки неизбежно повлечет захирение техники и медицины и других отраслей науки, дающих немедленно видимые полезные результаты. Чтобы избавиться от имеющего последовать за этим периода умственного рабства у иностранцев, необходимо спешно прийти на помощь русской науке в трудную минуту ее жизни» (РА, ф. 2, оп. 1, 1920 г., д. 4, л. 111).

В этом документе, адресованном советскому правительству, были недвусмысленно сформулированы два важнейших политических требования, выполнение которых позволило бы российскому научному сообществу восстановить свои позиции, ослабленные революцией и гражданской войной. Речь шла о гарантиях того, что русская наука будет развиваться как неотъемлемая часть мировой науки, и о свободе обмена научной информацией, если она не содержит государственной тайны.

По мнению коллектива РАИМК, выполнение выдвинутых им условий позволило бы ученым успешнее выполнять свои задачи, которые они видели следующим образом: «На Академии истории материальной культуры лежит установить общий план работ русских ученых по археологии естественно прежде всего России и связанных с ней зарубежных древностей в трех подходах: этнологическом, историко-художественном и общем историко-культурном археологическом» (РА, ф. 2, оп. 1, 1920 г., д. 19, л. 9, 9 об.). В другом документе указано, что Академия должна стремиться к выполнению двух основных задач: во-первых, организовывать научную работу «по соответствующим специальностям, независимо от территориальной или иной близости подлежащего изучению материала», во-вторых, исследовать «памятники, сосредоточенные в том или ином культурно и исторически обособленном регионе российской территории» (РА, ф. 2, оп. 1, 1920 г., д. 9, л. 184). Основатели Академии прекрасно понимали, что изучение древностей не может ограничиваться исключительно территорией России, оно должно охватывать и прилегающие к ней страны.

Народный Комиссариат по просвещению финансировал Академию с первых же дней ее существования. В 1919 г. на нужды Академии было ассигновано 2 000 000 руб., в марте 1920 г. — 10 000 000 руб. (РА, ф. 2, оп. 1, 1920 г., д. 5, л. 5, 30 об.). Следует, однако, иметь в виду, что в РСФСР бушевала инфляция и деньги были обесценены. Командировка в отдаленные районы государства даже одного человека оборачивалась непомерными расходами. Например, поездка в 1920 г. В. В. Бартольда в Туркестан (Ташкент—Самарканд—Бухара) обошлась Академии в 250 000 руб. (РА, ф. 2, оп. 1, 1920 г., д. 5, л. 52; 1922 г., д. 11, л. 11). Поэтому государственное финансирование РАИМК нельзя признать удовлетворительным. Деньги поступали в Академию нерегулярно, с большими задержками. В сохранившихся документах содержится жалоба на то, что РАИМК «находится в крайне трудном положении из-за задержки в выдаче денежных знаков. Имея кредиты на текущий год, хотя и в незначительных суммах, но все же достаточных для удовлетворения насущных потребностей, Академия не в состоянии воспользоваться этим кредитом за отсутствием зна-

¹¹ Копия этого документа, также хранящаяся в НА ИИМК РАН (РА, ф. 2, оп. 1, 1920 г., д. 4, л. 110), не имеет даты.

ков в Горфинотделе. <...> Заработная плата членам и сотрудникам Академии задерживается уплатою <...> а причитающиеся им разницы вовсе не уплачены. Положение служащих, и без того получающих незначительные оклады, бедственно. Надо удивляться подвижничеству их, так как даже при столь отчаянных условиях существования они до сих пор остаются на своих местах и ревностно выполняют указанные им задания, очевидно, только из сознания важности дела, возложенного на Академию» (РА, ф. 2, оп. 1, 1921 г., д. 1, л. 41, 41 об., 42).

И все же, несмотря на бедственное финансовое положение РАИМК, ее сотрудники планировали в самое ближайшее время возобновить археологические изыскания в стране. Так, в 1920 г. В. В. Бартольд, совершив поездку в Туркестан (РА, ф. 2, оп. 1, 1920 г., д. 3, л. 104 об., 105), пишет во вновь созданную Туркестанскую комиссию¹² о том, что экспедиция в Среднюю Азию возможна при условии открытия сообщения с Туркестаном. Результатом его командировки стало образование в Ташкенте Туркестанского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Туркомстарис, с 1927 г. — Средазкомстарис), в состав которого вошел представитель Академии А. А. Семенов (РА, ф. 2, оп. 1, 1922 г., д. 11, л. 12). В июне 1921 г. экспедиция РАИМК во главе с архитектором А. П. Удаленковым действительно отправилась в Самарканд и Шахрисабз на средства Академии (РА, ф. 2, оп. 1, 1921 г., д. 43, л. 1; 1922 г., д. 1, л. 16), причем весь материал, «явившийся результатом работ экспедиции, был признан собственностью Академии. Экспедиция обмеряла в Самарканде медресе Улугбека и мавзолей Шах-и-зинда с производством чертежей, планов и рисунков» (РА, ф. 2, оп. 1, 1922 г., д. 11, л. 12). Археологические раскопки не были предусмотрены планом работ.

В 1922 г. заведующий разрядом палеоэтнологии А. А. Миллер разработал план экспедиции на Северный Кавказ, предусматривающий изучение чеченских и ингушских башен, а также северокавказских каменных статуй, включая статуи скифо-сарматской эпохи (РА, ф. 2, оп. 1, 1922 г., д. 1, л. 4, 4 об.; д. 9, л. 12, 12 об., 14, 20). Руководство РАИМК попыталось изыскать средства на проведение этих работ. Однако после того как вашингтонский музей известил Академию о том, что «настоящий момент неблагоприятен для постановки вопроса о совместных исследованиях», Совет РАИМК 2 октября принял решение о «перенесении мер к осуществлению экспедиции на 1923 г.» (РА, ф. 2, оп. 1, 1923 г., д. 73, л. 1, 4, 10—12).

Весной 1923 г. Госплан РСФСР выделил крайне скромные средства для финансирования Северокавказской этнолого-археологической экспедиции, и 8 июля ее руководитель А. А. Миллер выехал из Петрограда к месту работ, которые развернулись в Донской, Кубанской и Терской областях (РА, ф. 2, оп. 1, 1923 г., д. 1, л. 5 об.; д. 1/1, л. 1, 5 об., 6; д. 6, л. 42; д. 15, л. 10; д. 74, л. 6, 13, 84). С этого времени начинаются многолетние полевые работы экспедиции, которая становится единственным научным коллективом РАИМК, изучаю-

¹² 8 января 1921 г. В. В. Бартольд был избран председателем этой комиссии (РА, ф. 2, оп. 1, 1921 г., д. 4, л. 23 об., 24), в которой вскоре сосредоточилась работа разрядов археологии Средней Азии и мусульманской археологии. Основной задачей комиссии стала организация экспедиции в Туркестан совместно с Главным управлением музеев. Экспедиции была поставлена задача изучать памятники мусульманской архитектуры в Самарканде и Бухаре (РА, ф. 2, оп. 1, 1921 г., д. 21, л. 3).

щим памятники эпохи бронзы и железного века на юге РСФСР. Отчет об исследованиях 1923 г. был заслушан 20 ноября на заседании разряда археологии Кавказа и яфетического мира. А. А. Миллер рассказал о посещении музеев в Краснодаре, Новочеркасске, Ростове-на-Дону, Таганроге и Владикавказе, о поездке по Дигории (Северная Осетия), об осмотре осетинских могильных сооружений. В ходе работ экспедиции был также обнаружен могильник кобанского типа. Однако раскопок нигде не проводили, так как работы имели характер предварительных разведок (РА, ф. 2, оп. 1, 1923 г., д. 15, л. 34; 1924 г., д. 101, л. 4, 4 об., 5).

В 1924 и 1925 гг. исследования экспедиции были продолжены. Стационарные работы развернулись на Кобяковском городище, расположенном на Дону возле станицы Аксайской. В Адыгее, Балкарии и по среднему течению р. Кубань проводились разведки (РА, ф. 2, оп. 1, 1924 г., д. 1, л. 200, 282; 1924 г., д. 101, л. 11, 13, 15; 1925 г., д. 1, л. 177, 237, 237 об.; д. 111, л. 94).

В августе 1923 г. в Армению и «пограничную с ней полосу Турции» был командирован сотрудник Академии Н. М. Токаровский. Цель его поездки заключалась в исследовании памятников армянского зодчества и сборе эпиграфических материалов (РА, ф. 2, оп. 1, 1924 г., д. 1, л. 2, 3).

С 1920 г. начинает археологические исследования на юге Сибири сотрудник Академии С. А. Теплоухов (РА, ф. 2, оп. 1, 1922 г., д. 75, л. 1; 1923 г., д. 81, л. 1). К этому времени гражданская война была здесь в основном завершена. Армия Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака прекратила вооруженную борьбу. Однако ее разрозненные группы, не пожелавшие сложить оружие, еще оказывали вооруженное сопротивление советской власти. В такой ситуации появление в отдаленных районах Сибири людей, незнакомых местным властям, могло вызвать у них подозрение и привести к аресту сотрудников экспедиции. Именно поэтому в мае 1921 г. РАИМК дает телеграмму в Сибирский Ревком (г. Омск), в которой содержится просьба не препятствовать проведению раскопок С. А. Теплоухову в Минусинском крае (РА, ф. 2, оп. 1, 1921 г., д. 90, л. 1, 2; д. 93, л. 3, 4).¹³ Любопытно, что этот документ представляет собой бланк Академии, на грифе которого значится «РСФСР. Народный Комиссариат просвещения. Российская Академия истории материальной культуры. Петербург». Мраморный дворец». Такая же телеграмма отправлена в адрес Сибирского ревкома (г. Ново-Николаевск, ныне Новосибирск) и в 1922 г., причем в ней РАИМК просит Экономический совет Сибирского ревкома обеспечить С. А. Теплоухова и его сотрудников продовольствием (РА, ф. 2, оп. 1, 1922 г., д. 75, л. 3, 4).

В 1923—1925 гг. Академия опять выдает С. А. Теплоухову разрешение на проведение археологических раскопок в Минусинском крае (РА, ф. 2, оп. 1, 1923 г., д. 81, л. 1, 3, 4; 1924 г., д. 1, л. 136; 1925 г., д. 138, л. 1). В 1923 и 1924 гг.

¹³ В этой же телеграмме содержится просьба оказать содействие раскопкам С. И. Руденко в Западной Сибири, который с 1921 г. являлся старшим научным сотрудником ГАИМК (РА, ф. 35, оп. 5, д. 262, л. 97 об.).

¹⁴ К этому времени Санкт-Петербург уже в течение 6 лет и 9 месяцев назывался Петроградом. Переименование произошло 18 (31) августа 1914 г. Однако новое название города так и не появилось на бланках РАИМК. С лета 1924 г. на официальных документах Академии прежнее имя города перекрыто штампом с названием «Ленинград».

в состав его экспедиции был включен молодой сотрудник М. П. Грязнов, регистратор созданного при РАИМК Института археологической технологии. Задачей М. П. Грязнова являлось извлечение и определение добытого в ходе раскопочных работ остеологического материала (РА, ф. 2, оп. 1, 1923 г., д. 81, л. 5; 1924 г., д. 1, л. 135, 137). Благодаря раскопкам С. А. Теплоухова в Минусинском крае впервые была установлена периодизация культур эпохи неолита, бронзового и железного веков на юге Сибири (РА, ф. 2, оп. 1, 1925 г., д. 1, л. 233).

В 1925 г. М. П. Грязнов проводит уже самостоятельные разведочные работы в верховьях р. Оби и близ г. Семипалатинска, хотя и под наблюдением С. И. Руденко (РА, ф. 2, оп. 1, 1925 г., д. 127, л. 1; д. 138, л. 1; оп. 3, д. 167, л. 8 об.). Последний, возглавляя Алтайскую экспедицию в 1924 и 1925 гг., провел по поручению Русского музея раскопки курганов железного века в Восточном Алтае (РА, ф. 2, оп. 1, 1924 г., д. 126, л. 2; 1925 г., д. 138, л. 1), открыв при этом в полевом сезоне 1924 г. знаменитые Пазырыкские курганы, содержавшие, как выяснилось впоследствии, захоронения знати эпохи ранних кочевников (РА, ф. 35, оп. 5, д. 262, л. 97).

В сентябре 1923 г. при разряде греко-римского искусства была создана Комиссия по изучению искусства и археологии эгейского периода в бассейне Средиземного моря и в прилегающих странах (Эгейская комиссия). Ее возглавили В. В. Фармаковский и Б. Л. Богаевский. Главной задачей Комиссии стало изучение трипольских древностей, имеющих, по мнению исследователей того времени, аналогии на Кавказе, в Туркестане, Иране и в дунайских культурах, а также на Крите и в Микснах. К работе Комиссии были привлечены Б. А. Латынин, А. И. Запольская и Т. С. Пассек, которые не были тогда сотрудниками РАИМК. Благодаря их энергии трипольские артефакты, хранящиеся в музеях и собраниях Петрограда, были описаны и зарисованы (РА, ф. 2, оп. 1, 1924 г., д. 63, л. 10—11). Осенью 1924 г. Б. Л. Богаевский ездил на Украину (Черниговская губ.), где совместно с сотрудниками одного из уездных музеев руководил разведками трипольских памятников (РА, ф. 2, оп. 1, 1925 г., д. 1, л. 36; д. 64, л. 21). В дальнейшем Эгейская комиссия планировала опубликовать трипольские находки, хранящиеся в собраниях Петрограда, и тем самым дать новый толчок раскопкам трипольских поселений, но, к сожалению, эти планы не были реализованы, а сама Комиссия вскоре прекратила существование.

Итак, уже в первой половине 1920-х гг. сотрудники РАИМК продолжили исследование древностей Средней Азии, Кавказа, Причерноморья и Сибири. Следует подчеркнуть, что формирование Академии как научного коллектива протекало в ходе грандиозного общественного катаклизма, потрясшего Россию в конце 10-х гг. прошлого века. Это не могло не сказаться на кадровом составе учреждения. В стенах РАИМК бок о бок работали как маститые петроградские ученые, обязанные своей карьерой прежнему режиму и зачастую далекие от чисто археологической проблематики, так и молодые специалисты, приехавшие из провинции и вступившие на археологическое поприще после окончания гражданской войны, которая утвердила в стране новый политический строй. Хотя сотрудники Академии и различались по социальному происхождению, однако образование, полученное ими в императорской России, и преданность избранной профессии объективно сближали исследователей разных поколений. Именно поэтому к середине 1920-х гг. РАИМК стала

уникальным гуманитарным учреждением, объединявшим археологов, искусствоведов, востоковедов, а также специалистов в области эпиграфики, античной культуры и древнерусской истории. Коллектив Академии отличался высоким профессионализмом и ориентацией на решение исключительно научных проблем. Члены РАИМК были весьма далеки от идеологических войн, которые вели между собой соперничавшие за власть в стране группировки партийной номенклатуры в ВКП(б). Однако относительная независимость Академии¹⁵ от влияния на нее коммунистической идеологии, как, впрочем, и на другие научные учреждения, могла существовать лишь до тех пор, пока в правящей партии не восторжествовало единоначалие, олицетворением которого стал лидер победившей группы И. В. Сталин.

С момента своего основания Академия не имела возможности готовить в своих стенах молодых специалистов, которые со временем могли бы влиться в ее научный коллектив. Лишь в 1925 г. при РАИМК была открыта аспирантура. В декабре этого года 24 претендента на аспирантские места предстали перед академической конкурсной комиссией, которая должна была оценить выполнение соискателями письменной работы на тему «Памятники материальной культуры как источник познания истории человечества». Испытание выдержали девять человек, причем лишь у троих из них научные интересы соответствовали тематике будущего Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа. Речь идет о А. А. Иссене (1), А. Ю. Якубовском (6) и М. И. Артамонове (8)¹⁶ (РА, ф. 2, оп. 1, 1925 г., д. 56, л. 81, 108–110, 123). Именно этому молодому поколению археологов предстояло осваивать марксизм и использовать его доктрину в научной работе.¹⁷

¹⁵ Предвестником грядущего жесткого идеологического пресса можно считать циркуляр, разработанный руководством Главнауки 3 марта 1924 г. в адрес научных, художественных и музейных учреждений и библиотек страны. Со дня смерти первого главы государства В. И. Ленина произошло немногим более месяца, а партийные функционеры уже требовали от вышестоящих учреждений «предохранить материалы и воспоминания, характеризующие связь этих учреждений с Владимиром Ильичом, имевшую место путем встреч и личных с ним сношений, а также устанавливающие идейную связь научно-практической работы учреждения с научным и государственным творчеством Ленина и указать, в какой форме могло бы Ваше учреждение отразить в процессе своей работы личность и идеи В. И. Ленина» (РА, ф. 2, оп. 1, 1924 г., д. 1, л. 42). Руководитель Академии Н. Я. Марр был вынужден считаться с новыми политическими реалиями. В его докладе, направленном в 1924 г. на имя заведующего Главнауки Ф. Н. Петрова, имеется тезис, не получивший, впрочем, тогда развернутого обоснования, о том, что в РАИМК не хватает «специалистов с научным подходом к современному пониманию социальной деловой жизни, не только историков искусства, но и археологов с марксистским мировоззрением» (РА, ф. 2, оп. 1, 1924 г., д. 1, л. 15).

¹⁶ В скобках указано место, которое аспирант занял по итогам испытания (РА, ф. 2, оп. 1, 1925 г., д. 56, л. 116 об.). А. Ю. Якубовский вскоре оставил аспирантуру и стал сотрудником разряда археологии Средней Азии.

¹⁷ 23 апреля 1926 г. на заседании Президиума Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук было признано необходимым организовать при Академии не только Учебный отдел, но и занятия с аспирантами по марксистской методологии (РА, ф. 2, оп. 1, 1926 г., д. 1, л. 104). В начале декабря 1926 г. аспиранты ГАИМК были оповещены о том, что 22 декабря они будут держать испытание по марксистской методологии перед Комиссией Государственного Ученого совета. Экзамен состоялся в помещении уполномоченного Наркомпроса, кабинет которого также находился в Мраморном дворце (РА, ф. 2, оп. 1, 1926 г., д. 67, л. 85, 90, 92). В дальнейшем при Академии был организован семинар по изучению марк-

К завершению трехлетнего цикла обучения первых аспирантов выяснилось, что они «находятся в бедственном положении по невозможности опубликовать свои работы». Чтобы исправить эту ситуацию, решили издать сборник аспирантских статей. На его публикацию требовалось не менее 800 руб. Часть этой суммы (200 руб.) собрали авторы статей. ГАИМК предоставила дотацию в 250 руб. С просьбой выделить недостающие 380 руб. аспирантское бюро Академии обратилось к Уполномоченному Наркомпроса в Ленинграде (РА, ф. 2, оп. 1, 1928 г., д. 65, л. 32). В конечном счете в июне 1929 г. Академии пришлось выделять дополнительно 150 руб., чтобы покрыть расходы на издание сборника при условии, что 500 его экземпляров будет передано в распоряжение ГАИМК (РА, ф. 2, оп. 1, 1929 г., д. 1, л. 16; д. 6, л. 45 об.).

Археология Средней Азии, Кавказа, Сибири и южнорусских степей в ГАИМК/ИИМК АН СССР

В начале 1926 г., спустя три года после образования СССР, РАИМК была переименована в Государственную Академию материальной культуры (ГАИМК). В соответствии с новым уставом Академии, который был утвержден Государственным Ученым советом 12 января того же года, в ГАИМК было создано четвертое, научно-организационное отделение, занимающееся разработкой методологических вопросов, теоретической разработкой планов и согласованием работы Академии и музеев (РА, ф. 2, оп. 1, 1926 г., д. 1, л. 227; д. 3, л. 12).

Во второй половине 1920-х гг. С. А. Теплоухов продолжил раскопки погребений бронзового века в Минусинской котловине (РА, ф. 2, оп. 1, 1926 г., д. 122, л. 7–9; 1927 г., д. 125, л. 3, 4; 1929 г., д. 136, л. 4; д. 137, л. 2; д. 140, л. 2), а С. И. Руденко — исследования курганов железного века на Алтае (РА, ф. 2, оп. 1, 1927 г., д. 128, л. 1, 2; д. 148, л. 3). В полевом сезоне 1929 г. Алтайская экспедиция, которой руководил С. И. Руденко, раскопала 1-й Назырыкский курган. В нем было обнаружено захоронение вождя (РА, ф. 35, оп. 5, д. 262, л. 97). В раскопках кургана принимал участие М. П. Грязнов.

Новые археологические памятники были исследованы С. А. Теплоуховым в Туве (1926, 1927 и 1929 гг.), которая в предвоенный период являлась зарубежным государством (РА, ф. 2, оп. 1, 1926 г., д. 231, л. 5; 1927 г., д. 228; 1929 г., д. 262), а С. И. Руденко в 1927 г. — в Казахстане (РА, ф. 2, оп. 1, 1927 г., д. 128, л. 1, 2, д. 148, л. 3) и в 1929 г. — в Челябинской области (РА, ф. 2, оп. 1, 1929 г., д. 140, л. 2).

В 1928 и 1929 гг. сотрудник ГАИМК Г. П. Сосновский руководил Енисейской экспедицией, которая раскапывала андроновские, карасукские, тагарские, таштыкские и кыргызские погребения. Он изучал также древности Забайкалья, исследуя такие памятники сюнгу, как Иволгинское городище и Дыргестуйский могильник. Внимание Г. П. Сосновского привлекли прежде всего

етской методологии, которым руководил профессор И. С. Плотников. Кроме того, аспиранты ГАИМК посещали аналогичный семинар при Институте марксистской методологии. В 1929 г. руководство занятиями аспирантов по методологии марксизма перешло к заместителю председателя Академии Ф. В. Кипарисову (РА, ф. 2, оп. 1, 1929 г., д. 1, л. 121, 121 об.; д. 6, л. 68 об.).

вопросы культурных контактов древнего населения южной Сибири (Матищенко 1992: 121).

В 1926—1928 гг. участники Северокавказской экспедиции, наряду с раскопками Кобякова городища, обследовали и другие памятники, расположенные по берегам Дона, а также под Таганрогом, в Адыгее, Осетии и Кабардино-Балкарии (РА, ф. 2, оп. 1, 1926 г., д. 1, л. 230 об., 235; д. 15, л. 34; д. 94, л. 2; д. 95, л. 23 об., 24; 1927 г., д. 102, л. 2; 1928 г., д. 91, л. 6; д. 95, л. 73; д. 151, л. 25—28; 1929 г., д. 133, л. 4, 5 об.). С 1926 г. сотрудниками этого научного коллектива становятся аспиранты М. И. Артамонов и А. А. Иессен, а в 1928 г. студенты-археологи Ленинградского государственного университета (ЛГУ) Е. Ю. Кричевский, А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгасцкий были прикомандированы к экспедиции для прохождения полевой практики (РА, ф. 2, оп. 1, 1928 г., д. 95, л. 74; 1929 г., д. 1, л. 122).

В 1929 г. работы Северокавказской экспедиции были сосредоточены под Нальчиком и Пятигорском, где ее сотрудники раскапывали курганы эпохи бронзы и обследовали средневековые поселения и городища. В раскопках приняли участие А. А. Иессен и вышеперечисленные студенты. В районе Таганрога в 1929 г. были проведены разведки и спасательные раскопки древних городищ и могильников (РА, ф. 2, оп. 1, 1929 г., д. 108, л. 209, 209 об., 211, 218—225; д. 133, л. 12, 15; 1930 г., д. 115, л. 98, 99, 101, 102).

В 1928 г. была создана одна из первых в стране новоэпохных экспедиций во главе с А. А. Миллером. Ее задача заключалась в организации вначале археологических разведок, а затем и раскопок на трассе строительства Волго-Донского канала. Костяк экспедиции составили ученики А. А. Миллера. Одни из них были уже опытными специалистами (М. И. Артамонов, А. А. Иессен), другие же только вступали на поприще археологии (Г. В. Григорьев, Е. Ю. Кричевский, А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгасцкий). В 1929 г. разведки на трассе канала были продолжены (РА, ф. 2, оп. 1, 1929 г., д. 111, л. 5, 38—43; 1930 г., д. 117, л. 15—20).

С 1926 г. начинаются работы сотрудников ГАИМК в Закавказье при поддержке местных археологов. Так, А. А. Миллер провел разведки и раскопки в Нахичеванской АССР у Кызылванка на средства Закавказской научной ассоциации, а И. И. Мещанинов, совместно с Б. А. Латыниным и Т. С. Пассек, по приглашению Общества обследования и изучения Азербайджана раскапывал курганы в Нагорном Карабахе и погребения в Нахичеванской Республике также у Кызылванка. В 1927 г. И. И. Мещанинов работал в Мильской степи и на Ганджинской равнине (РА, ф. 2, оп. 1, 1926 г., д. 1, л. 235 об., 236; д. 15, л. 24, 28, 36; д. 95, л. 24; 1930 г., д. 107, л. 2).

Летом 1929 г. сотрудники Академии И. А. Орбели и К. В. Тревер были командированы в Дагестан, Армению и Грузию для производства археологических исследований. Во время этой поездки ленинградские археологи изучили коллекции находок, хранившихся в фондах музеев Еревана, Эчмиадзина, Махачкалы и Тифлиса (ныне г. Тбилиси), а также осмотрели ряд памятников, прежде всего средневековые крепости и церкви (РА, ф. 2, оп. 1, 1929 г., д. 120, л. 5—7, 16—17 об.).

В Среднюю Азию после 1921 г. сотрудники ГАИМК выезжали только в командировки, из которых наиболее важными в научном отношении стали по-

ездки А. Ю. Якубовского для обследования археологических памятников Хорезма (Туркмения) и А. П. Удаленкова для завершения архитектурных обмеров мавзолея Баия-Кули-Хан в Самарканде (Узбекистан). Эти визиты состоялись в 1927 и 1928 гг. (РА, ф. 2, оп. 1, 1929 г., д. 1, л. 20 об., 117 об., 132 об., 133; д. 119, л. 21, 21 об., 22).

Лишь в 1929 г. Академия смогла финансировать, совместно со Среднеазиатским этнолого-археологическую экспедицию, которая ставила своей целью исследование руин средневекового города Куны-Ургенч в Туркмении (Хорезм). Общее руководство работами было возложено на В. В. Бартольда, но раскопками в поле руководил А. Ю. Якубовский, под началом которого находились сотрудники Института истории и Института народов Востока, а также практиканты из Москвы, в том числе А. А. Марущенко, в будущем один из первых археологов Туркмении. А. П. Удаленков должен был заниматься обмерами архитектурных памятников Куны-Ургенча. В ходе изысканий, которые были проведены в июле и августе, участники экспедиции заложили несколько раскопов в различных частях этого городища, в том числе и на крепости Ак-кала, расположенной в юго-восточной части памятника. В результате выполненных работ удалось установить, что и город, и крепость были основаны в домонгольское время, причем обнаруженная здесь керамика сходна с керамикой из Гяур-калы и Султан-калы в Мерве, которые были осмотрены А. Ю. Якубовским до начала работ в Хорезме. Кроме того, сотрудники экспедиции занимались архитектурными обмерами некоторых мавзолеев Куны-Ургенча, а также совершили однодневную поездку на средневековое городище Миздахкан, где произвели фотосъемку и сбор керамики (РА, ф. 2, оп. 1, 1929 г., д. 6, л. 47; д. 119, л. 26, 27, 29, 32, 38, 54, 71, 103, 103 об., 104, 104 об., 105, 106).¹⁸

Таким образом, к 1929 г. количество академических экспедиций, работающих в районах Кавказа, причерноморских степей, Сибири и Средней Азии, постепенно увеличивается. Но именно в это время, когда наметился подъем

¹⁸ В 1929 г. экспедиция в отдаленные районы Туркмении была предпринята далеко не безопасным, так как басмаческое движение в Средней Азии еще не было подавлено. Даже Среднеазиатское ГПУ было вынуждено признать в том, что не может гарантировать безопасности ученым, работающим «в песках, вне культурной зоны», там, где «действует несколько бандитских шайк». Эта неутешительная информация была доведена до сведения А. П. Удаленкова, когда он, прибыв в Ташкент, обратился в компетентные органы, находясь под впечатлением известия, опубликованного в одной из местных газет, об убийстве в Хорезме сотрудника ОСОАВИАХИМа, посланного туда для борьбы с саранчой. Среднеазиатское ГПУ посоветовало воздержаться от проведения Куны-Ургенчской экспедиции, но отказалось официально уведомить об этом руководство ГАИМК, предложив сделать это А. П. Удаленкову. Последний, восприняв рекомендацию ГПУ как руководство к действию, отправил от своего имени телеграмму в Академию с невозможности проведения полевых работ в Туркмении в текущем году и выехал в Ленинград, ничего не сообщив о своем решении А. Ю. Якубовскому. Озабоченному прибывшему в это время из Мерва на место раскопок в Хорезм. Не подкрепленное соответствующими документами ГПУ возвращение А. П. Удаленкова, которое фактически лишило возможности экспедицию проводить архитектурные обмеры, было разрешено А. Ю. Якубовским и назначенным в 1929 г. заместителем председателя ГАИМК Ф. В. Кипарисовым как саботаж. Однако руководство Академии нашло выход из положения и срочно отправило в Куны-Ургенч архитектора Н. Б. Бакланова, который справился со всеми поставленными перед ним задачами. В целом экспедиция успешно завершила полевой сезон (РА, ф. 2, оп. 1, 1929 г., д. 6, л. 47, 73, 73 об.; д. 119, л. 55—56 об.).

науки, в том числе и археологии,¹⁹ правительство начало радикальную реформу сельского хозяйства, основой тогда отрасли народного хозяйства. Это преобразование, лишившее крестьян права самостоятельно распорядиться землей, урожаем и домашним скотом, вошло в историю под названием коллективизации. Она вызвала сопротивление крестьянства, что в свою очередь привело к ужесточению внутренней политики властей по всем направлениям, включая и науку. Поэтому 1929 год, названный официальной пропагандой годом «великого перелома», фактически дал старт десятилетию (1929–1939 гг.) великих потрясений, об опасности которых в свое время прозорливо предупреждал П. А. Столыпин, премьер-министр Российской империи в 1906–1911 гг.

Похолодание политического климата в стране не могло не коснуться Академии. Начинается череда изменений ее структуры и штата. Руководство ГАИМК было укреплено специалистами, имевшими длительный партийный стаж. Заместителем председателя Академии стал в 1929 г. Ф. В. Кипарисов, член ВКП(б) с 1920 г., а научным секретарем с 1930 г. — С. Н. Быковский,²⁰ вступивший в партию в 1918 г. (РА, ф. 2, оп. 1, 1930 г., д. 1, л. 509).

В «Записке о выполнении производственного плана ГАИМК» за 1929 г. руководство ГАИМК было вынуждено, очевидно учитывая политические реалии того времени, вставить следующую фразу: «При обсуждении работ Академии ею самой неоднократно подчеркивалась недостаточная разработанность проблем истории материальной культуры марксистами, однако возможность привлечь к постоянному участию в работах Академии достаточного количества научных работников-марксистов, специально интересующихся историей материальной культуры, появилась лишь теперь при пересмотре структуры и штата Академии» (РА, ф. 2, оп. 1, 1929 г., д. 1, л. 1, 1 об.).

Шахтинское дело, в соответствии с которым в 1928 г. были осуждены горные инженеры треста «Донуголь», необоснованно обвиненные во вредительст-

¹⁹ Впрочем, в других сферах деятельности ГАИМК дело обстояло отнюдь не радужно. В плачевном состоянии находилась, например, издательская работа Академии, так как «вследствие ограниченности кредитов публиковались лишь предварительные отчеты о работах экспедиций, и в то время как собрания и обработанные Академией материалы могли быть изданы самой Академией, приходилось разрешать печатать их в изданиях более обеспеченных материально учреждений СССР и за границей. В связи с отсутствием средств на печатание стоит остро переживавшийся вопрос об участии советских ученых в зарубежных изданиях, причем тут приходится констатировать, что европейские научные круги проявляют большой интерес к работам советских ученых и постоянно выражают готовность печатать работы наших сотрудников. Нисколько не умаляя значения культурных связей с заграницей, все же представлялось бы организационно более правильным, чтобы основные публикации издавались в СССР; в целях международного распространения результатов советских работ возможно печатать издания одновременно на русском и иностранном языке. Для этого необходимо обеспечить Академию минимальную возможность своевременного издания результатов своих работ» (РА, ф. 2, оп. 1, 1929 г., д. 1, л. 16, 16 об.). Кроме того, руководство Академии сетовало на то, что повышать свою квалификацию при ГАИМК могут лишь сотрудники из автономных и союзных республик, тогда как «учреждения РСФСР не располагают средствами для материального обеспечения своих работников, командированных в Академию для усовершенствования. Это положение необходимо исправить» (РА, ф. 2, оп. 1, 1929 г., д. 1, л. 1 об.).

²⁰ Спустя два года С. Н. Быковский был назначен на должность заместителя председателя ГАИМК по научной части (РА, ф. 2, оп. 1, 1932 г., д. 1, л. 94).

ве, спровоцировало в стране поиски врагов народа, занимавшихся, по мнению простых людей, в числе прочего топографической съемкой местности и расположенных на ней объектов народного хозяйства с целью последующей передачи таких планов иностранным разведкам. В связи с этим заместитель председателя ГАИМК Ф. В. Кипарисов в июле 1929 г. отмечает, что «за последнее время имели место несколько случаев задержания органами ГПУ и милиции сотрудников Академии, работающих на местах по обследованию памятников. Во избежание повторных подобных явлений, затрудняющих работу и вызывающих потерю времени командированных сотрудников, предлагаю предписать сотрудникам, особенно тем, которые ведут работы, связанные со снятием планов, обмеров и т. п., немедленно по приезде на место работ регистрировать свои командировочные удостоверения в местных органах ГПУ или милиции как то предусмотрено в п. 19 инструкции, переданной правлением Академии начальникам экспедиций» (РА, ф. 2, оп. 1, 1929 г., д. 7, л. 24).

В ноябре 1929 г. отделения ГАИМК были реформированы. Вся археологическую тематику включили в «Отделение исторических формаций», которым руководил И. И. Мещанинов. Оно состояло из пяти разрядов: раннеметаллических культур (А. А. Миллер), древних культур Средиземноморья (Б. Л. Богаевский), древнейших культур Кавказа (Н. Я. Марр), средневековых культур Кавказа и Ирана (И. А. Орбели) и Центральной Азии (В. В. Баргольд). Во втором, «Технологическом отделении», наряду с прочими был организован разряд антропологии во главе с М. П. Грязновым. Третье отделение получило название «Организационно-методологического» (РА, ф. 2, оп. 1, 1929 г., д. 6, л. 78, 81, 81 об., 82; д. 7, л. 47, 48; 1930 г., д. 1, л. 138).

В 1930 г. в Академии создали Комиссию, которая внимательно изучала и анализировала социальное происхождение и положение всех штатных сотрудников ГАИМК, независимо от занимаемых ими должностей. Итоги работы этого органа, получившего название Комиссии по чистке, были оглашены заместителем председателя Академии Ф. В. Кипарисовым 23 мая на общем собрании сотрудников ГАИМК. Присутствующим пришлось выслушать слова, прозвучавшие для многих из них погребальным звоном. Прежде всего докладчик подчеркнул, что «состав Академии в смысле социального происхождения, социального положения работников конечно чрезвычайно неблагоприятный. Это совершенно естественно <...> так как рабочие археологией не занимаются» (РА, ф. 2, оп. 1, 1930 г., д. 4, л. 33). Впрочем, Ф. В. Кипарисов тут же признал, что в сложившихся условиях невозможно полностью изменить кадровый состав ГАИМК: «Но проще всего сказать, что социальный состав не подходит и сделать один вывод — закрыть Академию (у меня эта мысль мелькала) и подождать тех времен, когда мы сумеем сделать Академию пролетарской по своему происхождению. Во-первых, вряд ли это возможно, во-вторых, вряд ли это нужно. Я не думаю, чтобы мы рабочих стали сажать за изучение археологии.» (РА, ф. 2, оп. 1, 1930 г., д. 4, л. 33). Эти слова вселяли надежду на то, что по крайней мере некоторые сотрудники, имевшие «неправильное» социальное происхождение, могли сохранить свои рабочие места. Однако общая тенденция, направленная на удаление из ГАИМК социально чуждых элементов, должна была, по мнению Ф. В. Кипарисова, остаться неизменной: «Социальный состав вузов носит сейчас определенный характер — исключительно из

пролетарских трудящихся масс нашей страны, и таким образом в вузах у нас имеется некоторое количество работников хорошего социального качества, которые работают в области истории материальной культуры. Вот откуда придет смена нашего состава в социальном смысле» (РА, ф. 2, оп. 1, 1930 г., д. 4, л. 34).²¹

Эти слова Ф. В. Кипарисова не остались пустым обещанием. В мае 1931 г. С. Н. Быковский, заместитель председателя Академии, отправил в Народный Комиссариат РСФСР по просвещению письмо, содержащее информацию об очередном наборе аспирантов в ГАИМК, который планировали провести осенью текущего года. В этом документе было подчеркнуто, что «в настоящее время обновленная в своем составе и имеющая коммунистическое руководство Академия ведет упорную борьбу за марксистскую историю материальной культуры. Успехи в этой борьбе находятся в тесной взаимосвязи от пополнения Академии кадрами молодых научных сотрудников, по своему социальному происхождению и политическому мировоззрению способных поднять историю материальной культуры на уровень подлинной пролетарской науки, обслуживающей вопросы социалистического строительства не декларативно, не в виде формального прикрытия марксистско-ленинской фразеологией старых буржуазных задач, а в действительности и по существу» (РА, ф. 2, оп. 1, 1931 г., д. 757, л. 121). В связи с этим «Академия обращается с просьбой к местным научным учреждениям и организациям оказать Академии содействие в проведении набора аспирантов, удовлетворяющих упомянутым выше требованиям» (РА, ф. 2, оп. 1, 1931 г., д. 757, л. 121). К письму С. Н. Быковского был приложен перечень университетов, музеев и обществ, насчитывающий 40 учреждений, которых следовало оповестить о новом наборе аспирантов в ГАИМК (РА, ф. 2, оп. 1, 1931 г., д. 757, л. 123, 123 об.).²²

В октябре 1930 г. разряды в Академии упраздняются. Вместо них созданы секторы под новыми названиями: Сектор архаических формаций (руководитель Н. Я. Марр), Сектор античных формаций (руководитель С. И. Ковалев), Сектор феодальных формаций (руководитель М. М. Цвибак), Сектор капита-

²¹ Вытекающие из этих формулировок представления о врожденной порочности и неполноценности людей, не имеющих рабоче-крестьянского происхождения, на практике вели к репрессивным мерам, которые иначе как социальным нацизмом и не назовешь. Как всегда, заметную роль в таких кампаниях играли лица, сами не отличающиеся «чистотой» происхождения. Например, Ф. В. Кипарисов, возглавлявший Комиссию по чистке, которая в 1930 г. уволила из ГАИМК 60 человек, был сыном профессора Духовной академии (РА, ф. 2, оп. 1, 1930 г., д. 1, л. 509; д. 4, л. 99). Основания, в соответствии с которыми Комиссия изгоняла сотрудников из ГАИМК, с точки зрения юриспруденции были неустойчивы. Их лишали работы за «подбор чуждого элемента и засорение аппарата <...> отделения» и как «социально-чуждый элемент»; за «антимарксистское мировоззрение» и «приверженность к Тихоновской церкви, в результате чего <...> не может быть правильной научной установки в работе»; за «отрицательное общественно-политическое лицо»; за «засорение библиотеки ненужной, даже черносотенной литературой и остатками библиотеки живших в Мраморном дворце Романовых»; за «недоукомплектованность библиотеки марксистской литературой, за употребление старой орфографии на читательских формулярах» и обращение «господа» к посетителям библиотеки (РА, ф. 2, оп. 1, 1930 г., д. 4, л. 301 об.—303 об.).

²² Следует упомянуть, что в 1931 г. в аспирантуру ГАИМК был зачислен А. Н. Бернштам, в будущем один из известных исследователей древностей Средней Азии. Его руководителем стал С. Н. Быковский (РА, ф. 2, оп. 1, 1931 г., д. 757, л. 155, 211).

листических формаций (руководитель Ю. К. Милонов) (РА, ф. 2, оп. 1, 1930 г., д. 11, л. 31; 1931 г., д. 1, л. 3, 5; 1932 г., д. 3, л. 4). В приказах по Академии первый из них фигурирует как «архаический сектор» (РА, ф. 2, оп. 1, 1930 г., д. 11, л. 103). Он включал два подсектора: первичных культур (охотничье-собираТЕЛЬСКАЯ стадия — руководитель И. И. Мещанинов) и культур переходных к классовой структуре (земледельческо-скотоводческая стадия — руководитель А. А. Миллер) (РА, ф. 2, оп. 1, 1930 г., д. 11, л. 31; 1931 г., д. 1, л. 5). Постоянные секции внутри секторов не предусматривались. В процессе работы сотрудники могли объединяться в коллективы, зависящие от характера работы, при этом были возможны индивидуальные темы. В структуре Академии имелось методологическое бюро, при технологической секции которого функционировало несколько лабораторий (РА, ф. 2, оп. 1, 1931 г., д. 1, л. 5).

В 1931 г. вводится деление секторов на группы, в которых протекала «вся научно-исследовательская работа Академии», причем они были организованы в соответствии с задачами, стоящими перед секторами (РА, ф. 2, оп. 1, 1931 г., д. 1, л. 7). Архаический сектор насчитывал 8 групп, 4 из которых имеют прямое отношение к проблематике, которую ныне разрабатывает Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа: группа хозяйства эпохи бронзы с ориентацией на археологические культуры эпохи неолита и бронзы Юго-Восточной Европы, Кавказа, Дона и Поволжья (руководитель А. А. Миллер), группа архаического земледелия, которая изучала вопрос о происхождении производящей экономики (руководитель М. И. Артамонов), группа отдельных производств в эпоху бронзы (руководитель А. А. Миллер), группа истории кочевого скотоводства степей Евразии (руководитель В. В. Гольмстен). В составе Сектора феодальной формации кроме прочих были созданы группы феодального хозяйства Кавказа и Ирана III—IX вв. н. э. (руководитель К. В. Тревер), городов и ремесел Средней Азии эпохи феодализма и разложения феодализма (руководитель А. Ю. Якубовский), сельского хозяйства эпохи феодализма и разложения феодализма в Средней Азии (руководитель А. Ю. Якубовский) (РА, ф. 2, оп. 1, 1931 г., д. 2, л. 1—9, 21—23). Внутри групп одну тему могли выполнять несколько сотрудников, которые составляли так называемую бригаду.

В 1932 г. из названия секторов исчезает термин «формация», вместо него вводится термин «общество»,²³ причем Сектор архаических формаций переименован в Сектор доклассового общества (руководитель И. И. Мещанинов) (РА, ф. 2, оп. 1, 1932 г., д. 1, л. 46—48; д. 3, л. 4). Группы внутри секторов переименовывают в бригады, словно желая уравнивать производство и науку. В Секторе доклассового общества организованы наряду с прочими бригада родового общества (руководитель А. А. Миллер) и бригада разложения родового общества (руководитель В. В. Гольмстен).²⁴ Работа каждой бригады носила коллективный характер (РА, ф. 2, оп. 1, 1932 г., д. 1, л. 76). Количество бригад в секторе могло колебаться от 3 до 7 (РА, ф. 2, оп. 1, 1932 г., д. 2, л. 79). Кроме того, в структуре ГАИМК функционировали Институт исторической технологии и Институт музееведения (РА, ф. 2, оп. 1, 1932 г., д. 1, л. 48; д. 3, л. 4).

²³ Иногда в названиях секторов сохраняется, видимо по инерции, термин «формация» (РА, ф. 2, оп. 1, 1932 г., д. 1, л. 75).

²⁴ Судя по некоторым документам, термины «бригада» и «группа» какое-то время сосуществуют (РА, ф. 2, оп. 1, 1932 г., д. 2, л. 36—39).

В январе 1933 г. коллегия Наркомата по просвещению пришла к выводу о необходимости очередной реорганизации ГАИМК. Ее провели в январе 1934 г., образовав на базе секторов Академии научно-исследовательские институты, которые состояли из кафедр. Институт истории доклассового общества (руководитель И. И. Мещанинов, с 1936 г. — В. И. Равдоникас) включал 4 кафедры, в том числе кафедру истории родового общества и кафедру истории разложения родового общества.²⁵ В составе Института истории рабовладельческого общества (руководитель С. И. Ковалев) наряду с прочими была создана кафедра истории древнего и эллинистического Востока, а в Институте истории феодального общества (руководитель М. М. Цвибак, с 1936 г. — С. М. Дубровский) функционировала кафедра истории феодализма на советском и зарубежном Востоке. Коллективы именно этих кафедр разрабатывали научные направления, соответствовавшие тематике нынешнего Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа. Кроме того, в структуру ГАИМК входили Институт исторических технологий (руководитель В. Ф. Зыбковец) и Сектор полевых исследований. Последний, впрочем, в декабре того же года был объединен с Институтом археологических технологий (РА, ф. 2, оп. 1, 1933 г., д. 3, л. 51 об.; д. 12, л. 52; 1934 г., д. 2, л. 1, 8, 25; д. 3, л. 2; д. 21, л. 12, 13, 14, 16—29; д. 22, л. 13, 16, 19, 22, 24; 1936 г., д. 169, л. 12 об., 13).

В январе 1934 г. было опубликовано Постановление Совнаркома СССР «Об ученых степенях и званиях», в соответствии с которым в научно-исследовательских учреждениях и высших учебных заведениях страны создавались комиссии для выявления квалификации научных сотрудников. 5 мая 1935 г. такая комиссия была создана и в ГАИМК, поскольку Народный Комиссариат РСФСР по просвещению информировал Академию о том, что ей «может быть предоставлено право присуждать ученые степени за диссертации по вопросам истории докапиталистического общества, но с последующим утверждением Наркомпроса». Квалификационная комиссия ГАИМК рекомендовала присудить степень кандидата наук без защиты диссертации следующим сотрудникам Академии, работавшим в русле тематики нынешнего Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа: М. И. Артамонову, К. В. Тревер и А. Ю. Якубовскому. Им также было предложено подготовить к защите докторские диссертации. Позднее комиссия скорректировала свое решение и признала, что А. Ю. Якубовский достоин степени доктора наук без защиты диссертации (РА, ф. 2, оп. 1, 1934 г., д. 2, л. 24, 46; д. 3, л. 9; д. 46, л. 10, 11, 14; 1937 г., д. 103, л. 22; д. 110, л. 49). Комиссия также ходатайствовала о присвоении докторской степени Б. Л. Богасевскому (РА, ф. 2, оп. 1, 1937 г., д. 108, л. 22), а кандидатской — А. А. Иессену (РА, ф. 2, оп. 1, 1937 г., д. 45, л. 90).

На 1 января 1936 г. в ГАИМК насчитывалось 9 докторов истории, 4 доктора археологии, доктор химии, 4 кандидата истории и кандидат археологии (РА, ф. 2, оп. 1, 1935 г., д. 365, л. 6).

Однако появление в газете «Известия» (март 1937 г.) официального перечня учреждений, которые получили право формировать Ученые советы по защите кандидатских и докторских диссертаций, стало для Академии холодным

²⁵ В 1935 г. в Институте истории доклассового общества остались лишь две кафедры: истории родового общества и истории родового общества (РА, ф. 2, оп. 1, 1935 г., д. 365, л. 7).

душем, так как в опубликованном списке ГАИМК не значилась. Возмущенные этим фактом исполняющий обязанности председателя Академии О. О. Крюгер и ученый секретарь Вл. И. Седиванов 28 марта 1937 г. отправили запрос в Народный Комиссариат по просвещению, в котором они выражали удивление тем, что Академия «исключена в список учреждений, имеющих право присуждать ученые степени с защитой диссертации», так как считают, «что по целому ряду исторических вопросов — истории докапиталистических обществ в настоящий момент она является единственным авторитетным научным учреждением». Реакцией на этот запрос стало разрешение Комитета по делам высшей школы на организацию в течение месяца (с 10 апреля по 10 мая 1937 г.) защиты сотрудииков ГАИМК, которые уже имели подготовленные работы. Не заставил себя ждать и ответ из Народного Комиссариата по просвещению, который 11 апреля 1937 г. известил Академию о том, что своевременно включил ГАИМК «в список учреждений, могущих присваивать ученые степени. Директивные органы в числе ряда институтов не сочли возможным включить и ГАИМК»²⁶ (РА, ф. 2, оп. 1, 1937 г., д. 45, л. 4, 9, 51).

В начале октября 1936 г. Президиум Ленинградского Совета принял решение открыть в Мраморном дворце, в котором размещалась Академия, филиал музея В. И. Ленина. Уже в следующем месяце ГАИМК была вынуждена перебраться в Новомихайловский дворец по адресу: Набережная 9 января, 18 (ныне Дворцовая набережная, 18). На переезд власти выделили Академии 15 000 руб. (РА, ф. 2, оп. 1, 1936 г., д. 162, л. 1, 3).

В июле 1937 г. Академия была преобразована в Институт истории материальной культуры (ИИМК) и включена в состав Академии наук СССР. Новый институт, руководителем которого стал академик И. А. Орбели,²⁷ насчитывал 10 секторов, в том числе Сектор древнего Кавказа, Передней и Средней Азии, Сектор Сибири, Сектор Средней Азии, Сектор средневекового Кавказа, Передней Азии и Причерноморья, Сектор Центральной Азии и Сектор Восточной Европы дофеодального периода (РА, ф. 2, оп. 1, 1937 г., д. 15, л. 1, 2, 9; д. 54, л. 1, 7; ф. 312, оп. 1, д. 8, л. 1).

Эти административные преобразования обернулись для Академии кадровыми потерями. В 1929 г. в ГАИМК по штату числилось 117 сотрудников, причем все они были беспартийными. К концу 1931 г. состав Академии был обновлен на 83%. Теперь из 113 сотрудников ГАИМК 18 являлись членами ВКП(б), а 17 — комсомольцами. В 1929 г. все аспиранты Академии были беспартийными, а в 1931 г. из 27 аспирантов 6 состояли в рядах ВКП(б) и 13 являлись членами ВЛКСМ (РА, ф. 2, оп. 1, 1931 г., д. 1, л. 247).

²⁶ Эта неслышанная формулировка свидетельствует о том, что к апрелю 1937 г. судьба лишившейся своего руководства Академии была уже решена в высших эшелонах власти и что ее статус решили радикально изменить в самом ближайшем будущем.

²⁷ Вскоре после своего назначения И. А. Орбели сделал доклад на Президиуме АН СССР, по итогам которого руководство Академии наук поручило Институту составление генерального плана археологических работ в СССР, а также разрешило директору ИИМК заключать договоры на проведение археологических раскопок и иметь для расчетов по договорным работам спецсредства с особым текущим счетом. Президиум Академии наук также обратился с ходатайством в правительство с предоставлением ИИМК права присуждения ученых степеней и званий по археологии (РА, ф. 2, оп. 1, 1937 г., д. 15, л. 24, 26, 27).

При реорганизации ГАИМК в штат вновь образованного Института не попали 54 сотрудника Академии, которые не были археологами, так как ИИМК предназначался для выполнения исключительно археологических задач (РА, ф. 2, оп. 1, 1937 г., д. 15, л. 1, 2).

Кадровые потери были вызваны и политическими репрессиями. Канули в прошлое 1920-е гг., когда публикации научных статей за рубежом приводили к тому, что руководство Академии выносило исследователям общественное порицание, так как они якобы пятнали свои имена, помещая труды на страницы тех изданий, в которых беслоэмигранты публиковали явно враждебные советской науке работы, пропагандирующие «антисоветские и антинаучные настроения, несовместимые с положением советских ученых» (РА, ф. 2, оп. 1, 1929 г., д. 7, л. 209).²⁸

Отныне осуждения заслуживала не только публикация в зарубежном научном издании, но и чрезмерное цитирование иностранных археологов. Например, на пленуме ГАИМК 13 января 1935 г. В. И. Равдоникас заявил, что Б. Л. Богаевский пропагандирует антимарксистские взгляды австрийского исследователя О. Менгина. Б. Л. Богаевский обратился с жалобой к руководству Академии о том, что после выступления В. И. Равдоникаса некоторые коллеги Б. Л. Богаевского стали обвинять его в фашизме и антисемитизме, поскольку одна из книг О. Менгина «Дух и кровь» носила якобы откровенно расистский характер и получила высокую оценку в нацистской печати. Для проверки выдвинутого обвинения была создана комиссия, в которую включили и. о. председателя Академии Ф. В. Кипарисова, Е. Ю. Кричевского и А. И. Кауля. Члены комиссии со всей серьезностью отнеслись к порученному им делу, но вынесли весьма благожелательный для Б. Л. Богаевского вердикт.²⁹ Прежде всего они отметили, что в докладе В. И. Равдоникаса не приведено никаких фактов, которые могли бы скомпрометировать Б. Л. Богаевского перед законом. Докладчик лишь упрекнул коллегу в неправильной оценке работ австрийского ученого, «что действительно имело место», поэтому Б. Л. Богаевскому надо не жаловаться, а «выступить с развернутой оценкой работ Менгина». Вместе с тем комиссия указала В. И. Равдоникасу, что поскольку некоторые сотрудники ГАИМК неправильно восприняли его критику по адресу Б. Л. Богаевского, то ее следует изложить так, чтобы не было никаких кривотолков (РА, ф. 2, оп. 1, 1934 г., д. 2, л. 33; 1935 г., д. 55, л. 24, 24 об.).

²⁸ Речь идет об изданном в 1928 г. в Праге сборнике «Seminarium Kondakovianum». После его выхода в свет Археологическое отделение ГАИМК среагировало на шекотливую ситуацию устами В. В. Бартольда, который заявил о том, что редакция сборника «была допущена известная бестактность по отношению к участвовавшим в нем «советским ученым ввиду помещения без редакционных изменений статей некоторых ученых из эмигрантов» (РА, ф. 2, оп. 1, 1929 г., д. 17, л. 2). Однако в 1930 г. руководство Академии вернулось к этому уже вроде бы решенному вопросу и дало ему более жесткую оценку, которая и приведена выше. Общественное порицание было вынесено В. В. Бартольду, Н. В. Малицкому, М. И. Максимовой, Л. А. Манулевичу, А. А. Свидлану, Н. П. Сычеву и К. К. Романову. Комиссия по чистке ГАИМК подтвердила этот вердикт (РА, ф. 2, оп. 1, 1930 г., д. 4, л. 301).

²⁹ На фоне беспощадной борьбы с любым инакомыслием, которую власти начали после убийства руководителя Ленинградской партийной организации С. М. Кирова (1 декабря 1934 г.), решение комиссии ГАИМК по «делу» Б. Л. Богаевского выглядит удивительно мягким.

С 1929 г. начинаются административные высылки сотрудников Академии (РА, ф. 2, оп. 1, 1929 г., д. 7, л. 66),³⁰ а затем возобновляются их аресты, причем специалисты, помещенные в следственные изоляторы, теряли работу лишь по истечении двух месяцев с момента взятия их под стражу (РА, ф. 2, оп. 1, 1929 г., д. 7, л. 22; 1930 г., д. 11, л. 4). Таким образом, можно сделать вывод о том, что сам по себе арест не вел к автоматическому увольнению сотрудника и что администрация ГАИМК, видимо, могла дожидаться итогов предварительного следствия.

Руководство Академии более не осмеливается ходатайствовать перед органами ОГПУ (с 1934 г. НКВД) за своих арестованных сотрудников, как это имело место в 1920-х гг.³¹ В стране даже во властных структурах постепенно воцарился страх перед вседозволенностью советских правоохранительных органов,³² действия которых по отношению к согражданам со временем становятся

³⁰ Причины, по которым людей лишали права жить в Ленинграде и принудительно переселили в отдаленные районы страны, далеко не всегда были связаны с их политическими взглядами. Например, человек мог быть отправлен в ссылку за принадлежность к религиозной секте (РА, ф. 2, оп. 1, 1930 г., д. 4, л. 117).

³¹ 25 января 1930 г. органами ВЧК был арестован делопроизводитель по ученой части Академии М. М. Гирс. Президиум РАИМК немедленно возбудило ходатайство о его освобождении (РА, ф. 2, оп. 1, 1920 г., д. 5, л. 5 об.), но 25 марта получило отказ (РА, ф. 2, оп. 1, 1920 г., д. 5, л. 30 об.). Тогда председатель Академии Н. Я. Марр направил 25 апреля срочную телеграмму на имя народного комиссара по просвещению А. В. Луначарского с просьбой о вызволении М. М. Гирса, которого ВЧК содержало в заключении в бывшем Андрониковском монастыре. Н. Я. Марр предлагал освободить его к пролетарскому празднику 1 Мая (РА, ф. 2, оп. 1, 1920 г., д. 9, л. 35), но опять не добился успеха. 6 ноября РАИМК получила уведомление, отправленное научным сектором Народного Комиссариата по просвещению, о том, что Президиум ВЦИК отклонил ходатайство Академии о досрочном освобождении осужденного органами ВЧК М. М. Гирса, содержащегося в Андрониковском концентрационном лагере (РА, ф. 2, оп. 1, 1921 г., л. 3, л. 5). Однако в конечном счете судьба оказалась благосклонной к нему, во всяком случае в 1920-е гг. По данным на 15 сентября 1924 г., М. М. Гирс заведовал хозяйственной частью РАИМК (РА, ф. 2, оп. 1, 1925 г., д. 1, л. 66), а затем стал регистратором разряда археологии и искусства Армении и Грузии (РА, ф. 2, оп. 1, 1925 г., д. 1, л. 95). Так как личное дело М. М. Гирса не сохранилось в Научном архиве ИИМК РАН, нет возможности выяснить, добилось ли руководство Академии его освобождения или он вышел на свободу после отбытия срока наказания. 25 ноября 1927 г. Совет Археологического отделения решил, что М. М. Гирс достоин должности научного сотрудника (РА, ф. 2, оп. 1, 1928 г., д. 19, л. 1 об.). В 1929 г. он являлся сотрудником разряда средневековых культур Кавказа и Ирана (РА, ф. 2, оп. 1, 1929 г., д. 6, л. 81 об.).

³² Ипогда своеволие власти проявлялось самым поразительным образом. В 1920-е гг. политические заключенные в СССР, как правило, отбывали наказание в Соловецких лагерях особого назначения (СЛОН). При начальнике Управления СЛОН была организована постоянная раскопачная Комиссия, которая фиксировала археологические памятники Соловецких островов. Неизвестно, являлись ли члены упомянутой Комиссии сотрудниками ОГПУ или археологами, и если археологами, то каков был их статус (заключенные или вольнонаемные). В научном архиве ИИМК РАН сохранилось относящееся к осени 1928 г. официальное письмо, подписанное начальником Управления СЛОН, носившим звание по звучанию, в связи с последующими трагическими событиями Холокоста, фамилию Эйхманс. В документе содержится информация о том, что раскопачная Комиссия выявила на Соловецких островах курганы, каменные выкладки, менгиры, камни в форме креста и валуны со знаками. Эйхманс просил ГАИМК дать необходимые указания Комиссии относительно обнаруженных памятников. После изучения соответствующих академических рекомендаций специалисты при Управлении СЛОН намеревались самостоятельно приступить к описанию найденных археологических объектов. Таким образом, советская пенитенциарная система фактически создала, по крайней мере на Соловецких островах, собственную археологическую службу, независимую от Академии. Рассмотрел 3 ноября 1928 г.

откровенно карательными. Результаты неограниченного расширения полномочий спецслужб не замедлили сказаться во всех сферах общественной жизни страны, в том числе и в науке.

В начале 1930-х гг. последовала череда арестов сотрудников этнографического отдела Государственного Русского музея. Некоторые из них (М. П. Грязнов, С. И. Руденко и С. А. Теплоухов), специализирующиеся в области археологии Сибири, по совместительству работали и в ГАИМК.³⁴ Первым в августе 1930 г. был взят под стражу С. И. Руденко. Его обвинили в антисоветской пропаганде и агитации, а также в организационной деятельности, направленной на подрыв советской власти.³⁵ Осужденный постановлением тройки ОГПУ на 10 лет лишения свободы, он был направлен в феврале 1931 г. в Беломорско-Балтийские исправительно-трудовые лагеря. Этот приговор, очевидно, так повлиял на руководство Русского музея, что оно, отвечая на соответствующий запрос ГАИМК в ноябре 1931 г., подчеркнуло, что «музей не предполагает проведение в 1932 г. экспедиций, сопровождающихся раскопками» (РА, ф. 2, оп. 1, 1932 г., д. 87, л. 45).³⁶ Тем временем С. И. Руденко, находясь в заключении, сумел благодаря своей разносторонней профессиональной подготовке занять должности старшего инженера проектного отдела и начальника отдела гидрологии Беломорстроя. Досрочно освобожденный Коллегией НКВД 8 марта

запрос Эйхманса, Комиссия по раскопкам ГАИМК решила передать дело члену Академии, руководителю Северокавказской экспедиции А. А. Миллеру (РА, ф. 2, оп. 1, 1928 г., д. 185, л. 1—4).

³⁴ С. И. Руденко с 1917 по 1930 г. занимал должности в Академии наук, а также являлся научным сотрудником этнографического и археологического отделений РАИМК/ГАИМК и членом Совета Института археологической технологии ГАИМК (РА, ф. 2, оп. 1, 1922 г., д. 1, л. 3 об.; ф. 35, оп. 5, д. 262, л. 3, 42). М. П. Грязнов работал в РАИМК регистратором в 1922—1925 гг., а затем стал совмещать службу в этнографическом отделе Русского музея с работой в Ленинградском государственном университете. Лишь в 1929 г., оставив университет, он вернулся в ГАИМК в качестве совместителя на должность научного сотрудника, так как основным местом его службы оставался Русский музей (РА, ф. 2, оп. 3, д. 167, л. 1 об., 11). Хотя в личном деле С. А. Теплоухова, хранящемся в Научном архиве ИИМК РАН, содержится сведения о его службе только в Томском университете, Государственном Русском музее и Петроградском университете (РА, ф. 2, оп. 3, д. 644), сам С. А. Теплоухов в написанной им собственноручно справке, сохранившейся в АРЭМ, указал, что является не только действительным членом Русского музея, но и сотрудником ГАИМК (АРЭМ, ф. 3, оп. 1, д. 35, л. 74). Эта справка не имеет даты, однако наличие в тексте документа аббревиатуры ГАИМК свидетельствует о том, что он был написан не ранее 1926 г. Кроме того, в списке членов Академии за 1922 и 1933 гг. указано, что С. А. Теплоухов является научным сотрудником Академии, в первом случае II категории, во втором случае I разряда (РА, ф. 2, оп. 1, 1922 г., д. 1, л. 2 об.; 1933 г., д. 12, л. 54).

³⁵ После ареста С. И. Руденко его коллег по Русскому музею информировали о том, что их начальник в прошлом обслуживал колониальные интересы крупной русской буржуазии, а ныне активно выступал против пролетарской идеологии, не пренебрегая в печать исследования, написанные с марксистско-ленинских позиций. Кроме того, С. И. Руденко якобы замалчивал позитивные сдвиги в жизни народов СССР, произошедшие после Октябрьской революции. Судимость вредительской деятельности ученого заключалась и в том, что он, получая из бюджетов Советских Автономных республик деньги для проведения научных работ, предоставлял затем «фальсифицированный или ненужный материал, ни в какой мере не помогающий и не облегчающий дело социалистического строительства в этих республиках» (АРЭМ, ф. 2, оп. 1, д. 363, л. 1—4).

³⁶ И все же С. А. Теплоухов сумел в 1932 г. получить открытый лист на раскопки курганов в Киргизии, в районе озера Иссык-Куль (РА, ф. 2, оп. 1, д. 117; ф. 42, д. 399). К сожалению, этот полевой сезон оказался для него последним.

1934 г., он³⁶ остался работать в системе этого комиссариата по вольному найму, став к 1938 г. руководителем группы гидрологии и специальных гидрологических исследований в управлении НКВД. Затем он перешел на работу в Государственный гидрологический институт. В археологии первооткрыватель Пазырыкских курганов сумел вернуться только в феврале 1942 г., когда он был принят в штат ИИМК. В августе этого же года С. И. Руденко был эвакуирован из Ленинграда в Елабугу (РА, ф. 35, оп. 5, д. 262, л. 2 об., 3, 6, 42 об., 97, 97 об.).

В конце ноября 1933 г. были арестованы С. А. Теплоухов, который во время следствия покончил жизнь самоубийством не позднее 15 марта 1934 г., и М. П. Грязнов. Им инкриминировали участие в контрреволюционной организации украинских и русских националистов, которая была якобы создана при этнографическом отделе Русского музея. Однако М. П. Грязнов не признал себя виновным в совершенном преступлении. При отсутствии фактических свидетельств органы ОГПУ ограничились высылкой его на три года в г. Вятка (ныне г. Киров) Горьковского края, куда он был отправлен в апреле 1934 г. Находясь в ссылке, М. П. Грязнов получил разрешение на работу в Кировском областном музее краседения. 25 декабря 1936 г. он был освобожден. Вернувшись в 1937 г. из ссылки в Ленинград, М. П. Грязнов благодаря поддержке М. И. Аргамонова устроился в Государственный Эрмитаж (ГЭ), а в апреле 1939 г. был принят в штат ИИМК (РА, ф. 2, оп. 3, д. 167, л. 10, 11 об., 13 об., 14 об., 97, 97 об.; Пшеницына, Боковенко 2002: 21, 22).³⁷

Тогда же был репрессирован и А. А. Миллер, один из ведущих специалистов Академии. В 1908—1921 гг. он работал в Русском музее и сохранял должность его хранителя, хотя и являлся постоянным сотрудником РАИМК/ГАИМК.³⁸ Служба А. А. Миллера в Русском музее, вероятно, и послужила причиной его ареста, последовавшего 7 сентября 1933 г. А. А. Миллера осудили на 5 лет лагерей, заменив заключение высылкой в Казахстан, где он и умер, по одним данным, в Петропавловске, по другим — в Караганде, не позднее января 1935 г. (РА, ф. 2, оп. 5, д. 213, л. 4 об., 20, 21; Платонова 2002; Ренетов 2001).

В марте 1935 г. из Академии был изгнан Б. А. Латынин, археолог, открывший памятники древнеземледельческой культуры Ферганы в Средней Азии. Его обвинили в том, что он является антиобщественным и чуждым для ГАИМК элементом (РА, ф. 2, оп. 3, д. 350, л. 44). Вскоре после увольнения Б. А. Латынин был осужден.

Нараставший во второй половине 1930-х гг. вал репрессий деформировал сложившийся в ГАИМК уклад научной жизни, превратив любое публичное выступление сотрудника в экзамен на лояльность правящей партии.³⁹ Аресты

³⁶ В 1957 г. С. И. Руденко был полностью реабилитирован за отсутствием состава преступления (РА, ф. 35, оп. 5, д. 262, л. 97).

³⁷ В 1956 г. постановление Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 2 апреля 1934 г. в отношении М. П. Грязнова отменено и дело производством прекращено за отсутствием состава преступления (РА, ф. 35, оп. 5, д. 416, л. 106).

³⁸ О службе А. А. Миллера в Русском музее см. ниже.

³⁹ Самым весомым аргументом в научном споре стало хлесткое слово, с помощью которого люди пытались обезопасить себя от политических обвинений. В качестве примера можно привести цитату из доклада одного из сотрудников ГАИМК: «...отрицание возможности занятия саков

руководителей Академии,⁴⁰ проведенные в 1936—1937 гг., дезорганизовали работу ее подразделений. Наиболее распространенными способами выживания в те годы стали не свойственное научному работнику умение держать язык за зубами и покаяние в совершенных ошибках. Реакцией ГАИМК на решения февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г., давшего установку на повсеместное разоблачение врагов народа, стало собрание актива Академии, которое длилось в течение нескольких апрельских дней. Резолюция собрания содержала резкие слова осуждения в адрес партийной организации ГАИМК, которая, проявив якобы политическую слепоту, беспечность и благодушие, позволила «шайке врагов народа <...> пробраться к руководству Академии и полновластно хозяйничать в ней в течение ряда лет» (РА, ф. 2, оп. 1, 1937 г., д. 26, л. 12). Собрание обвинило репрессированное руководство Академии (Ф. В. Кипарисов, А. Г. Пригожин, С. Г. Томсинский, С. М. Дубровский) в искажении марксизма-ленинизма, в насаждении социологического схематизма, в ликвидации археологии и этнографии как науки, в развале издательского дела в Академии (РА, ф. 2, оп. 1, 1937 г., д. 26, л. 12, 13). Участники собрания обязались изжить все последствия вредительства в Академии и потребовали реорганизации ее структуры, а также укрепления Академии «руководящими научными работниками коммунистами» (РА, ф. 2, оп. 1, 1937 г., д. 26, л. 17, 18).

С 1929 г. в стране ужесточаются требования к обучению аспирантов, одним из элементов которого стало формирование «идеологической выдержанности» молодых специалистов (РА, ф. 2, оп. 1, 1929 г., д. 77, л. 240). В резолюции Всероссийской конференции аспирантов подчеркнуто, что «необходимо раз и навсегда покончить с вреднейшим взглядом, пользующимся распространением в некоторой части мелкобуржуазной аспирантуры и морально поддерживаемым реакционной профессурой, будто марксистская подготовка является внешним по отношению к специальности политическим фильтром, за пределами которого только и начинается область точного научного исследования, обладающего своими методами, с марксизмом (за исключением общественных наук) ничего общего не имеющими. Необходимо всемерно подчеркнуть, что мате-

оседлым земледелием является реакционным положением, основанном на идеалистически-фашистском тезисе о свойственности определенным племенам тех или иных способов производства, что в конечном счете ведет к установлению более одаренных и менее одаренных рас» (РА, ф. 2, оп. 1, 1936 г., д. 49, л. 79, 80).

⁴⁰ Репрессии руководящего состава ГАИМК начались в сентябре 1936 г. арестом Ф. В. Кипарисова (РА, ф. 2, оп. 1, 1936 г., д. 170: оп. 3, д. 171, л. 77; оп. 5, д. 144.). С. Н. Быковский, занимавший несколько лет должность одного из заместителей председателя ГАИМК, был взят под стражу, являясь уже сотрудником Института антропологии и этнографии АН СССР, куда он перешел на службу, оставаясь в Академии не позже апреля 1934 г. (РА, ф. 2, оп. 3, д. 96, л. 10, 12). В 1937 г. его расстреляли (Калашов 2004). Арест С. Н. Быковского, в прошлом научного руководителя аспиранта А. Н. Бернштама, поставил последнего в трудное положение. Уже зачисленным им в 1935 г. кандидатская диссертация «Социально-экономический строй орхонско-енисейских тюрок VI—VIII вв. н. э.» (РА, ф. 35, оп. 5, д. 10) была подвергнута дополнительной проверке комиссией во главе с В. И. Радониным. Автор по инициативе комиссии в текст диссертации значительные исправления. За потерю классовой бдительности и в связи с делом С. Н. Быковского комсомольская организация ГАИМК вынесла А. Н. Бернштаму строгий выговор с предупреждением, а Народный Комиссариат РСФСР по просвещению не спешил с утверждением его «на ученой степени кандидата исторических наук» (РА, ф. 2, оп. 1, 1937 г., д. 108, л. 45, 47, 61).

риалистическая диалектика, являющаяся всеобщей методологией познания и действия, должна получить конкретное применение в каждой отдельной области научного исследования, являясь в руках молодых специалистов, получивших общую марксистскую подготовку, единственным орудием пролетарского овладения каждой отдельной наукой изнутри и ее материалистического преобразования. <...> Основная работа по руководству марксистской подготовкой аспирантов должна все более сосредоточиваться в Коммунистической Академии и ее отделах на местах» (РА, ф. 2, оп. 1, 1930 г., д. 73, л. 52—54).

В Комиссию ГАИМК, рассматривающую вопрос о допуске кандидатов в аспиранты к испытаниям, стали включать представителя райкома ВКП(б) (РА, ф. 2, оп. 1, 1930 г., д. 11, л. 10). На собрании аспирантской группы Академии, которое состоялось 26 ноября 1930 г., принята резолюция, объявившая использование марксизма-ленинизма в специальных дисциплинах ударной задачей начинающих исследователей. В связи с этим аспиранты считали «необходимым присоединиться к основному ядру марксистских сил Союза и поэтому коллективно вступить в Общество воинствующих материалистов-диалектиков, ячейку которого коллектив аспирантов в порядке ударной работы обязуется организовать при ГАИМК» (РА, ф. 2, оп. 1, 1930 г., д. 11, л. 10).

В 1935 г., вскоре после убийства С. М. Кирова, из Академии было отчислено несколько аспирантов.⁴¹ В приказах по ГАИМК в начале указывалась истинная причина отчисления, по которой гражданин с точки зрения политической культуры того времени считался нелояльным государству: предоставление неверных сведений о социальном происхождении или чуждое социальное происхождение (сын кулака или эмигранта), служба в белой армии,⁴² связь или родство с приверженцами антисталинской оппозиции внутри ВЛКСМ или ВКП(б),⁴³ политическая неблагонадежность, приведшая к исключению из ВЛКСМ или ВКП(б), сокрытие неблагоприятной характеристики, полученной при окончании института или университета. Другой причиной отчисления аспирантов являлась их якобы слабая политическая, методологическая и историческая подготовка, а также академическая пассивность, низкая успеваемость и общая неподготовленность для обучения в аспирантуре (РА, ф. 2, оп. 1, 1934 г., д. 2, л. 33 об., 34, 36, 37 об., 38, 38 об.). Таким образом, молодые исследователи, намеревавшиеся посвятить свою жизнь служению археологии, но имевшие, в соответствии с законами того времени, порочащее их прошлое, характеризовались как неумные люди, не способные стать успешными учеными. Власть дискредитировала их и как лояльных граждан, и как специалистов-профессионалов.

⁴¹ Справедливости ради следует отметить, что прием новых соискателей в аспирантуру ГАИМК не прекращался и в эти страшные годы. Так, в ноябре 1934 г. аспирантом Академии стал С. Н. Бибиков, в будущем один из наиболее известных исследователей древнеземледельческих памятников на территории нынешней Украины (РА, ф. 2, оп. 1, 1934 г., д. 2, л. 22 об.).

⁴² К. В. Сальников, в будущем крупнейший исследователь древностей Волго-Уральского региона, создатель первой периодизации андроновской культуры, был отчислен из аспирантуры ГАИМК 10 августа 1935 г. за службу во время гражданской войны в армии Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака (РА, ф. 2, оп. 1, 1934 г., д. 2, л. 38).

⁴³ Роковую роль в судьбе некоторых аспирантов сыграло то обстоятельство, что они были подчинены по службе тем сотрудникам Академии, которые были арестованы по обвинению в принадлежности к оппозиции (РА, ф. 2, оп. 1, 1934 г., д. 2, л. 34).

При поступлении в аспирантуру основным испытанием становится экзамен по диалектическому материализму. Только при условии благополучного преодоления этого барьера претендент мог рассчитывать на успех.⁴⁴

В 1938 г. в составе ИИМК насчитывалось 9 секторов, в том числе Сектор дофеодальной Европы (эпоха бронзы и железа Восточной Европы), Сектор древнего Кавказа, Передней и Средней Азии; Сектор Сибири, Сектор Средней и Центральной Азии, Сектор средневекового Кавказа, Передней Азии и Причерноморья (РА, ф. 312, оп. 1, д. 14, л. 7—10, 13—19).

В 1939 г., после того как директором ИИМК стал М. И. Артамонов (РА, ф. 35, оп. 5, д. 10, л. 213 об.), Ученый совет Института провел укрупнение секторов, количество которых сократилось до шести. Среди них представлены Сектор бронзы и раннего железа (руководитель В. В. Гольмстен), Сектор Средней Азии и Сектор Кавказа (РА, ф. 312, оп. 1, д. 58, л. 3). В 1940 г. Сектора Средней Азии и Кавказа были объединены в Сектор Центральной Азии (руководитель А. Ю. Якубовский) (РА, ф. 312, оп. 1, д. 86, л. 2).

И все же, несмотря на тяжелейшие испытания, которые ГАИМК/ИИМК перенес в 1930-е гг., он сумел сохранить основные научные направления и продолжал полевые изыскания, причем количество экспедиций ГАИМК/ИИМК, благодаря финансированию археологических работ из бюджета новостроек, существенно возросло.

В первой половине 1930-х гг. в СССР в соответствии с пятилетними планами развития экономики страны начинается возведение крупных объектов народного хозяйства. В районах их сооружения могли находиться археологические памятники, которым угрожала опасность уничтожения. В те годы многие стройки были в ведении Главного Управления лагерей ОГПУ (ГУЛАГ), которое обеспечивало подневольной рабочей силой сооружаемые объекты. Поэтому ГАИМК была вынуждена вступить в переговоры с руководством ГУЛАГ по вопросам организации археологических раскопок в некоторых зонах строительства.

25 февраля 1933 г. Академия отправила письмо на имя начальника ГУЛАГ Бермана, в котором предложила «в целях уточнения плана работ ГАИМК на новостройках и включения в него строительства, ведущегося Управлением лагерями, заключить Генеральный договор на организацию и проведение таких работ между Управлением и ГАИМК. При этом Управление лагерями могло бы обеспечить материальную базу для научных работников Академии, занятых в обслуживании новостроек по линии Управления лагерей, соответствующую тем условиям, в которых работают у Вас специалисты». Переговоры с ГУЛАГ по этому вопросу вел один из заместителей председателя Академии А. Г. Пригожин. 15 апреля того же года ГАИМК заключила с ГУЛАГ годичный договор «на организацию и проведение работ по учету, охране и изу-

⁴⁴ В этом можно убедиться, читая решения Комиссии ГАИМК по приему аспирантов: «...ходатайствовать о зачислении, принимая во внимание отличную оценку по диалекту, вполне удовлетворительные знания по специальности и качество представленной работы»; зачислить в связи с удовлетворительными оценками во всех испытаниях несмотря на «не вполне достаточное знание ассамблеи истории»; отклонить кандидатуру, «принимая во внимание совершенно неудовлетворительные знания по диалекту и качество представленной работы» (РА, ф. 2, оп. 1, 1936 г., д. 9, л. 65).

чению памятников истории материальной культуры, искусства и истории революции в зонах работ ГУЛАГ» (РА, ф. 2, оп. 1, 1933 г., д. 61, л. 32, 33, 38, 41, 42). Трудно предположить, чтобы руководство Академии не отдавало себе отчета в том, в каких условиях ее сотрудники будут находиться на стройках, контролируемых ГУЛАГ, и с каким контингентом рабочей силы они там столкнутся.

Одной из первых экспедиций ГАИМК, которая летом 1933 г. провела археологические исследования в соответствии с заключенным договором, явилась экспедиция под руководством К. Г. Болтенко. Она была направлена на головной участок Байкало-Амурской магистрали, строительством которой ведал ГУЛАГ. Базовым лагерем экспедиции стал небольшой городок в Дальневосточном крае, носивший по иронии судьбы имя Свободный. Здесь участники экспедиции должны были получить картографические материалы и необходимые разъяснения. Помимо раскопок членам экспедиции было также предписано вести «культурно-просветительскую деятельность среди сотрудников строительства в делах своей компетенции и согласно указаниям БАМЛАГ» (РА, ф. 2, оп. 1, 1933 г., д. 61, л. 12, 13, 13 об.). Последнее фактически означало, что археологи Академии в местах проведения раскопок попадали под контроль сотрудников ОГПУ.

Однако в следующем 1934 г. руководство ГУЛАГ уклонилось от продления договора с ГАИМК, мотивировав свой отказ тем, что оно не может предложить Академии новые памятники для раскопок (РА, ф. 2, оп. 1, 1934 г., д. 138, л. 4, 6). Возможно, что начальникам лагерей не нужны были лишние свидетели того, в каких условиях содержатся заключенные в местах лишения свободы. Впрочем, руководство ГУЛАГ не исключало возможности возобновления сотрудничества с Академией при обнаружении новых интересных для археологов объектов (РА, ф. 2, оп. 1, 1934 г., д. 138, л. 4, 6).

Наиболее активно сотрудники Академии изучали археологические памятники на юге Европейской части РСФСР. В 1930 г. Северокавказская экспедиция А. А. Миллера исследовала погребения бронзового века в районе Нальчика и одновременно занималась поисками поселений эпохи бронзы в районе Пятигорска (РА, ф. 2, оп. 1, 1931 г., д. 1, л. 38, 38 об.; д. 772, л. 7). В 1932 и 1933 гг. экспедиция раскапывала археологические памятники в Кабардино-Балкарии, в частности неолитическое поселение Агубеково и поселение эпохи ранней бронзы Долинское (РА, ф. 2, оп. 1, 1932 г., д. 113, л. 6, 18, 19; 1933 г., д. 239, л. 105). Отдельный отряд экспедиции, возглавляемый А. А. Иессеном, в 1933 г. провел разведки в горных районах северного Кавказа (РА, ф. 2, оп. 1, 1933 г., д. 260).

С 1930 г. А. А. Миллер возглавил еще одну экспедицию ГАИМК, Таманскую, которая выявила в западной части Таманского полуострова свыше 60 городищ и поселений, относящихся к различным эпохам. На Таманском и Фангорийском городищах были сделаны разрезы для изучения стратиграфии. В 1931 г. экспедиция приступила к изучению верхних отложений Таманского городища, датирующихся эпохой средневековья. В этом же полевом сезоне исследовали расположенный вблизи Тамани могильник с захоронениями античного и средневекового времени. В работах экспедиции принимали участие многие известные археологи: М. И. Артамонов, Г. В. Григорьев, А. А. Иессен,

А. Н. Карасев, А. П. Круглов, О. О. Крюгер, Е. И. Леви, А. П. Манцевич, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгасцкий, В. И. Равдоникас, Н. И. Репников (РА, ф. 2, оп. 1, 1930 г., д. 118, л. 31, 37, 43, 47, 68; 1931 г., д. 777, л. 15 об., 28, 31—33, 35—38, 54, 128—130).

Со временем ученики А. А. Миллера сами стали во главе экспедиций. В 1932 г. под началом М. И. Артамонова состоялась Донецкая экспедиция ГАИМК, которая раскапывала поселение эпохи поздней бронзы у хут. Ляпичена (РА, ф. 2, оп. 1, 1932 г., д. 110, л. 3, 15). На следующий год М. И. Артамонов руководил уже Маньчской экспедицией, которая исследовала 4 кургана в районе строительства плотины у хут. Веселого, находящегося на трассе Маньчского канала. В результате этих раскопок были обнаружены погребения бронзового и железного веков (РА, ф. 2, оп. 1, 1933 г., д. 115, л. 1, 4, 10, 12, 13; д. 222, л. 1). В 1934 г. Маньчскую экспедицию возглавила В. В. Гольмстен, под руководством которой раскапывали поселение эпохи бронзы у хут. Веселого (РА, ф. 2, оп. 1, 1934 г., д. 191, л. 42, 76). В 1935 г. к руководству экспедиции вернулся М. И. Артамонов и исследовал здесь 2 больших кургана с погребениями эпохи бронзы (РА, ф. 2, оп. 1, 1935 г., д. 131, л. 35).

В 1934 г. были возобновлены работы по выявлению, учету и предварительному изучению археологических памятников в зоне проектируемого Волго-Донского канала. Для выполнения этих работ ГАИМК организовала Волго-Донскую экспедицию (начальник М. И. Артамонов) в составе 3 отрядов, руководителями которых были назначены Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгасцкий и М. А. Миллер (г. Ростов), брат репрессированного А. А. Миллера. Сотрудники двух первых отрядов занимались в основном разведками и выявили многочисленные памятники от неолита до эпохи средневековья. М. А. Миллер, руководивший третьим отрядом, раскопал несколько курганов эпохи бронзы (РА, ф. 2, оп. 1, 1934 г., д. 186, л. 48, 50—126; д. 402).

А. А. Иссен осенью 1933 г. провел разведки в долине р. Сулак (Дагестан), в зоне строительства Черкейской гидроэлектростанции, где ему удалось обнаружить множество курганных могильников (РА, ф. 2, оп. 1, 1933 г., д. 96, л. 1, 22, 27). В следующем году он провел разведки и охранные раскопки в зоне строительства гидроэлектростанции на р. Баксан в Кабардино-Балкарии (РА, ф. 2, оп. 1, 1934 г., д. 211, л. 32; д. 298, л. 1).

В 1935 г. была организована Терская экспедиция под началом А. П. Круглова, который по договору с Гидроэлектропроектом провел разведки в долине р. Терек. В ходе работ экспедиции были осмотрены средневековые церкви, поселения, башни, склепы и каменные ящики. На Дарьяльском укреплении (IX—X вв.) произведены небольшие раскопки (РА, ф. 2, оп. 1, 1935 г., д. 10, л. 3—7; д. 96). В следующем году А. П. Круглов возглавил Чечено-Ингушскую экспедицию, которая также занималась археологическими разведками (РА, ф. 2, оп. 1, 1936 г., д. 256).

М. А. Миллер в 1935 г. и Б. Б. Пиотровский в 1936 г. раскапывали у г. Моздок разрушающееся поселение середины I тыс. до н. э. и курганный могильник с захоронениями, датирующимися от эпохи бронзы до раннего средневековья (РА, ф. 2, оп. 1, 1935 г., д. 117, л. 185, 186, 197; д. 263).

В 1937 г. возобновились работы Северокавказской экспедиции. Ее руководителем стал М. И. Артамонов. В течение трех полевых сезонов 3 отряда этой

экспедиции (начальники А. П. Круглов, А. В. Мачинский, Г. В. Подгасцкий) проводили исследования могильников эпохи поздней бронзы в Дагестане (у села Гогатль) и Чечено-Ингушетии (у села Хорочой). Кроме того, экспедиция раскапывала могильник VI—V вв. до н. э. у села Исти-Су (Чечня) и городища первых веков нашей эры в долине р. Сунжа (РА, ф. 35, оп. 5, д. 416, л. 35; Гурина, Крижевская 1939: 27—29; Археологические экспедиции... 1962: 111, 112).

В 1940 г., спустя 16 лет после того как Б. Л. Богаевский пытался организовать на Украине раскопки трипольских памятников, в ИИМК была создана Днестровская экспедиция (начальник С. Н. Бибииков), целью которой являлось открытие новых поселений трипольской культуры в бассейне Днестра и выбор одного из них для стационарных раскопок (Археологические экспедиции... 1962: 124).

Некоторые сотрудники ИИМК работали на территории Грузии и Армении. Речь идет о раскопках А. А. Иссена и Б. Б. Пиотровского. В 1935 г. Сухумская экспедиция во главе с И. И. Иссеном обследовала памятники в зоне строительства Сухумской ГЭС, включая дольмены на оз. Амткел и поселения эпохи неолита и бронзы около Очемчири (Археологические экспедиции... 1962: 98, 99). В 1938 г. он руководил работами Колхидской экспедиции, которая проводила разведки от низовьев р. Ингури до г. Самтредиа. Стационарные работы были начаты на поселении Наохваму, где были вскрыты слои эпохи бронзы и раннего железного века (Археологические экспедиции... 1962: 120).

В 1930 г. Б. Б. Пиотровский проводил в Армении археологические разведки (РА, ф. 2, оп. 1, 1930 г., д. 129, л. 4). Спустя 9 лет он возглавил экспедицию, которая при поддержке Государственного Эрмитажа и археологических учреждений Армении в 1939—1941 гг. исследовала урартскую цитадель VII в. до н. э. на холме Кармирблур, на северо-западной окраине г. Ереван. В результате этих раскопок были найдены первые бронзовые изделия с надписями и именами урартских царей (Археологические экспедиции... 1962: 121, 122).

Постепенно увеличивалось количество экспедиций, которые ГАИМК направляла для изучения археологических памятников Средней Азии. В 1930 г. Б. Л. Богаевский, заведующий разрядом древних культур Средиземноморья, написал докладную записку о необходимости археологического исследования русского Туркестана и Ферганы, в связи с наличием там древних поселений с расписной керамикой, которую можно было бы сравнить с аналогичной керамикой Юго-Восточной Европы (РА, ф. 2, оп. 1, 1930 г., д. 1, л. 487—489). К сожалению, на этом документе не проставлена дата, но, очевидно, Ферганская экспедиция, состоявшаяся в том же году под руководством сотрудника ГАИМК Б. А. Латынина совместно с Сектором науки Узбекистана и Среднеазиатским музеем истории и истории революции (РА, ф. 2, оп. 1, 1930 г., д. 180), являлась практическим воплощением идей, изложенных в записке Б. Л. Богаевского. Эти работы носили в основном разведочный характер (Латынин 1931: 39).

В 1933 г. Б. А. Латынин возобновил археологические исследования Ферганы, причем на этот раз его экспедицию финансировали из средств, предназначенных для строительства гидроэлектростанции на р. Нарын. Исследователь сосредоточил свои работы в восточной части Ферганской долины, в междуречье рек Нарын и Кара-Дарья (территория нынешнего Узбекистана). Наиболее важное

открытие Б. А. Латынин сделал возле кишлака Эйлатан, где им была обнаружена расписная керамика, архаичного, по его мнению, облика (РА, ф. 2, оп. 1, 1933 г., д. 95, л. 54; д. 224, л. 19, 20, 24, 31; оп. 3, д. 350, л. 14, 18). В следующем году Б. А. Латынин по договору с САЗГИПРОВОДОМ произвел небольшие раскопки городища Шаари-Хайбер, расположенного у кишлака Эйлатан. Он выделил здесь три культурных слоя и нашел аналогичную глиняную посуду (РА, ф. 2, оп. 1, 1934 г., д. 219, л. 1, 2; д. 220, л. 42, 57). Ныне этот керамический комплекс, получивший название эйлатанского, относят к VI—III вв. до н. э.

В 1934—1935 гг. Г. В. Григорьев⁴⁵ обследовал Ташкентский оазис (Чач) на средства Узбекского комитета по охране памятников старины. Он начал раскопки поселения Каунчи-тепе и зафиксировал расположенные возле него курганные могильники, к изучению которых II Узбекстанская экспедиция приступила в 1937—1938 гг. (Гурина, Крижевская 1939: 34; Якубовский 1940: 22). Анализируя поселенческие материалы, Г. В. Григорьев выделил в Чаче каунчинскую культуру конца II тыс. до н. э.—III в. до н. э. (РА, ф. 2, оп. 1, 1936 г., д. 49, л. 75, 76; д. 78, л. 79). Курганные могильники вблизи Каунчи-тепе Г. В. Григорьев считал кочевническими и датировал их I—III вв. н. э. Дальнейшие исследования показали, что эти даты неверны. В настоящее время каунчинская культура датируется от II в. до н. э. до первой половины VI в. н. э.

Учитывая значение полевых исследований в Средней Азии для изучения систем древнейшей ирригации, в 1935 г. при Академии была создана Среднеазиатская комиссия, которая должна была координировать действия ГАИМК и соответствующих органов национальных республик с целью раскопок археологических памятников в «районах ударных ирригационных работ» (РА, ф. 2, оп. 1, 1936 г., д. 49, л. 81, 81 об.). Среднеазиатская комиссия организовала 20—23 марта 1936 г. XVI пленум ГАИМК, посвященный проблемам истории Средней Азии. На нем выступили с докладами А. Ю. Якубовский, А. Н. Бернштам, Г. В. Григорьев и А. М. Белецкий (РА, ф. 2, оп. 1, 1936 г., д. 46, л. 52; д. 107, л. 24).⁴⁶

В развитие идеи о координации археологических исследований в Средней Азии в ноябре 1936 г. Среднеазиатская комиссия заслушала сообщение заведующего Сектором истории материальной культуры Института истории при Центральном исполнительном комитете Туркменской ССР А. А. Марушенко о планируемых работах сектора на 1937 г. (РА, ф. 2, оп. 1, 1936 г., д. 49, л. 95, 95 об., 97).

В 1938—1940 гг. Г. В. Григорьев совместно с Самаркандским музеем исследовал поселение Тали-Барзу, расположенное вблизи Самарканда (Самаркандская экспедиция). В результате раскопок он установил стратиграфию этого памятника, центр которого занимала цитадель, а вдоль стен городища располагались домовладения. Возле Тали-Барзу были найдены водохранилища и древняя система орошения (Гурина, Крижевская 1939: 34). В 1939 г. Г. В. Гри-

⁴⁵ Уроженец г. Самарканда Г. В. Григорьев в конце 1932 г. был вынужден по болезни оставить ГАИМК и пройти курс лечения в Узбекистане в 1933 и 1934 гг. Находясь в Средней Азии, он «в порядке любительства, а затем работая от Узкометариса, обследовал памятники старины Ташкентского оазиса» (РА, ф. 2, оп. 1, 1937 г., д. 110, л. 67). Впоследствии исследователь вернулся к работе в ГАИМК.

⁴⁶ В марте 1936 г. А. М. Белецкий еще не являлся сотрудником ГАИМК.

горьев продолжил раскопки Тали-Барзу, будучи начальником отряда Зеравшанской экспедиции ИИМК и ГЭ (Якубовский 1940а: 51, 52). Последовательность культурных напластований, выявленная Г. В. Григорьевым на Тали-Барзу, стала эталонной для поселений Согда и сохранила свое значение до сегодняшнего времени, хотя предложенные им даты различных слоев оказались ошибочными. В настоящее время этот памятник датируют концом III—VIII вв. н. э.

В 1939 г. в Узбекистане работала Зеравшанская экспедиция ИИМК и ГЭ. Начальник экспедиции А. Ю. Якубовский руководил обследованием городища Пайкенд в Бухарской области. Кроме разведок и сбора подъемного материала был снят подробный план памятника и заложены два шурфа: в шахристане и на цитадели. На поверхности городища были найдены кушанские, сасанидские, согдийские, саманидские, караханидские и тимуридские монеты (Якубовский 1940а: 48—51).

В 1938—1940 гг. А. Н. Бернштам при поддержке Комитета наук Киргизской ССР провел разведки в Киргизии по верхнему течению р. Талас и по р. Чу (Семиреченская экспедиция). В результате этих обследований ему удалось обнаружить руины четырех средневековых городов, среди которых прежде всего следует назвать такие городища, как Красная Речка и Ак-Бешим, площадь которых превышает 30 га. Основные раскопки были сосредоточены на первом памятнике, тогда как работы на втором носили чисто разведочный характер. Исследование городища Красная Речка дало материалы, свидетельствующие о согдийском культурном влиянии на Семиречье (Бернштам 1940: 47, 48). Кроме того, А. Н. Бернштам начал раскопки знаменитого Кенкольского могильника с катакомбным обрядом погребения, датирующегося первыми веками нашей эры (Гурина, Крижевская 1939: 33). Продолжение этих работ привело к сенсационным находкам. Кроме богатого сопроводительного инвентаря в некоторых захоронениях сохранились одежды усопших: кожаные штаны и сапоги, шелковые рубаха и халат. Шелк китайского производства был изготовлен в эпоху империи Хань. А. Н. Бернштам полагал, что Кенкольский могильник оставлен народом сюнну (Бернштам 1940: 45, 46). Однако вопрос об этнической принадлежности людей, погребенных в Кенкольском могильнике (I—V вв. н. э.), до сих пор остается открытым.

В 1936, 1938—1940 гг. Казахская экспедиция под руководством А. Н. Бернштама изучала руины средневекового города Тараз на юге Казахстана. Полевые работы, которым оказал содействие Казахский филиал АН СССР, позволили выявить стратиграфию культурных напластований памятника от V до XIX в. н. э. В результате раскопок были исследованы остатки жилых построек X—XII вв. с богатым бытовым инвентарем, включая прежде всего местную и привозную керамику (из Самарканда и Ирана), а также восточные ворота, южная стена, водопровод и бани с фресковой росписью. Кроме того, экспедиция исследовала древние курганы (РА, ф. 2, оп. 1, 1936 г., д. 392; Гурина, Крижевская 1939: 31). В 1939 г. А. Н. Бернштам начал изучение могильника Берккара на юге Казахстана. Исследователь раскопал здесь свыше 30 курганов, относящихся к так называемому сако-усуньскому периоду (III—I вв. до н. э.). Погребальные комплексы могильника характеризуют культуру ранних кочевников на юге Казахстана во второй половине I тыс. до н. э. Эк-

педия провела также полевые обследования в Алма-Атинской области, в ходе которых обнаружила руины средневекового города Кыялыка (Бернштам 1940: 43, 44; Археологические экспедиции... 1962: 107, 108).

В 1941 г. в зоне строительства Большого Чуйского канала (Киргизия) проводила спасательные работы Чуйская экспедиция под началом А. Н. Бернштама (Археологические экспедиции... 1962: 126).

В 1935 г. Казахская экспедиция ГАИМК в составе А. А. Иессена и С. С. Черникова по договору с Союзникельоворазведкой исследовала древние выработки меди, олова и золота в Восточном Казахстане, в верховьях Иртыша. Участники экспедиции осматривали также встреченные ими археологические памятники (РА, ф. 2, оп. 1, 1934 г., д. 2, л. 49; 1935 г., д. 117, л. 107, 108; д. 153, л. 7; д. 164, л. 1). В 1937 и 1938 гг. работы в этом районе Казахстана продолжил С. С. Черников в состав Желамбетской партии Главзолоторазведки. Он обследовал древние разработки меди, в которых найдено большое количество каменных орудий (молоты, кайлы, песты, ступы для растирания руды). Выработки относились к концу II—началу I тыс. до н. э. (Турина, Крижевская 1939: 31, 32; Археологические экспедиции... 1962: 99).

Арсты ленинградских специалистов в области археологии Сибири, которые случились в начале 1930-х гг., привели к почти полному прекращению экспедиционной деятельности ИИМК в этом регионе. Лишь в 1939 г. М. П. Грязнов (Алтайская экспедиция) раскопал в Канской степи несколько курганов эпохи ранних кочевников и тюркского времени (Археологические экспедиции... 1962: 122). Следует упомянуть также работы Г. В. Подгаецкого на Южном Урале. Возглавляемая им Орская экспедиция в 1936 г. исследовала Ново-Аккерманский могильник андроновской культуры (РА, ф. 2, оп. 1, 1936 г., д. 169, л. 42 об.).

Оценивая экспедиционные работы ГАИМК/ИИМК предвоенного времени, следует признать, что основные достижения в этой области связаны с именем А. А. Миллера, который на протяжении 10 лет (1924—1933) руководил обширными полевыми изысканиями на юге РСФСР. Его экспедиция являлась по сути дела единственным масштабным проектом ГАИМК, благодаря которому наряду со стационарными раскопками были обнаружены и зарегистрированы сотни новых археологических памятников. В результате работ Северокавказской, Волго-Донской и Таманской экспедиций была установлена культурная и хронологическая периодизация древностей южнорусских степей и предгорий Северного Кавказа от эпохи бронзы до средневековья. В экспедициях А. А. Миллера совершенствовались свое профессиональное мастерство такие известные в будущем археологи, как М. И. Артамонов, А. А. Иессен, Б. Б. Пиотровский, а также Г. В. Григорьев, А. П. Круглов, А. В. Мачинский, Г. В. Подгаецкий и Е. Ю. Кричевский, жизни которых оборвалась во время Великой Отечественной войны. Сейчас уже невозможно установить, в какой мере эти исследователи считали А. А. Миллера своим учителем, но работа под его началом на протяжении ряда лет не могла не повлиять на формирование их как специалистов. Таким образом, можно сказать, что благодаря своей энергии и целеустремленности А. А. Миллер создал в ГАИМК археологический центр по изучению древних культур юга Европейской части СССР, традиции которого были затем подхвачены молодыми исследователями, работавшими бок о бок с этим незаурядным ученым.

А. А. Миллер был по образованию профессиональным военным.⁴⁷ В 1900 г. он оставил службу в армии и уехал в Париж, где продолжил образование в Высшей школе социальных наук и в Антропологической школе. В 1905 г. А. А. Миллер вернулся на родину и с 1907 г. начал научные исследования по поручению ИАК. С декабря 1908 г. А. А. Миллер работал хранителем этнографического отдела Русского музея и в 1910 г. был командирован им в Скандинавские страны, а также в Австро-Венгрию, Англию, Германию и Францию для изучения музейного дела. В 1918 г. А. А. Миллер стал директором Русского музея и оставался им до мая 1921 г., являясь одновременно членом Археологической Комиссии. В 1919 г. он возглавил разряд палеознаний в РАИМК, а затем и этнологическое отделение РАИМК/ГАИМК. Таким образом, к началу 1920-х гг. он имел большой опыт научной и административной работы, что позволило ему добиться успехов в организации масштабных по меркам того времени экспедиций. Работая в главном археологическом учреждении страны, А. А. Миллер в 1923—1926 гг. сохранял должность хранителя в этнографическом отделе Русского музея. В 1927 г. он стал профессором ЛГУ (РА, ф. 2, оп. 3, д. 430, л. 7; оп. 5, д. 213, л. 1 об., 2 об., 3 об.; РА ГРМ, ф. 1, оп. 10, д. 452, л. 5, 14; д. 396, л. 52).

Огромное значение для археологии Сибири имели полевые исследования С. А. Теплоухова. Окончив в 1914 г. естественное отделение физико-математического факультета Казанского университета, он работал в Томском университете (1919—1922). Именно здесь зародился его интерес к древностям Сибири. Переехавшись в Петроградский университет, в котором он преподавал с 1922 по 1929 г., С. Н. Теплоухов одновременно работал в этнографическом отделе Русского музея и в РАИМК/ГАИМК (РА, ф. 2, оп. 3, д. 644, л. 1, 1 об.; РА ГРМ, ф. 1, оп. 10, д. 452, л. 3, 27, 32, 33, 35 об.). Благодаря своим изысканиям 1920-х гг. в Красноярском крае и Туве он создал периодизацию археологических культур Южной Сибири эпохи энеолита—железного века, которая до сих пор не утратила своей актуальности.

Раскопки 1-го Пазырыкского кургана позволили получить принципиально новую информацию о культуре ранних кочевников Сибири и социальной дифференциации их обществ. Курган был исследован Алтайской экспедицией под руководством С. И. Руденко. Этот талантливый исследователь окончил в 1910 г. географическую группу естественного отделения физико-математического отделения Санкт-Петербургского университета. В 1917 г. он стал доцентом Новороссийского университета, а в 1919 г. перешел на преподавательскую работу в Томский университет, где в 1920 г. был избран деканом физико-математического университета. Переехав в Петроград, С. И. Руденко занимался научной работой в этнографическом отделе Русского музея и в РАИМК. С 1922 по 1927 г. он занимал должности заведующего этнографическим отделом и заместителя директора Русского музея (РА ГРМ, ф. 1, оп. 10, д. 396, л. 6, 54а, 86, 87).

Для археологии Средней Азии и Казахстана большое значение имели полевые маршруты А. Н. Бернштама, который обследовал раннесредневековые городища и раскапывал курганные могильники железного века на территории

⁴⁷ В 1886—1896 гг. он закончил кадетский корпус в Новочеркасске и Николаевское инженерное училище в Санкт-Петербурге (РА, ф. 2, оп. 3, д. 430, л. 2; оп. 5, д. 213, л. 1 об.).

Киргизии и Казахстана. А. Н. Бернштам во многих случаях был ученым-первопроходцем. Его экспедиции, как правило, работали в тех местах, куда еще не ступала нога археолога. Не менее важными оказались также исследования Г. В. Григорьева на раннесредневековом поселении Тали-Барзу в Согде.

На фоне больших успехов в области полевой археологии удивляет малочисленность фундаментальных публикаций сотрудников РАИМК/ГАИМК/ИИМК 1920—1930-х гг., причем не только монографий, но и развернутых отчетов о раскопках. В литературе высказано мнение о том, что причиной этого стала боязнь обвинений в протаскивании на страницах археологических книг идей, чуждых марксизму (Платонова 1999: 468). Отчасти это верно, но только отчасти. К началу деятельности РАИМК территория страны, несмотря на всю важность работ ИАК, в археологическом отношении представляла собой сплошное белое пятно. Перед экспедициями Академии стояла задача первичного накопления артефактов с целью их последующего осмысления. Очевидно, что обобщающие работы могли быть написаны только по прошествии нескольких полевых сезонов и ожидать их выхода в свет следовало не ранее первой половины 1940-х гг., но этому помешала война.

В пользу именно такой точки зрения свидетельствует тот факт, что лишь в 1941 г. были частично опубликованы результаты раскопок Северокавказской экспедиции ГАИМК в Кабардино-Балкарии (Материалы по археологии Кабардино-Балкарии. МИА. № 3. М.; Л., 1941). Авторы сборника, ученики А. А. Миллера (Б. Е. Деген-Ковалевский, А. А. Исссен, Е. Ю. Кричевский, А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий), не побоялись акцентировать внимание на том, что экспедицией, которая поставила перед собой задачи исследования древних поселений и могильников на юге РСФСР, а также комплексного изучения ранних культур в тесной увязке археологических, этнографических и иных источников, руководил профессор А. А. Миллер. Изданный сборник представляет собой публикацию добытых материалов, в том числе Нальчикского могильника и Долинского поселения. Основным достижением Северокавказской экспедиции, судя по этой книге, стало обоснование относительной хронологии раскопанных памятников. Годом ранее был издан обстоятельный отчет Г. В. Подгаецкого о его исследованиях могильника эпохи поздней бронзы на Южном Урале (*Подгаецкий Г. В. Могильник эпохи бронзы близ г. Орск. МИА. № 1. М.; Л., 1940. С. 69—82*). Следует также упомянуть монографию А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого «Родовое общество степей Восточной Европы» (Известия ГАИМК. Вып. 119. М.; Л., 1935). В этой книге археологические материалы, полученные при раскопках поселений и могильников эпохи бронзы, анализируются с социологической точки зрения. Важное значение для археологии Кавказа имела книга А. А. Исссена и Б. Е. Деген-Ковалевского «Из истории древней металлургии Кавказа» (Известия ГАИМК. Вып. 120. М.; Л., 1935).

ИИМК АН СССР в годы Великой Отечественной войны

Во время Великой Отечественной войны (1941—1945) экспедиционные работы ИИМК были практически свернуты. 12 июля 1941 г. Институт получил распоряжение готовиться к эвакуации имущества и сотрудников. Наиболее

ценная часть рукописного архива, законченные рукописи исследователей, архив Н. Я. Марра и археологические коллекции были упакованы в ящики, причем самые уникальные находки передали на временное хранение в кладовые Эрмитажа. Из библиотеки Института был произведен отбор книг для научной работы эвакуируемых сотрудников. Женщины, имевшие малолетних детей, были вскоре вывезены из города во время общегородской эвакуации детей и матерей. Некоторые археологи (М. П. Грязнов, А. А. Исссен, Б. Б. Пиотровский) эвакуировались вместе с Государственным Эрмитажем, который являлся их основным местом работы. А. Ю. Якубовский был откомандирован в Узбекский филиал АН СССР, А. Н. Бернштам — в Казахский филиал. Мужчины, годные к строевой службе, были мобилизованы в Красную Армию или пошли в народное ополчение, один из них погиб на фронте (А. П. Круглов). Многие сотрудники умерли от голода и болезней в осажденном германскими войсками Ленинграде (Б. Л. Богаевский, В. В. Гольмстен, Б. Е. Деген-Ковалевский, Г. В. Григорьев, Е. Ю. Кричевский, А. В. Мачинский, Г. В. Подгаецкий и Г. П. Сосновский) (РА, ф. 312, оп. 1, д. 173, л. 1—4; д. 182, л. 3, 4).

Тем не менее научная жизнь в Институте не прекратилась до конца 1941 г. 20 сентября ученики А. А. Миллера защитили кандидатские диссертации (Г. В. Григорьев «Тали-Барзу как памятник до мусульманского Согда», А. П. Круглов «Северо-восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э.»,⁴⁸ Г. В. Подгаецкий «Предкифский период на среднем Дону»), 27 сентября кандидатскую диссертацию защитил Б. Е. Деген-Ковалевский («Курганы в Кабардинском парке г. Нальчик») (РА, ф. 312, оп. 1, д. 173, л. 2, 3).

В ноябре 1941 г. самолетами из Ленинграда были вывезены возглавлявший тогда ИИМК М. И. Артамонов и некоторые другие сотрудники, преимущественно доктора наук (Г. А. Бонч-Осмоловский, В. Ф. Гайдукевич, П. П. Ефименко, Т. Н. Книпович, В. В. Мавродин, В. А. Миханкова и Б. А. Романов). Руководство Институтом было возложено на академика С. А. Жебелева. После его смерти, последовавшей 3 января 1942 г., Распорядительная комиссия ленинградских учреждений АН СССР назначила С. Н. Бибикова временно исполняющим обязанности директора ИИМК. Благодаря стараниям этого энергичного человека 9 и 19 февраля, а также 23 марта группу сотрудников Института, переживших в Ленинграде страшную блокадную зиму 1941/42 г., когда из окон домов, по выражению А. А. Ахматовой, глядела смерть, удалось эвакуировать из города по дороге, проложенной по льду Ладожского озера. С апреля 1942 г. С. Н. Бибиков организовал в условиях окруженного Ленинграда работу трех секторов: палеолита и неолита (руководитель В. И. Равдоникас), античного мира (руководитель М. И. Максимова), Древней Руси и Восточной Европы (руководитель М. А. Тиханова). В июле и августе 1942 г. город покинули все сотрудники ИИМК, за исключением 5 человек, оставшихся охранять здание Института (РА, ф. 312, оп. 1, д. 173, л. 3—5, 7).

Отдавая должное заслугам С. Н. Бибикова, спасшего жизни своих коллег, члены Ученого совета ИИМК и старшие научные сотрудники Института обратились с письмом из далекой Елабуги в Президиум АН СССР. В этом докумен-

⁴⁸ Эту работу сотрудники Сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИМК смогли опубликовать спустя 13 лет после окончания войны (МИА. № 68. М.; Л., 1958. С. 7—146).

те, подписанном Л. А. Динцес, П. П. Ефименко, М. П. Максимовой, В. И. Равдоникасом и С. И. Руденко, говорится о том, что «С. Н. Бибикову в значительной мере принадлежит заслуга сохранения научных кадров института и обеспечение его нормальной работы в условиях» ленинградской блокады. В письме отмечена также особая роль С. Н. Бибикова в организации эвакуации ИИМК. В заключение актив Института просит Президиум выдать С. Н. Бибикову денежную премию в размере его двухтысячного оклада (РА, ф. 312, оп. 1, л. 173, л. 25).

Эвакуированные из Ленинграда сотрудники ИИМК оказались в Елабуге (руководитель М. И. Артамонов) и в Ташкенте (руководитель Ю. А. Якубовский) (Тараканова 1947: 159). В Ташкенте осенью 1942 г. под руководством А. Ю. Якубовского был создан Сектор археологии Востока (РА, ф. 312, оп. 1, д. 205, л. 22, 23). Он насчитывал 20 научных сотрудников, далеко не все из которых были специалистами в области среднеазиатской археологии. Тем не менее они сумели в 1943 и 1944 гг. провести раскопки под руководством В. Ф. Гайдукевича в зоне строительства Фархадской ГЭС (Фергана, территория древней области Уструшаны). Объектом исследования стало городище Мунчак-тепе, где были вскрыты постройки первых веков нашей эры и развитого средневековья. Городище являлось мощным укреплением на границе со степью, жизнь на котором прекратилась лишь во время монгольского нашествия. Вблизи Мунчак-тепе были открыты могильники, датирующиеся первыми веками нашей эры (ИИМК в дни ВОВ [1943] 1946: 155—157; Археологические экспедиции... 1962: 128).

В связи с тем, что сотрудники ИИМК оказались разбросанными по разным городам, его дирекцию, которую в 1943 г. возглавил академик Б. Д. Греков, для удобства управления Институтом перевели в Москву. Постановлением Президиума АН СССР от 8 февраля 1945 г. Ленинградскую часть ИИМК преобразовали в Ленинградское отделение ИИМК. После эвакуации, которая заняла весну и лето 1945 г., в ЛОИИМК были созданы 4 сектора, в том числе Сектор бронзы и раннего железа (руководитель М. И. Артамонов) и Сектор Средней и Центральной Азии (руководитель член-корреспондент АН СССР А. Ю. Якубовский). Следует отметить, что в это время С. И. Руденко работал в Секторе палеолита и неолита, М. П. Грязнов, А. А. Иессен и Б. Б. Пиотровский — в Секторе бронзы и раннего железа, А. Н. Бернштам, А. М. Беленицкий, М. М. Дьяконов, И. Б. Бентович — в Секторе Средней и Центральной Азии (РА, ф. 312, оп. 1, д. 236, л. 2, 3, 10, 13, 26, 27).

Археология Средней Азии, Кавказа, Сибири и южнорусских степей в ЛОИИМК АН СССР (1946—1951)

После окончания Великой Отечественной войны, во второй половине 1940-х—начале 1950-х гг., полевые исследования сотрудников ЛОИИМК, несмотря на гибель ряда талантливых археологов, развернулись во многих регионах страны.

На юге РСФСР работы носили довольно скромный характер. В 1950, 1951 гг. курганный отряд Волго-Донской экспедиции (начальник А. А. Иессен) раскапывал курганы у хут. Попова и у хут. Солоненого. За два сезона было иссле-

довано 11 курганов, в которых обнаружили 85 погребений от эпохи ранней бронзы до средневековья (Археологические экспедиции... 1962: 171). В 1950 г. А. А. Иессен руководил работами Кубанской экспедиции, которая обследовала памятники эпохи бронзы и раннего железного века в Краснодарском крае (Археологические экспедиции... 1962: 179).

Более масштабные раскопки были проведены на Украине, где в 1946—1948 и 1953 гг. в составе Среднеднепровской экспедиции работал Раннетрипольский отряд (начальник С. Н. Бибилов),⁴⁹ раскапывавший трипольские поселения Лука Врубелевская. В результате расчистки 7 жилищ-полуземлянок было найдено большое количество артефактов, включая расписную керамику и уникальные статуэтки (Археологические экспедиции... 1962: 136).

В 1945 г. Б. Б. Пиотровский возобновил изучение урартского города Тейшебаини в Армении (Тараканова 1947а: 166). В ходе многолетних изысканий на этом памятнике были выявлены контуры цитадели и расчищены помещения внутри ее. При раскопках были обнаружены клинописные документы из городского архива (Археологические экспедиции... 1962: 141).

Наиболее крупные экспедиции ЛОИИМК этого периода работали в Средней Азии. Следует подчеркнуть, что авторитет подразделений ИИМК, занимавшихся восточной археологией, был неизменно высок в национальных республиках Средней Азии и Казахстане. Именно поэтому заведующий кафедрой археологии Среднеазиатского государственного университета в Ташкенте профессор М. Е. Массон, задумавший создать Южнотуркменстанскую археологическую комплексную экспедицию (ЮТАКЭ), обратился за поддержкой в ЛОИИМК, в Сектор Средней и Центральной Азии. В конце декабря 1945 г. сектор, заслушав доклад М. Е. Массона, одобрил все организационные мероприятия Института истории, языка и литературы Туркменского филиала АН СССР, взявшего на себя инициативу организации ЮТАКЭ. Сектор подчеркнул, что основные археологические проблемы, которые взялась решать ЮТАКЭ (изучение археологических памятников эпохи палеолита, энеолита, бронзового века и античного времени на территории Туркменистана), имеют не только всесоюзное, но и мировое значение. В резолюции сектора высказано желание оказать помощь начинаниям ЮТАКЭ в области полевых и камеральных работ, а также кадрами и финансированием (РА, ф. 312, оп. 1, д. 242, л. 4, 4 об.).

С 1946 г. начинаются работы Согдийско-Таджикской экспедиции,⁵⁰ которую до 1952 г. возглавлял А. Ю. Якубовский. Экспедиция включала несколько отрядов. Основным объектом раскопок этого научного коллектива стало раннесредневековое городище Пенджикент (согдийский город Панч), к исследованию которого в 1947 г. приступил Пенджикентский отряд, вначале под руководством А. Ю. Якубовского (1947—1951), а затем — А. М. Беленицкого. В ходе многолетних работ были раскопаны жилые кварталы, храмы, мастерские, могильники VI—VIII вв. При исследовании Пенджикента обнаружены уникальные находки: настенные росписи, глиняная скульптура и резное дере-

⁴⁹ В 1951 г. С. Н. Бибилов раскапывал поселение Лука Врубелевская в составе Трипольской экспедиции ИИМК, которую возглавлял Т. С. Пасек (Археологические экспедиции... 1962: 146).

⁵⁰ С 1952 г. экспедиция стала называться Таджикской.

но. Большое значение для археологии Средней Азии имели работы Кафирниганского отряда экспедиции (начальник М. М. Дьяконов), который на юге Таджикистана проводил раскопки могильника Туп-хона, а также городищ Калан-мир и Кей-Кобадшах, относящихся к I тыс. до н. э. (Археологические экспедиции... 1962: 153).

Один из лидеров среднеазиатской археологии этого времени, А. Н. Бернштам, исследовал преимущественно погребальные памятники кочевников эпохи железного века и раннего средневековья. С присущей ему энергией он руководил несколькими экспедициями. Работы одной из них, Тяньшань-Алайской, начались еще в конце войны (1944) и продолжались в 1945, 1946 и 1949 гг. За это время на юге Киргизии были изучены погребения эпохи бронзы в Арле, катакомбные погребения в Бурмачапе, курганы сако-усуньского и тюркского времени на Иссык-Куле. Экспедиция обследовала Восточный Памир и провела раскопки на городище Узген (Археологические экспедиции... 1962: 130).

Еще одним коллективом, которым руководил А. М. Бернштам, являлась Памиро-Алайская экспедиция. В результате ее работ (1947—1948) в Узбекистане и Таджикистане были исследованы курганы железного века (Археологические экспедиции... 1962: 162, 163).

В 1947—1949 гг. А. Н. Бернштам возглавлял Южноказахстанскую экспедицию, которая обследовала памятники Отрарского оазиса, низовий р. Чу и среднего течения р. Сырдарья (Археологические экспедиции... 1962: 161).

В 1950—1952 гг. в Узбекистане, Таджикистане и Киргизии проводила работы Памиро-Ферганская комплексная археолого-этнографическая экспедиция под руководством А. Н. Бернштама. Она раскапывала в основном курганы эпохи железа, а также изучала наскальные изображения в местности Саймалы-Таш и поселения земледельцев в Фергане, датирующиеся I тыс. до н. э. и эпохой средневековья (Археологические экспедиции... 1962: 179).

В 1947—1950, 1952 и 1953 гг. С. С. Черников исследовал памятники эпохи бронзы и железного века в Казахстане (Восточноказахстанская экспедиция), преимущественно поселения андроновской культуры, а также курганы эпохи ранних кочевников (Археологические экспедиции... 1962: 163).

Во второй половине 1940-х гг. археологи ЛОИИМК возобновили полевые работы в Сибири. В 1946, 1947 и 1949 гг. на р. Оби, близ села Большая речка, работала Верхисобская экспедиция, которую возглавлял М. П. Грязнов. Здесь раскапывали могильники и поселения, датирующиеся от эпохи бронзы до развитого средневековья (Археологические экспедиции... 1962: 154).

С. И. Руденко (Уланганская экспедиция) вернулся к исследованиям знаменитого Пазырыкского могильника. В полевом сезоне 1947 г. он раскапывал 2-й Пазырыкский курган (РА, ф. 35, оп. 5, д. 416, л. 36; Археологические экспедиции... 1962: 163). В 1948—1950 гг. изучение Пазырыкских курганов проводила уже Горноалтайская экспедиция, также под руководством С. И. Руденко и при участии А. А. Гавриловой (Археологические экспедиции... 1962: 168).

В 1945, 1946 гг. С. И. Руденко занимался исследованиями археологических памятников в той части СССР, где экспедиции ЛОИИМК еще не работали. Речь идет о раскопках эскимосских стойбищ на Чукотке, датирующихся I тыс. до н. э.—I тыс. н. э. (Археологические экспедиции... 1962: 142).

В начале 1950-х гг. были изданы результаты работ многолетних экспедиций, которыми руководили сотрудники Сектора Средней и Центральной Азии

ЛОИИМК. Прежде всего следует назвать публикацию работ Семиреченской экспедиции ее начальником А. Н. Бернштамом (Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина». Работы 1938—1941 гг. МИА. № 14. М.; Л., 1950). Затем он издал обобщающее исследование, посвященное археологическим памятникам Тянь-Шаня и Памира (Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА. № 26. М.; Л., 1952).

Большое значение для домусульманской археологии Средней Азии имел выход в свет трудов Согдийско-Таджикской и Таджикской экспедиции (руководитель А. Ю. Якубовский), в которых были опубликованы материалы, полученные при исследовании городища Пенджикент (Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции. Т. 1. МИА. № 15. М.; Л., 1950; Труды Таджикской археологической экспедиции. Т. 2. МИА. № 37. М.; Л., 1953).

В 1953 г. С. Н. Бибииков издал результаты многолетних раскопок древнеземледельческого поселения Лука Врубелевская (Бибииков С. Н. Раннетрипольское поселение Лука Врубелевская на Днестре. МИА. № 38. М.; Л., 1953). В этой монографии впервые была дана развернутая характеристика трипольского археологического комплекса.

В том же году С. И. Руденко выпустил в свет фундаментальную монографию «Культура населения Горного Алтая в скифское время» (М.; Л., 1953), в которой он суммировал результаты своих четырехлетних раскопок уникальных Пазырыкских курганов. В захоронениях этого могильника благодаря условиям вечной мерзлоты сохранились артефакты, изготовленные из органических материалов.

Сектор археологии Средней Азии и Кавказа в ЛОИИМК АН СССР/ЛОИА АН СССР (1951—1991)

В 1951 г. структура ИИМК в последний раз подверглась кардинальному изменению, одним из результатов которого стало формирование в Ленинграде Сектора археологии Средней Азии и Кавказа⁵¹ (РА, ф. 312, оп. 1, д. 331). Эта реорганизация Института явилась следствием драматических событий в отечественных гуманитарных науках, начавшихся в 1950 г., после выхода в свет работы главы государства И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». В ней резкой критике подверглось так называемое новое учение о языке, создателем которого был многолетний председатель ГАИМК, академик Н. Я. Марр, умерший в 1934 г.⁵² Этот шаг И. В. Сталина лежал в русле проводимой им с

⁵¹ Персональный состав Сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИИМК в 1951 г.: А. М. Беленицкий, А. Н. Бернштам, А. А. Иессен, В. А. Крачковская, Б. Б. Пиотровский, С. И. Руденко, К. В. Тревер, С. С. Черников, В. П. Шилов, А. Ю. Якубовский (РА, ф. 312, оп. 1, д. 891, л. 6).

⁵² В 1910-е и в начале 1920-х гг. Н. Я. Марр высказал идею о существовании обширной яфетической семьи языков, в состав которой, наряду с грузинским и другими кавказскими, входили якобы многие древние языки Средиземноморья. Эта гипотеза вошла в противоречие с принципами сравнительно-исторического языкознания. Тогда Н. Я. Марр, отбросив последнее, выступил с «новым учением о языке», сводившимся к трем постулатам: 1) языкового родства не существует; языки не могут расхолаживаться, они лишь скрещиваются друг с другом; 2) все языки в своем развитии проходят с разной скоростью одинаковые стадии развития — от примитивной, состоявшей из четырех первобытных элементов («диффузные выкрики»: сал, бер, йон, рош), до самой слож-

1946 г. внутренней политики, одна из целей которой заключалась в том, чтобы не допустить отхода от жестких принципов управления государством, изменения или по меньшей мере ослабления которых ожидало раскрепостившееся за годы войны население страны. Для достижения этой цели вождь считал необходимым запугать прежде всего интеллигенцию и творческих работников — деятелей искусства, культуры и науки.⁵³

На инициативы вождя было принято реагировать незамедлительно. 20 июня 1950 г. в газете «Правда» публикуется изложение взглядов И. В. Сталина на вопросы языкознания, а уже 5 июля на открытом партийном собрании ИИМК выступил его директор, член-корреспондент АН СССР А. Д. Удальцов, который отметил необходимость разворачивания широкой критики и самокритики в связи с использованием в гуманитарных науках ложной концепции Н. Я. Марра о языке. В сентябре ИИМК вернулся к этому вопросу и провел расширенное объединенное заседание секторов, посвященное осуждению теории Н. Я. Марра и его последователей (Обсуждение трудов И. В. Сталина... 1951: 203).

Что касается ЛОИИМК, то оно с запозданием отозвалось на новую разоблачительную кампанию в науке. Лишь 22 и 23 ноября на заседании Ученого совета был заслушан доклад заведующего ЛОИИМК А. П. Окладникова «Труды В. И. Сталина по вопросам марксизма в языкознании». Такое промедление дало повод головному учреждению обвинить руководство Ленинградского отделения в том, что оно уклоняется от покаяния в грехе марризма. На заседании Ученого совета ИИМК в Москве (28—30 ноября) все основные постулаты учения Н. Я. Марра о языке вновь были подвергнуты уничижительной критике, в особенности трактовка Н. Я. Марром языка как надстройки. А. П. Окладников и все Ленинградское отделение было обвинено в попытке взять Н. Я. Марра под защиту и в стремлении сохранить его культ в ЛОИИМК. Имена таких известных ленинградских археологов, как М. И. Артамонов, А. Н. Бернштам, Б. Б. Пиотровский, члены-корреспонденты АН СССР В. И. Равдоникас и К. В. Тревер, упоминались в связи с тем, что они якобы не желали отказываться от приверженности ложной теории и не хотели признавать своих ошибок. Особо опасными были признаны действия А. Н. Бернштама, который пытался выискивать положительные аспекты учения Н. Я. Марра, чтобы впоследствии применить их в археологии (Обсуждение трудов И. В. Сталина... 1951: 203—207).⁵⁴

ной, свойственной древнегреческому, латинскому и другим языкам, причем смена стадий обусловлена экономическими сдвигами в обществе; 3) в любом языке можно выявить остатки предшествующих стадий вплоть до четырех элементов. С конца 1920-х гг. концепция Марра, не подтверждаемая фактами, была объявлена единственно верной и соответствующей марксистскому учению, несмотря на ее явное противоречие идеям К. Маркса и Ф. Энгельса. Учение Н. Я. Марра господствовало не только в языкознании, но и в археологии, востоковедении, истории и этнографии вплоть до выступления против него И. В. Сталина в 1950 г. (www.krugosvet.ru).

⁵³ Эти соображения общего порядка не дают, однако, ответа на вопрос, почему к проблемам языкознания вождь обратился именно летом 1950 г. Подоплекой упомянутого события, видимо, являлось еще не выявленное столкновение политических, идеологических и личных интересов окружающих И. В. Сталина партийных лидеров.

⁵⁴ В приверженности учению Н. Я. Марра обвиняли и некоторых московских археологов, например С. П. Толстова.

Какие же меры предложило руководство ИИМК для исправления серьезных ошибок, допущенных их ленинградскими коллегами? Корень зла оно усматривало в недостаточной централизации руководства Института. Члены Ученого совета в Москве считали ошибкой такое положение вещей, при котором ЛОИИМК по сложившейся вредной традиции было автономно, располагая собственным независимым Ученым советом, самостоятельными секторами и руководством, а дирекция ИИМК не приняла своевременных мер к устранению этого ненормального положения. Поэтому в резолюции ноябрьского заседания Ученого совета ИИМК кроме стандартных признаний в недостаточном владении советскими археологами марксистско-ленинской теорией и столь же ритуальных заверений в необходимости ее углубленного изучения были даны конкретные рекомендации об изменении структуры Института и о такой организации его руководства, которое бы обеспечило полную централизацию работы всего ИИМК (Обсуждение трудов И. В. Сталина... 1951: 208). Таким образом тогдашнее руководство ИИМК пыталось использовать сложившуюся ситуацию для того, чтобы лишить ЛОИИМК автономии.

При таких неблагоприятных обстоятельствах 21 июля 1951 г. и произошло рождение Сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИИМК.⁵⁵ И все же создание подразделения, объединившего сотрудников, изучающих древности Востока и евразийских степей от Северного Причерноморья до Забайкалья, означало, что вопреки военным и политическим катаклизмам 1910—1950-х гг. в стенах главного археологического учреждения Петрограда—Ленинграда были сохранены научные направления и традиции, восходящие еще к ИАК. Тем самым в северной столице удалось сберечь преемственность в археологическом изучении Средней Азии, Кавказа и Сибири.

Сектор Средней Азии и Кавказа существует уже в течение 56 лет. Косметические изменения в его названии произошли в 1986 г., когда он был преобразован в отдел, и в 1997 г., когда он получил название Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

Первым заведующим подразделения стал член-корреспондент АН СССР, академик АН Таджикской ССР, заслуженный деятель науки Таджикистана и Узбекистана, профессор Александр Юрьевич Якубовский (1886—1953). Он руководил сектором с 7 февраля 1951 г. по 21 марта 1953 г. Будучи по образованию историком и востоковедом, А. Ю. Якубовский (рис. 1) тем не менее сделал значительный вклад в археологическое изучение средневековой культуры Средней Азии. Именно он начиная с 1947 г. развернул ширококомиссионные раскопки городища Пенджикент в Таджикистане, которые продолжаются уже 60 лет. Современная концепция истории народов Центральной Азии в эпоху средневековья базируется на исследованиях А. Ю. Якубовского. По его инициативе в Ленинграде было положено начало регулярной подготовке археологических кадров для среднеазиатских республик. Молодые исследователи с мест приезжали в ЛОИИМК и в стенах сектора повышали свою научную квалификацию (Выдающиеся ученые Санкт-Петербурга... 2003: 24).

⁵⁵ В этот же день Президиум АН СССР, поддержав предложение руководства ИИМК, ликвидировал в ЛОИИМК Ученый совет. Двамя месяцами ранее А. П. Окладников был освобожден от обязанностей заведующего ЛОИИМК и возглавил Сектор палеолита. Новым заведующим стал М. М. Дьяконов (РА, ф. 312, оп. 1, д. 851, л. 1, 4, 5).

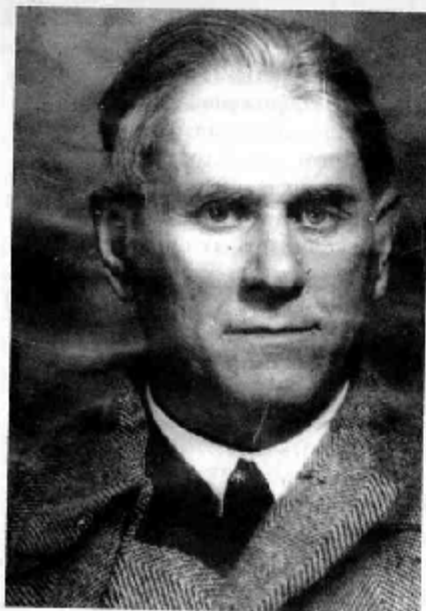

Рис. 1. А. Ю. Якубовский

В годы, которые судьба отпустила А. Ю. Якубовскому на заведование сектором, антимарровская кампания достигла своей высшей точки. В мае 1951 г. заведующий ЛОИИМК М. М. Дьяконов был вынужден сделать доклад на заседании бюро Дзержинского райкома ВКП(б) о том, как обстоят дела по искоренению марнизма в стенах подчиненного ему научного учреждения. Заведующему вновь пришлось называть имена тех же самых сотрудников, которые, как считалось, в прошлом были увлечены идеями Н. Я. Марра, да и теперь не спешили расставаться с ними. В конце своего доклада М. М. Дьяконов выразил надежду на то, что изучение трудов И. В. Сталина поможет его сотрудникам избавиться от влияния идеалистических концепций в науке. Докладчик весьма оптимистично закончил свое выступление заверением в том, что необходимо изживать мар-

ризм и ЛОИИМК будет его изживать (РА, ф. 312, оп. 1, д. 327, л. 4, 6, 7).

Однако и в этом, и в следующем 1952 г. имена опальных ленинградских археологов,⁵⁶ совершивших якобы тягчайшие ошибки в решении актуальных проблем археологии, этнографии и древней истории, не раз произносились в различных научных и партийных инстанциях. Выше уже было отмечено, что самые большие неприятности выпадали на долю А. Н. Бернштама. Его монография «Очерки истории гунов», опубликованная издательством ЛГУ в 1951 г., вызвала яростную критику тех ученых, которые были весьма сведущи в толковании цитат И. В. Сталина. С их точки зрения, А. Н. Бернштам неправильно понял марксистский тезис о варварских племенах, опрокинувших Римскую империю. Они были земледельцами и поэтому являлись прогрессивными племенами. Гуны же хотя и были варварами, но вели кочевнический образ жизни и нанесли европейской культуре большой вред своими набегами. Концепция А. Н. Бернштама, утверждавшая его оппоненты, ведет к идеализации кочевников, которых никак нельзя считать прогрессивными. Под напором критиков А. Н. Бернштаму пришлось кардинально переработать свою следующую книгу «Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая» (МИА. № 26. М.: Л., 1952), хотя уже был готов ее сигнальный экземпляр (РА, ф. 312, оп. 1, д. 353, л. 7, 8). Ученый был вынужден признавать «свои ошибки», называя их, в соответствии с терминами научной полемики

⁵⁶ Некоторые из них — А. Н. Бернштам, Б. Б. Пиотровский и К. В. Тревер — теперь являлись сотрудниками Сектора Средней Азии и Кавказа.

того времени, не случайными, а идейно-теоретическими, в основе которых лежат «идеалистические установки, отдающие дань социологическому схематизму». Исследователь заверял коллег, что от ошибок он освобождается не декларативно, а на деле, исправляя свою новую монографию (РА, ф. 312, оп. 1, д. 347, л. 17).

Таким же нападкам подверглись М. И. Аргамонов за переоценку роли хазар в раннесредневековой истории Руси и С. И. Руденко за неправильное понимание термина «скифы» и вопросов сложения скифской культуры. Особое раздражение критикующих вызывало то обстоятельство, что оба ученых, хотя и испытывали сильное давление, все же пытались отстаивать свою правоту, лишь частично признавая «ошибки» (РА, ф. 312, оп. 1, д. 353, л. 8, 9; д. 356).

И все же кампании по борьбе с теорией Н. Я. Марра и ее последователями существенно отличалась от репрессий, обрушившихся на отечественные гуманитарные науки в 1930-х гг. Хотя попавшие под огонь жесткой критики ленинградские археологи, а также их близкие переживали нелегкие времена, хотя никто в те дни не мог поручиться за их будущее, все же ни один из них не только не был репрессирован, но даже не лишился работы. В сущности, дело ограничилось суровыми разносами, которые были организованы по месту работы критикуемых или в партийных инстанциях низшего и среднего уровня.

Объяснить это можно только тем, что из Кремля не последовало сигнала о расправе.⁵⁷ Это обстоятельство, видимо, предопределило ход дискуссий, организаторы которых на этот раз не произносили кровавых речей. Исследователи, обвиненные в приверженности идеям Н. Я. Марра, вели себя достойно. Частично признавая свои ошибки, они полемизировали со своими оппонентами, но при этом не оговаривали себя и не каялись во всех смертных грехах. Репрессии 1930-х гг. показали, что такая форма защиты никак не влияла на участь обвиняемого, а, наоборот, служила основанием для вынесения ему самого сурового приговора.

После смерти И. В. Сталина, последовавшей 5 марта 1953 г., дискуссия по вопросам языкознания постепенно заглохла. И все же следует признать, что именно она развенчала учение Н. Я. Марра о языке как не соответствующее научным реалиям.⁵⁸

В течение полугода, с 1 мая 1953 г. по 30 октября 1953 г., сектором руководил доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Таджикистана Михаил Михайлович Дьяконов (1907—1954), востоковед-иранист, специалист в области истории Ирана доарабского времени. С его именем связаны раскопки в начале 1950-х гг. поселений оседлых земледельцев эпохи железного века в Бактрии (на территории современного Таджикистана). Работая в долине р. Кафирниган, М. М. Дьяконов (рис. 2) создал периодизацию археологических памятников (Кобадан I—V), начиная с ахеменидского и до позднекушанского времени. Эта периодизация до сих пор сохраняет свое значение

⁵⁷ О причинах сталинского мирополюбия можно только догадываться. Возможно, что череда послевоенных проработок творческой интеллигенции, кроме всего прочего, служила для вождя своеобразным камуфляжем, под прикрытием которого он, не форсируя событий, готовил новую четку партийного аппарата.

⁵⁸ Если бы на свете где-нибудь существовал музей научных заблуждений, то учение Н. Я. Марра стало бы одним из его наиболее ярких и оригинальных экспонатов.

Рис. 2. М. М. Дьяконов

(Выдающиеся ученые Санкт-Петербурга... 2003: 14).

Непосредственно после образования сектора его сотрудники разрабатывали четыре научных направления. Первое из них (М. П. Грязнов, С. И. Руденко, С. С. Черников и В. П. Шидлов) было традиционно связано с раскопками преимущественно погребальных памятников бронзового и железного веков в зоне степей, населенных вначале пастушескими, а затем кочевническими племенами (Северное Причерноморье, юг Сибири и Казахстан). Полевые исследования кочевнических памятников Средней Азии, столь активно начатые во второй половине 1940—начале 1950-х гг. А. Н. Бернштамом, были прекращены в связи с его болезнью и безвременной кончиной, последовавшей в 1956 г. К сожалению, как это нередко бывает в науке, никому в секторе не удалось после

смерти этого талантливого ученого продолжить его дело.

Второе направление, также вытекающее из работ предшествующего времени, было ориентировано на изучение древностей Кавказа эпохи бронзового века (А. А. Иессен).

Третье направление, в равной степени продолжающее существующие традиции, было связано с исследованием древних городов Закавказья (Б. Б. Пятровский) и Средней Азии (А. Ю. Якубовский, А. М. Беленицкий).

Кроме того, в секторе начало развиваться новое, четвертое направление, связанное с исследованием древнеземледельческих памятников Средней Азии (В. М. Массон). Впервые после того как перестала функционировать Эгейская комиссия, в Институте появилась тематика, связанная с исследованием раннеземледельческих обществ. Изучение поселений ранних земледельцев Юго-Восточной Европы тематически примыкает к этому направлению, однако следует указать, что С. Н. Бибиков, который раскапывал трипольское поселение Лука Врубелевская, был сотрудником Сектора палеолита.

Итак, уже в первые два года существования сектора тематика исследований его сотрудников вышла за рамки традиционных научных направлений, сложившихся еще во времена ИАК.

В 1953 г. М. М. Дьяконова избрали по конкурсу профессором МГУ и руководителем Сектора Средней Азии и Кавказа назначили доктора исторических наук, профессора Михаила Петровича Грязнова (1902—1984), впоследствии лауреата Государственной премии СССР, заслуженного деятеля науки РСФСР, члена-корреспондента Германского Археологического института. Он заведовал подразделением с 1 ноября 1953 г. по 1 ноября 1968 г. (РА, ф. 35, оп. 5, д. 416, л. 73, 103). М. П. Грязнов (рис. 3) занимался исследованиями древних

погребений и поселений эпохи энеолита—железного века в различных областях Сибири. С его именем неразрывно связана деятельность многих археологических экспедиций Института в зонах строительства крупнейших сибирских гидроэлектростанций. В результате этих масштабных работ была отработана скрупулезная методика раскопок погребальных комплексов и получены большие коллекции нового археологического материала, позволившие детально проследить развитие и трансформацию культуры древних племен, населявших юг Сибири от эпохи энеолита до железного века. Благодаря раскопкам курганов, содержащих захоронения знати (Шибена Алтае и Аржан в Туве), М. П. Грязнов сделал фундаментальный вклад в исследование вопроса о происхождении и развитии культуры ранних кочевников евразийских степей (Выдающиеся ученые Санкт-Петербурга... 2003: 13; Пшеницына, Боковенко 2002: 22, 23).

В те годы, когда отделом руководил М. П. Грязнов, в государстве начался грандиозный строительный бум. Правительство стало форсировать возведение ряда крупных объектов народного хозяйства в европейской и азиатской части страны. Площадки, предназначенные для их сооружения, необходимо было обследовать и найденные там археологические памятники, большинство которых относилось к бронзовому и железному веку, раскопать, иначе они неминуемо были бы уничтожены во время строительства. Поэтому при Секторе Средней Азии и Кавказа создаются большие так называемые новостроечные экспедиции, финансирование которых осуществлялось из средств, выделяемых государством на сооружение того или иного объекта. Возникновение таких экспедиций привело к тому, что подразделение стало превосходить другие сектора Института по численности сотрудников.

К числу экспедиций, связанных с новостройками, следует отнести Новосибирскую (1952—1954) и Иркутскую (1959). Обими руководил М. П. Грязнов. В результате исследований в зонах строительства Новосибирской, Каменской и Иркутской ГЭС было открыто около 160 археологических памятников (поселения и могильники, датирующиеся от неолита до средневековья), причем на 60 из них были проведены раскопки (Пшеницына, Боковенко 2002: 22). Однако по размаху работ оба этих проекта значительно уступают Красноярской экспедиции, которую М. П. Грязнов возглавлял 19 лет (1955, 1958, 1960—1976). Масштабные работы, развернувшиеся в зоне затопления Красноярской ГЭС на Енисее, позволили экспедиционному коллективу исследовать свыше 3500 различных памятников от эпохи палеолита до позднего средневековья (Пшеницына, Боковенко 2002: 22).

Рис. 3. М. П. Грязнов

В 1954 г. Горноалтайская экспедиция под руководством С. И. Руденко и при участии А. А. Гавриловой раскапывала Тузгинские и Катандинские курганы эпохи ранних кочевников (Археологические экспедиции... 1962: 168).

Еще одна крупная новоэпохальная экспедиция, Саяно-Тувинская, была создана в 1965 г. Ее начальником был назначен А. Д. Гряч, впоследствии заслуженный работник культуры Республики Тува. Уже первые годы исследований в зоне строительства Саяно-Шушенской ГЭС дали важнейшие научные результаты. Были открыты неизвестные прежде памятники раннего скифского времени Тувы (алды-бельская культура) и сибирских кыргызов (Савинов, Длужневская 1998: 8). Уникальное могильное поле Аймырлыг исследовал отряд под руководством А. М. Мандельштама.

В низовьях Волги развернулись изыскания Астраханской (1956—1968), а на Украине — Никопольской (1968, 1969) новоэпохальных экспедиций, которыми руководил В. П. Шилев. В результате этих работ были раскопаны многочисленные курганы, содержащие погребения от эпохи бронзы до средневековья.

Не менее успешной была полевая деятельность и тех экспедиций, которые получали финансирование из бюджета Академии наук. В 1953—1961 гг. работала Азербайджанская экспедиция под руководством А. А. Иссеена. Большое значение имело открытие им раннеземледельческих неолитических поселений с расписной керамикой в Мильско-Карабахской степи и прилегающей части Муганской степи, а также раскопки К. Х. Кушнаревой поселения эпохи бронзы Узерлик-тепе. Один из отрядов экспедиции (А. Л. Якобсон) изучал средневековое городище Орен-кала, относящееся к VIII—XII вв. (Археологические экспедиции... 1962: 197).

Кармирблурская экспедиция, во главе которой стоял Б. Б. Пиотровский, продолжала раскопки городища Кармирблур (Армения), причем особое внимание было уделено изучению цитадели урартского административно-хозяйственного центра Тейшебаини. Участие ЛОИМК/ЛОИА в работах этой экспедиции продолжалось вплоть до перехода ее начальника на постоянную работу в Государственный Эрмитаж (1964), на должность его директора.

В Средней Азии продолжались планомерные исследования городища Пенджикент. Их проводила Таджикская экспедиция, которую с 1954 г. возглавил А. М. Беленицкий. За многие годы работ в Пенджикенте были расчищены улицы, ремесленные мастерские, торговые помещения и домовладения, многие из которых имели парадные залы со стенами, украшенными многоярусными сюжетными росписями. Обилие археологических находок, полученных при раскопках Пенджикента (включая монеты и фрагменты керамики с надписями на согдийском и арабском языках), позволило приступить к углубленному изучению структуры раннесредневекового города Средней Азии до арабского времени и самобытной культуры его населения.

В составе Таджикской экспедиции работал также отряд А. М. Мандельштама, который в 1955—1959 гг. открыл в Бишкентской долине погребения скотоводов эпохи бронзы, относящиеся к новой археологической культуре, названной исследователем бишкентской (ранний Тулхарский могильник). В этой же долине ученый раскапывал могильники кочевников, обитавших в Северной Бактрии в конце II в. до н. э. — II в. н. э. По его мнению, эти кладбища оставле-

ны племенами, которые разгромили Греко-Бактрию и участвовали в создании Кушанского государства.

Параллельно работам в Таджикистане разворачивались исследования на юге Туркмении. В 1951—1953 гг. X отряд ЮТАКЭ под руководством В. М. Массона изучал древнеземледельческие поселения культуры архайского Дахистана (Изат-Кули, Мадау-депе) на Мисрианской равнине, в Юго-Западной Туркмении (Археологические экспедиции... 1962: 187). Позднее, в 1954—1956 гг., В. М. Массон, возглавляя XIV отряд ЮТАКЭ, раскапывал поселения древних земледельцев в дельте р. Мургаб (Аучин-депе, Тахирбай 3 и Яз-депе) в Юго-Восточной Туркмении (Археологические экспедиции... 1962: 207). Все упомянутые памятники относятся к эпохе поздней бронзы и раннего железного века.

С 1955 г. начинаются полевые изыскания Каракумского отряда (руководитель В. М. Массон) в подгорной полосе Копетдага. Эти работы, в которых также участвовал И. П. Хлопин, привели к открытию ряда раннеземледельческих памятников, причем изучение Джейтуна, поселения эпохи неолита, впервые поставило на реальную почву вопрос о распространении производящего хозяйства в Средней Азии, а исследование неолитических памятников (Дашлыджи-депе, Кара-депе, Муллали-депе и Ялангач-депе) показало, что именно в это время формируются многие культурные стандарты, предопределившие расцвет цивилизации бронзового века в подгорной полосе Копетдага. С 1965 г. Каракумский отряд⁹⁹ (В. М. Массон) приступил к планомерным раскопкам Алтын-депе, одного из крупнейших памятников неолита и бронзового века не только Юго-Восточной Туркмении, но и всей Средней Азии. Изучение древнеземледельческих памятников на юге Туркмении проходило при постоянном контакте с научно-исследовательскими учреждениями Туркмении и при их активной поддержке.

В первой половине 1960-х гг. А. М. Мандельштам проводил разведки в Туркмении: в 1960 г. (Амударьинский отряд), в 1961 и 1962 гг. (Туркменский отряд), в 1963 и 1964 гг. (Закаспийский отряд). Эти обследования позволили ему открыть в Восточном Прикаспии могильники племен срубной культуры. Изучение памятников так называемой степной бронзы позволили ученому воссоздать сложную картину проникновения скотоводов из степей в южные районы Средней Азии.

В 1954—1960 гг. Ю. А. Заднепровский, возглавлявший Южнокиргизский отряд Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции, изучал поселения железного века Шурабашат и средневековое городище в Узгене (Археологические экспедиции... 1962: 215). С 1956 г. Ю. А. Заднепровский, начальник Ферганского отряда Узбекстанской экспедиции Академии наук Узбекистана, начал раскопки поселения Дальверзин, самого большого памятника чустской культуры (Археологические экспедиции... 1962: 216). В составе этой экспедиции исследователь работал до 1964 г. Кроме того, в 1961, 1962, 1965, 1966 и 1968 гг. Ю. А. Заднепровский получал финансирование на исследование Дальверзина и от ЛОИА (Дальверзинский отряд). Раскопки Дальверзина и Шурабашата вводили в научный оборот новые археологические ма-

⁹⁹ В 1966 г. Каракумский отряд был преобразован в Каракумскую экспедицию.

териалы, проливающие свет на происхождение культуры оседлого населения Ферганы, одного из важнейших сельскохозяйственных районов современной Средней Азии.

Продолжались исследования и в Казахстане. В 1955 г. была организована Западноказахстанская экспедиция под руководством В. С. Сорокина, которая изучала могильники эпохи поздней бронзы в Актобинской области (Археологические экспедиции... 1962: 210). Экспедиция работала в 1956—1961, 1963 гг., причем особое внимание было уделено исследованию андроновского могильника Тасты-Бутак 1, который был полностью раскопан. В 1954—1956, 1959—1962 гг. проводила полевые работы Восточноказахстанская экспедиция (С. С. Черников).

В 1959 г. С. И. Руденко руководил Беральской экспедицией, которая изучала в Восточно-Казахстанской области, в долине р. Бухтармы, курганы железного века (РА, ф. 35, оп. 5, д. 262, л. 104).

В целом в области археологии Средней Азии и Казахстана был сделан ряд ярких открытий, что способствовало росту научного авторитета сектора. Поэтому далеко не случайно, что его коллективу было доверено проведение V совещания по проблемам археологии Средней Азии, которое состоялось весной 1968 г. В работе совещания, наряду со специалистами из Ленинграда и Москвы, участвовали исследователи из республик Средней Азии и Казахстана (Алехин 1980: 50).

Годы, когда М. П. Грязнов заведовал отделом, почти полностью совпали с так называемой «оттепелью», временем больших общественных перемен в стране,⁶⁰ последовавших за смертью И. В. Сталина. Наиболее кровавые проявления его тирании уходили в прошлое. Измученное почти 30-летней диктатурой население нуждалось в передышке, что не могло не привести к ослаблению идеологического партийного пресса. Благодаря этому открылись новые возможности для развития отечественной гуманитарной науки. Прежде всего возросло количество опубликованных научных трудов, в том числе и монографий, изданных сотрудниками сектора. Среди них следует назвать два коллективных исследования, написанных на основе изучения новых археологических материалов, полученных в результате раскопок 1950—1960-х гг. Одна книга посвящена первобытной археологии Средней Азии. Соответствующие разделы монографии «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы» (М.; Л., 1966) были написаны М. П. Грязновым, Ю. А. Заднепровским, А. М. Мандельштамом, В. М. Массоном и И. Н. Хлопиным. В другой книге рассмотрены древности Сибири. Некоторые главы труда «Древняя Сибирь» («История Сибири», Т. 1. Л., 1968) принадлежат перу Э. Б. Вадецкой, А. Д. Грача, М. П. Грязнова и Г. А. Максименкова.

Авторские монографии сотрудников сектора можно разделить на две группы. Одну из них составляют работы, в которых публикуются древние памятники, раскопанные в каком-либо регионе, причем археологические источники,

⁶⁰ Именно в этот период в январе 1955 г. решением Президиума АН СССР в ЛОИИМК восстановлен Ученый совет (РА, ф. 312, оп. 1, д. 392, л. 49). Спустя четыре с половиной года в сентябре 1959 г. ИИМК переименован в Институт археологии (ИА), а ЛОИИМК — в ЛОИА (Носов 1999: 9).

анализу которых и посвящено содержание труда, изданы выборочно. К таким книгам относятся монографии М. П. Грязнова «История древних племен верхней Оби по раскопкам близ села Большая Речка» (МИА. № 48. М.; Л., 1956), В. М. Массона «Древнеземледельческая культура Маргианы» (МИА. № 73. М.; Л., 1959), С. С. Черникова «Восточный Казахстан в эпоху бронзы» (МИА. № 88. М.; Л., 1960), С. И. Руденко «Культура населения центрального Алтая в скифское время» (М.; Л., 1960), Б. Б. Пиотровского «Искусство Урарту. VIII—VI вв. до н. э.» (Л., 1962), Ю. А. Заднепровского «Древнеземледельческая культура Ферганы» (МИА. № 118. М.; Л., 1962), И. Н. Хлопина «Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита» (М.; Л., 1964), а также коллективные работы «Труды Таджикской археологической экспедиции» (Т. 3 — МИА. № 66. М.; Л., 1958; Т. 4 — МИА. № 124. М.; Л., 1964) и «Труды Азербайджанской (Орен-Калинской) археологической экспедиции» (Т. 1 — МИА. № 67. М.; Л., 1959; Т. 2 — МИА. № 125. М.; Л., 1965; Т. 3 — МИА. № 133. М.; Л., 1965).

Ко второй группе работ относятся публикации археологических источников, происходящих из одного или нескольких полностью исследованных памятников. Таковыми являются книги Б. Б. Пиотровского «Кармир-блур» (Т. 1—3. Ереван, 1950, 1952, 1955), В. С. Сорокина «Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак 1 в Западном Казахстане» (МИА. № 120. М.; Л., 1962), А. А. Гавриловой «Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен» (М.; Л., 1963), А. М. Мандельштама «Кочевники на пути в Индию» (МИА. № 136. Л., 1966) и «Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане» (МИА. № 146. Л., 1968); В. М. Массона «Памятники развитого энеолита юго-западной Туркмении» (Энеолит южных областей Средней Азии. Ч. 2. САИ. Вып. БЗ-8. М.; Л., 1962), И. Н. Хлопина «Памятники раннего энеолита Южной Туркмении» (Энеолит южных областей Средней Азии. Ч. 1. САИ. Вып. БЗ-8. Л., 1963) и «Памятники развитого энеолита Юго-Восточной Туркмении» (Энеолит южных областей Средней Азии. Ч. 3. САИ. Вып. БЗ-8. Л., 1969). Эти издания не исключают, впрочем, возможности пересмотра имеющихся в них выводов в результате раскопок новых археологических памятников.

Особняком стоят две обобщающие монографии. В первой из них «Ванское царство (Урарту)» (М., 1959), принадлежащей перу Б. Б. Пиотровского, на примере крупного административного центра Тейшебани (VII в. до н. э.), в цитадели которого находилась резиденция урартского наместника, анализируется материальная и духовная культура государства Урарту, сложившегося на территории нынешней Армении, и прослеживаются его связи с сопредельными территориями. В книге В. М. Массона «Средняя Азия и Древний Восток» (М.; Л., 1964) подробная характеристика неолитических и энеолитических памятников Южной Туркмении, расположенных на северо-восточной окраине древнеземледельческой ойкумены, впервые дана в контексте археологии Ближнего и Среднего Востока. Этот труд отличают широта охвата проблематики, новизна выводов и богатство иллюстративного материала. Благодаря своим качествам издание надолго сделалось настольной книгой исследователей, причем не только специалистов в области восточной археологии, которой собственно и посвящена монография.

В целом, во второй половине 1950—1960-х гг. тематика научных исследований, которые выполняли сотрудники сектора, претерпела некоторые измене-

Рис. 4. В. М. Массон

образом, этому научному направлению не было суждено сохраниться в секторе. Со временем завершился изучение памятников стеной бронзы в Казахстане В. С. Сорокин. Но в степях Сибири и Северного Причерноморья сотрудники сектора продолжали исследовать могильники эпохи бронзы и железного века.

После перехода Б. Б. Пиотровского в Государственный Эрмитаж и смерти А. А. Иессена, последовавшей в 1964 г., были остановлены раскопки памятников эпохи неолита, бронзового и железного веков в Закавказье.

Таким образом, к концу 1960-х гг. сотрудники сектора разрабатывали три основных научных направления, утратив на некоторое время кавказскую проблематику.

С 1 ноября 1968 г. по 31 марта 2003 г. сектор (с 1986 г. — отдел) возглавлял доктор исторических наук, профессор Вадим Михайлович Массон (рис. 4), крупнейший специалист по первобытной археологии Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока. Его основным вкладом в отечественную археологию являются многолетние раскопки древнеземледельческих поселений на юге Туркмении, относящихся к эпохе неолита—железного века. Анализируя богатейшие археологические материалы, полученные при их исследовании, В. М. Массон многое сделал для изучения фундаментальных проблем становления производящего хозяйства и развития комплексных обществ эпохи неолита и бронзы в Центральной Азии. Под его руководством в Ленинграде—Санкт-Петербурге обучались аспиранты и стажеры из различных археологических учреждений России и стран ближнего (Армения, Казахстан, Кыргыз-

стан, Молдавия, Туркменистан, Узбекистан) и дальнего (Вьетнам, Республика Корея, Сирия) зарубежья. Центральноазиатская группа сотрудников отдела в настоящее время почти полностью состоит из учеников В. М. Массона. Он является академиком Российской Академии естественных наук, академиком Туркменистана, академиком Национальной академии Кыргызстана, заслуженным деятелем науки Российской Федерации, почетным и действительным членом ряда иностранных академий и институтов (Великобритания, Германия, Дания, Италия, Румыния) (В. М. Массон. Биографическая справка 2000: 21, 22).

За те 35 лет, в течение которых В. М. Массону довелось руководить отделом, отечественная археология пережила и период расцвета, и время упадка. 1970—1980-е годы стали самыми успешными для научной деятельности отдела, так как его полевые исследования, стабильно финансируемые из бюджета Академии наук или из средств, которые были отпущены на различные строительные проекты, достигли своего апогея.

До 1976 г. продолжались работы Красноярской экспедиции и до 1984 г. — Саяно-Тувинской, причем в последней в 1973 г. было смещено руководство.⁶¹ Ее начальником стал С. Н. Астахов, сотрудник Сектора археологии палеолита ЛОИА. Широкую известность приобрели работы II отряда этой экспедиции (А. М. Мандельштам) по исследованию богатейшего могильника железного века Аймырлыг.

В 1971—1974 гг. М. П. Грязнов, возглавивший Аржанскую экспедицию, раскопал курган Аржан, в центральной камере которого находилось захоронение двух знатных особ раннескифского времени.

В 1975 г. была основана Бейская экспедиция, работавшая затем в 1976, 1978, 1979, 1990—1996 гг. Бессменным начальником экспедиции являлась М. Н. Пшеницына. В 1975, 1977, 1980, 1981 гг. Э. Б. Вадецкая возглавляла Минусинский отряд, который раскапывал памятники таштыкской культуры в Южной Сибири.

В 1975, 1976 гг. работала Западносибирская, а в 1980 г. — Минусинская экспедиции под руководством Г. А. Максименкова.

С 1977 г. развернула свои исследования Среднеенсейская экспедиция, которая функционирует и по сегодняшний день. В разные годы эту экспедицию возглавляли М. Н. Пшеницына, Н. Ф. Лисицын, Д. Г. Сазинов, Г. Н. Курочкин. В настоящее время во главе экспедиции стоит Н. А. Бокоренко.

В том же 1977 г. была сформирована Сибирская экспедиция, во главе которой в разные годы стояли Г. А. Максименков, Э. Б. Вадецкая и А. В. Субботин. В последние годы ею руководит С. В. Красниенко.

С 1985 г. начала работать Тувинская экспедиция под руководством Вл. А. Семенова. Целью всех перечисленных полевых проектов являлись рас-

⁶¹ К смене руководства привел конфликт, разгоревшийся между двумя ведущими археологами экспедиции: ее начальником А. Д. Грачом и руководителем II отряда А. М. Мандельштамом. Тогдашний заведующий ЛОИА В. П. Шилов не сумел погасить страсти и остудить пыл соперников. Дальнейшее развитие конфликта привело к тому, что 7 декабря 1973 г. на заседании Ученого совета ЛОИА А. Д. Грач не переизбрал в должности старшего научного сотрудника и уволил из ЛОИА (15 декабря 1973 г.) как не прошедшего по конкурсу (РА, ф. 35, оп. 3, л. 24; оп. 5, л. 361; Савинев, Длужневская 1998: 9). Кадров 1973 г. оказался последним, имевшим печальные последствия конфликтом в Секторе/Отделе археологии Средней/Центральной Азии и Кавказа.

копки памятников эпохи энеолита — железного века в зонах новостроек на юге Сибири.

С 1982 г. Забайкальская экспедиция, возглавляемая С. С. Миняевым, начала исследования памятников сиюни в Бурятии (с 1982 г. изучалось поселение Дурены; с 1984 г. — могильник Дырестуй). Работы этой экспедиции продолжают по сегодняшний день.

В 1977 г. была основана Кубанская экспедиция (начальник В. С. Бочкарев), приступившая к раскопкам курганов и поселений эпохи энеолита и бронзы на юге Европейской части России (в Прикубанье, а также на Северном Кавказе). Работы по этому проекту были завершены только в 1992 г.

В 1972—1977 гг. В. П. Шилов руководил новостроечной Волго-Донской экспедицией и раскапывал курганные могильники преимущественно бронзового века и эпохи железа. Следует также упомянуть о разведках и раскопках мезолитических и неолитических стоянок в районах, прилегающих к Каспийскому морю. Эти работы выполнял А. Н. Мелентьев. В 1968 и 1972 гг. он руководил Прикаспийским отрядом, а в 1970 и 1975 гг. — Астраханским отрядом.

В период новостроечного бума при секторе постепенно сформировалась группа молодых исследователей, которые, не являясь штатными сотрудниками отдела, раскапывали памятники за счет бюджета той или иной новостроечной экспедиции, а затем в условиях стационара проводили камеральную обработку добытых археологических коллекций и их графическую фиксацию, а также участвовали в подготовке полевых отчетов экспедиций. Вклад этих археологов (Г. Н. Бестужев, С. Б. Гультов, Е. В. Избицер, Е. Л. Кириллов, Н. Ю. Кузьмин, К. С. Лагодский, Е. Л. Немировская, Н. Н. Николаев, П. Г. Павлов, Е. Д. Пауль, О. Л. Пламеневская, М. Л. Подольский, А. С. Поляков, Л. И. Рева, Э. У. Стамбульник, О. Н. Стафеева [Сажина]) в научную работу сектора был весьма значителен. Некоторые из них впоследствии стали постоянными сотрудниками сектора или других подразделений Института (В. А. Завьялов, Г. В. Длужневская, М. Е. Килуновская, Л. Б. Кирчо, Г. Н. Курочкин, С. В. Краснико, Н. А. Лазаревская, И. П. Лазаретов, М. Б. Рысин, Вл. А. Семенов, А. В. Субботин, Л. А. Соколова, В. Я. Стеганцева, Ю. И. Трифонов, Т. А. Шаровская). Во второй половине 1980—начале 1990-х гг. входившие в эту группу молодые ученые, научные интересы которых были связаны с изучением древностей Сибири, работали под руководством Д. Г. Савинова, одного из крупнейших специалистов Ленинграда—Санкт-Петербурга в области сибирской археологии.

В течение нескольких полевых сезонов сотрудники сектора участвовали в раскопках средневекового города Двин в Армении: Р. М. Джанголадян (1965, 1973) и К. Х. Кушварева (1973, 1974). В 1987—1997 гг. С. А. Аслаян, при активном участии местных археологов, обследовал раннеземледельческие поселения на территории Армении.

Расширились также масштабы исследований на юге Средней Азии. Кроме продолжавшихся планомерных раскопок Каракумской⁶² и Пенджикент-

ской⁶³ экспедиций прежде всего следует назвать полевые изыскания, которые на юге Туркмении проводил И. Н. Хлопин. В 1967 г. он работал в подгорной полосе Копетдага, возглавляя Каракумский и Намазгинский отряды, и принимал участие в раскопках Намазга-депе, поселения эпохи энеолита и бронзы. В 1969 г. и частично в 1972 г. И. Н. Хлопин, руководя Копетдагским отрядом, раскапывал поселение Пархай-депе (культура архаического Дахистана, конец II—первая половина I тыс. до н. э.). В 1972 г. сотрудники его экспедиции открыли в долине р. Сумбар могильники эпохи энеолита и бронзы (Сумбар I, Сумбар II, Пархай I, Пархай II). И. Н. Хлопин раскапывал их в 1972—1986 и 1988—1993 гг., причем с 1974 г. экспедиция, которой он руководил, получила название Сумбарской. Изучая погребальные комплексы могильников эпохи поздней бронзы, И. Н. Хлопин выделил сумбарскую археологическую культуру, свидетельствующую о наличии на юго-западе Туркмении нового центра раннеземледельческой цивилизации. Таким образом, было закрыто одно из белых пятен на археологической карте Средней Азии.

С 1985 г. Каракумская экспедиция, наряду с продолжением работ на Алтын-депе, начала систематические исследования расположенного неподалеку от него энеолитического поселения Илгынлы-депе (В. М. Массон, Ю. Е. Березкин и Н. Ф. Соловьева). Раскопки этого памятника, непрерывно продолжавшиеся до 1991 г., а также в 1993—1995, 1997 и 1999 гг., дали великолепные образцы древней архитектуры (жилые помещения, святилища) и искусства (антропоморфная глиняная и каменная скульптура) ранних земледельцев Центральной Азии.

В 1989—1991 и 1993 гг. Каракумская экспедиция (В. М. Массон и Ю. Е. Березкин), совместно с коллегами из Великобритании и Туркменистана, осуществила новые раскопки на неолитическом поселении Джейтун в подгорной полосе Копетдага.

В 1970—1974 гг. А. Я. Щетенко, возглавляя Аргыкский отряд, исследовал небольшие сельские поселения бронзового века в подгорной полосе Копетдага. Одновременно он раскапывал напластования позднего бронзового века на городище Намазга-депе, которое является самым крупным археологическим памятником эпохи энеолита и бронзы на юге Средней Азии. Более масштабные полевые исследования слоев эпохи поздней бронзы А. Я. Щетенко осуществил в 1975—1988 гг. на поселении Теккем-депе, расположенном вблизи Намазга-депе (Каахкинская экспедиция).

Бактрийская экспедиция во главе с В. М. Массоном начала раскопки верхнего слоя кушанского городища Зар-тепе (Южный Узбекистан), которые продолжались в 1972—1986 гг. Выбор объекта исследования объяснялся тем, что к началу 1970-х гг. кушанские памятники были почти не изучены. В течение многих полевых сезонов В. А. Завьялов раскопал на Зар-тепе городской квартал с улицей, разделявшей домовладения, дворцовый комплекс, оборонительные и культовые сооружения. Полученный при раскопках массовый археологиче-

⁶² С 1987 г. Каракумская экспедиция, проводя параллельные полевые изыскания на Джейтуне и Илгынлы-депе, сократила масштабы раскопок Алтын-депе, на котором в 1987, 1989, 1991, 1992, 1995 и 2001 гг. Л. Б. Кирчо вела лишь стратиграфические исследования.

⁶³ С 1971 г. Таджикская экспедиция стала называться Пенджикентской. В 1988 г. руководителем Пенджикентской экспедиции стал Б. И. Маршак (Государственный Эрмитаж). С этого времени Пенджикент совместно исследуют археологи ГЭ и ЛОИА/ИИМК. Б. И. Маршак возглавлял экспедицию до своей кончины, последовавшей в 2006 г.

ский материал, включая монеты, позволил датировать верхний слой памятника кушано-сасанидским периодом (конец III—конец IV в.). Находки указывают на высокий уровень развития городской культуры этого времени и на особый статус Зар-тепе как пограничного владения державы Сасанидов. В 1987—1990 гг. сотрудники Бактрийской экспедиции (Д. Абдуллоев и В. П. Никоноров) совместно с коллегами из Узбекистана исследовали поселение кушанского времени Кампыр-тепе.

Дальверзинский отряд (с 1972 г. Ферганская экспедиция) под руководством Ю. А. Заднепровского продолжил в 1968—1974 гг. раскопки поселения чуетской культуры Дальверзин. В 1978 г. Ферганская экспедиция приступила к стационарным исследованиям Ошского поселения, еще одного памятника чуетской культуры, расположенного в Киргизии. Работы на Ошском поселении продолжались до 1984 г. Кроме того, Ферганская экспедиция, завершившая свои работы в 1987 г., исследовала раннесредневековый могильник Темир-Коруг и небольшие сельские поселения этого же времени.

В 1971, 1972 гг. работала Восточноказахстанская экспедиция под руководством С. С. Черникова.

Кроме полевых изысканий сектор провел в эти же годы несколько важных научных форумов. Прежде всего следует назвать симпозиумы, которые были организованы совместно с теоретическим семинаром ЛОИА. Они были посвящены социологической интерпретации археологических источников. Этот подход к анализу артефактов в силу ряда обстоятельств, связанных с особенностями развития отечественной археологии в конце 1930-х—начале 1950-х гг., долгое время был незаслуженно предан забвению, хотя первыми в мировой практике методику социологических реконструкций начали разрабатывать археологи ГАИМК.⁶⁴ Интерес к этому направлению вновь пробудился в нашей стране лишь после того как его подняли на щит в 1960-х гг. сторонники «новой археологии» в США. В 1970 г. на расширенном заседании сектора была обсуждена тема «Домашние промыслы и ремесла». В 1971 г. состоялся симпозиум «Реконструкция общественных отношений по данным погребений и могильников». Оживленная дискуссия развернулась по вопросам разработки методов социологических исследований массового археологического материала и выявления археологических критериев оценки бедности и богатства захоронений. В 1972 г. проведен симпозиум «Обмен и торговля в древних обществах», а в 1973 г. — симпозиум «Реконструкция общественных отношений по археологическим данным жилищ и поселений» (Алёшкин 1980: 50).

Актуальные проблемы археологии степных культур железного века были рассмотрены на Всесоюзном совещании «Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана» в ноябре 1975 г. Оно стало важной вехой в изучении генезиса кочевнических обществ. Участники совещания сделали несколько важных выводов. Во-первых, они согласились с тем, что главной задачей археологии ранних кочевников является совершенствование методического уровня работ, при

⁶⁴ Достаточно назвать работы А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого «Родовое общество степей Восточной Европы» (М.: Л., 1935) и В. И. Радоницкая «Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья» (Известия ГАИМК. 1932. Т. 12, вып. 1—3. С. 105—106).

этом выделение археологических культур на основе триады: признак—тип—культура должно предшествовать любому уровню интерпретации. Во-вторых, было отмечено, что типологическое соотношение древностей ранних кочевников Средней Азии и Казахстана с синхронными комплексами Восточной Европы более недостаточно. Важное значение приобретает корреляция хронологии сакских культур со стратиграфией памятников земледельческих оазисов Средней Азии. В-третьих, исследователи пришли к выводу о том, что эпоху ранних кочевников можно разделить на два больших периода. Первый из них (сакский период) характеризуется чертами социальной дифференциации, напоминающей аналогичные структуры в раннеклассовых обществах оседлых областей. Второй период начинается с III в. до н. э., когда складываются агрессивные кочевнические объединения, сыгравшие решающую роль в истории Средней Азии и соседних стран. Было также подчеркнуто, что по некоторым элементам материальной культуры ранние кочевники Казахстана, Средней Азии и Алтая составляют единство, изучение которого является важнейшей задачей археологии (Массон, Алёшкин, Боковенко 1978: 3—5).

К началу 1980-х гг. масштаб археологического изучения Средней Азии, в которое немалую лепту внесли сотрудники сектора, был по достоинству оценен во многих зарубежных научных центрах, исследующих древнеземледельческие культуры эпохи неолита—железного века Среднего Востока и Индостана. Усилиями ученых разных стран были выявлены многообразные культурные связи цивилизаций всех этих обширных регионов. Поэтому неудивительно, что именно в эти годы назрела необходимость обмена информацией о путях развития комплексных обществ, памятники которых находились в древности на территориях, разделенных ныне государственными границами. По этой причине было организовано несколько двусторонних симпозиумов (советско-французские, советско-американские, советско-индийские). Они были посвящены актуальным проблемам археологии Средней Азии и Ближнего Востока. Сотрудники среднеазиатской группы сектора (В. М. Массон, И. Н. Хлопин, Ю. А. Заднепровский, А. М. Мандельштам, Л. Б. Кирчо, В. А. Алёшкин) выступили на этих научных форумах с докладами по таким актуальным проблемам археологии Средней Азии, Ближнего Востока, Афганистана и Индостана, как культурные изменения и становление ремесел, древняя торговля и культурные связи, социально-экономические процессы в эпоху формирования государства и экологические аспекты изменений в культуре.

Первый советско-французский симпозиум «Древняя Бактрия (среда, развитие, связи)» состоялся в октябре—ноябре 1982 г. в Душанбе, столице Таджикистана. На нем были обсуждены проблемы происхождения, хронологии и связей археологических культур эпохи бронзы и раннего железа, открытых на территории древнейшей Бактрии (Южный Узбекистан, Южный Таджикистан и Северный Афганистан) в результате многолетних работ советских и французских археологов. Участники симпозиума пришли к согласию в том, что на основе исследованных здесь в 1970—1980-х гг. высокоразвитых городских культур древневосточного типа складывается блестящая культура Бактрии эпохи эллинизма (Шьянкова, Алёшкин 1984). Второй советско-французский симпозиум «Средняя Азия и ее связи с восточными цивилизациями (от истоков до железного века)» прошел в Париже в ноябре 1985 г. В ходе его было продол-

жено начатое в Душанбе обсуждение вопросов. Третья встреча советских и французских археологов «Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций» состоялась в октябре 1987 г. в Алма-Ате, столице Казахстана. В ее центре находилась проблема взаимоотношений земледельческого и кочевго населения, традиционная для истории и археологии Средней Азии и Казахстана. В ходе дискуссии обсуждались археологические критерии номадизма, при этом было отмечено, что для решения этой задачи необходимо привлечение данных этнографии и этноархеологии. Особое внимание было обращено на терминологическую путаницу в понимании таких терминов, как «кочевник», «пастухи» и «неоседлые скотоводы». В целом наметилась тенденция определять скотоводческо-земледельческие культуры степной бронзы как пастушеские, тогда как общества, использовавшие коня для верховой езды, являются уже кочевническими. Сотрудники отдела (Ю. А. Заднепровский, В. А. Завьялов, В. П. Никоноров и В. И. Распопова) участвовали также в советско-французском симпозиуме по проблемам античной археологии Средней Азии, который состоялся в 1986 г. в Ташкенте и Самарканде.

В августе 1979 г. по инициативе американских ученых в Гарвардском университете была проведена встреча рабочих групп АН СССР и Совета познавательных обществ США, участники которой достигли договоренности о проведении совместных симпозиумов, посвященных древним цивилизациям Ближнего Востока и Средней Азии (эпоха энеолита и бронзы). Первый из них состоялся 9—13 ноября 1981 г. в Гарвардском университете (Бостон, США). Второй советско-американский симпозиум прошел в сентябре 1983 г. в Самарканде в Институте археологии АН Узбекской ССР. После его завершения ученые из США посетили Ленинград, где выступили с докладами на расширенном заседании Сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА и ознакомились с коллекциями находок, полученными во время археологических раскопок на юге Туркмении. Третья встреча советских и американских археологов состоялась в США в 1986 г.

Осенью 1984 г. в Ашхабаде сотрудники отдела участвовали в работе советско-индийского симпозиума по проблемам археологии раннего железного века Индии и Средней Азии (Васильков, Кирчо 1986). После завершения симпозиума делегация археологов Индии по приглашению администрации ЛОИА прибыла в Ленинград. Гостям были показаны археологические коллекции из раскопок экспедиций сектора, работающих на юге Средней Азии.

Результаты научных исследований 1970—1980-х гг. были изданы сотрудниками сектора во многих монографиях, среди которых нужно назвать такие обобщающие работы, как «Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии)» (Л., 1976), написанная В. М. Массоном, и «Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ (по археологическим материалам Средней Азии и Ближнего Востока)» (Л., 1986), опубликованная В. А. Алёксиным. В книге В. М. Массона вновь после многих лет забвения археологические источники анализировались под углом зрения реконструкции древних общественных и хозяйственных систем, при этом рассматривался широкий круг проблем: добыча и производство продуктов питания, домашние промыслы и ремесла, эволюция древних поселений и погребальных обрядов в связи с вопросами общественного развития. В исследова-

нии В. А. Алёксиной, также посвященном изучению социальных отношений, но исключительно по данным могильников, детально разработана методика реконструкции общественного строя и прослежены основные закономерности его развития у раннеземледельческих племен Средней Азии и Древнего Востока.

Первая часть коллективной монографии «Средневековый город Средней Азии» (Л., 1973; авторы: А. М. Беленицкий, О. Г. Большаков — ЛОИВАН и И. Б. Бентович) написана в основном по материалам раскопок Пенджикента (VI—VIII вв. н. э.). В книге дана подробная характеристика культуры этого среднеазиатского города доарабского времени (архитектура, ремесла, торговля, денежное обращение и монументальное искусство), а также рассмотрены вопросы его социальной топографии.

С 1981 г. началось издание многотомной серии «Археология СССР», причем одним из первых был опубликован том «Энеолит СССР» (М., 1982), главы которого, посвященные археологии Средней Азии, написал В. М. Массон. В другом томе «Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии» (М., 1985) глава по археологии Ферганы принадлежит перу Ю. А. Заднепровского, автором главы по археологии Северной Бактрии является В. М. Массон.

В нескольких книгах были опубликованы археологические материалы, добытые в результате систематического обследования памятников какого-либо региона. К такого рода изданиям следует отнести монографии К. Х. Кушпаровой (совместно с Т. Н. Чубинишвили, Тбилиси) «Древние культуры Южного Кавказа (V—III тыс. до н. э.)» (Л., 1970), А. М. Беленицкого «Монументальное искусство Пенджикента. Живопись. Скульптура» (М., 1973), В. П. Шиловой «Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья» (Л., 1975), А. М. Мандельштама «Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии» (Л., 1975), Г. А. Максименкова «Андроновская культура на Енисее» (Л., 1978), Э. Б. Вадецкой, Н. В. Леонтьева, Г. А. Максименкова «Памятники окуневской культуры» (Л., 1980), Э. С. Шарафутдиновой «Памятники предскифского времени на Нижнем Дону» (САИ. Вып. VI-11. Л., 1980), И. Н. Хлопина «Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы (по материалам Сумбарских могильников)» (Л., 1983), Д. Г. Савинова «Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху» (Л., 1984).⁶⁵ Кроме того, в 1991 г. были опубликованы материалы раскопок Иркутской экспедиции 1959 г. — «Древности Байкала» (Иркутск) и Кубанской экспедиции — «Древние культуры Прикубанья» (Л.).

В других работах были изданы материалы раскопок эталонных археологических памятников. В монографиях В. И. Распоповой («Металлические изделия раннесредневекового Согда» (Л., 1980) и «Жилища Пенджикента» (Л., 1990) анализируются артефакты, полученные при раскопках согдийского города Панч (Пенджикент). Книга В. М. Массона «Поселение Джейгун (проблема становления производящей экономики)» (МИА. № 180. Л., 1971) посвящена изучению вопроса о происхождении и развитии древнейшего земледелия

⁶⁵ К этому перечню монографий следует добавить книгу А. Д. Грача «Древние кочевники в центре Азии» (М., 1980). Хотя к моменту ее выхода в свет автор уже не являлся сотрудником ЛОИА, все же это обобщающее исследование было написано по материалам раскопок Саяно-Тувинской экспедиции, которой А. Д. Грач руководил в течение 8 лет.

в среднеазиатском ареале. В другой монографии того же автора — «Алтын-депе» (Л., 1981) на материалах крупнейшего в Средней Азии поселения эпохи энеолита и бронзы исследуются основные тенденции развития комплексного общества, находящегося на периферии древнеземледельческой ойкумены. В совместной монографии В. М. Массона и В. И. Сарьяниди (ИА АН СССР) «Среднеазиатская терракота эпохи бронзы: Опыт классификации и интерпретации» (М., 1973) опубликована коллекция женских статуэток, символизирующих различные ипостаси божества плодородия в древнеземледельческих обществах. В работе М. П. Грязнова «Аржан — царский курган раннескифского времени» (Л., 1980) опубликованы результаты раскопок в Туве уникальной царской гробницы, изучение которой позволило исследователю удревнить время формирования раннеочечевичских культурных комплексов в степной зоне Евразии. В книгах Р. М. Джанноладян «Средневековое стекло Двина IX—XIII вв.» (Археологические памятники Армении. Т. 7. Средневековые памятники. Вып. 2. Ереван, 1974), «Сфероконические сосуды из Двина и Ани» (Археологические памятники Армении. Т. 12. Средневековые памятники. Вып. 4. Ереван, 1982) и «Торговые связи средневековой Армении в VI—XIII вв.» (Археологические памятники Армении. Т. 14. Средневековые памятники. Вып. 6. Ереван, 1988)⁶⁶ рассмотрены уникальные коллекции стеклянных и глиняных изделий из раскопок крупнейших торговых центров Закавказья.

И все же в 1970-х гг. количество экспедиций с участием сотрудников отдела несколько сократилось. Полевые исследования в Казахстане были окончательно свернуты, прекратилось участие ленинградских исследователей в раскопках раннесредневековых городов Закавказья.

Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа в ИИМК РАН (1992—2007)

События, развернувшиеся в стране в начале 1990-х гг., не могли не сказаться на общем состоянии дел в археологии. Юридическое оформление распада Советского Союза в декабре 1991 г. привело к провозглашению суверенитета бывшими союзными республиками, еще недавно составлявшими единое государство. Начавшиеся в России в 1992 г. экономические реформы вызвали обвальное падение цен на все товары и услуги, гиперинфляцию и резкое сокращение бюджетного финансирования различных государственных объектов, предприятий и структур, в том числе и Академии наук. Эта обстановка крайне неблагоприятно повлияла на полевые изыскания Отдела археологии Средней Азии и Кавказа ИИМК.⁶⁷ Объемы работ всех новообразованных экспедиций резко сократились. Некоторые из них (Бейская и Кубанская) полностью прекратили свою деятельность.

В самом тяжелом положении оказалась среднеазиатская группа отдела, так как все памятники, которые она исследовала, в одночасье оказались на терри-

⁶⁶ Последняя работа написана в соавторстве с А. А. Калантарян.

⁶⁷ В 1991 г. решением Президиума Академии наук ЛОИА АН СССР было преобразовано в самостоятельный Институт с возвращением ему прежнего названия — Институт истории материальной культуры (ИИМК РАН) (Носов 1999: 9).

тории других государств. В 1990 г. завершила свою деятельность Бактрийская экспедиция, а в 1993 г. — Сумбарская. Еще ранее, во второй половине 1980-х гг., по различным обстоятельствам свернули свои работы Каахкинская и Ферганская экспедиции, а новые исследования в условиях начавшегося кризиса бюджетного финансирования организовать в Средней Азии не удалось. После 2001 г. фактически прекращаются раскопки протогородского центра Алтын-депе. Пенджикентская экспедиция, постоянными участниками которой являлись два сотрудника отдела, В. И. Распопова и Д. Абдуллоев, стала работать на средства, выделяемые Государственным Эрмитажем.

Однако полностью остановить инерцию хода гигантского маховика раскопок, запущенного в предшествующие десятилетия, не удалось даже шоковой терапии начала 1990-х гг. и дефолта 1998 г. На юге Сибири продолжалось, хотя и в очень ограниченных масштабах, строительство народнохозяйственных объектов, что давало возможность финансировать полевые изыскания Среднеенисейской, Сибирской и Тувинской экспедиций. Со временем появилась возможность получать, хотя и нерегулярно, средства на раскопки от Российского гуманитарного научного фонда, Российского фонда фундаментальных исследований, а также из бюджета Министерства культуры Российской Федерации. Этими возможностями воспользовались Забайкальская, Тувинская и вновь созданные Западнокавказская (функционирует с 1995 г.) и Майкопская (работала в 1993, 1996, 1998—2000, 2002, 2004—2006 гг.) экспедиции, причем иногда они получали частичную финансовую поддержку из бюджета Академии наук.

До 1999 г. осуществлялось исследование энеолитического поселения Илтынды-депе на юго-востоке Туркмении, где в сезоне 1995 г. была найдена уникальная настенная живопись первой половины — середины IV тыс. до н. э. в стиле сграффито. Автору открытия, Н. Ф. Соловьевой, была присуждена премия для молодых ученых Отделения истории РАН за 1995 г.

В 1999—2001 гг. Сибирская и Тувинская экспедиции обнаружили новые местонахождения петроглифов в Красноярском крае и в Республике Тыва. Эти многочисленные и разнообразные наскальные изображения относятся к эпохе бронзы, скифскому и сюнно-сарматскому времени. Кроме того, Сибирская, Среднеенисейская и Тувинская экспедиции продолжили раскопки курганов и поселений в Южной Сибири. Не прекращались также полевые изыскания Забайкальской экспедиции, которая в эти годы завершила исследование уникального могильника сюнну Дырестуй и приступила к раскопкам одного из крупнейших курганов сюнну в пади Царам (Республика Бурятия).

Западнокавказская экспедиция (В. А. Трифонов) изучала дольмены в окрестностях Геленджика (Краснодарский край, долина р. Жане). Эти погребальные памятники эпохи бронзы служили не только склепами, но и своеобразными святилищами. При их раскопках была использована уникальная методика реконструкции. Она заключается в детальной фиксации всех смещенных конструктивных элементов дольменов, определении их первоначального положения и в последующей установке большинства из них на прежние места. Таким образом, археологи возвращают памятнику вид, относительно близкий первоначальному. Эта методика обеспечивает сохранность дольменов в контексте природного и культурного ландшафта. В настоящее время в долине Жане создан обширный природно-археологический заповедник. Кроме того, исследо-

вание склепов впервые в практике отечественной археологии сопровождалось раскопками площадок между дольменами, а также изучением конструктивных особенностей связанных с ними насыпей и дворов. Работы В. А. Трифонова получили высокую международную оценку. В 2003 г. он был награжден призом Европейской Археологической Ассоциации «Европейское Археологическое наследие». Впервые международная научная организация столь высокого ранга отметила заслуги русского археолога.

Майкопская экспедиция (А. Д. Резепкин) с момента своего возникновения занималась раскопками поселений эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе. Эти памятники, относящиеся к майкопскому и новосвободненскому времени, были до начала работ А. Д. Резепкина практически неизвестны науке. В настоящее время им раскопано уже 7 из 15 обнаруженных таких поселений. Исследования А. Д. Резепкина существенно обогатили наши представления о культурах бронзового века Кавказа.

Кризис, связанный с сокращением финансирования российской науки, не мог не отразиться и на возможностях отдела организовывать конференции. Тем не менее и в эти годы удалось обсудить несколько самых актуальных проблем археологии. В декабре 1995 г. совместно с коллегами из Санкт-Петербургского университета, Музея антропологии и этнографии РАН и Государственного Эрмитажа была проведена конференция «Проблемы изучения окуневской культуры». За многие годы исследования сибирских древностей проблемы, связанные с осмыслением памятников окуневской культуры, которая известна прежде всего памятниками монументального искусства, впервые были вынесены на широкое обсуждение.

В ноябре 1996 г. совместно с Государственным Эрмитажем отдел организовал международную конференцию «Между Европой и Азией: Кавказ в IV—I тыс. до н. э.», посвященную 100-летию со дня рождения одного из старейших сотрудников отдела, крупнейшего специалиста в области кавказской археологии А. А. Исесена. В ходе этой встречи были обсуждены новейшие открытия археологов на Кавказе и в сопредельных регионах.

В мае 1999 г. сотрудники отдела приняли активное участие в организации и проведении международной конференции Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ «1100 лет образования государства Саманидов».

В ноябре 1999 г. состоялась организованная отделом международная конференция «Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций».

С 11 по 16 марта 2002 г. отдел, совместно с Государственным Эрмитажем, провел одну из крупнейших в истории современной российской археологии международных конференций «Степи Евразии в древности и средневековье». Она была посвящена 100-летию со дня рождения выдающегося исследователя древностей Сибири, в прошлом одного из заведующих отделом М. П. Грязнова (Алёкшин, Ишеницына 2002). В работе конференции приняли участие 232 исследователя из многих городов России (Москва, Санкт-Петербург, Самара, Воронеж, Ростов-на-Дону, Майкоп, Казань, Челябинск, Екатеринбург, Омск, Тюмень, Новосибирск, Кемерово, Барнаул, Абакан и др.), стран ближнего и дальнего зарубежья (Украина, Кыргызстан, Казахстан, Таджикистан, Молдова, Эстония, Германия, Франция, США, Монголия и Япония). Участни-

ки конференции, которые сделали 79 докладов, представляли 33 научных учреждения. Многие ученые из различных городов России и стран СНГ в силу финансовых трудностей не смогли приехать, но прислали свои доклады.

На конференции было отмечено важное значение для археологии деятельности М. П. Грязнова и подчеркнута необходимость интеграции ученых различных стран для решения фундаментальных проблем развития древних культур. Тематика докладов конференции была чрезвычайно разнообразна. Всестороннее освещение получило изучение М. П. Грязновым археологических памятников эпохи ранних кочевников. На конференции были заслушаны доклады по вопросам хронологии и семантики искусства культур каменного, бронзового и железного веков Евразии, а также эпохи средневековья. Отдельная секция была посвящена мультидисциплинарным исследованиям и палеоантропологии.

Конференция имела большой научный резонанс. Она привлекла внимание как начинающих, так и умудренных опытом археологов, которые получили возможность обменяться новой информацией, сверить свои позиции и представить новые концепции. Дав свежий импульс изучению древних культур евразийских степей, конференция выявила авторитет отечественной школы археологии, несмотря на все трудности последних лет.

В связи с сокращением полевых исследований основное внимание сотрудников отдела было обращено на публикации археологических источников, найденных на тех памятниках, исследование которых было уже завершено. Прежде всего следует назвать издание материалов могильников эпохи неолита и бронзы на юго-западе Туркмении (Сумбар I, Сумбар II, Пархай I, Пархай II), которые в течение многих лет раскапывал И. Н. Хлопин. В 1993 г. он скоропостижно скончался, не успев завершить подготовку своих рукописей к печати. Его работу продолжил В. А. Завьялов при помощи Е. В. Бобровской (Научный архив ИИМК РАН) и содействии супруги покойного Л. И. Хлопиной. В результате их совместных усилий в свет вышли две монографии И. Н. Хлопина — «Неолит Юго-Западного Туркменистана» (СПб., 1997) и «Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана» (СПб., 2002). Эти две книги вводят в научный оборот уникальные археологические материалы IV—II тыс. до н. э., свидетельствующие о становлении в Юго-Западной Туркмении самобытной цивилизации, имеющей прочные связи с древними культурами Северного Ирана.

Материалы Ак-депе, малоизученного памятника эпохи неолита и ранней бронзы, а также керамика Кара-депе изданы в книге Л. Б. Кирчо «К изучению позднего неолита Южного Туркменистана» (СПб., 1999).

С 1998 г. В. И. Распопова совместно с Б. И. Маршаком и другими сотрудниками Пенджикентской экспедиции издает развернутые отчеты о полевых исследованиях согдийского города Папг. К настоящему времени вышло уже 10 выпусков этих отчетов, являющихся ценнейшим источником для всех специалистов в области раннесредневековой археологии Центральной Азии. В 2007 г. за публикацию этой серии, а также за большой вклад в развитие археологии Центральной Азии Французская Академия вручила В. И. Распоповой премию Романа Гиршмана, известного в прошлом исследователя восточных древностей.

В 2001 г. был издан сборник «Особенности производства поселения Алтын-дене в эпоху палеометалла» (СПб., 2001). В этой книге опубликованы работы, в том числе статьи сотрудников отдела Ю. Е. Березкина и Л. Б. Кирчо, в которых материалы важнейшего для археологии Центральной Азии памятника подвергнуты междисциплинарному изучению на основе типологического, металлографического, трасологического и петрографического анализов, что позволило установить особенности технологии различных производств на юге Туркменистана в эпоху неолита — бронзы.

Результаты раскопок ленинградских, туркменских и английских археологов на Джейтуне (конец 1980-х — начало 1990-х гг.) были опубликованы в сборнике «Новые исследования на поселении Джейтун» (Ашгабат, 1992).

В 1997 г. Ю. А. Заднепровский опубликовал материалы своих многолетних исследований чустской культуры в Кыргызстане «Ошское поселение. К истории Ферганы в эпоху поздней бронзы» (Бишкек). Раскопанный им памятник на склоне горы Сулейман-Тоо являлся предшественником города Ош, который расположен на юге Кыргызстана.

В 1990-х—начале 2000-х гг. в свет вышло несколько книг, посвященных археологии Сибири эпохи бронзы, железного века и средневековья: Д. Г. Савинов «Древние поселения Хакасии. Торгажак» (СПб., 1996), Г. Н. Курочкин «Богатые курганы скифской знати на юге Сибири. Большой Новоселовский и Большой Полтаковский курганы» (СПб., 1992), Н. Ю. Кузьмин «Курган у деревни Новомихайловка. Проблемы изучения культуры степных племен Енисея V—III вв. до н. э.» (СПб., 1994), А. Д. Грач, Д. Г. Савинов, Г. В. Длужневская «Енисейские кыргызы в центре Тувы» (М., 1998).

В 1999 г. была посмертно опубликована книга М. П. Грязнова «Афанасьевская культура на Енисее» (СПб.). Она представляет собой монографическое издание материалов эталонных, полностью раскопанных автором могильников афанасьевской культуры Афанасьева Гора и Карасук III. В монографии дана характеристика хозяйства и религиозных представлений, социального строя и искусства населения Минусинской котловины эпохи неолита.

Существенное место в работе отдела занимает исследование древностей сунну, которыми занимается С. С. Миняев. В 1998 г. он издал книгу «Дыре-стуйский могильник» (СПб.), в которой опубликовал все погребальные комплексы этого археологического памятника, эталонного для изучения культуры сунну.

Две монографии посвящены публикации вновь открытых петроглифов на юге Сибири — В. А. Семенов, М. Е. Килуновская, С. В. Красниченко, А. В. Субботин «Петроглифы Каратага и горы Кедровой (Шарыповский район Красноярского края)» (СПб., 2000) и В. А. Семенов, М. Е. Килуновская, С. В. Красниченко, А. В. Субботин «Изображения на плитах тагарских курганов» (СПб., 2003).

Монография А. Д. Резепкина (A. D. Rezapkin. «Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkasien») (Archäologie in Eurasien. Bd 10. Rahden/Westf., 2000) посвящена изданию материалов богатейшего курганного могильника Клады, относящегося к эпохе бронзы.

Перечень изданных в эти годы обобщающих исследований открывает книга К. Х. Кушнаревой «Южный Кавказ в IX—II тыс. до н. э. Этапы культурного

и социально-экономического развития» (СПб., 1993). В ней суммированы итоги многолетних исследований Кавказа российскими археологами и их коллегами в государствах Закавказья. В монографии детально рассмотрены проблемы генезиса археологических культур, развития производств и динамики социальной структуры древних обществ Южного Кавказа.

В монографии Э. Б. Вадецкой «Таштыкская эпоха в древней истории Сибири» (СПб., 1999) опубликованы находки из таштыкских грунтовых склепов (I—VI вв.), сделанные за последние 100 лет. Анализ этих археологических материалов позволил исследовать сложные этногенетические процессы, являвшиеся следствием постепенного вовлечения южных окраин Сибири в политические конфликты, происходившие в Центральной Азии и Восточном Туркестане с I в. до н. э. по VII в. В работе предложена новая методика датирования сибирских памятников сунно-сарматского времени, исходя из анализа импортных изделий, поступающих по Великому шелковому пути.

К числу важнейших публикаций отдела следует причислить монографию «Металлические серпы эпохи поздней бронзы Восточной Европы» (Кишинев, 2002), написанную В. С. Бочкаревым в соавторстве с В. А. Дергачевым (Кишинев). В. С. Бочкарев известен археологам России и Европы как один из ведущих специалистов по эпохе бронзы, в работах которого методическая тщательность сочетается с широким охватом материала. В книге В. С. Бочкарева и его соавтора детально изучены металлургические центры Восточной Европы финальной стадии эпохи бронзы.

В отделе было подготовлено исследование Ю. Е. Березкина «Мост через океан. Заселение Нового Света и мифология индейцев и эскимосов Америки» (Российские исследования в гуманитарных науках. Т. 23. 2001). Выявив особенности распределения мифологических мотивов в различных ареалах Нового Света, исследователь реконструировал процесс заселения Американского континента палеоиндейцами на рубеже плейстоцена и голоцена. В монографии дан также аналитический обзор материалов по археологии, лингвистике и физической антропологии индейцев Нового Света. Книга Ю. Е. Березкина является значительным вкладом российской науки в исследование древних обществ аборигенов Америки.

Методологическим проблемам интерпретации погребальных ритуалов посвящены три книги М. Д. Хлобыстиной — «Древнейшие могильники Восточной Европы как памятники социальной истории» (СПб., 1993), «Социогенез культур Северной Евразии эпохи раннего голоцена» (СПб., 1994) и «Погребальные ритуалы первобытных эпох» (СПб., 1995). В 1992 г. было опубликовано исследование Вл. А. Семенова «Неолит и бронзовый век Тувы» (СПб.). В 1997 г. В. П. Никоноров издал книгу о вооружении древней Бактрии (The Armies of Bactria. Vol. 1—2. Stockport).

В 1992 г. в свет вышел очередной том из серии «Археология СССР» «Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время» (М.). Отдельные главы этого обобщающего исследования написаны сотрудниками отдела: Н. А. Боковенко, Э. Б. Вадецкой, М. П. Грязновым, Ю. А. Заднепровским, А. М. Мандельштамом, М. Н. Пшеничной и Э. У. Стамбульником.

Существенный вклад в написание еще одного тома «Археологии СССР» «Ранняя и средняя бронза Кавказа» (М., 1994) сделала К. Х. Кушнарева. Ее

перу принадлежат пять глав этой книги, еще одна глава написана ею в соавторстве.

В 2001 г. заведующий отделом В. М. Массон и В. П. Никоноров возобновили прерванное в 1921 г. периодическое научное издание, основанное академиком В. В. Розном в 1886 г. под названием «Записки Восточного отделения Русского археологического общества». Опубликованные в 2002 и в 2006 гг. в Санкт-Петербурге 26 (1) и 27 (2) тома новой серии этого издания содержат статьи по различным проблемам археологии, истории, нумизматики, эпиграфики и сфрагистики Центральной Азии и сопредельных стран.

С 2000 г. Институт культурного наследия народов Туркменистана по инициативе В. М. Массона стал издавать журнала «Мирас», в котором публикуются статьи по археологии и древней истории народов Центральной Азии, а в 2002 г. Национальная Академия наук Кыргызстана и Кыргызский национальный университет основали журнал «Диалог цивилизаций», посвященный исследованию контактов древних народов и государств на маршруте Великого шелкового пути. Главным редактором этого журнала является В. М. Массон.

В 1970-х гг.—2002 г. тематика научных работ сотрудников отдела расширилась. Они стали разрабатывать проблемы теории археологии (В. С. Бочкарев), а также вопросы, связанные с интерпретацией кладов (В. С. Бочкарев) и погребений (В. А. Алёшкин и М. Д. Хлобыстина). В. М. Массон и В. А. Завьялов исследовали среднеазиатский город позднеантичного времени. А. Д. Резепкин и В. А. Трифонов возобновили раскопки памятников бронзового века Кавказа. В. А. Мешкерис исследовала историю музыки в археологическом контексте, анализируя изображения музыкальных инструментов и музыкантов, найденные при раскопках античных и средневековых памятников Центральной Азии и сопредельных регионов. В целом коллектив отдела разрабатывал четыре основных научных направления.

В марте 2003 г. заведующим отдела был выбран кандидат исторических наук Вадим Андреевич Алёшкин (рис. 5), научные интересы которого связаны с исследованием проблем первобытной археологии Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока, а также с изучением погребальных обрядов древних племен Евразии каменного и бронзового века.

В 2003—2006 гг. произошел количественный прирост полевых проектов. Наряду с продолжающимися исследованиями сотрудников отдела на юге Сибири, в Забайкалье⁶⁸ и на Северном Кавказе, с 2003 г. вновь начала работать Бейская экспедиция (начальник М. Н. Пшеницына). В 2006 г. были возобновлены раскопки поселения Илгыны-депе в Юго-Восточной Туркмении (руководитель Н. Ф. Соловьева, Илгылинский отряд).

В ноябре 2004 г. отдел организовал и провел конференцию «Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура», посвященную 100-летию со дня рождения известного российского археолога и востоковеда А. М. Беленицкого, многолетнего руководителя Пенджикентской экспедиции. В работе конференции участвовали 52 специалиста из Санкт-Петербурга, Москвы, Новгорода Великого и Нижнего Новгорода, а так-

⁶⁸ Следует отметить успехи возглавляемой С. С. Миняевым Забайкальская экспедиция, которая в 2005 г. завершила раскопки царского кургана сюнну в долине Царям.

же из зарубежных научных центров Великобритании, Венгрии, Израиля, Испании, Италии, США, Таджикистана, Узбекистана, Франции, Японии.

В 2003—2006 гг. сотрудники отдела продолжали публиковать археологические материалы, происходящие из раскопок важнейших археологических памятников. С. С. Миняев завершил издание корпуса источников по археологии сюнну, выпустив в свет (в соавторстве с А. В. Давыдовой) монографию «Комплексы археологических памятников у с. Дурень» (СПб., 2003). Вл. А. Семенов опубликовал материалы двух памятников, которые являются важнейшим источником по исследованию культурного взаимодействия народов Южной Сибири в эпоху ранних кочевников, — «Сугдуг-Хем и Хайыракан — могильники скифского времени Центрально-Тувинской котловины» (Труды ИИМК РАН. Т. 9. СПб., 2003).

Посмертно изданы также материалы трех полностью раскопанных Г. А. Максименковым тагарских курганных могильников Гришкин Лог I, Черновая I и Новая Черная I «Материалы по ранней истории тагарской культуры» (Труды ИИМК РАН. Т. 8. СПб., 2003). В этой книге рассматриваются вопросы эволюции погребального обряда и социальной организации общества, населявшего бассейн Среднего Енисея на раннем этапе сложения тагарской культуры.

В научный оборот введены также погребальные комплексы Алтын-депе, эталонного поселения эпохи энеолита и бронзового века на юго-востоке Туркмении «Хронология эпохи позднего энеолита—средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе)» (Труды ИИМК РАН. Т. 16. СПб., 2005). В этой монографии, написанной Л. Б. Кирчо и В. А. Алёшкиным, развитие культуры одного из древнеземледельческих обществ рассмотрено сквозь призму эволюции погребального ритуала и инвентаря захоронений. Книга, которой многие годы будут пользоваться как российские, так и зарубежные археологи, является фундаментальной сводкой тщательно выверенных сведений по одному из важнейших памятников восточной археологии.

Большой научный резонанс имела также публикация предметов древнего искусства, найденных при раскопках энеолитического поселения Илгыны-депе на юго-востоке Туркмении — N. F. Solovyova «Chalcolithic Anthropomorphic Figurines from Ilgynly-depe, Southern Turkmenistan. Classification, analysis and catalogue» (BAR. International Series. 1336. Oxford, 2005). Это издание свидетельствует о глубоком интересе, который проявляют зарубежные исследователи к научным открытиям сотрудников отдела.

Характеристика ратного искусства сюнну, одного из наиболее воинственных народов эпохи железного века, дана В. П. Никоноровым (совместно с

Рис. 5. В. А. Алёшкин

Ю. С. Худяковым) не только по археологическим, но и по письменным источникам — «Свистящие стрелы» Мао-дуна и «Марсов меч» Аттилы: Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов» (Серия «*Militaria Antiqua*». 6. СПб.: М., 2004).

В книге В. А. Мешкерис «Индийские традиции в художественной культуре Средней Азии» (Труды ИИМК РАН. Т. 14. СПб., 2004) рассмотрены вопросы культурного взаимодействия двух очагов древних цивилизаций — Индостана и Центральной Азии в античное и раннесредневековое время.

Обобщающее исследование В. М. Массона «Культурогенез Древней Центральной Азии» (СПб., 2006) посвящено археологии Центральной Азии от палеолита до развитого средневековья, причем основное внимание в книге уделено проблеме генезиса древнеземледельческой цивилизации эпохи бронзы и вопросам культурного взаимодействия земледельцев и пастухов/кочевников в бронзовом и железном веках, а также в эпоху античности и раннего средневековья на юге Центральной Азии.

Таким образом, несмотря на численное сокращение экспедиционных работ, количество основных научных направлений отдела не уменьшилось по сравнению с предыдущим периодом.

За свою многолетнюю историю отдел сыграл огромную роль в развитии отечественной археологии. Нередко его сотрудники начинали проводить полевые работы в тех регионах бывшего Советского Союза, которые были белыми пятнами на археологической карте страны. Именно поэтому многим экспедициям отдела пришлось пережить трудный период первоначального накопления артефактов. Это время, как правило, характеризовалось диктующим строительными организациями жестким графиком раскопок, зачастую в непростых климатических условиях. Последующее введение в научный оборот добытого археологического материала и его анализ, сделанный тремя поколениями исследователей, позволили отделу внести значительный вклад в изучение материальной и духовной культуры древних племен и народов Евразии.

Отдел является единственным научным коллективом в России, в котором работают специалисты по первобытной, античной и раннесредневековой археологии Центральной Азии. Следует отметить, что изучение прошлого народов, населяющих этот обширный регион, чрезвычайно важно, не только исходя из профессиональных интересов, но и с точки зрения развития и укрепления международных связей России со странами СНГ. Сотрудничество петербургских археологов с их коллегами из Центральной Азии несомненно обогатит российскую и центральноазиатскую археологические школы и будет способствовать получению ими высоких научных результатов. Такие контакты помогут сохранить пространство русского языка и в конечном счете будут способствовать сохранению культурного и политического влияния России в этом регионе. Таким образом, как и в 1920-е гг. нельзя не признать, что Институт не может ограничиваться изучением древностей лишь на территории России, оно должно охватывать и прилегающие к ней страны.

Археологические работы сотрудников отдела в Центральной Азии нуждаются в поддержке со стороны Отделения и Президиума РАН. Без создания специальной программы развития таких полевых изысканий будет потеряна уникальная школа в рамках российской археологии, а престижу России в со-

предельных государствах будет нанесен ущерб. В рамках подобной программы необходимо предусмотреть подготовку кадров высокой квалификации (аспиранты) и издание материалов экспедиционных исследований, много лет производившихся в Центральной Азии за счет средств АН СССР и РАН.

Необходимость сохранения в структуре ИИМК РАН такого подразделения, как Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа со всей его исторически сложившейся тематикой, вполне очевидна. Территориальный и хронологический (от эпохи энеолита до раннего средневековья) масштаб исследований, который осуществляют сотрудники отдела, превращает его в основной элемент конструкции Института.

За последние годы сотрудниками отдела стали молодые исследователи, специалисты по археологии бронзового века Центральной Азии (Ю. Г. Кутимов) и археологии Сибири бронзового и железного веков (А. В. Поляков и Н. Ю. Смирнов). Все они успешно работают над своими темами, достойно поддерживая научные традиции подразделения.

Деятельность отдела за минувшие 56 лет ознаменовалась рядом блестящих открытий, по праву вошедших в мировой фонд археологии. Не имея возможности дать их исчерпывающий перечень, упомяну лишь те важнейшие памятники, раскопки которых дали принципиально новую информацию о развитии и взаимодействии древних обществ Евразии.

Для археологии Центральной Азии следует прежде всего назвать исследования Пенджикента (рис. 6), согдийского города Панч, расположенного на территории нынешнего Таджикистана. Планомерное изучение этого памятника было начато в 1947 г. Согдийско-Таджикской (впоследствии Таджикской, а затем Пенджикентской) экспедицией. К настоящему времени раскопками вскрыто около двух третей городища.

Пенджикент является единственным домусульманским памятником Центральной Азии, исследуя который археологи в соответствии со стратиграфией и найденными артефактами выявили мельчайшие изменения материальной и духовной культуры горожан, пережившей в своем развитии несколько этапов, которые датируются для V—VII вв. с точностью до 50 лет, а для VIII в. — с точностью до 25 лет. К настоящему времени в Пенджикенте досконально изучена застройка города и прослежена ее эволюция, обследована фортификация и дворец правителя, раскопаны лавки, базары и ремесленные мастерские, выявлены культурно-хозяйственные связи горожан с соседними регионами, обнаружены различные типы погребальных обрядов, вероятно, связанных с разными вероисповеданиями умерших. Все эти открытия демонстрируют высокий уровень городской культуры Панча, в которой причудливо переплетены черты, присущие различным традициям. Потрясает высокий художественный уровень настенных росписей парадных залов многих домовладений, погружающих нас в мир согдийской мифологии, корни которой восходят к эпохе Авесты. Храмы Панча, сравнимые с храмами огня зороастрийцев Индии, являются наиболее тщательно изученными культовыми постройками Согда. В них также обнаружены росписи на мифологические и религиозные сюжеты.

В целом уровень изученности Пенджикента настолько высок, что его без преувеличения можно считать эталонным памятником, сравнение с которым позволяет пролить свет на те ограниченные данные, которые были получены

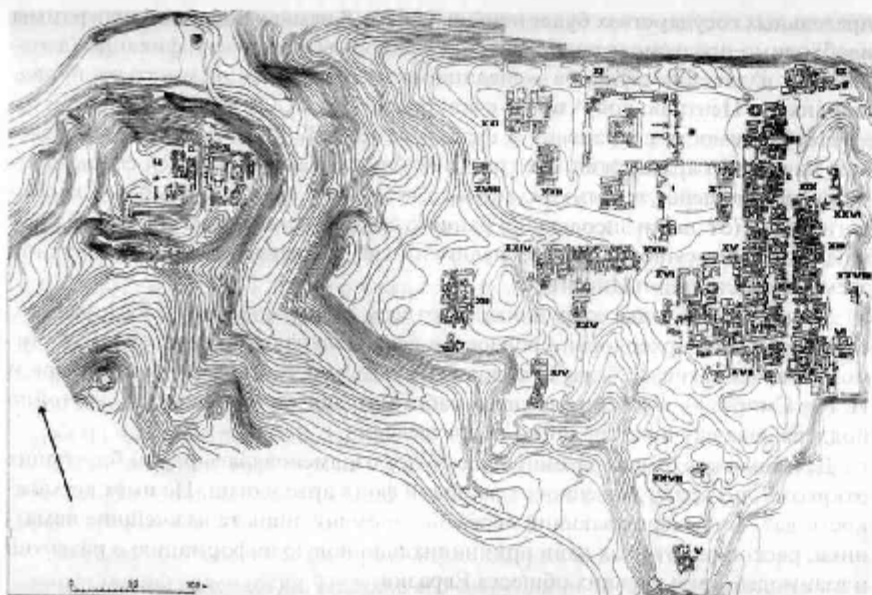

Рис. 6. Пенджикент. Топографический план

при менее масштабных раскопках иных раннесредневековых городищ Центральной Азии. В раскопки Пенджикента внесли свою лепту многие квалифицированные археологи, в том числе такие сотрудники отдела, как А. М. Беляцкий, В. И. Располова, О. Г. Большаков (ныне сотрудник СПбФ ИВ РАН), И. Б. Бентович, Д. Абдуллоев, Г. В. Длужневская, Н. Ф. Саввонида и В. А. Завьялов.

В 1980—1990-х гг. Каракумская экспедиция во главе с В. М. Массоном исследовала неолитическое поселение Илгынды-депе (рис. 7), расположенное на юго-востоке Туркменистана. В результате раскопок были обнаружены новые яркие материалы, характеризующие духовную культуру земледельцев в меднокаменном веке. Речь идет об архитектурных комплексах, отличающихся уникальными деталями интерьера и находящихся *in situ* некоторых антропоморфных изображениях.

Архитектурные комплексы, служившие центральными помещениями домохозяйств, отличаются богатым и сложным убранством (крашеные полы, деревянные и глиняные скамьи, покрытые охрой; рельефный и расписной декор на стенах), специфической планировкой и обилием ценных находок, необычных для столь ранней эпохи (металлические орудия, культовые сосуды и антропоморфные статуэтки из камня и глины). Эти парадные помещения могли периодически использоваться и как обрядовые, и как жилые. Основным элементом их интерьера являлись скамьи, на которых, видимо, сидели участники свершавшихся в комнатах ритуалов, причем каждый архитектурный комплекс был связан с определенным видом ремесла.

На полах и некоторых скамьях парадных помещений найдены пряслища и медные иглы. Эти изделия, вероятно, свидетельствуют о том, что в обрядах, ко-

Рис. 7. Илгынды-депе. Раскоп № 3

торые здесь отряжали, ведущую роль играли женщины. Во время раскопок были выявлены также вещественные следы ритуалов, которыми сопровождалось оставление парадного помещения. Такие обряды впервые зафиксированы на раннеземледельческих памятниках юга Центральной Азии.

Настенная сюжетная роспись Илгынды-депе, изображающая дерево и стоящий рядом с ним на двух конечностях мифологический персонаж, сочетающий антропо- и зооморфные черты, по своей значимости может быть сравнима лишь с открытием росписей неолитического поселения Чатал-Гуюк в Малой Азии. Впрочем, и само Илгынды-депе с его системой парадных комнат, предположительно святилищ, является центральноазиатским аналогом Чатал-Гуюка. В раскопках Илгынды-депе принимали участие Л. Б. Кирчо, М. Н. Пшеницына, В. И. Козлов, А. Ю. Маретин и Ю. Г. Кутимов.

Большое научное значение имели раскопки поселения Алтын-депе (рис. 8) на юго-востоке Туркменистана, которое является одним из крупнейших в Центральной Азии городищ эпохи неолита и бронзы. Многолетние исследования этого памятника проводила Каракумская экспедиция, которую возглавлял В. М. Массон.

Изучение стратиграфии поселения и раскопки его верхних культурных слоев, относящихся к концу раннего—среднему бронзовому веку (последняя треть III—начало II тыс. до н. э.), дали исчерпывающую характеристику материальной и духовной культуры населения этого важнейшего центра земледельческой цивилизации, которая оказала большое влияние на своих соседей в северной и восточной части центральноазиатского региона.

Рис. 8. Алтын-депе. Аэрофотосъемка памятника

В результате полевых исследований на Алтын-депе был обнаружен центральный въезд на поселение, достигавший ширины 5 м и, очевидно, предназначавшийся для повозок. По обеим сторонам от него располагались два узких прохода для пешеходов. На поселении найдено культовое сооружение, к которому примыкал хорошо сохранившийся архитектурный комплекс, состоящий из анфилады комнат. Впоследствии он был использован для совершения захоронений. Уникальные находки, обнаруженные в одном из помещений анфилады (золотые головки волка и быка, инкрустированная каменная плитка с изображениями креста и полумесяца, каменная печать с изображением свастики, каменные колонка и посох, лазуритовые, сердоликовые и золотые бусы), видимо, указывают на то, что в доме были погребены служители культа.

Типы многокомнатных жилых домов и инвентарь коллективных захоронений Алтын-депе свидетельствуют о наличии по меньшей мере трех групп населения, различающихся своим имущественным достатком. Обнаруженные на поселении артефакты указывают на высокий уровень развития местного ремесленного производства. Это подтверждается находками глиняной посуды, изготовленной на гончарном круге быстрого вращения и обожженной в печах при температуре до 1000°, каменных сосудов, металлических изделий (ножи, косметические стержни и печати), а также разнообразной глиняной пластики, прежде всего терракотами, изображающими женщин. Выявлены многочисленные свидетельства контактов населения Алтын-депе с древнеземледельческими общинами Ирана, Афганистана, Пакистана и Индии. Стратиграфические исследования напластований эпохи позднего энеолита—ранней бронзы позволили проследить процесс формирования раннегородской цивилизации Алтын-депе.

Раскопки этого памятника продемонстрировали, что территория, на которой он располагается, являлась северной окраиной обширной земледельческой ойкумены, включающей регионы Среднего Востока и Южной Азии. Цивилизации оседлого населения, сложившиеся в этом обширном регионе в IV—начале II тыс. до н. э., были связаны, видимо, общностью происхождения и имели постоянные культурные контакты. В раскопках Алтын-депе принимали участие В. А. Алёкшин, Ю. Е. Березкин, С. Б. Гультов, В. А. Завьялов, Л. Б. Кирчо, Г. Н. Курочкин, В. И. Осипов,⁶⁹ Вл. А. Семенов, Н. Ф. Соловьева, А. В. Субботин, Т. А. Шаровская и А. Я. Щегенко.

Для западного ареала Центральной Азии изучение Сумбарских могильников (рис. 9) эпохи энеолита и бронзы имело такое же значение, как и раскопки Алтын-депе для восточного региона. Эти памятники исследовала экспедиция, которой руководил И. Н. Хлопин. В результате его работ была выделена сумбарская археологическая культура эпохи поздней бронзы и предшествующие ей археологические комплексы, представленные в основном материалами могильника Пархай II. Все эти древности имели тесные связи с кругом синхронных памятников Северного Ирана. Для могильников долины Сумбара характерна сероглиняная посуда, изготовленная посредством особого обжига. Другие характеристики этих археологических комплексов менялись с течением времени, так как они существовали в этом регионе с VI тыс. до н. э. по конец II тыс. до н. э. (периоды ЮЗТ-VII—ЮЗТ-I). Таким образом, в результате многолетних работ И. Н. Хлопина в долине р. Сумбар была впервые выявлена последовательность развития древнеземледельческой культуры на юго-западе нынешнего Туркменистана. Открытие сумбарских древностей показало, что

⁶⁹ В. И. Осипов, впоследствии сотрудник Архива АН СССР/РАН, за время своей работы в ЛОИА (1969—1973) участвовал в раскопках таких эталонных памятников Средней Азии, как Намазгаде и Алтын-депе на юге Туркмении, а также Зар-тепе на юге Узбекистана. Изучая античные древности Средней Азии, он подавал большие надежды и со временем стал бы прекрасным специалистом в этой области археологии. Однако судьбе было угодно распорядиться иначе. В 1973 г. сотрудник КГБ провел на его квартире обыск и обнаружил запрещенную к распространению в СССР литературу. С точки зрения тогдашних правоохранительных органов, В. И. Осипов был запятан в связях с диссидентским движением Ленинграда, и они способствовали его увольнению из ЛОИА, хотя и не подвергли судебному преследованию. В. И. Осипов безвременно скончался в августе 1993 г., участвуя в работах туркменско-английской экспедиции, исследовавшей руины древнего города Мерв.

Рис. 9. Могильник Сумбар I. Общий вид памятника

общины древних земледельцев были распространены по всему югу Центральной Азии от Прикаспия до Зеравшана. Материалы Сумбарских могильников и прежде всего сероглиняная керамика указывают на то, что древнеземледельческое население долины Сумбара имело торговые и культурные связи не только с северо-востоком Ирана, но и с регионами, расположенными на юго-востоке Туркменистана и юге Таджикистана. Некоторые вещи, найденные при раскопках Сумбарских могильников, позволили сделать неожиданные выводы. Например, в погребальных комплексах середины II тыс. до н. э. встречены ножи для обрезания ворсовой нити ковра. Таким образом, оказалось, что корни современного туркменского ковроделия уходят в седую древность. В раскопках могильников долины Сумбара принимали участие Л. И. Хлопина, Г. Н. Курочкин и В. А. Завьялов.

Исследования Алтыг-депе, Илгыны-депе и Сумбарских могильников поставили на конкретную почву изучение комплексных обществ эпохи энеолита и бронзы на юге Центральной Азии и позволили изучить основные тенденции культурного и социального развития племен, заселявших периферию древнеземледельческой ойкумены.

В области археологии Кавказа в первую очередь необходимо назвать раскопки академика Б. Б. Пиотровского на холме Кармирблур (Армения), на северо-западной окраине г. Ереван. На вершине холма (рис. 10) были обнаружены руины цитадели урартского города Тейшебаини, основанного в первой половине VII в. до н. э., во время правления царя Русы II. Город носил имя бога войны урартов Тейшебы. У подножия холма располагались неукрепленные городские кварталы. В 1939—1971 гг. Кармирблурская экспедиция систематически исследовала цитадель и поселение Тейшебаини (во время Великой Отечественной войны раскопки не производились).

Рис. 10. Кармирблур. Общий вид памятника

Цитадель города, располагавшаяся на площади примерно 4 га, была почти целиком занята большим административным зданием, насчитывающим около 200 помещений. Комнаты, сложенные из сырцового кирпича, разделены деревянными перекрытиями на два этажа. Фундаменты построек образованы крупными базальтовыми блоками. Большинство помещений первого этажа имело хозяйственное назначение. В одних комнатах хранили зерно, мясо, сыр и вино. В других варили пиво или изготавливали кунжутное масло. Найденны также кладовые для оружия, гончарных и металлических изделий. Парадные помещения верхнего этажа, рухнувшие во время уничтожившего город пожара, сохранили следы росписи красной и голубой красками.

При раскопках Тейшебаини были обнаружены реликвии урартов, свезенные в этот хорошо укрепленный центр из тех городов, которые, видимо, уже были захвачены врагами. Например, на дне громадного сосуда для хранения вина, который стоял в одной из кладовых, лежали 97 однотипных бронзовых чаш с именами различных урартских царей, живших в VIII в. до н. э. Эти чаши были, очевидно, доставлены в Тейшебаини из крепости Эребуни. Внутри цитадели, раскопанной на Кармирблуре, находились также резиденция правителя, храмовая площадка перед каменной стеной и хранилище для клинописных документов. Толщина стен укрепления превышала 3 м. По углам крепости были выстроены массивные башни.

Во время раскопок неукрепленной части города не найдены кладовые для хранения продуктов, хотя и были обнаружены гончарный круг, печь для выпечки хлеба, маслобойки и зернотерки. Очевидно, жившие здесь люди снабжались припасами, хранившимися в цитадели. Дома городских кварталов были возведены из крупных блоков туфа. При исследовании Тейшебаини найдены

также импортные изделия из Ассирии, Малой Азии и Египта, что указывает на разнообразные культурные и торговые связи населения Урарту. Город погиб примерно в 585 г. до н. э. Б. Б. Пиотровский предполагал, что он был разрушен скифами. Это подтверждается находками на цитадели большого числа накопечников стрел скифского типа.

Раскопки Тейшсбани дали археологический материал, который впервые позволил изучать процессы урбанизации Закавказья в железном веке, а также пролил свет на взаимодействие кочевого (скифы) и городского населения на периферии Ближнего Востока в эпоху расцвета древних обществ. В исследованиях Кармирблур участвовали Р. М. Джанполадян, студенты ЛГУ Г. А. Максименков, И. Н. Хлопин, аспирант В. С. Сорокин.

В 1982 г. А. Д. Резепкин, руководивший работами Майкопского отряда Кубанской экспедиции, раскопал в могильнике Клады близ станции Нововосвободной (Адыгея) курган 28 с двумя насыпями, укрепленными камнями кромлехом и неполным ланцирем. Высота кургана достигала 5 м. Под его насыпью была обнаружена двухкамерная мегалитическая гробница. Она не отличалась богатством погребального инвентаря, но три стены первой камеры были покрыты внутри росписью. На четвертой, передней стене также имелись рисунки, но с внешней стороны. Наиболее интересные изображения были нанесены на юго-восточную плиту гробницы. По ее периметру располагались изображения 14 лошадей. В центре плиты находится сидящая человеческая фигура с широко раздвинутыми ногами. На поперечной плите с отверстием нарисована стилизованная фигура человека, справа от которого представлен колчан. Оба изображения перекрыты рисунком лука. Все росписи выполнены черной и красной красками. Они, по мнению автора раскопок, имеют соответствия в индоевропейской мифологии, в частности сидящая человеческая фигура, возможно, олицетворяет владыку царства мертвых, который изображен на стене камеры, служившей как бы входом к умершему.

Еще ранее, в 1979—1980 гг., в могильнике Клады был раскопан курган 31 (рис. 11). Его насыпь, окруженная кромлехом, имела диаметр 67 м и возвышалась на 4 м. Под насыпью было найдено несколько захоронений, среди которых выделяется погребение 5 с уникальным погребальным инвентарем (мегалитическая двухкамерная гробница с останками взрослого и ребенка 7 лет). В нем найдены бронзовые (слиток, котлы, чаша, сосуды, блюдо, топоры, топор-молот, козачек, долота, шилья, игла, тесла, стамеска, нож, крюки, фигурка собаки, кинжалы, в том числе два votивных, меч, штандарт), серебряные (стамеска, булавки, фигурка собаки, бляшки, бусы), золотые (кольца, бляшки, бусы) и каменные (топор-молот, кремневый кинжал, кремневые наконечники стрел) изделиями, а также сердоликовые бусы, бусы из горного хрусталя, игральные кости и 11 глиняных сосудов.

Погребения обоих курганов относятся к нововосвободненской культуре эпохи ранней бронзы (примерно середина IV тыс. до н. э.). По своей значимости они стоят в одном ряду со знаменитым Майкопским курганом и дают разнообразную информацию о комплексных обществах северного Кавказа в эпоху бронзового века.

Раскопки кургана Аржан (рис. 12) в Туве стали одним из самых ярких археологических открытий в Сибири. Изучение этого памятника осуществила со-

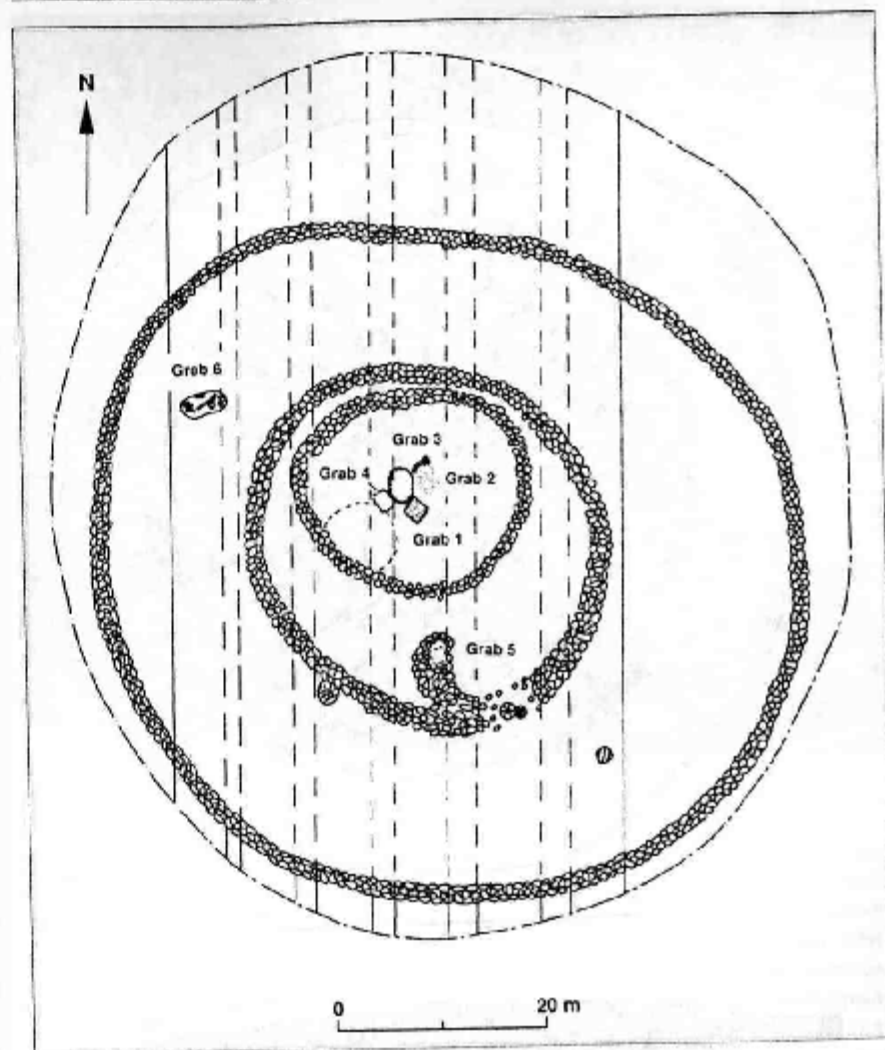

Рис. 11. Клады. План кургана 31

вместная экспедиция ЛОИА АН СССР, Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории и Всесоюзного общества охраны памятников культуры. Экспедицию возглавляли М. П. Грязнов и М. Х. Маннай-Оол (Кызыл). Для археологии ранних кочевников исследование Аржана имеет огромное значение. Земляная насыпь этого могильного сооружения имела диаметр 120 м при высоте около 3 м. Она скрывала центральный деревянный сруб, в котором были размещены две колоды с останками мужчины старческого возраста и женщины зрелого возраста. Вокруг центральной камеры радиально располагались 70 срубов, в которых найдено 160 скелетов лошадей.

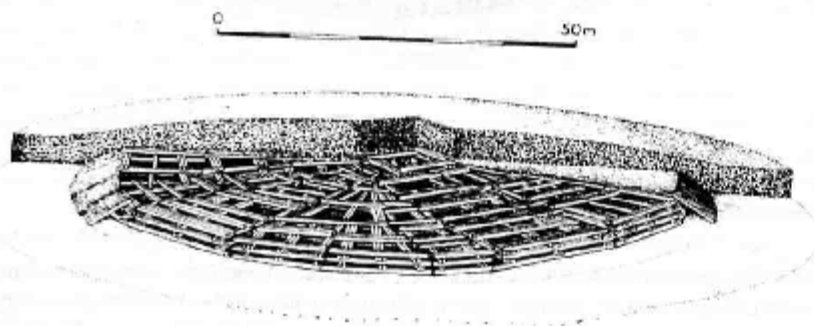
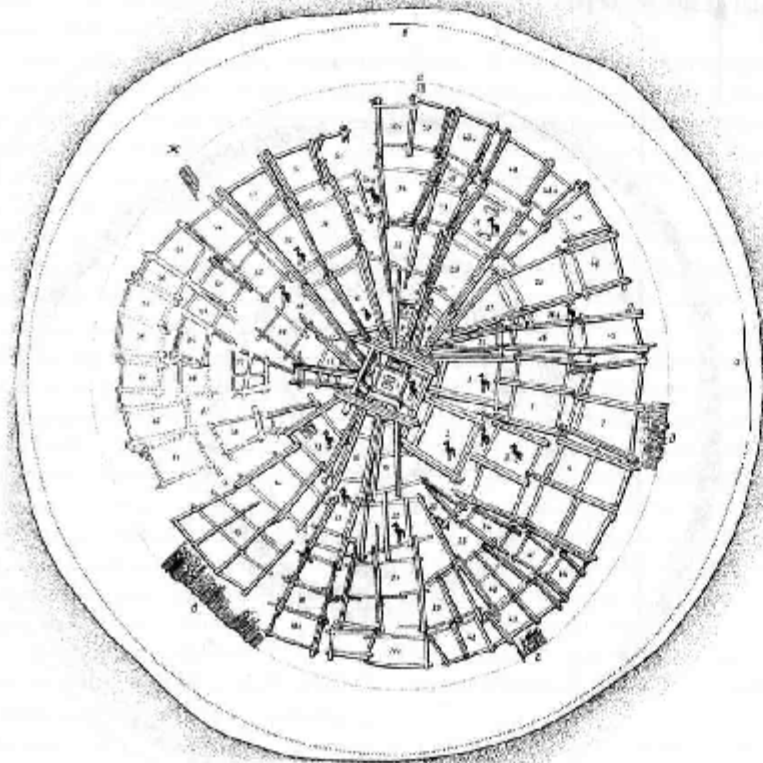

Рис. 12. Аржан. План и реконструкция памятника

Рис. 13. Аймырдыг. Коллективные погребения

Кони были принесены в жертву во время похорон знатной, вероятно супружеской, пары и захоронены вместе с ней. Основное погребение сопровождалось захоронениями 15 людей. Определенные возраста образцов дерева, зубов и костей лошадей с помощью радиоуглеродного анализа, а также данные дендрохронологии позволили датировать время сооружения кургана рубежом IX/VIII вв. до н. э. Предметы из железа и глиняная посуда при раскопках Аржана не обнаружены. Доминируют бронзовые изделия, характерные для так называемой скифской триады. Таким образом, значение этого памятника заключается не только в том, что он предоставил новую информацию о социальной организации ранних кочевников, но и позволил удревнить период формирования их культуры в азиатских степях. В работах на Аржане принимали участие Н. А. Боковенко, В. А. Завьялов, Л. Б. Кирчо, лаборанты Е. Л. Немировская и О. Л. Пламеневская.

Важные материалы для решения проблем хронологии кочевнических культур железного века были получены в результате раскопок могильника Аймырдыг (рис. 13) в Туве, одного из крупнейших археологических памятников Сибири. Исследования могильника проводил II отряд Саяно-Тувинской экспедиции, который возглавлял А. М. Манделштам. Здесь были обнаружены погребения скифского и тунно-сарматского времени, датирующиеся начиная со

второй половины VII в. до н. э. до рубежа христианской эры. Во многих захоронениях Аймырлыга был обнаружен богатый и разнообразный погребальный инвентарь. К сожалению, материалы этого памятника пока не опубликованы. В его раскопках принимали участие аспирант Э. У. Стамбульская, М. Е. Килуновская, Вл. А. Семенов, А. Д. Резенкин, Т. А. Шаровская, лаборанты Г. Н. Бестужев, Л. И. Рева, О. Н. Стафеева [Сажина].

В 2005 г. Забайкальская экспедиция, которой руководит С. С. Миняев, завершила многолетние раскопки кургана № 7 (рис. 14) в долине Царам (Бурятия). Этот памятник является одним из крупнейших погребальных сооружений сиюнну, известных к настоящему времени. Насыпь кургана имела размеры 32×32 м при высоте 1 м. По периметру она была укреплена вертикально поставленными каменными плитами. Под насыпью находилась могильная яма размером 27×27 м, в которую вел дромос. В нем на разных глубинах были обнаружены четыре дощатых настила. В верхней части могильной ямы соорудили деревянную клетку из сосновых бревен. Под этой конструкцией в процессе раскопок выявили четыре могильных перекрытия, также находившиеся на разных глубинах. Они были сделаны из каменных плит. Вдоль северного края третьего перекрытия обнаружены остатки жертвенных животных (крупный и мелкий рогатый скот). При расчистке этого перекрытия в центре ямы на глубине 10,5—11 м были найдены части колесницы, изготовленной в Китае.

Перекрытие погребальной камеры, сделанной из деревянных брусков, располагалось на глубине 15,5 м от поверхности кургана. Внутри камеры (4,2×6,1 м), имевшей высоту примерно 1,5 м, находился сруб (2,4×4,1 м) высотой 0,6 м. Он был перекрыт досками. В срубе на глубине 17 м от поверхности кургана лежал гроб (0,85×2,4 м), который разрушили грабители. По этой причине останки умершего почти не сохранились. Та часть погребального инвентаря, которую грабители не смогли извлечь из могилы, располагалась между стенками камеры, сруба и гроба. Здесь найдено несколько железных уздечных наборов, железные наконечники стрел, два серебряных фалара с изображением горного козла, бронзовая бляха также с изображением горного козла, остатки деревянного колчана, деревянный лакированный носок длиной примерно 1,5 м, четыре куклы, головы которых моделированы с помощью детских черепов, и много других более мелких вещей. Судя по инвентарю захоронение относится примерно к середине I в. н. э. Вблизи от кургана было найдено 10 сопроводительных захоронений.

Могильная насыпь кургана № 7 в долине Царам несомненно скрывала захоронение человека очень высокого социального ранга, возможно, предводителя (шаньюя) кочевого объединения сиюнну. Детальное изучение всего комплекса находок этого кургана еще предстоит сделать, но уже сейчас очевидно, что интерпретация материалов Царама существенно обогатит наши знания о погребальном обряде знати сиюнну и о социальной стратификации этого кочевнического общества. В 2007 г. Евразийский археологический институт (г. Измир, Турция) отметил С. С. Миняева наградой «За выдающийся вклад в тунискую археологию».

В заключение необходимо отметить, что сотрудники Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН гордятся своими полевыми открытиями, научными традициями и, несмотря на переживаемые в настоящее время

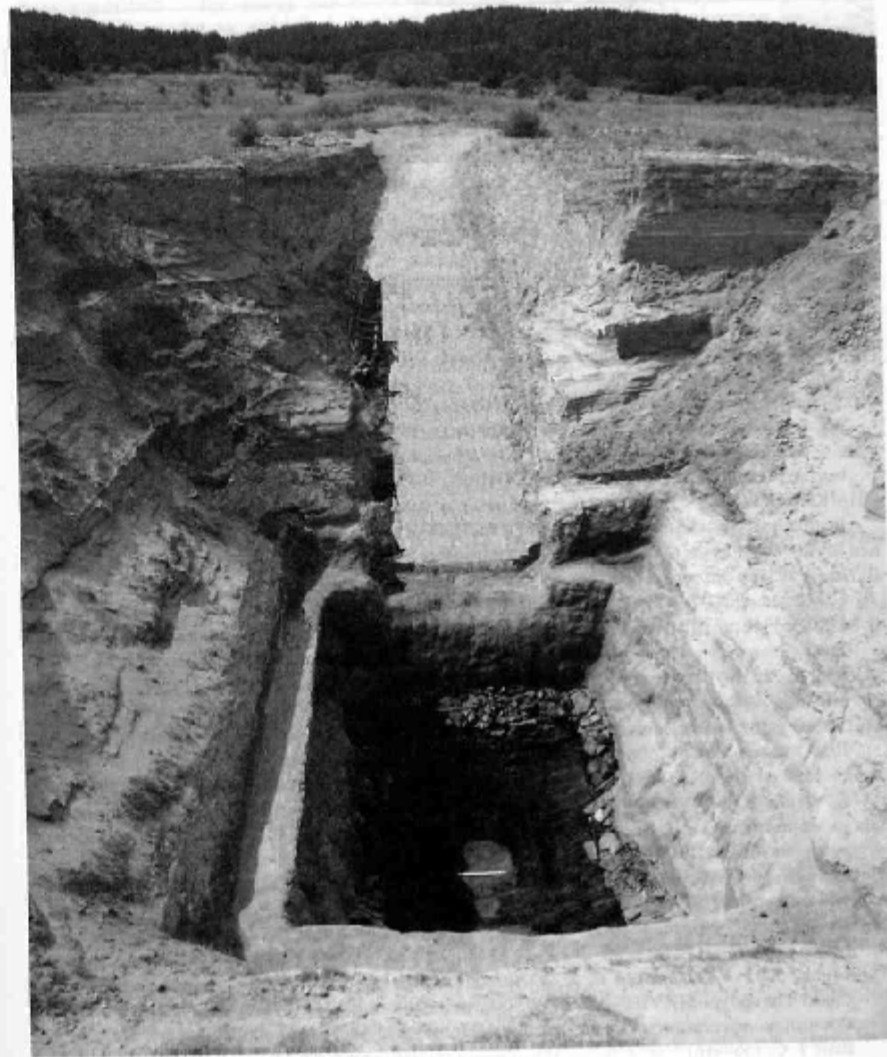

Рис. 14. Могильник Царам

трудности, с оптимизмом смотрят в будущее. Отдел должен сохранить свой опыт и передать его следующему поколению археологов, чтобы свеча не погасла.

- Алехин: 1980 — *Алехин В. А.* Научные совещания, сессии, симпозиумы, конференции, пленумы ГАИМК — ИИМК — Института археологии АН СССР // КСИА. 1980. Вып. 163. С. 45—51.
- Алехин, Пшеницына 2002 — *Алехин В. А., Пшеницына М. Н.* Международная конференция «Стены Евразии в древности и средневековье» (11—16 марта 2002 г.) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2002. № 4. С. 191—197.
- Археологические экспедиции... 1962 — Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и института археологии Академии наук СССР. 1919—1956 гг.: Указатель. М., 1962.
- Бернштам 1940 — *Бернштам А. Н.* Археологические работы в Семиречье // КСИИМК. 1940. Вып. 4. С. 43—48.
- Вадецкая 1973 — *Вадецкая Э. Б.* К истории археологического изучения Минусинских котловин // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1973. Вып. 6. С. 91—159.
- Вадецкая 1981 — *Вадецкая Э. Б.* Сказы о древних курганах. Новосибирск, 1981.
- Васильков, Кирчо 1986 — *Васильков Я. В., Кирчо Л. Б.* Второй советско-индийский симпозиум // СА. 1986. № 2. С. 278—280.
- Выдающиеся ученые Санкт-Петербурга... 2003 — Выдающиеся ученые Санкт-Петербурга и изучение древних культур и цивилизаций Центральной Азии и Кавказа. СПб., 2003.
- Гуркина, Крижевская 1939 — *Гуркина Н. Н., Крижевская Л. Я.* Обзор полевых археологических исследований ИИМК АН СССР // КСИИМК. 1939. Вып. 1. С. 11—37.
- ИИМК в дни ВОВ [1943] 1946 — Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра в дни Великой Отечественной войны (1943) // КСИИМК. 1946. Вып. 12. С. 153—161.
- Козлов 2004 — *Козлов С. Я.* Потерянная этнография // Независимая газета. 2004. 27 окт. № 254.
- Латыпин 1931 — *Латыпин В. А.* Сообщение об археологических работах в Узбекистане в 1930 г. // Сообщения ГАИМК. 1931. № 1. С. 38, 39.
- В. М. Массон. Биографическая справка 2000 — В. М. Массон. Биографическая справка // Взаимодействие культур и цивилизаций. В честь юбилея В. М. Массона. СПб., 2000. С. 21, 22.
- Массон, Алехин, Бокоченко 1978 — *Массон В. М., Алехин В. А., Бокоченко Н. А.* Всесоюзное совещание «Ранние котловинки Средней Азии и Казахстана» // КСИА. 1978. Вып. 154. С. 3—9.
- Матюченко 1992 — *Матюченко В. И.* История археологических исследований Сибири (до конца 1930-х годов): Уч. пособие. Омск, 1992.
- Носов 1999 — *Носов Е. Н.* Институту истории материальной культуры 80 лет // АВ. 1999. № 6. С. 9—14.
- Обсуждение трудов И. В. Сталина... 1951 — Обсуждение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания // КСИИМК. 1951. Вып. 36. С. 203—209.
- Пескарёва 1980 — *Пескарёва К. М.* К истории создания Российской Академии истории материальной культуры // КСИА. 1980. Вып. 163. С. 26—32.
- Платонова 1999 — *Платонова Н. И. М. И. Артамонов* — Директор ИИМК // АВ. 1999. № 6. С. 466—478.
- Платонова 2002 — *Платонова Н. И.* Александр Александрович Миллер — археолог // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII—XX века): биографический аспект. Материалы постоянно действующей конференции «Немцы в Санкт-Петербурге: биографический аспект». СПб., 2002. Вып. 1. С. 153—161.
- Пшеницына, Бокоченко 2002 — *Пшеницына М. Н., Бокоченко Н. А.* Основные этапы жизни и творчества Михаила Петровича Грязнова (1902—1984) // Стены Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. СПб., 2002. Кн. 1. С. 19—23.
- Пьянкова, Алехин 1984 — *Пьянкова Л. Т., Алехин В. А.* Советско-французский симпозиум «Археология древнейшей Бавтрии» // СА. 1984. № 4. С. 307—312.

- Решетов 2001 — *Решетов А. М.* Александр Александрович Миллер — выдающийся археолог, этнограф и музейевед // Интеграция археологических и этнографических исследований. Научник; Омск, 2001. С. 8—16.
- Савинов, Дзужневская 1993 — *Савинов Д. Г., Дзужневская Г. В.* Этапы жизни ученого // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Александра Даниловича Грача. Декабрь 1998 года. СПб., 1998. С. 7—9.
- Тараканова 1947 — *Тараканова С. А.* Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра в 1944 г. // КСИИМК. 1947. Вып. 14. С. 151—164.
- Тараканова 1947а — *Тараканова С. А.* Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра в 1945 г. // КСИИМК. 1947. Вып. 14. С. 165—167.
- Якубовский 1940 — *Якубовский А. Ю.* ГАИМК — ИИМК и археологическое изучение Средней Азии за 70 лет // КСИИМК. 1940. Вып. 6. С. 14—23.
- Якубовский 1940а — *Якубовский А. Ю.* Зирафшанская археологическая экспедиция 1939 г. // КСИИМК. 1940. Вып. 4. С. 48—52.
- ИА ИИМК РАН, РА, ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 1, 2, 10, 12, 20, 21, 47; 1920 г., д. 1—5, 9, 13, 18—20; 1921 г., д. 1, 3, 4, 21, 43, 90, 93; 1922 г., д. 1, 9—11, 75; 1923 г., д. 1, 4, 6, 15, 73, 74, 81; 1924 г., д. 1, 63, 101, 126; 1925 г., д. 1, 56, 64, 111, 127, 138; 1926 г., д. 1, 3, 15, 17, 67, 94, 95, 122, 231; 1927 г., д. 102, 125, 128, 148, 228; 1928 г., д. 1, 19, 65, 91, 95, 102, 151, 185; 1929 г., д. 1, 6, 7, 17, 77, 108, 111, 119, 120, 133, 136, 137, 140, 262; 1930 г., д. 1, 4, 11, 73, 107, 115, 117, 180; 1931 г., д. 1, 2, 757; 1932 г., д. 1—3, 87, 110, 113; 1933 г., д. 3, 12, 66, 95, 115, 224, 239, 260; 1934 г., д. 2, 3, 21, 22, 46, 138, 186, 211, 219; 1935 г., д. 10, 55, 117, 131, 153, 164, 263, 265; 1936 г., д. 6, 46, 49, 78, 107, 169, 256, 392; 1937 г., д. 15, 26, 45, 54, 103, 108, 110; оп. 3, д. 167, 350, 430, 644; ф. 35, оп. 5, д. 10, 213, 262, 416; ф. 312, оп. 1, д. 8, 14, 173, 242, 327, 331, 347, 353, 891.
- АРЭМ, ф. 2, оп. 1, д. 363; ф. 3, оп. 1, д. 35.
- РА ГРМ, ф. 1, оп. 10, л. 396, 452.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Заведующие и ведущие ученые Сектора/Отдела
Средней/Центральной Азии и Кавказа (1951—2007 гг.)⁷⁹

- АЛЕХИН Валентин Андреевич (1944 г. рож.) — кандидат исторических наук.
- АРТАМОНОВ Михаил Илларионович (1898—1972) — доктор исторических наук, профессор.
- БЕЛЕНИЦКИЙ Александр Маркович (1904—1993) — доктор исторических наук, заслуженный деятель науки Таджикистана, лауреат премии им. А. Рудаки.
- БЕРЕЗКИН Юрий Евгеньевич (1946 г. рож.) — доктор исторических наук.
- БЕРНШТАМ Александр Натанович (1910—1956) — доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Киргизской ССР.
- БИБИКОВ Сергей Николаевич (1908—1988) — доктор исторических наук, профессор.
- БОЛЬШАКОВ Олег Георгиевич (1929 г. рож.) — доктор исторических наук, профессор.
- ВАДЕЦКАЯ Элла Борисовна (1936 г. рож.) — доктор исторических наук.
- ГРЯЗНОВ Михаил Петрович (1902—1984) — доктор исторических наук, лауреат Государственной премии СССР, заслуженный деятель науки РСФСР, член-корреспондент Германского археологического института.
- ДЬЯКОНОВ Михаил Михайлович (1901—1954) — доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Таджикской ССР.
- ЗАДНЕПРОВСКИЙ Юрий Александрович (1924—1999) — доктор исторических наук.
- КРАЧКОВСКАЯ Вера Александровна (1884—1974) — доктор исторических наук.
- КУШНАРЕВА Карина Христофоровна (1922—2006) — доктор исторических наук.

⁷⁹ Приложение составлено Е. В. Бобровской. В список включены сотрудники, работавшие (или работавшие) как в постоянном штате отдела, так и по совместительству.

МАКСИМЕНКОВ Глеб Алексеевич (1930—1986) — доктор исторических наук.

МАНДЕЛЬШТАМ Анатолий Максимиланович (1920—1983) — доктор исторических наук.

МАССОН Вадим Михайлович (1929 г. рожд.) — академик Российской Академии естественных наук, академик АН Туркменистана, академик НАН Кыргызстана, академик Далекой Королевской академии наук и литературы, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный деятель науки и техники Туркменской ССР, лауреат государственной премии Туркменской ССР, лауреат премии Махтумкули, член-корреспондент Германского археологического института и Института Среднего и Дальнего Востока (ныне Институт Африки и Востока, Рим, Италия), почетный член Королевского Общества древностей (Лондон, Великобритания) и Института фракологии (Румыния).

МЕШКЕРИС Вероника Александровна (1927 г. рожд.) — доктор исторических наук.

ПИОТРОВСКИЙ Борис Борисович (1908—1990) — академик АН СССР, академик АН Армянской ССР, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Армянской ССР, заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Государственной премии СССР, почетный доктор Деллийского университета.

РАСПОПОВА Валентина Ивановна (1934 г. рожд.) — доктор исторических наук.

РУДЕНКО Сергей Иванович (1885—1969) — доктор технических наук, профессор, член-корреспондент Ютландского археологического общества (Дания).

САВИНОВ Дмитрий Глебович (1941 г. рожд.) — доктор исторических наук, профессор.

ТРЕВЕР КАМИЛЛА ВАСИЛЬЕВНА (1892—1974) — член-корреспондент АН СССР, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки Узбекской ССР.

ХЛОПИН Игорь Николаевич (1930—1994) — доктор исторических наук, член-корреспондент Германского археологического института.

ЧЕРНИКОВ Сергей Сергеевич (1909—1976) — доктор исторических наук.

ЯКОБСОН Анатолий Леопольдович (1906—1984) — доктор исторических наук.

ЯКУБОВСКИЙ Александр Юрьевич (1886—1953) — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР, академик АН Таджикской ССР, заслуженный деятель науки Таджикской ССР и Узбекской ССР.

РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ГРУППА ИИМК РАН: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Г. И. ЗАЙЦЕВА

Радиоуглеродная группа (лаборатория) является уникальным подразделением ИИМК РАН. История создания, поиск, разработка и применение основных принципов ее работы представляют особый интерес. В данной статье мы постараемся показать, как создавалась лаборатория, рассказать о ее сотрудниках и достижениях за последние годы.

История создания радиоуглеродной группы и ее сотрудники

Как и некоторые литераторы, утверждающие, что они вышли из гоголевской «Шинели», мы считаем, что все археологические научные подразделения Петербурга вышли из Императорской Археологической Комиссии (ИАК) и созданной на ее основе 18 апреля 1919 г. Российской Академии истории материальной культуры (РАИМК). Хронология событий в цепочке ИАК — РАИМК — ГАИМК — ИИМК АН СССР — ЛОИИМК АН СССР — ЛОИА АН СССР — ИИМК РАН требует специального изучения, краткая история ИИМК РАН представлена в статье Е. Н. Носова (Носов 1999). Мы осветим лишь некоторые моменты, имеющие отношение к радиоуглеродной лаборатории.

В 1919 г. в составе РАИМК был создан Институт археологической технологии. В 1926 г. РАИМК была переименована в Государственную Академию истории материальной культуры (ГАИМК), а в 1931 г. в свою очередь Институт археологической технологии получил название Института исторической технологии. В задачу этих институтов входили физико-химические исследования, реставрация и консервация предметов археологии и истории. Работами по анализу стекла и керамики руководил выдающийся ученый М. В. Фармаковский. В 1937 г. ГАИМК вошла в систему Академии наук СССР как Институт истории материальной культуры (ИИМК АН СССР). В Институте был создан Сектор археологической технологии, который просуществовал до 1939 г. В 1943 г. дирекция ИИМК была переведена в Москву, а в Ленинграде образован филиал Института (ЛОИИМК). В структуре ИИМК и ЛОИИМК с 1939 по 1951 г. Сектор археологической технологии отсутствовал, и его частично заменяла Лаборатория камеральной обработки. В декабре 1951 г. по постановлению Президиума АН СССР Сектор археологической технологии был восстановлен, а первым его заведующим назначен М. П. Грязнов. В 1952 г. сектор получил статус лаборатории. В 1959 г., после переименования ИИМК в Институт археологии (ИА) АН СССР, Ленинградское отделение соответственно стало называться ЛОИА АН СССР.

Основными задачами Сектора, а затем и Лаборатории археологической технологии как структурного подразделения ЛОИИМК (ЛОИА) АН СССР оставались исследования различных археологических объектов с помощью ме-

тодов естественных наук. Консервация и реставрация в основном проводились в Государственном Эрмитаже (ГЭ).

Большую роль в организации лаборатории сыграл академик Александр Николаевич Несмеянов (президент Академии наук СССР в 1951—1961 гг.). Химик-органик и широко образованный человек, понимавший значение современных технологий для развития отечественной науки, он предвидел возможности получения нового знания в результате применения естественнонаучных методов в гуманитарных исследованиях. А. Н. Несмеянов одним из первых обратил внимание на большие возможности, которые могут быть реализованы на стыке гуманитарных и естественных наук. Многим запомнилось его выступление в феврале 1954 г. на годовичном собрании АН СССР: «Может быть, впервые в истории человечества мы присутствуем при стыке гуманитарных наук и естественных наук. <...> Наука, подобно растению, имеет в каждую эпоху свои преимущественные точки роста. Сейчас, например, преимущественными точками роста в физике, по крайней мере одними из них, являются физика атомного ядра и физика полупроводников. А в начале века это была спектроскопия. Эти точки роста и определяются как требованиями и состоянием практики, производства, так и ходом развития наук и особенно взаимодействием наук друг с другом. Обычно мощная помощь одной науке приходит со стороны другой. Вот почему преимущественные точки роста науки находятся часто на стыке наук» (Соловьев 1999).

Выступление А. Н. Несмеянова явилось знаковым для всей археологической науки. После него руководство ЛОИИМК предложило Сергею Ивановичу Руденко (рис. 1, 1), доктору технических наук, археологу и этнографу, организовать и возглавить специальную лабораторию, которая стала создаваться с декабря 1954 г. В ее задачи входили применение новейших методов исследования при анализе материалов из археологических памятников, реставрация предметов и подготовка к печати трудов сотрудников ЛОИИМК (чертежи, фотографии и др.). В то время исследования проводились в двух направлениях: определение функций орудий труда (ныне Экспериментально-трасологическая лаборатория) и изучение техники изготовления тканей. Начались также работы по спектральному, петрографическому и дендрохронологическому анализам, но они велись с привлечением специалистов из других институтов (Ботанического, Зоологического, Геологического (ВСЕГЕИ) и др.) по трудовым соглашениям.

В начале 1955 г. А. Н. Несмеянов принял С. И. Руденко по вопросам комплектования лаборатории химиками и специалистами в области спектральной техники. При этом А. Н. Несмеянов предсказал трудности при привлечении в гуманитарный институт специалистов в области технических дисциплин. Эти трудности ощущаются и сейчас, особенно в течение последних 15 лет. Тогда же А. Н. Несмеянов поднял вопрос об организации радиоуглеродной лаборатории в системе Академии наук СССР. Директор ИИМК АН СССР А. Д. Удалцов предложил создать такую лабораторию в Москве, на что А. Н. Несмеянов заметил, что в головном отделении Института нет помещений, а поскольку оба отделения Института принадлежат АН СССР, то особых трудностей при использовании и применении данных этого метода его различными подразделениями возникнуть не может. Кроме того, в Ленинграде есть Радиевый инсти-

Рис. 1. 1 — Заведующий Лабораторией археологической технологии ЛОИИМК (ЛОИА) АН СССР профессор С. И. Руденко; 2 — научный консультант радиоуглеродной группы, зам. директора РИАН, член-корреспондент АН СССР И. Е. Старик

тут (РИАН) со специалистами в области радиохимии. Можно сказать, что создание радиоуглеродной лаборатории было один из первых опытов по организации научных «центров» совместного пользования. Иосиф Евсеевич Старик (рис. 1, 2), чл.-корр. АН СССР, зам. директора РИАН, лауреат трех государственных премий, являлся крупнейшим специалистом в области радиохимии. Ему было предложено осуществлять научное руководство радиоуглеродной лабораторией, которую он возглавлял до самой смерти в 1964 г.

Надо сказать, что еще с конца 1950-х гг. термин «радиоуглеродная лаборатория» прочно вошел в обиход всех сотрудников ИИМК (ИА) АН СССР, хотя организационно это всегда была группа в составе Лаборатории археологической технологии. В группу входили химики, физики, механики, и в процентном соотношении она составляла половину, или даже более, штата всей Лаборатории. Радиоуглеродная группа (лаборатория) всегда состояла из химической и физической частей, что сохраняется и по сей день.

И. Е. Старик предложил администрации ЛОИИМК утвердить структуру, штаты и смету радиоуглеродной лаборатории. В 1956 г. смета составляла около полумиллиона рублей. Для того времени это была очень большая сумма, причем она была выделена РИАН, так как институт этого профиля имел возможности заказа и закупки специальных приборов и оборудования. И. Е. Старик позаботился и о привлечении к работе в радиоуглеродной лаборатории необходимых сотрудников. В 1950-е гг. выпуск специалистов в области радиохимии в университетах Москвы, Ленинграда и других крупных городов еще только начинался, и в СССР их было немного. Уже в конце 1955 г. в ЛОИИМК АН СССР были зачислены С. В. Бутомо (физик), Е. Н. Романова (Чайхорская) (химик), В. М. Дрожжин (физик), Х. В. Протопопов (физик), Д. Г. Флейшман (механик-конструктор), а в следующем году — В. В. Артемьев (физик) (рис. 2), причем С. В. Бутомо и В. М. Дрожжин получили распределение в ЛОИИМК после окончания Ленинградского государственного университета (ЛГУ). Часть специалистов числилась как за ЛОИИМК (ЛОИА), так и за РИАН: чл.-корр. АН СССР И. Е. Старик (зам. директора РИАН), Х. В. Протопопов (научный

Рис. 2. Первые научные сотрудники радиоуглеродной группы: 1 — В. В. Артемьев; 2 — С. В. Бутымо; 3 — Е. Н. Чайхорская; 4 — Д. Г. Флейшман; 5 — В. М. Дрожжин; 6 — Х. В. Протопопов

сотрудник ИАН), Х. А. Арсланов (аспирант ИАН). В конце 1960—начале 1961 г. в штат лаборатории были зачислены В. П. Ульянов (химик), выпускник Северо-западного политехнического института (СЗПИ), и А. А. Семенов (физик), выпускник Ленинградского электротехнического института (ЛЭТИ). В апреле 1958 г. в лаборатории начал работать В. М. Молебников, окончивший техническое училище. После прохождения службы в рядах Советской Армии в 1961 г. он вернулся в лабораторию в качестве научно-технического сотрудника — обслуживал измерительную аппаратуру. Все они были первопроходцами во внедрении радиоуглеродного метода с использованием жидкостно-сцинтилляционной техники (рис. 3—4).

Создание радиоуглеродной лаборатории было делом нелегким и требовало нетрадиционных для своего времени подходов (Старик 1963; Руденко 1963). Радиоуглеродная лаборатория ЛОИИМК являлась первой в СССР, которая выбрала для работы жидкостно-сцинтилляционную технику при определении концентрации радиоуглерода. Необходимо было разрабатывать как химические основы получения счетной формы, так и физические установки для измерения низкой активности радиоуглерода.

Радиоактивный изотоп ^{14}C был получен в 1940 г. искусственным путем — взаимодействием медленных нейтронов с атомами азота (Korff 1940). Тогда же

Рис. 3. Сотрудники радиоуглеродной группы начала 1960-х гг.: 1 — А. А. Семенов; 2 — В. П. Ульянов; 3 — В. М. Молебников

Рис. 4. Х. А. Арсланов (аспирант ИАН и по совместительству сотрудник ЛОИА) у физической установки

были обнаружены свободные нейтроны в космическом излучении и сделано предположение о возможности образования радиоуглерода путем взаимодействия нейтронов космических лучей с атомами азота в верхних слоях атмосферы. В 1946—1947 гг. американский ученый В. Либби предложил использовать радиоуглерод как индикатор при датировании событий прошлого (Libby 1946; Libby, Anderson, Arnold 1949). Практически сразу в мире стали возникать радиоуглеродные лаборатории для целей датирования.

Радиоуглеродная лаборатория ИИМК создавалась в период, когда с момента открытия радиоуглеродного метода датирования прошло менее 10 лет, и она входит в число первых радиоуглеродных лабораторий мира, которых ныне насчитывается около 300. К началу же 1960-х гг. в СССР действовали уже 4 радиоуглеродные лаборатории. В Институте геохимии им. В. И. Вернадского (ГЕОХИ) лаборатория была образована практически одновременно с лабораторией ЛОИИМК, но работала по газовому (пропорциональному) методу, при котором счетной формой является газ (CO_2 , CH_4 , C_2H_2 , C_2H_6) (Виноградов, Дервиц, Дебкина, Маркова 1963). В 1957 г. была создана радиоуглеродная лаборатория в Институте зоологии и ботаники АН Эстонской ССР (Лийва, Ильвес 1963), а в 1961 г. — в Геологическом институте (ГИН) АН СССР (Алексеев, Казачевский, Чердынцев, Еникеев 1963). Однако следует отметить, что 40% всех датировок в то время выполнялось в лаборатории ЛОИА (РА, ф. 312, оп. 1, д. 930).

Интерес к радиоуглеродному датированию со стороны Академии наук СССР в 1960-х гг. был большой. В феврале 1961 г. в Москве было организовано специальное совещание, посвященное радиоуглеродным методам датирования, на котором с докладом выступил В. В. Артемьев — сотрудник РИАН и ЛОИА.

Все сотрудники, разрабатывавшие радиоуглеродный метод, были молоды — 25—32 года, инициативны, заинтересованы в работе, которая находилась на стыке гуманитарии и физики, что было необычно и захватывающе. Возраст сотрудников во многом обеспечил и успех, поскольку молодым не свойствен консерватизм, а работать приходилось в совершенно новой области. Участие в археологических экспедициях, знакомство с проблемами археологии было интересным и необычным для них, что стимулировало научные исследования. Надо сказать, что работа в области химических синтезов как счетной формы, так и различных сцинтилляторов была довольно опасной, поскольку применяли взрыво- и пожароопасные реагенты, например алюминийорганические соединения, которые могли воспламеняться на воздухе и самопроизвольно загораться.

Необходимо было иметь комплекс физических устройств для измерительной аппаратуры, а это было бы сложно организовать институту гуманитарного профиля. Здесь сказывалось очевидное преимущество того, что лаборатория принадлежала как РИАН, так и ЛОИИМК, и заказ физического оборудования осуществлялся через Радиевый институт.

Первоначально в качестве счетной формы предлагали использовать метанол, толуол, этилбензол и другие соединения. После ряда экспериментов начали использовать этилбензол, синтез которого осуществлялся гидроалкилированием «мертвого» бензола ацетиленом на алюмоорганическом катализа-

торе К. Циллера (Артемьев, Бутомо и др. 1961). Радиоуглерод содержался только в этильной группе этилбензола — $\text{C}_6\text{H}_5^{14}\text{C}_2\text{H}_5$, потому его содержание в процентном соотношении было невысоко (22,6%). Синтез ацетилена осуществлялся через карбид кальция. Этилбензол применяли в течение 5 лет начиная с 1959 г. Процент углерода в молекуле метанола составляет 37,5%, а учитывая, что для синтеза этилбензола использовали бензол, полученный из нефти, т. е. не содержащий радиоуглерода (так называемый мертвый бензол), то процентное содержание радиоуглерода в синтезированной молекуле этилбензола было еще ниже, чем в метаноле. Только с 1964 г. в качестве счетной формы стали использовать бензол, который получали прямой тримеризацией ацетилена на катализаторе. В бензоле содержание радиоуглерода составляет 92,3%, что намного выше, чем в метаноле и этилбензоле.

Первоначально тримеризация происходила на металлоорганическом катализаторе (бистрифенилфосфиндикарбонил никеля), который также был синтезирован в лаборатории. Ацетилен в свою очередь получали из карбида кальция путем сплавления угля с металлическим кальцием при температуре порядка 1000° в течение часа. В этих условиях выход карбида составлял 85% от теоретического. Последняя схема получения ацетилена применялась в течение нескольких лет, пока кальций не был заменен литием, при котором температура получения карбида снизилась до 700°. Карбид лития до сих пор используется во всех лабораториях, работающих по жидкостно-сцинтилляционному принципу.

После того как Х. А. Арсланов с сотрудниками (Арсланов 1987) разработал катализатор для тримеризации ацетилена, используя соли ванадия и хрома на силикагеле, синтез бензола превратился в довольно простую и рутинную операцию, при этом выход бензола составляет почти 100% от теоретически возможного. Общая схема получения бензола, которая применяется и сейчас: образец (уголь, дерево, кость, почва и др.) → уголь → Li_2C_2 (карбид лития) → C_2H_2 (ацетилен) → C_6H_6 (бензол).

Особое внимание было уделено подбору сцинтилляторов, которые обладали бы высокой эффективностью. После продолжительных экспериментов было предложено применять РОРОР (1,4-ди-[2-(5-фенилоксазол)]-бензол) и РРО (2,5-дифенилоксазол), которые показали высокую сцинтилляционную активность (Протопопов, Бутомо 1959). Такие сцинтилляторы используются во многих лабораториях мира, в том числе и в ИИМК РАН.

Огромную роль при радиоуглеродном датировании имеет измерительная аппаратура, ее точность, эффективность и надежность (Артемьев 1963). Отечественная промышленность не производила и до сих пор не производит установок для измерения низких активностей радиоизотопов в жидкой фазе. Поэтому в лаборатории приходилось разрабатывать, конструировать и изготавливать установки для счета β -лучей, испускаемых радиоуглеродом. Содержание радиоуглерода в образце ничтожно мало и составляет 10^{12} г на 1 г углерода, а в 100 мл бензола, синтезированного из современного образца, происходит 1100 распадов ^{14}C в минуту (Протопопов, Бутомо 1959). Такое малое количество радиоуглерода вынуждает вести измерение непрерывно в течение длительного периода (иногда более суток). Схема установки для регистрации распадов радиоуглерода включает фотоэлектронные умножители (ФЭУ), усилители,

анализаторы и регистраторы. Поскольку количество распадов очень мало, то играет большую роль и естественный фон, влияние которого необходимо уменьшить. Для этого используется защита, которая состоит из свинцовых листов и свинцовых «кирпичей».

Образец бензола, заправленный сцинтиллятором, помещается в кювету. В 1960-х гг. были разработаны кюветы из тефлона и кварцевого стекла. Тефлоновая кювета используется и в современных измерительных приборах, выпускаемых за рубежом, например в приборе для измерения активности радиоуглерода Quantulus фирмы Perkin Elmer Wallac (Турку, Финляндия).

Первоначально измерительная установка работала на одиночном ФЭУ и называлась одноканальной, в дальнейшем было использовано два фотоумножителя, работающих по принципу совпадений.

В 1961 г., с приходом в лабораторию А. А. Семенцова, была проведена работа по стабилизации и регистрации импульсов, а в дальнейшем создана установка на полупроводниках, которая была сконструирована Л. Д. Сулержицким в лаборатории ГИН. Этот принцип используется и в современных установках. Установки имеют три детектора β -распада радиоуглерода с кварцевыми кюветами объемами 8 мл. Детекторы собраны по схеме совпадений на двух ФЭУ и имеют устройства стабилизации положения энергетического окна в спектре радиоуглерода по световому импульсу. Сейчас в лаборатории создано 8 таких установок, сконструированных уже на современном уровне, с использованием микросхем и «чипов». Эффективность регистрации β -распада радиоуглерода составляет 50–55%. При длительности измерения 48 часов предельный измеряемый возраст составляет 44 тыс. лет, 48 тыс. лет и 53 тыс. лет для кювет соответственно 3, 4 и 10 мл.

В 1960-е гг. выработаны и основные принципы и химические методы очистки образцов от посторонних углеродсодержащих примесей, основанные на кислотнo-щелочной обработке, а также даны рекомендации по отбору образцов (Арсланов 1963; Кинд, Алексеев 1963; Бутомо 1963а; Арсланов, Бутомо, Кинд 1963). Эти приемы и рекомендации актуальны и сегодня.

С 1961 г. радиоуглеродная лаборатория целиком перешла в ведение ЛОИА АН СССР. Инвентарь и оборудование, которые числились за РИАН, в ноябре 1963 г. были туда возвращены, за исключением стационарной защиты установок, состоящей из свинца и стали общим весом 11 тонн (рис. 5). Все оставшееся оборудование было по описи передано А. А. Семенцову.

А. А. Семенцов, обладая великолепными знаниями в области электронной техники, эрудицией и навыками экспериментальной работы, много сделал для усовершенствования измерительной аппаратуры. Как было уже сказано, отечественная промышленность не выпускает аппаратуру для измерения низких активностей, в том числе и активности радиоуглерода. Всю аппаратуру приходилось и приходится конструировать и создавать своими руками. Первоначально даже регистрация измерений проводилась вручную. Для этого сотрудники работали круглосуточно, записывая показания приборов каждые 5 минут. Был установлен график дежурства сотрудников в вечерние и ночные часы (по 8 часов). Затем А. А. Семенцовым был разработан автоматический регистратор частиц, а позднее установлена специальная фотокамера, фиксирующая сцинтилляции, и необходимость почных дежурств отпала. В дальнейшем

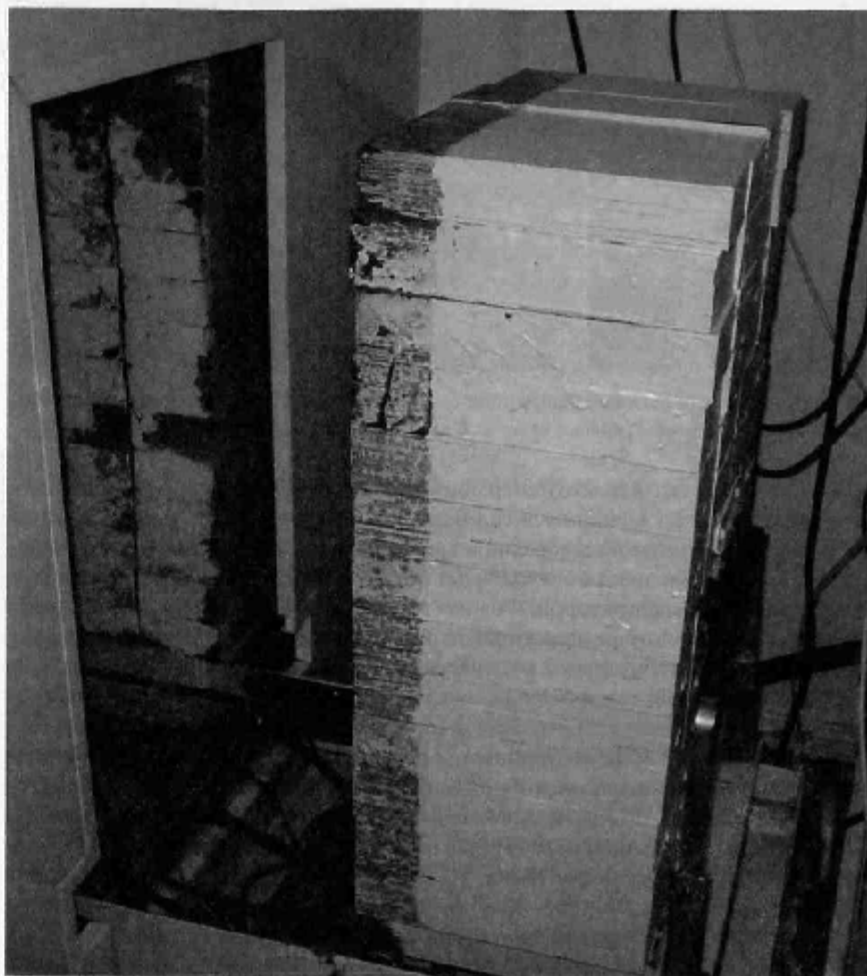

Рис. 5. Элементы стационарной защиты установок — выдвигаемая по рельсам дверь, открывающая измерительную камеру

он усовершенствовал и саму измерительную установку, применив для этих целей полупроводники (вначале были электронные лампы).

В 1960–1980-е гг. в рамках Комиссии по изучению четвертичного периода регулярно проводились Всесоюзные совещания по проблемам абсолютного датирования. В 1965 г. Б. П. Константинов и Г. Е. Кочаров сформулировали комплексную программу «Астрофизические явления и радиоуглерод», основанную на высокоточном измерении содержания радиоуглерода в годичных кольцах деревьев (Константинов, Кочаров 1965). Работы по программе велись около 30 лет, в ней участвовали радиоуглеродные и дендрохронологические лаборатории России, Литвы, Украины, Грузии, в том числе и лаборатория ЛОИА/ИИМК.

Рис. 6. Сотрудники радиоуглеродной группы: 1 — Ю. Н. Марков; 2 — С. Г. Попов; 3 — Ю. С. Свеженцев

Здесь следует сказать, что измерение активности бензола играет определяющую роль в радиоуглеродном датировании. Как бы ни была хорошо выполнена химическая подготовка образца и синтез бензола, если физическая аппаратура не точна, то возраст образца будет определен неточно. Поэтому физик — это главное звено лаборатории. Физико-технический институт им. А. Ф. Иоффе (ФТИ) — основной теоретический центр радиоуглеродного метода, поскольку радиоуглерод — производное космических лучей, и его концентрация зависит как от космической, так и от солнечной активности. ФТИ АН СССР был головным учреждением в программе «Астрофизические явления и радиоуглерод», руководимой Г. Е. Кочаровым, в рамках которой и были предприняты действия по созданию высокоточной аппаратуры для радиоуглеродного метода. С этой целью в 1973 г. А. А. Семенов был приглашен на работу в ФТИ, а Ю. Н. Марков (рис. 6, 1) из ФТИ был переведен в ЛОИА на должность физика и проработал здесь более 10 лет. Ю. Н. Марков окончил Уральский политехнический институт в 1967 г., получив специальность инженера-физика в области автоматики и электроники. Он создал две установки для измерения активности бензола на уровне, который был доступен в то время. В конце 1980-х гг. Ю. Н. Марков защитил в Ленинградском политехническом институте (ЛПИ) кандидатскую диссертацию по проблемам радиоуглерода в астрофизических исследованиях. В январе 1978 г. из ФТИ, где работал стажером-исследователем, пришел в лабораторию В. А. Образцов — выпускник ЛПИ 1976 г. по специальности биофизика. Была предпринята попытка создания пропорциональной установки, где счетной формой являлся газ, в частности двуокись углерода, но отсутствие технической базы не позволило осуществить эту идею на практике. В 1980 г. в лабораторию поступил С. Г. Попов (рис. 6, 2), который окончил Ленинградский электротехнический институт в 1982 г., получив специальность радионинженера. До середины 1980-х гг. он занимался созданием аппаратуры для магниторазведки, затем включился в работу по конструированию измерительных установок для радиоуглеродного анализа. Позднее его основные научные интересы сосредоточились в области практической археологии, и ныне он работает в Группе археологического мониторинга.

В химической части лаборатории штат сотрудников менялся гораздо реже, чем в физической. Так, Е. Н. Чайхорская работала химиком с момента ее основания и до выхода на пенсию в 1984 г. В 1969 г. в химическую часть лаборатории поступил на работу Ю. С. Свеженцев (рис. 6, 3), окончивший Ленинградский химико-технологический институт (ЛХТИ), и также проработал здесь до выхода на пенсию в 2000 г. Главной темой его исследований была обработка костного материала для датирования. Кость является основным материалом при датировании памятников палеолита. Ю. С. Свеженцев разработал и сравнивал различные методы выделения коллагена. Он был одним из авторов коллективной монографии «Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии» (СПб., 1997), где собрано большое количество дат по палеолиту, выполненных как в лаборатории ЛОИА АН СССР, так и опубликованных данных других лабораторий. Роль и вклад Е. Н. Чайхорской и Ю. С. Свеженцева в разработку и освоение методик химической очистки органических материалов и синтеза бензола для датирования трудно переоценить.

В 1979 г. в качестве химика в лаборатории начала работу Г. И. Зайцева, окончившая очную аспирантуру в ЛХТИ (ныне СПбХТУ). К этому времени работа по синтезу бензола превратилась практически в рутинную: основные процессы были отработаны. Будучи по специальности химиком-органиком, Г. И. Зайцева исследовала изменение химического состава погребенной древесины в зависимости от продолжительности и условий залегания. Эти работы были важны для усовершенствования методик химической подготовки древесины к датированию (Zaitseva 1995). Так как в химической группе работали три химика — Е. Н. Чайхорская, Ю. С. Свеженцев и Г. И. Зайцева, производительность лаборатории увеличилась до 100 определений в год. Нарастание интенсивности работы сдерживалось количеством измерительных установок, которых к тому времени было всего две, причем одна из них работала нестабильно. В лучшую сторону ситуация в лаборатории изменилась с возвращением А. А. Семенова в ИИМК РАН в 1995 г. А. А. Семенов вернулся с большим экспериментальным «багажом», который он получил, работая по созданию установок для геологоразведки. Прекрасный экспериментатор и электронщик, он сразу же стал конструировать установки на современных принципах. Им разработана радиоуглеродная установка на двух фотоумножителях, работавших по схеме совпадений, при этом вся анализирующая часть была помещена в корпус детектора. Это позволило существенно повысить помехоустойчивость установки.

Регистрация поступающих от детекторов импульсов осуществляется в электронной памяти пачками со временем экспозиции по 34 минуты. Продолжительность измерения активности каждого образца составляет обычно 45 часов и в конце информация переписывается в память компьютера, где и производится вычисление радиоуглеродного возраста. Эффективность регистрации β -частиц при распаде атомов радиоуглерода для установок лежит в пределах от 55 до 60%. Предельный возраст, который может быть измерен на созданных установках, составляет 53 тысячи лет.

В 1990-х гг. возраст основных сотрудников приближался к пенсионному, и необходимо было думать о молодой смене. В 1994 г. в лабораторию пришла

Рис. 7. Сотрудники радиоуглеродной лаборатории (группы). 2006 г. (слева направо): Г. И. Зайцева, Л. М. Лебедева, А. А. Семенов, Н. Д. Бурова, М. А. Кулькова

Л. М. Лебедева, уже имеющая большой опыт работы в химической подготовке образцов, проработав более 10 лет в геохронологической лаборатории, руководимой Х. А. Арслановым в СПбГУ. Удалось привлечь в лабораторию в качестве химиков и молодых специалистов: в 1999 г. — Н. Д. Бурову, а в 2000 г. — М. А. Кулькову (рис. 7). Хотя они и не являются химиками по специальности (Н. Д. Бурова — палеонтолог, а М. А. Кулькова — геохимик), но обе быстро освоили все этапы подготовки образца к датированию и синтез бензола и могут работать уже самостоятельно. Кроме того, они используют в исследованиях и свои профессиональные навыки. М. А. Кулькова исследует палеоклимат по данным геохимического анализа. В 2005 г. она защитила кандидатскую диссертацию: «Геохимическая индикация ландшафтно-палеоклиматических условий в голоцене регионов Двинско-Ловатского междуречья и Южной Сибири», став кандидатом геолого-минералогических наук. Н. Д. Бурова занимается методиками обработки костного материала для датирования и остеологическими определениями. Она является аспирантом Зоологического института РАН и готовит кандидатскую диссертацию.

Уникальность радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН заключается в том, что она принадлежит гуманитарному институту. Обычно радиоуглеродные лаборатории входят в состав технических институтов или департаментов. Исключение составляют лаборатория ИИМК РАН, лаборатория Германского археологического института и лаборатория Университета Оксфорда. Принадлежность к гуманитарному институту позволяет вести очень интересные исследования на стыке наук, но и обуславливает трудности при ремонте и рекон-

струкции аппаратуры из стекла и стали, поскольку отсутствует собственная производственная база. В связи с этим приходится обращаться за помощью к другим институтам, в частности в ФТИ РАН и в СПбХТУ, где есть возможность производить сварку стальных элементов конструкций и различные стеклoduвные работы. Естественно, когда лаборатория принадлежала и РИАН, таких трудностей было гораздо меньше.

По прошествии 50 лет многое изменилось, особенно в аппаратном оформлении процесса. Значительно уменьшилось требуемое количество углеродсодержащего образца, пригодного для датирования сцинтилляционным методом. Если раньше необходимо было иметь как минимум 300 г угля и около 1 кг древесины (Арсланов 1963), то сейчас дату можно получить из 1—0,5 г угля. Количество образца массой до нескольких миллиграмм пригодно для датирования методом ускорительной масс-спектрометрии (AMS), который появился в 1980-х гг. за рубежом. Сейчас уже имеется около сотни установок в мире, работающих по этому принципу, однако в России и странах бывшего СССР таких установок пока еще нет.

Принципы химической подготовки образцов остались прежними — обработка растворами кислот и щелочей. В последнее время для обработки костного материала применяется принцип пиролиза. Он предложен коллегами из лаборатории Института экологических проблем НАН Украины, г. Киев (Skrjipkin, Kovalyukh 1998).

С момента основания лаборатория располагается в подвальных помещениях. Это имеет свои плюсы и минусы. К первым относится возможность уменьшения влияния фона за счет естественной защиты — толщины стен и условий подвала. Минусы же очевидны, так как работать приходится все время при искусственном освещении. Долгое время в лаборатории не было ремонта. Только в 2003 г. был сделан ремонт в химической части лаборатории, а в 2005 г. — в физической (рис. 8—9).

Первые радиоуглеродные даты в лаборатории ИИМК РАН были получены в 1959 г. Были датированы образцы угля из четвертого культурного слоя пещеры Джебел и из поселения Кара-депе (Туркмения): 6030 ± 240 BP (РУЛ-1) и 4700 ± 220 BP (РУЛ-2) соответственно (Протопопов, Бутомо 1959). Первоначально индекс радиоуглеродной лаборатории был РУЛ-, но в дальнейшем, когда стали публиковаться списки дат, полученные разными лабораториями за определенный период, и когда наша лаборатория стала числиться только за ЛОИА, индекс стал Ле-, с которым радиоуглеродные даты выпускаются и поныне. Первый список из 37 дат, полученных для археологических образцов, опубликован в 1963 г. (Бутомо 1963б). Тогда же появился и список радиоуглеродных дат, выполненных различными лабораториями СССР (Список радиоуглеродных датировок... 1963). Он включал 65 дат, выполненных лабораторией ГЕОХИ АН СССР (индекс Мо-), 17 дат лаборатории Института зоологии и ботаники АН ЭССР (индекс ТА-) и 121 дату лаборатории ЛОИА и РИАН АН СССР (здесь уже индекс Ле-). С 1970-х гг. списки дат, выполненных лабораторией ЛОИА АН СССР, стали публиковаться в журнале «Radiocarbon», который издается в США и является главным изданием, освещающим различные аспекты радиоуглеродного датирования (Butomo 1965; Dolukha-

Рис. 8. Химическая часть лаборатории: 1 — вид до ремонта (рисунок Е. К. Зайцева); 2 — вид после ремонта

nov, Romanova, Sementsov 1970; Sementsov et al. 1972; Dolukhanov, Sementsov et al. 1976). К 1964 г. лабораторией было получено 185 дат. В год производили около 30—50 образцов, что считалось хорошей производительностью.

За 50 лет аппаратное оформление как физической, так и химической частей лаборатории сильно изменилось (рис. 10—11).

Начиная с 1985 г. радиоуглеродная лаборатория ЛОИА АН СССР регулярно участвует в международном контроле радиоуглеродных лабораторий мира, который проводится департаментом статистики Университета г. Глазго (Шотландия). Результаты работы лаборатории ЛОИА/ИИМК вполне удовлетворительные, на уровне многих зарубежных лабораторий. Отчеты о результатах контроля публикуются в журнале «Radiocarbon» (Rozanski et al. 1992; Guliksen, Scott 1995).

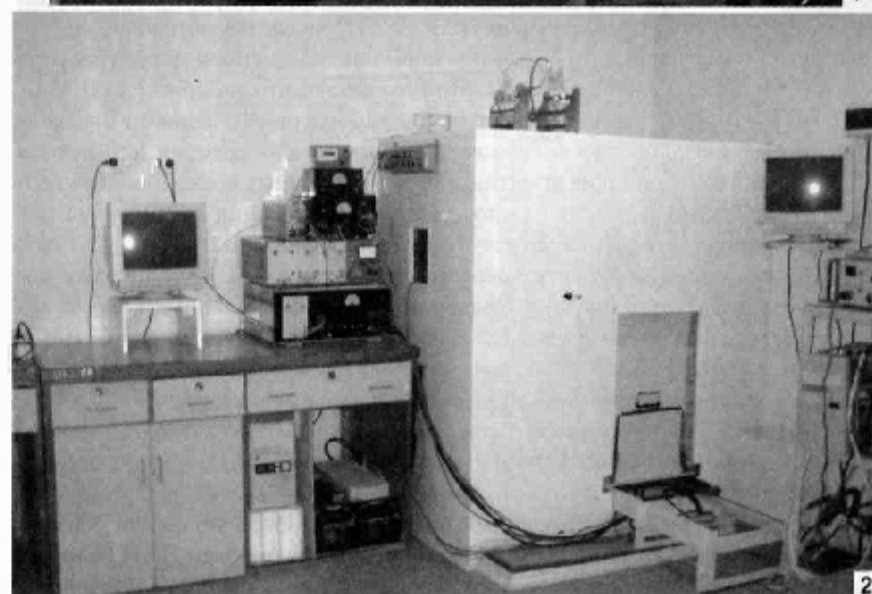

Рис. 9. Физическая часть лаборатории: 1 — вид до ремонта; 2 — вид после ремонта

Рис. 10. Комплекс физических устройств для измерения активности радиоуглерода, 1967 г. — две установки с кюветами 3 и 10 мл

С самого начала и до сегодняшнего дня главным направлением исследований радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН являются материалы археологических памятников, хотя большое внимание уделяется и образцам, важным для реконструкции палеосреды. Можно сказать, что лаборатория ИИМК РАН является единственной отечественной лабораторией, целиком ориентированной на решение археологических проблем. В лаборатории датируются образцы из археологических памятников, расположенных практически на всей территории России. Следует отметить, что в датировании археологических образцов принимают активное участие и лаборатории ГИН РАН и СО РАН. Последняя в основном ориентирована на датирование образцов из памятников Сибири и Дальнего Востока. На данный момент в России имеется пять активно работающих радиоуглеродных лабораторий: в ИИМК РАН, в СПбГУ (Санкт-Петербург), в ГИН РАН, в ИГАН РАН (Москва) и в СОАН (Новосибирск), которые имеют соответствующие лабораторные индексы: Ле, Лу, ГИН, ИГАН и СОАН. Помимо перечисленных активно работают и развиваются радиоуглеродная лаборатория в Институте геохимии окружающей среды (ИГОС) НАН Украины, г. Киев (Ки-), которая внесла большой вклад в современное аппаратное оформление процессов получения карбида и синтеза бензола (рис. 11), и лаборатория при Институте геологических проблем НАН Белоруссии (Минск). Два года назад создана радиоуглеродная группа в Изотопном центре ВСЕГЕИ (сейчас Всероссийский институт геологии), которая, естественно, ориентирована на геологические образцы. Все эти лаборатории в своей работе также используют жидкостно-сцинтилляционный метод.

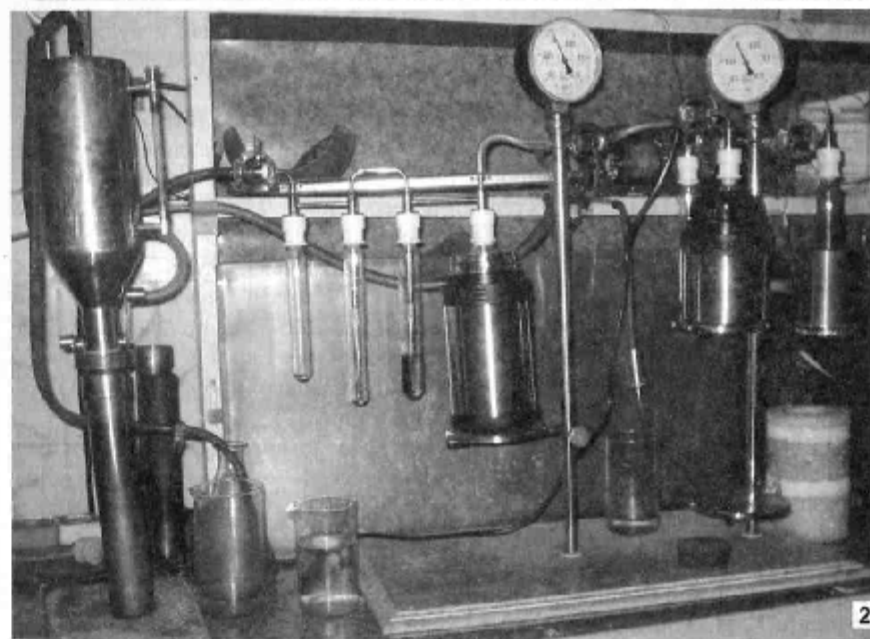
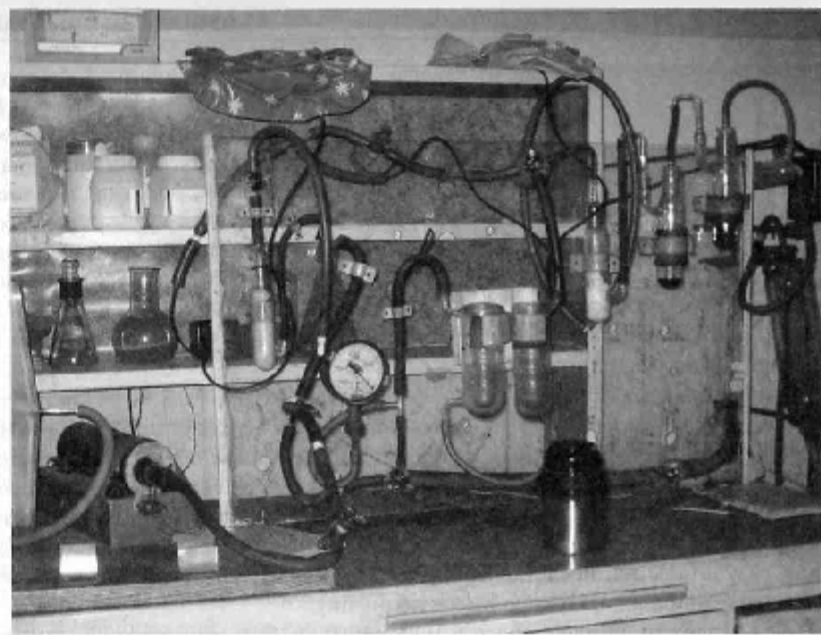

Рис. 11. Химические установки: 1 — установка конструкции 1950-х гг. из стекла, которая используется и сегодня. Ацетилен собирается в пластиковые мешки, которые видны наверху. Максимальное количество образца, из которого возможно получить бензол, — 5–7 г.; 2 — установка конструкции радиоуглеродной лаборатории Института геохимии окружающей среды НАН Украины, г. Киев, где практически отсутствуют потери и потому возможно получить бензол из 0,7–1,0 г угля, 2006 г.

Научные исследования и контакты

Следует отметить, что в СССР в рамках Комиссии по изучению четвертичного периода, возглавляемой сначала профессором Н. В. Кианд (Москва), а впоследствии — профессором Я.-М. Пуниингом (Таллин, Эстония), имелось сообщество радиоуглеродных лабораторий. Эта связь между лабораториями не оборвалась и сейчас — сохранился обмен как технологиями, так и радиоуглеродными датами. Особенно тесный контакт существует между лабораторией ИИМК РАН и лабораторией ИГОС, в которой В. В. Скрипкиным и Н. Н. Ковалюх разрабатываются новые методические подходы, усовершенствуется и создается новая аппаратура.

Самые тесные контакты радиоуглеродная лаборатория имеет с Лабораторией космических лучей ФТИ РАН, руководимой профессором В. А. Дергачевым. Кроме различных российских проектов сотрудники обеих лабораторий участвуют и в международных проектах. Радиоуглерод является производным космических лучей, и его концентрация напрямую зависит от их интенсивности и солнечной активности. Совместные исследования обогащают обе лаборатории, а результаты их, представленные на различных международных конференциях и семинарах, получили высокую оценку.

При поддержке Фонда Сороса в 1995—1997 гг. был осуществлен совместный проект «Абсолютная хронология основных социальных и культурных изменений восточноевропейской древней истории (35000—1000 BC)», в котором наряду с сотрудниками ИИМК РАН (Г. И. Зайцева, А. А. Семенов, В. И. Тимофеев, В. А. Трифонова) участвовали археолог из Латвии (И. Загорская) и специалист по радиохронологии из Киева (Н. Н. Ковалюх). В течение 1998—2002 гг. был выполнен проект INTAS «Сравнительная хронология памятников скифского времени степной и лесостепной зон Евразии на основе археологических данных и радиоуглеродного анализа», в котором участвовали специалисты по радиоуглероду и археологи из Киева, а также сотрудники ГЭ, ФТИ РАН и ученые из Великобритании (М. Скотт, Г. Кук), Нидерландов (Й. Ван дер Плихт), Швеции (Г. Посснерт), а с 2005 г. выполняется проект INTAS № 03-51-445 «Курганы Аржан-2 и скифский мир Евразии в I тыс. до н. э. (хронология, окружающая среда, экономика)». Главным координатором проектов INTAS является профессор Е. М. Скотт (рис. 12).

В 1996—1998 гг. совместно с Германским археологическим институтом был выполнен проект «Хронология памятников неолита—энеолита степной зоны Евразии», в котором участвовали немецкие ученые А. Наглер (археолог) и Й. Гёредорф (специалист по радиоуглероду).

В 2000—2003 гг. выполнялся проект «Хронология раннего неолита Восточной и Центральной Европы», в котором от ИИМК РАН участвовали В. И. Тимофеев и Г. И. Зайцева, а также археолог Деллиф Гронелборн (Франкфурт, Германия), координатором проекта был профессор Университета г. Ньюкасл П. М. Долуханов. В течение 2005—2006 гг. велись работы по еще одному проекту INTAS № 03-51-426 «Водные пути и заселение территорий Северо-Запада России», координатором которого был профессор Университета г. Ньюкасл А. М. Шукуров. В этом проекте участвовали ученые из Великобритании (П. М. Долуханов) и Финляндии (М. Лавенто), а также специалисты из Инсти-

тута озероведения РАН (профессор Д. А. Субетто и Т. В. Сапелько) и из Лаборатории геохронологии СПбГУ — профессор Х. А. Арсланов (рис. 13—14).

В последние годы особый интерес приобретают исследования влияния изменений окружающей среды на развитие археологических культур. Так, в 2000—2003 гг. был выполнен российский проект «Влияние климатических изменений на экосистемы Южной Сибири и Центральной Азии в период 10 000—2000 лет т. н. (BP)». В проекте с российской стороны участвовали все сотрудники радиоуглеродной группы (лаборатории), а также археолог из ИИМК РАН П. А. Боконенко, палинолог из Института зурканической геохимии ДВО РАН В. Г. Дирксен, археолог из ГЭ К. В. Чугунов и специалисты из ФТИ РАН — профессор В. А. Дергачев и С. С. Васильев, с голландской стороны — профессор Б. Ван Гил из Университета г. Амстердама и Й. Ван дер Плихт из Лаборатории изотопной хронологии Университета г. Гронинген. В рамках работы по проекту сотрудники радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН участвовали в отборе озерно-болотных отложений в Хакасии и Туве (рис. 15—16).

В ноябре 2003 г. радиоуглеродная лаборатория ИИМК РАН совместно с ГЭ провела международную конференцию «Влияние окружающей среды на миграцию культур в Евразии», поддержанную научным фондом NATO. Главным координатором конференции была профессор Е. М. Скотт (Университет г. Глазго, Шотландия). В работе конференции приняли участие ученые из Бельгии, Великобритании, Германии, Казахстана, Литвы, Латвии, Нидерландов, Польши, Финляндии, Швейцарии и другие, а материалы конференции — книга «Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia», вышла в 1994 г. в серии сборников NATO, том 42. Конференция проходила в конференц-зале ГЭ и в ИИМК РАН (рис. 17).

Международный семинар «Man and Environment in Pleistocene and Holocene: Evolution of Waterways and early Settlement of Northern Europe» был проведен в ИИМК РАН в апреле 2006 г., в нем участвовали ученые из Москвы, Германии, Великобритании.

Научные результаты

С момента создания лаборатория постоянно наращивала производственный и научный потенциал в получении радиоуглеродных дат. Если в первые годы работы успехом лаборатории считалось производство 30 образцов в год,

Рис. 12. Проф. Е. М. Скотт (Университет г. Глазго, Великобритания)

Рис. 13. Группа исследователей, отбирающих образцы озерных отложений в районе г. Приозерска (слева направо): М. Саарингос, Д. А. Субетто, проф. П. М. Долуханов, Т. В. Савелько, ассистенты из России и Финляндии. Замыкает группу С. Н. Лисицын и М. Лавенто. 2005 г.

Рис. 14. Группа исследователей, отбирающих образцы озерно-болотных отложений в районе г. Выборга (слева направо): М. Лавенто, А. Шукуров, проф. П. М. Долуханов и М. Тайманова, Х. А. Арсланов. Сидят и стоят — студенты СПбГУ и Университета г. Хельсинки. 2004 г.

Рис. 15. Группа исследователей, отбирающих образцы отложений из Белого озера близ кургана Аржан-2: С. В. Дергачев, проф. Г. Хогкеймер, проф. В. А. Дергачев, В. Г. Дирксен и М. А. Кулькова. 2002 г.

Рис. 16. Участники экспедиции по отбору образцов из Тодженской котловины (Тува). Стоят: Н. А. Бокоренко, Х. Юнгер, проф. В. А. Дергачев, П. Уйно, К. Каргелан; сидят — местный художник, В. Г. Дирксен, К. В. Чугунов и водитель. Июнь 2005 г.

Рис. 17. Участники конференции, проведенной при поддержке НАТО 15—18 ноября 2003 г.

затем 50, в 1970-х гг. — 100, то в настоящее время лаборатория выполняет 300—350 определений.

Общее количество радиоуглеродных дат, выполненных за весь период существования, приближается к 8000, и сейчас одним из главных вопросов является их систематизация. В начале 1990-х гг. с внедрением в практику компьютерных технологий в радиоуглеродной лаборатории создан компьютерный банк данных, в который вошли как даты лаборатории ИИМК РАН, так и опубликованные результаты датировок других лабораторий. Это позволяет проводить исследования на основе большой совокупности данных для различных археологических эпох и территорий.

Вполне закономерно, что большинство дат получено для памятников России (рис. 18). Далее по их количеству следует Украина. Сравнительно немного дат, выполненных в 1970-х гг., получено для стран Центральной и Передней

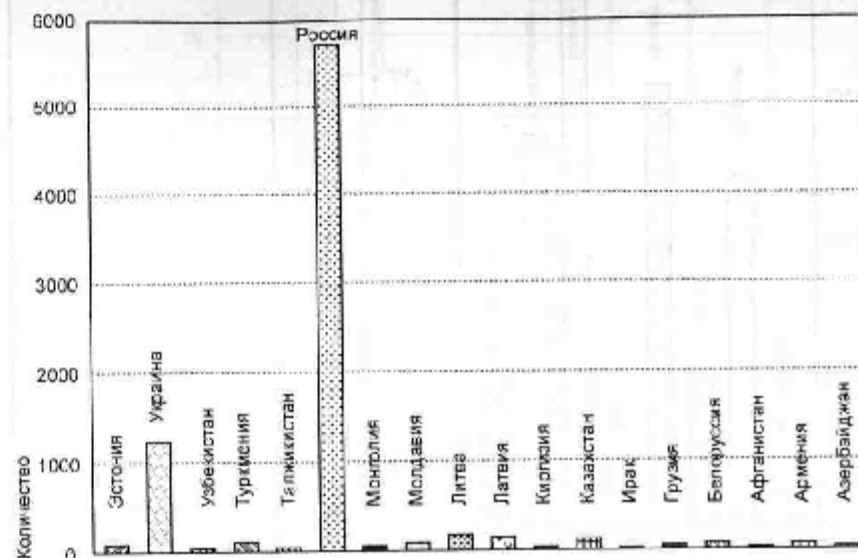

Рис. 18. Распределение количества радиоуглеродных определений по странам

Азии (Афганистан и Ирак). Что касается распределения дат по эпохам, то их наибольшее количество получено для памятников бронзового века, далее — для неолита, железного века и палеолита (рис. 19).

Большинство дат получено для памятников европейской части Евразии (рис. 20). Количество дат для Восточной и Западной Сибири, включая Уральский регион, практически одинаково, а для памятников Дальнего Востока в лаборатории ИИМК сделано значительно меньше определений, поскольку памятники Сибири и Дальнего Востока в основном датируются лабораторией СО РАН.

Банк данных радиоуглеродных дат расширил возможности хронологических исследований. Он позволяет делать выборку по памятникам, эпохам, культурам, странам. Для большинства памятников определены географические координаты, так что имеется возможность хронологических сопоставлений по широте и долготе, что важно для выяснения отставания и запаздывания культур в широтных и долготных направлениях.

Как следует из приведенного графика (рис. 21), имеются четко выраженные максимумы на кривой, соответствующие датам эпох неолита и бронзового века.

Можно привести несколько примеров использования базы данных. Во-первых, она была привлечена для хронологических исследований памятников неолита (Тимофеев, Зайцева 1996а; 1996б; 1997; Зайцева, Дергачев и др. 1997).

Кроме того, банк данных позволяет проводить сравнительные сопоставления хронологии культур и изменений климатических условий (рис. 22). Подобные исследования проводятся совместно с ФТИ РАН (Дергачев, Зайцева и др. 1996; Зайцева, Дергачев и др. 1997; Zaitseva, Timofeev, Dergachev, Sementsov

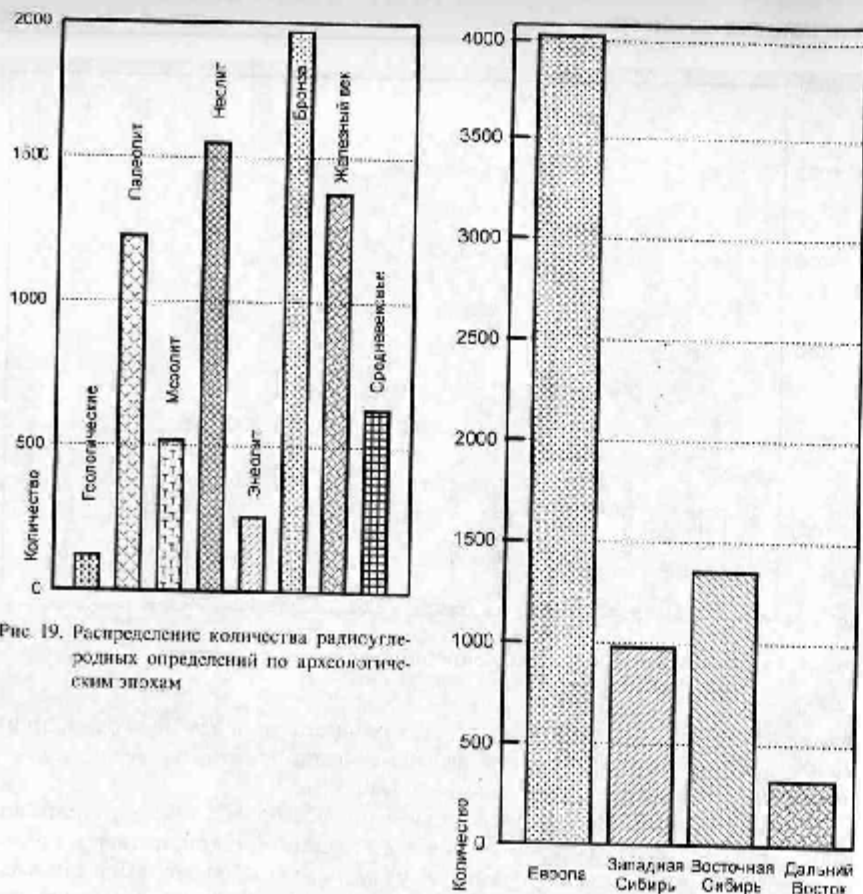

Рис. 19. Распределение количества радиоуглеродных определений по археологическим эпохам

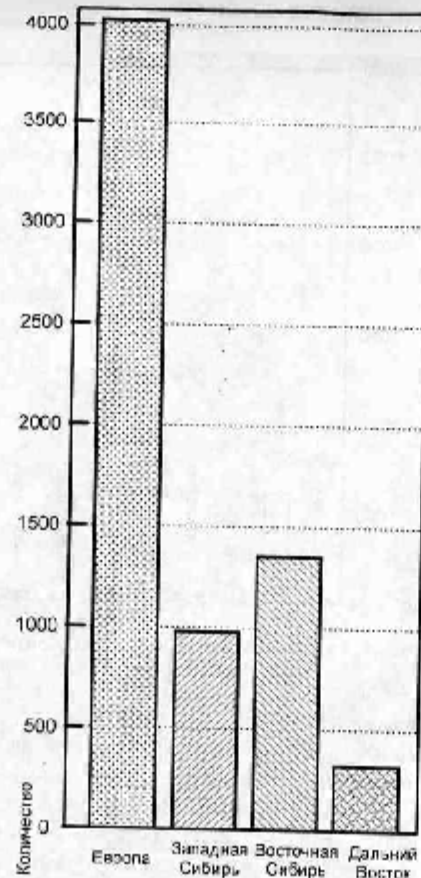

Рис. 20. Распределение радиоуглеродных дат для памятников европейской и азиатской частей СССР (всего 6730 дат)

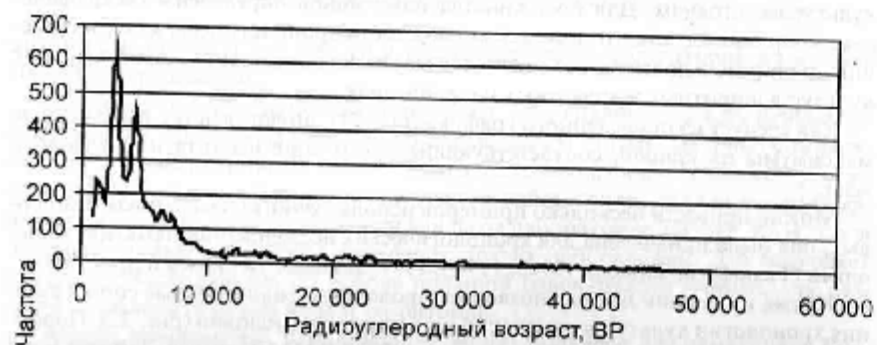

Рис. 21. Распределение значений радиоуглеродного возраста всей совокупности дат базы данных

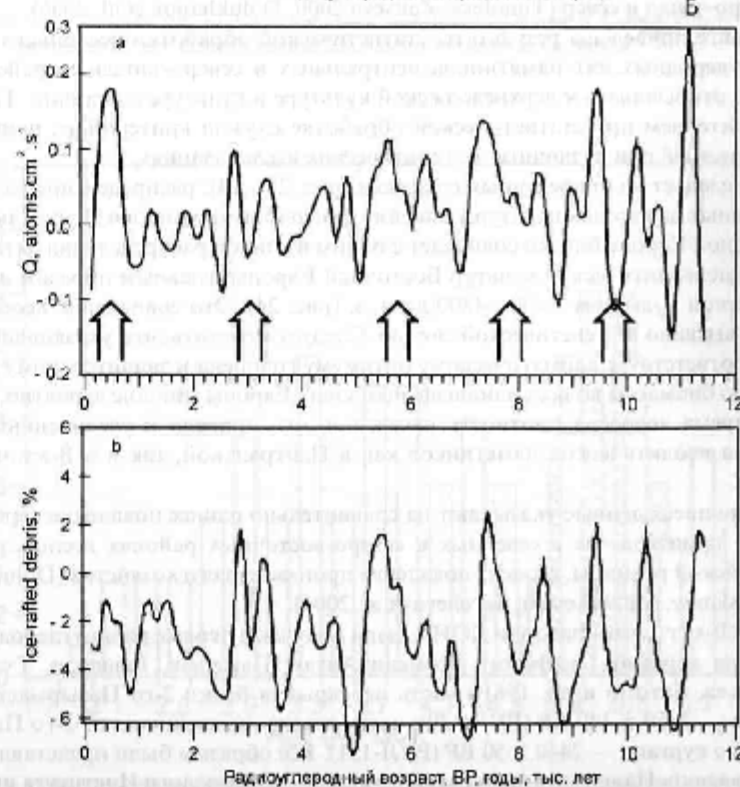
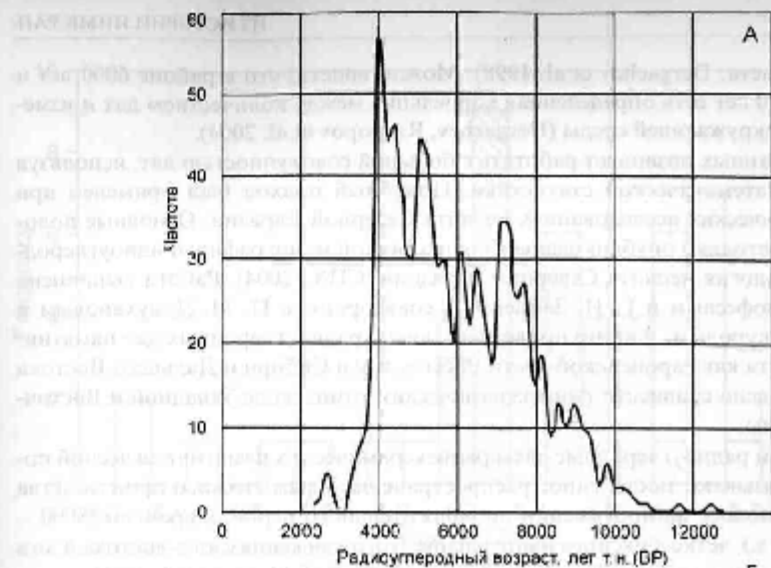

Рис. 22. Распределение значений радиоуглеродного возраста для памятников мезолита — бронзового века России (А) и изменение интенсивности космических лучей (Б, а) и движения альпийских ледников (Б, б)

1997; Zaitseva, Dergachev et al. 1998). Можно видеть, что в районе 6000 лет и 3000—4000 лет есть определенная корреляция между количеством дат и изменениями окружающей среды (Dergachev, Rasporov et al. 2004).

Банк данных позволяет работать с большой совокупностью дат, используя методы математической статистики. Подобный подход был применен при хронологических исследованиях неолита Северной Евразии. Основные положения и методики опубликованы в коллективной монографии «Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии» (СПб., 2004). Работа выполнена В. И. Тимофеевым и Г. И. Зайцевой в соавторстве с П. М. Долухановым и А. М. Шукуровым. В книге приведены списки радиоуглеродных дат памятников неолита как европейской части России, так и Сибири и Дальнего Востока и произведено сравнение раннекерамических комплексов Западной и Восточной Европы.

В целом радиоуглеродные даты раннекерамических памятников лесной полосы показывают постепенное распространение керамического производства в лесной полосе на протяжении продолжительного периода времени (8000—5400 до н. э.), четко фиксируя направление этого движения с юго-востока к югу на северо-запад и север (Timofeev, Zaitseva 2000; Dolukhanov et al. 2006).

В книге приведены результаты статистической обработки нескольких сот радиоуглеродных дат памятников центральных и северо-западных районов России, относящихся к верхневолжской культуре и культуре сперринга. Главным критерием при статистической обработке служил критерий χ^2 , широко используемый при различных математических исследованиях.

Как следует из приведенных графиков (рис. 23—24), распределение радиоуглеродных датировок культуры линейно-ленточной керамики в Центральной и Западной Европе близко совпадает с одним из пиков распределения датировок ранне-неолитических культур Восточной Европы, главным образом верхневолжской культуры: 5600—4800 до н. э. (рис. 24). Это совпадение необязательно вызвано их генетической связью. Следует отметить, что указанный период соответствует климатическому оптимуму голоцена и значительному увеличению биомассы во всех ландшафтных зонах Европы. Вполне вероятно, что в это время возросла плотность населения, что привело к увеличению количества неолитических памятников как в Центральной, так и в Восточной Европе.

Имеющиеся данные указывают на сравнительно раннее появление керамического производства в северных и северо-восточных районах лесной зоны Европейской равнины, а также появление производящего хозяйства (Dolukhanov, Arslanov, Mazurkevich, Savelieva et al. 2004).

В 1960-х гг. в лаборатории ЛОИА были получены первые радиоуглеродные даты для курганов скифского времени Алтая: Пазырык, Башадар, Тузкта (Артемьев, Бутомо и др. 1961): часть перекрытия балки 2-го Пазырыкского кургана — 2350 ± 140 BP (РУЛ-120); часть ствола лиственницы из 5-го Пазырыкского кургана — 2440 ± 50 BP (РУЛ-151). Все образцы были представлены С. И. Руденко. Надо сказать, что многие известные археологи Института практически сразу приняли радиоуглеродный метод. К их числу относился М. П. Грязнов, который представил для датирования образцы из всемирно известного памятника Аржан, раскопанного им в 1970-х гг. (Грязнов 1980).

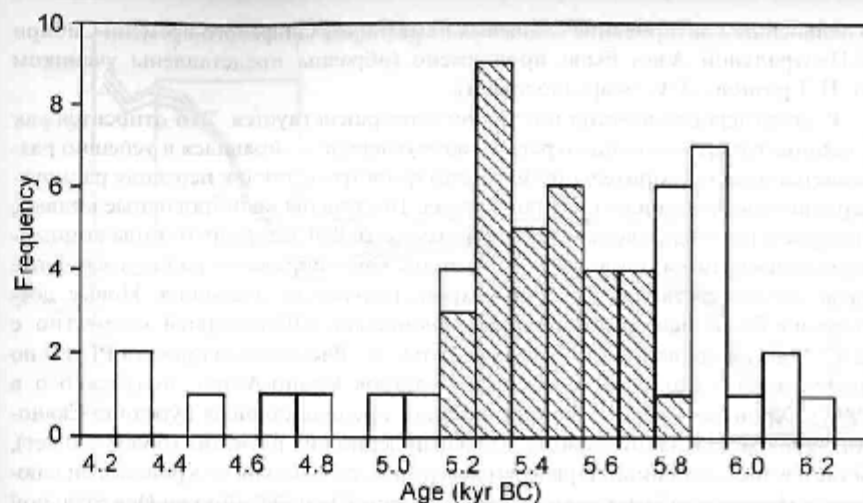

Рис. 23. Распределение дат раннекерамических памятников Центра и Северо-Запада России; интервал 100 лет. Одновременные даты выделены косой штриховкой

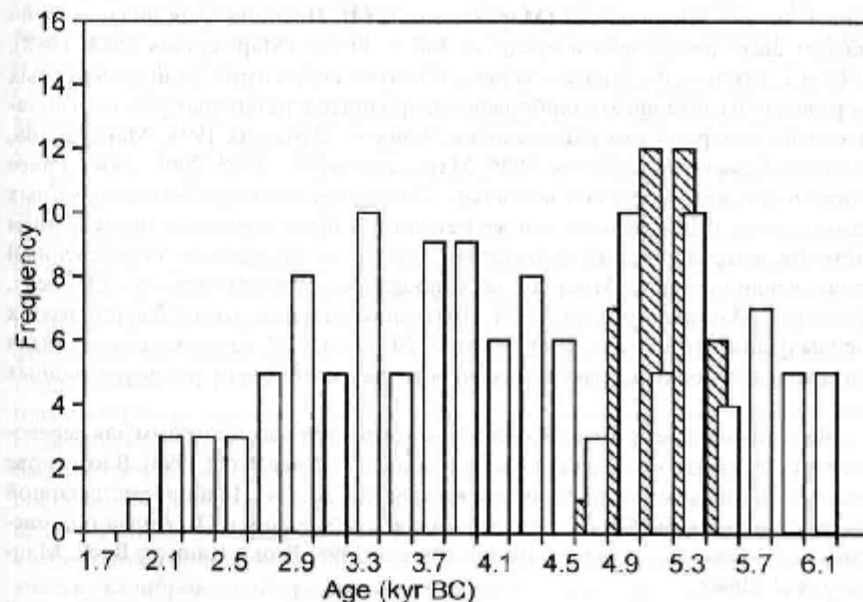

Рис. 24. Сравнительное распределение дат культур линейно-ленточной керамики Западной Европы (косая штриховка) и неолитических памятников Восточной Европы (белый цвет)

В дальнейшем датирование ключевых памятников скифского времени Сибири и Центральной Азии было продолжено (образцы представлены учеником М. П. Грязнова Л. С. Марсадоловым).

Радиоуглеродный метод постоянно совершенствуется. Это относится как к технике измерения концентрации радиоуглерода — появился и успешно развивается метод ускорительной масс-спектрометрии, так и к переводу радиоуглеродного возраста в календарное время. Построены калибровочные кривые, которые в настоящее время простираются до 26 000 лет, разработаны компьютерные программы, позволяющие не только «калибровать» радиоуглеродные даты, но осуществлять различные хронологические сравнения. Новые достижения были использованы при выполнении лабораторией совместно с Л. С. Марсадоловым, В. А. Дергачевым и С. С. Васильевым проекта РГНФ по исследованию хронологии элитных курганов Саяно-Алтая, полученного в 1993 г. Хронология памятников скифского времени степных курганов Саяно-Алтая, несмотря на довольно длительный период их изучения (более 100 лет), остается дискуссионной. Приведем некоторые результаты по хронологии ключевых памятников культур скифского времени Южной Сибири и Центральной Азии, обратив внимание на объективные трудности. Сложность вопросов, связанных с определением календарного времени сооружения скифских курганов, заключается в характере калибровочной кривой.

В 1980-х гг. Л. С. Марсадоловым для курганов скифского времени Пазырык-5, Пазырык-2, Пазырык-1, Тузукта-1 и Аржан-1 была сконструирована «плавающая» дендрошкала (Марсадолов 1984). Позиция нуля «плавающей» шкалы была определена в пределах 360 ± 40 лет (Марсадолов 1984; 1988). В 1994 г. были осуществлены первые попытки корреляции радиоуглеродных определений с помощью калибровочной кривой для различных участков «плавающей» дендрошкалы (Марсадолов, Зайцева, Лебедева 1994; Марсадолов, Зайцева, Семенов, Лебедева 1996; Марсадолов 1997; 1998; 2002; 2004). Ранее корреляция осуществлялась визуально, без оценки достоверности полученных результатов. В дальнейшем эти же результаты были оценены с применением методов математической статистики, при этом допускался определенный сдвиг дендровозраста Аржана-1 по отношению к другим курганам (Зайцева, Васильева, Марсадолов и др. 1997). Полученные данные, хотя и были близки к предыдущим, отличались в пределах ± 20 –40 лет. В то время еще не была внедрена в широкую практику компьютерная калибровка радиоуглеродных дат.

В настоящее время имеется несколько компьютерных программ для перевода радиоуглеродного возраста в календарный (Van der Plicht 1993). В их основе лежит одна и та же калибровочная кривая INCAL 04. Наиболее популярной является программа OxCal, разработанная в лаборатории Оксфорда под операционную систему Windows (Bronk Ramsey 1998; Bronk Ramsey, Buck, Manning et al. 2006).

На отрезке калибровочной кривой (рис. 25) видно три участка различной зависимости радиоуглеродный возраст — календарный возраст. Первый участок характеризуется пропорциональной зависимостью, при этом радиоуглеродной дате соответствует узкий календарный интервал. Второй участок, так называемое гальштатское плато, характеризуется довольно высокой концен-

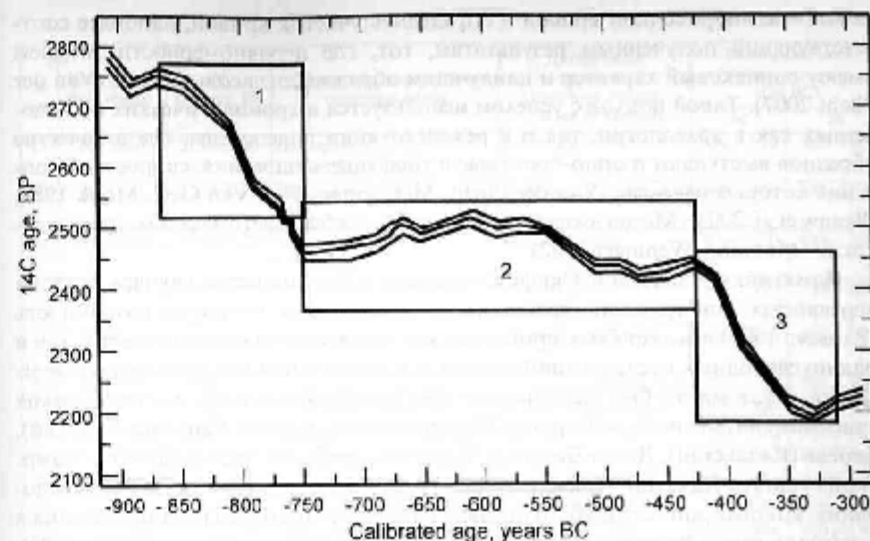

Рис. 25. Часть калибровочной кривой для 1 тыс. до н. э.

трацией радиоуглерода в атмосфере в течение длительного времени. Именно на этот участок попадают радиоуглеродные даты большинства скифских памятников, при этом одной радиоуглеродной дате, полученной с небольшой статистической ошибкой (например, ± 20 л.), соответствует календарный временной интервал до 200 и более лет. Проблема не решается и увеличением количества радиоуглеродных определений.

Поскольку калибровка радиоуглеродных дат, попадающих в область «гальштатского плато», т. е. в интервале 800–400 л. до н. э., вносит существенные неопределенности, возникает вопрос: есть ли выход из создавшейся ситуации? Как ни странно, именно сложный характер калибровочной кривой помогает решить эту проблему. При этом используется метод согласования или «wiggle matching method». Он заключается в получении серии радиоуглеродных дат из образца, формировавшегося во времени, которое можно определить и на основании которого можно построить «плавающую» хронологическую шкалу. Таким образом может быть дерево хорошей сохранности, содержащее значительное число годовичных колец (не менее 50). Сохранность образца должна быть такой, чтобы была возможность определить и подсчитать годовичные кольца. Поскольку каждое годовичное кольцо формируется в течение одного года, то мы имеем «плавающую» календарную шкалу, протяженность которой равна количеству годовичных колец. Чтобы сопоставить («привязать») «плавающую» календарную шкалу к участку калибровочной кривой, необходимо иметь для этой шкалы радиоуглеродные определения. Калибровочные кривые конструировались с разрешением в 10 и 20 календарных лет (по совокупности 10 и 20 годовичных колец). Образец дерева обычно разделяется на серии из 10 или 20 годовичных колец, и для каждого образца получается радиоуглеродная дата. Имея серию радиоуглеродных определений для короткой «плавающей» календарной шкалы, мы можем их сопос-

тавить с калибровочной кривой и определить участок кривой, наиболее соответствующий полученным результатам, тот, где неравномерности (wiggles) имеют одинаковый характер и наилучшим образом согласовываются (Van der Plicht 2007). Такой подход с успехом используется в хронологических исследованиях как в археологии, так и в реконструкции палеосреды, где в качестве образцов выступают озерно-болотные и торфяные отложения, скорость накопления которых известна (Van der Plicht, McCormac 1995; Van Geel, Mook 1989; Blaauw et al. 2003). Метод «wiggle matching» был назван в честь во тьме для археологии (Manning, Wenginger 1992).

Памятники Азиатской Скифии содержат в большинстве случаев остатки деревянных конструкций, древесина которых имеет хорошую сохранность (Zaitseva 1995) и может быть применена как для дендрохронологических, так и радиоуглеродных исследований, включая исследования методом «wiggle matching». Этот метод был использован для хронологического изучения таких известных памятников, как группа Пазырыкских курганов, Башадар-1 (Алтай), Берель (Казахстан), Догээ-Баары-2 (Тува) и погребений, относящихся к тагарской культуре Хакасии. Приведем здесь только некоторые результаты исследования. Полные данные опубликованы в коллективной монографии «Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология» (СПб., 2005). Данные радиоуглеродного датирования совокупности годовичных колец некоторых курганов приведены в таблице 1. Для согласования полученных результатов с калибровочной кривой были использованы методы математической статистики (Dergachev, Vasiliev 1999).

Таблица 1

Радиоуглеродные даты памятников, используемых для метода «wiggle matching»

№ п/п	Лабораторный индекс	14C возраст, ВР	Памятник, количество годовичных колец	Датируемый материал (годовые кольца, считая от центра)	Калибровочный интервал, лет до н. э. (Cal BC)	
					1σ	2σ
Алтай						
1	Ле-5788	2200 ± 40	Башадар, курган 1, 80 колец	кольца 1—10	360—200	390—160
2	Ле-5789	2200 ± 20	Башадар, курган 1, 80 колец	кольца 11—20	360—200	360—170
3	Ле-5790	2175 ± 20	Башадар, курган 1, 80 колец	кольца 21—30	360—170	360—160
4	Ле-5791	2145 ± 25	Башадар, курган 1, 80 колец	кольца 31—40	350—110	360—90
5	Ле-5792	2160 ± 50	Башадар, курган 1, 80 колец	кольца 41—50	360—110	380—90
6	Ле-5793	2152 ± 25	Башадар, курган 1, 80 колец	кольца 51—60	350—120	360—90
7	Ле-5794	2170 ± 20	Башадар, курган 1, 80 колец	кольца 61—70	350—170	360—160
8	Ле-5795	2190 ± 40	Башадар, курган 1, 80 колец	кольца 71—80	360—170	390—110
9	Ле-5558	2250 ± 30	Пазырык-2, D 5, 128 колец	кольца 41—60	390—210	400—200
10	Ле-5559	2140 ± 25	Пазырык-2, D 5, 128 колец	кольца 61—80	350—110	360—90

Окончание табл. 1

11	Ле-5560	2150 ± 30	Пазырык-2, D 5, 128 колец	кольца 81—100		350—110	360—90
12	Ле-5561	2220 ± 25	Пазырык-2, D 5, 128 колец	кольца 101—120		360—200	380—200
13	Ле-5562	2270 ± 25	Пазырык-2, D 5, 128 колец	кольца 6—20		400—230	400—200
14	Ле-5563	2375 ± 25	Пазырык-2, D 5, 128 колец	кольца 21—40		500—390	760—380
15	Ле-5596	2310 ± 40	Пазырык-5, 100 колец	18 центральных колец		410—250	490—200
16	Ле-5597	2230 ± 25	Пазырык-5, 100 колец	50 внутренних колец		370—200	390—200
17	Ле-5598	2240 ± 25	Пазырык-5, 100 колец	40 внешних колец		380—200	390—200
18	Ле-5742	2204 ± 40	Пазырык-5, 180 колец	кольца 1—10		360—200	390—170
19	Ле-5743	2250 ± 30	Пазырык-5, 180 колец	кольца 20—29		390—210	400—200
20	Ле-5744	2125 ± 30	Пазырык-5, 180 колец	кольца 30—39		200—90	350—90
21	Ле-5745	2240 ± 30	Пазырык-5, 180 колец	кольца 40—49		380—200	400—200
22	Ле-5746	2202 ± 30	Пазырык-5, 180 колец	кольца 50—59		360—200	380—170
23	Ле-5747	2230 ± 50	Пазырык-5, 180 колец	кольца 60—79		380—200	400—170
24	Ле-5748	2250 ± 40	Пазырык-5, 180 колец	кольца 80—108		360—200	400—200
Южная Сибирь (Хакасия)							
60	Ле-5675	2700 ± 50	Черемшино, курган 1, могила 1	центральные кольца		900—805	980—790
61	Ле-5676	2710 ± 60	Черемшино, курган 1, могила 1	1-й слой от центра		905—805	1600—750
62	Ле-5677	2540 ± 40	Черемшино, курган 1, могила 1	2-й слой от центра		800—540	810—520
63	Ле-5678	2400 ± 20	Черемшино, курган 1, могила 1	3-й слой от центра		520—400	760—390
64	Ле-5679	2370 ± 20	Черемшино, курган 1, могила 1	4-й слой от центра		480—390	520—380
65	Ле-5680	2435 ± 25	Черемшино, курган 1, могила 1	внешние кольца		760—400	760—400
Казахстан							
75	Ле-5709	2340 ± 30	Берель, курган 11, могила 1, образец № 90295, 228 колец	кольца 171—228		408—382	520—250
76	Ле-5710	2400 ± 30	Берель, курган 11, могила 1, образец № 90295, 228 колец	кольца 111—170		520—460	750—390
77	Ле-5711	2430 ± 30	Берель, курган 11, могила 1, образец № 90295, 228 колец	кольца 66—110		760—460	750—400
78	Ле-5712	2390 ± 40	Берель, курган 11, могила 1, образец № 90295, 228 колец	кольца 41—65		540—390	760—380
79	Ле-5713	2510 ± 40	Берель, курган 11, могила 1, образец № 90295, 228 колец	кольца 21—40		790—540	800—410
80	Ле-5714	2505 ± 40	Берель, курган 11, могила 1, образец № 90295, 228 колец	20 центральных колец		770—540	790—520

Календарные даты, полученные для времени создания памятников Башадар и Черемшино, приведены на рис. 26.

Ключевыми памятниками классического скифского времени являются курганы Пазырыкской группы, вокруг точного времени сооружения которых до сих пор ведутся дискуссии (Марсадолов 1996; 2002; Членова 1997). За последние годы эти курганы неоднократно датировались различными отечественными и зарубежными лабораториями с использованием метода «wiggles matching», поэтому было произведено сравнение данных по Пазырыку-2, полученных в ИИМК РАН (Ле-), в лаборатории Цюриха (ETH) (Kuzmin, Slusarenko, Hajdas et al. 2004; Haidas et al. 2004) и в лаборатории Белфаста (UB) (McCormac, Reimer et al. 2000) (рис. 27, табл. 2).

Таблица 2

Относительный и календарный возраст курганов Пазырыкской группы, полученный различными лабораториями

Курган	Относительный возраст, годы	Калиброванный возраст, лет до н. э. (Cal BC)	Литература
Пазырык-1	-5	295	Hajdas et al. 2004
Пазырык-1	0	290	Византия в скифскую эпоху 2005
Пазырык-2	0	300 $^{+29}_{-28}$	Hajdas et al. 2004
Пазырык-2	0	301—282	Mallory et al. 2002
Пазырык-2	0	288 $^{+10}_{-10}$	Васильев и др. 2002; Ле-5558—5563
Пазырык-3	-1	299	Hajdas et al. 2004
Пазырык-4	-6	294	Hajdas et al. 2004
Пазырык-5	50	250	Hajdas et al. 2004
Пазырык-5	50	262 $^{+15}_{-16}$	Vasiliev et al. 2002; Ле-5596—5598
Пазырык-5	50	264 $^{+15}_{-16}$	Vasiliev et al. 2002; Ле-5742—5748

Полученные данные в целом подтверждают синхронность сооружения курганов Пазырык-1 и Пазырык-2, что согласуется и с данными дендропределений. В соответствии с дендрохронологическими исследованиями сооружение кургана Пазырык-5 было осуществлено примерно на 50 лет позднее Пазырыка-1 и Пазырыка-2. Данные радиоуглеродного анализа и их согласование с калибровочной кривой подтвердили это предположение. В соответствии с полученными данными сооружение кургана Пазырык-5 может быть датировано 262 $^{+15}_{-16}$ гг. до н. э. (272—247 гг. до н. э.), что не противоречит тому, что курган был сооружен позднее Пазырыка-2 примерно на 50 лет, как следует из дендрохронологических и археологических исследований (Марсадолов 1984; 1988). Резюмируя данные, полученные по сооружениям Пазырыкской группы курганов (Пазырык-1, Пазырык-2, Пазырык-5) различными лабораториями как в России, так и за рубежом, можно заключить, что они хорошо согласуются и подтверждают в целом дендропределения последовательности их сооружения.

При использовании аналогичного подхода определена позиция на календарной временной шкале кургана Аржан-2, исследованного в 2001 г. К. В. Чугуновым совместно с немецкими коллегами — профессором Г. Парцингером и А. Наглером. Этот уникальный памятник, не потревоженный с момента его сооружения, представил великолепной сохранности археологический материал, позволяющий взглянуть по-новому на историю кочевников скифского времени. С помощью метода «wiggles matching» было датировано несколько

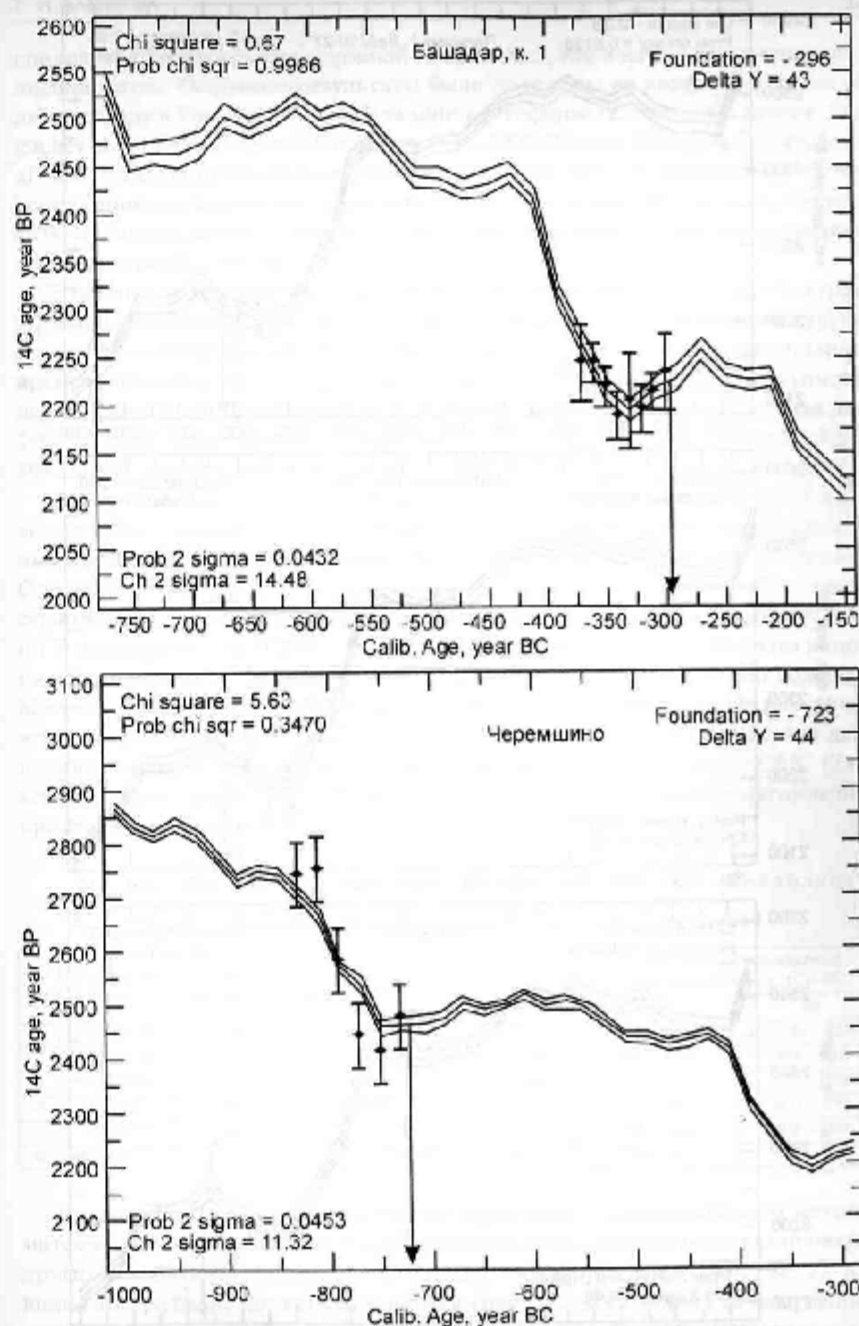

Рис. 26. Результаты определения позиции на календарной временной шкале памятников Башадар (Алтай) и Черемшино (Хазария) методом «wiggles matching»

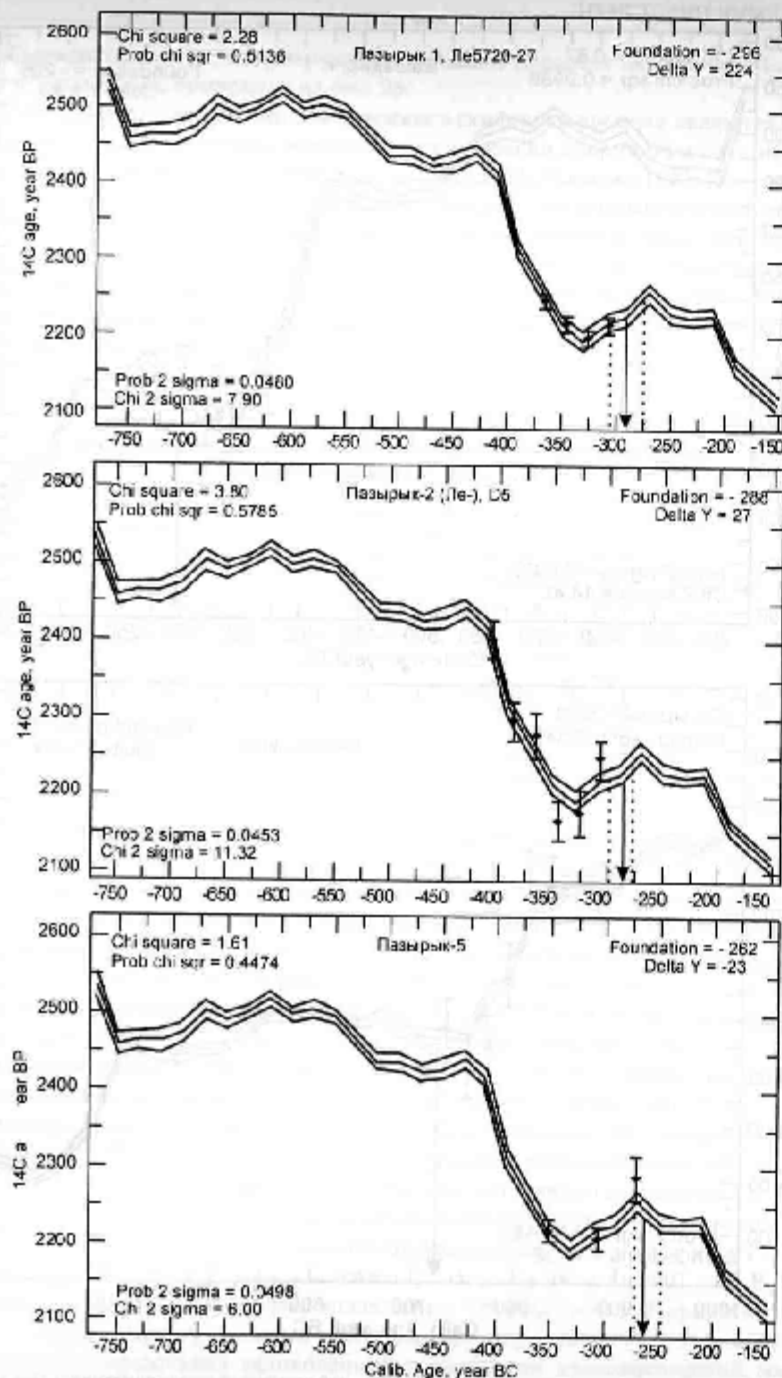

Рис. 27. Данные «wiggles matching» для курганов Пазырыкской группы

спиллов как из перекрытия основной могилы № 5, так и из бревен внутренних и внешних стен. Основные результаты были доложены на конференциях по радиоуглероду в Польше, Новой Зеландии и Оксфорде (Zaitseva, Chugunov, Dergachev et al. 2004; Zaitseva, Chugunov et al. 2005; Zaitseva, Chugunov, Alekseev et al. 2007). Результаты анализа одного из спилов (рис. 28, 1) показывают, что сооружение кургана может быть датировано серединой VII в. до н. э., а результаты анализов других спилов подтверждают в целом эти данные в пределах статистической ошибки.

Эталонным памятником скифской эпохи всей Евразии остается курган Аржан-1, исследованный М. П. Грязновым в 1970-х гг. Хронология кургана Аржан-1 исследуется уже более 30 лет, но его положение на календарной временной шкале до сих пор является предметом дискуссий. Из совокупности дат по различным материалам для Аржана-1 получена комбинированная дата 2666 ± 13 BP, календарный калиброванный интервал которой составляет 825—808 Cal BC для 68% вероятности и 831—801 Cal BC для 95% вероятности.

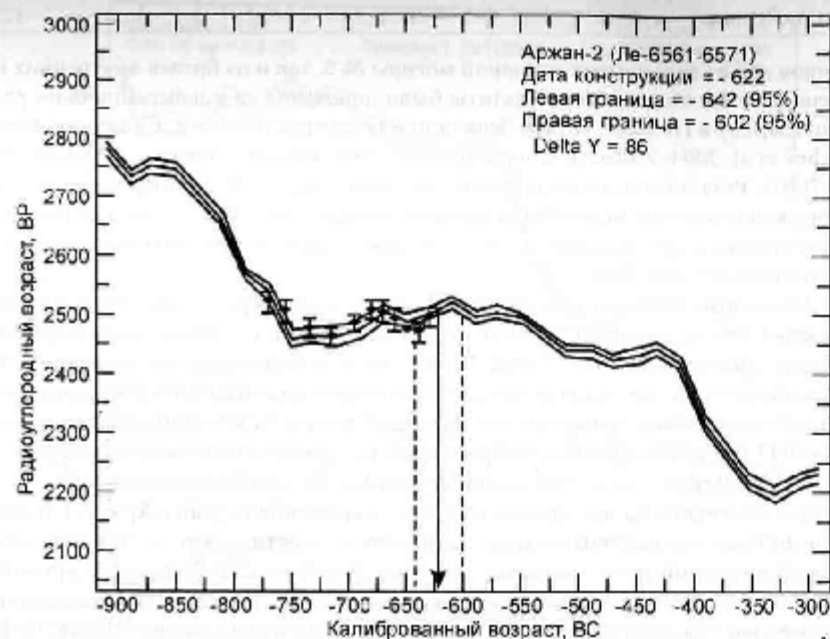
Для уточнения календарного времени сооружения кургана Аржан-1 необходимо было осуществить датирование совокупности колец спилов деревянных конструкций и согласование этих результатов с калибровочной кривой. Однако поскольку раскопки Аржана-1 велись в 1970-х гг., памятник был законсервирован и больших бревен срубов конструкций в коллекциях ИИМК РАН и ГЭ не сохранилось. В 2004 г. такой спил был предоставлен Тувинским национальным музеем (г. Кызыл) и использован для датирования. Спил содержал 60 колец, причем внешние кольца имели хорошую сохранность. Он был разделен на образцы по 10 годичных колец. Для получения более корректной даты в лаборатории ВСЕГЕИ было также определено и соотношение $^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$ (Zaitseva, Chugunov et al. 2005; Зайцева, Баковенко и др. 2005). Данные датирования приведены в таблице 3.

Таблица 3

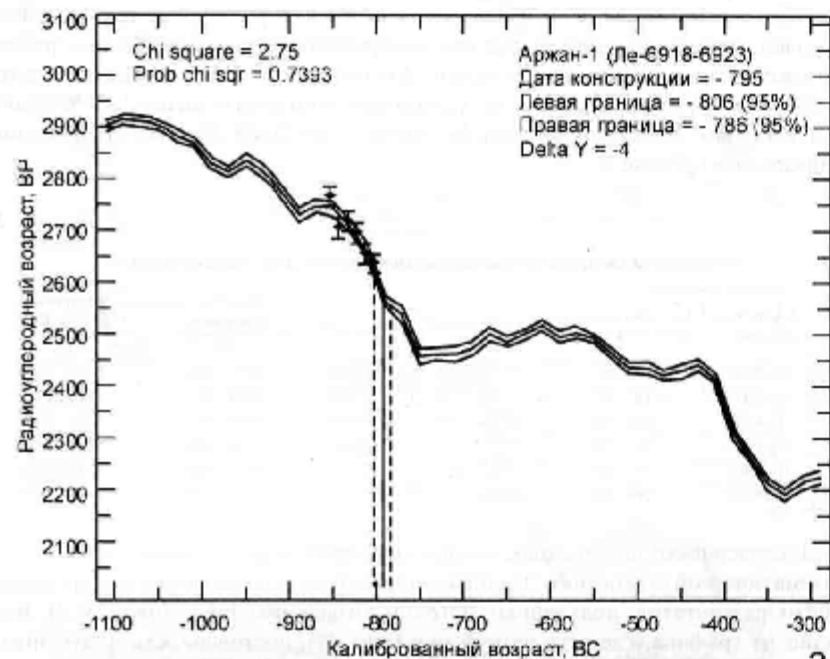
Результаты датирования совокупности колец спилов из кургана Аржан-1

№ п/п	Лабораторный шпиль	Древесные кольца, считая от центра	^{14}C возраст, BP	$\delta^{13}\text{C}$ ‰	Калиброванные календарные интервалы, лет до н. э. (Cal BC)	
					1 σ	2 σ
1	Le-6918	0—5	2778 ± 19	-22,60	980—860	1000—830
2	Le-6919	10—19	2710 ± 17	-23,05	900—825	900—810
3	Le-6920	20—29	2734 ± 20	-22,08	920—835	970—830
4	Le-6921	30—38	2677 ± 19	-22,6	831—806	900—800
5	Le-6922	40—48	2766 ± 19	-22,23	831—806	900—800
6	Le-6923	50—59	2650 ± 17	-23,11	820—802	828—799

Достоверность полученных данных проверена с использованием методов математической статистики. Такой же подход был использован и для проверки других результатов, полученных методом «wiggles matching» (рис. 28, 2). Как видно из графика, где есть четкий пик (рис. 29), достоверность полученных интервалов для вероятности 95% довольно высокая. Результаты датирования совокупности колец и участок калибровочной кривой, соответствующий диапазону радиоуглеродных дат, попадают на «пропорциональный» участок кривой, предшествующий «галыштатскому» шпату, что делает позицию курга-

1

2

Рис. 28. Результаты согласования радиоуглеродных определений образцов с калибровочной кривой: 1 — образцы из СЗ сруба кургана Аржан-2 и время сооружения могилы; 2 — образцы из кургана Аржан-1.

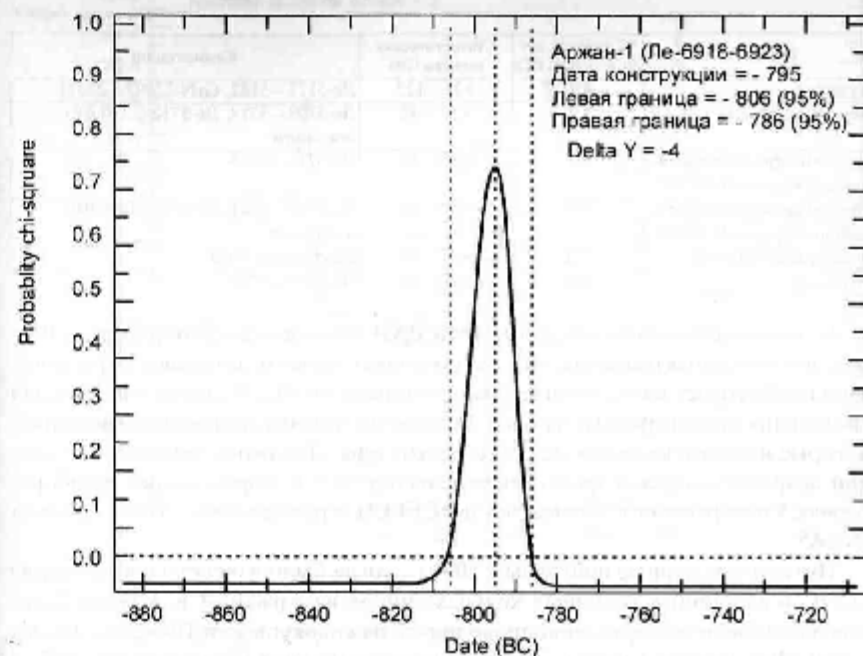

Рис. 29. Вероятность значений календарных интервалов для дат кургана Аржан-1

на Аржан-1 на временной шкале более определенной. В соответствии с полученными значениями сооружение кургана Аржан-1 может быть отнесено к рубежу IX—VIII вв. до н. э. Возможные календарные интервалы 794⁷/₁₆. Эти данные согласуются с результатами, полученными при использовании комбинированной даты. Форма калибровочной кривой и результаты датирования образцов кургана Аржан-1 свидетельствуют о том, что он не может быть датирован временем позднее 780—750 г. до н. э., т. е. предлагаемая ранее Н. Л. Членовой датировка VII в. до н. э. (Членова 1997) полностью исключается.

Итоговые результаты датировки сооружений курганов Южной Сибири, Алтая, Казахстана и Тувы методом сопоставлений («wiggle matching») приведены в таблице 4.

Таблица 4

Хронология ключевых памятников Азиатской Скифии по результатам метода «wiggle matching» с применением методов математической статистики¹

Памятник	¹⁴ C возраст, лет до н. э. (Сal BC)	Статистическая ошибка (2σ)	Комментарии
Аржан-1	794	+6; -7	
Аржан-2	659	+12; -50	по двум образцам
Черемшино 1	723	+20; -20	Ле-5675—5680; статистическая ошибка измерений скорректирована до 60 лет

¹ Данные курганов Назырьской группы приведены выше, в табл. 2.

Описание табл. 4

Памятник	^{14}C возраст, лет до н. э. (Cal BC)	Статистические отклонения (2σ)	Комментарии
Туэкта-1	430	+22; -122	Ле-5177—5182; G-N-22497—22511
Березь, курган 11	322	+33; -42	Ле-5709—5714; Ле-5712 (2390 BP) исключен
Догэ-Баары-2, курган 8, дендробразец № 90234	367	+15; -15	Ле-5715—5719
Догэ-Баары-2, курган 8, дендробразец № 90230	353	+10; -10	Ле-5736—5741; Ле-5736 (2498 BP) исключен
Уландрык-4 (Цюрих)	311	+22; -29	Hajdas et al. 2004
Баишадар 1	296	+20; -20	Ле-5788—5795

К сожалению, в лаборатории ИИМК РАН, как и во всех лабораториях России, нет масс-спектрометра, что не позволяет вносить поправку в радиоуглеродный возраст на изотопное фракционирование $^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$, существенную для увеличения достоверности данных. Это важно для высокоточных измерений, которые используются для метода согласования. Для особо точных определений возраста скифских памятников значение $^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$ определялось в лабораториях Университета г. Хельсинки и ВСЕГЕИ в рамках совместного проекта INTAS.

Интересные данные получены в 2006 г., когда было измерено соотношение $^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$ в единичных годичных кольцах спилов из Аржана-1 и Аржана-2. До этого подобные исследования проводились на совокупности 10—20 годичных колец. Для Аржана-1 число годичных колец составляет 62, а для Аржана-2 — 96. Измерена концентрация $\delta^{13}\text{C}$ для внутренних 48 колец Аржана-1 и для для внутренних 88 колец Аржана-2. Сравнивая два графика (рис. 30), можно видеть, что интенсивность флюктуаций $\delta^{13}\text{C}$ в годичных кольцах Аржана-2 (B) выше, чем в Аржане-1 (A). В дальнейшем были применены математические методы при обработке этих данных: удален тренд, построены спектры мощности и сравнена периодичность для обеих кривых.

В первом приближении можно заключить, что период времени, перекрываваемый образцом из Аржана-2 (VII в. до н. э.), характеризуется большим воздействием климатообразующих факторов. Именно даты кургана Аржан-2 попадают на «плато», где была высокая солнечная активность в течение длительного времени, а по значению частот, присутствующих в спектре данных Аржана-2 ($0,046^{-1} = 21,7$ лет, а $0,08^{-1} = 12,5$ лет), можно предположить, что основным климатообразующим фактором является солнечная активность. Таким образом, в дальнейшем измерение $\delta^{13}\text{C}$ в годичных кольцах памятников может быть еще одним фактором при исследовании изменений окружающей среды. Это совершенно новые данные, которые были доложены на 19-й Радиоуглеродной конференции в Оксфорде, проходившей в апреле 2006 г. (Zaitseva, Chugunov, Alekseev et al. 2007).

В последние годы много радиоуглеродных определений было сделано лабораторией для памятников эпохи средневековья. Так, в общей сложности получено около 90 дат для памятников Вологодской области: Млино-1, 2, 4, Владышино-1, 2, Вель и других, образцы из которых представлены членом-корреспондентом РАН Н. А. Макаровым. Они позволили уточнить и скорректировать имеющиеся представления о хронологии памятников этого региона.

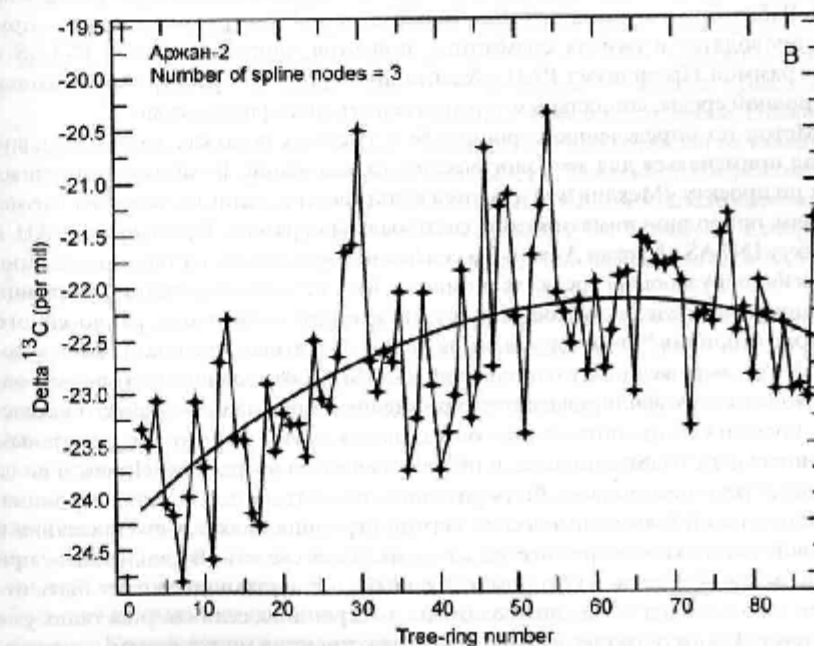
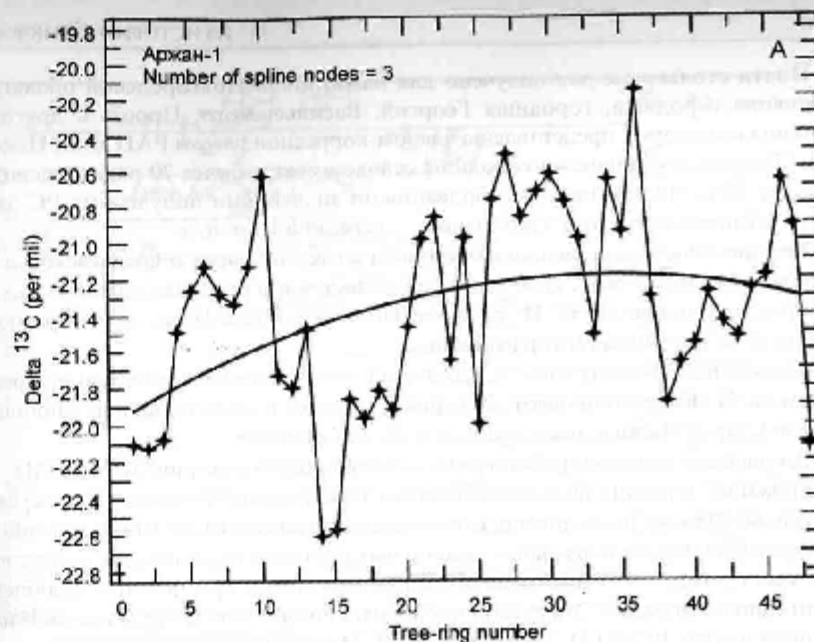

Рис. 30. Зависимость концентрации ^{13}C ($\delta^{13}\text{C}$) от номера кольца, отсчитываемого от центра ствола. Плавная кривая — долгосрочная составляющая концентрации. Кривая является кубическим сплайном, проведенным через три узла с помощью техники наименьших квадратов. А — Аржан-1; В — Аржан-2

Почти столько же дат получено для памятников Новгородской области: Рюрикова городища, городища Георгий, Васильевского, Прость и других, образцы из которых представлены членом-корреспондентом РАН Е. Н. Носовым. Только для Рюрикова городища сейчас имеется более 70 радиоуглеродных дат. В соответствии с калиброванными значениями полученных ^{14}C дат время возникновения этого памятника — середина IX в. н. э.

Комплексное исследование памятников железного века и средневековья в Псковской, Смоленской, Новгородской областях и в регионах, граничащих с Белоруссией, проводит И. И. Еремеев. Получено более 50 дат для образцов дерева, угля и отложений торфяников.

Совсем недавно получены ^{14}C даты для Старой Лядоги, изучаемой профессором А. Н. Кириичниковым. Датированы также и слои городища Любша, вблизи Старой Лядоги, исследуемого Е. А. Рябиным.

Основное направление работы радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН — датирование образцов из археологических памятников от палеолита до средневековья. Однако последним исключительно интересным достижением лаборатории является использование стабильных изотопов стронция для определения места рождения и пребывания людей, что важно при решении проблем адаптации и миграции. Эта работа проводится совместно с сотрудниками Изотопного центра ВСЕГЕИ, ГЭ и ФТИ РАН. Изотопный центр ВСЕГЕИ оснащен ультрасовременными приборами для различных изотопных исследований. Работы по выявлению стабильных изотопов ^{13}C , стронция, свинца и других проводятся в рамках совместных проектов, поддерживаемых INTAS и Программой Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

Метод по определению стронция Sr в костных остатках только недавно начал применяться для археологических исследований. В работах, выполняемых по проекту «Механизмы и формы культурной адаптации человека к изменениям природно-климатической системы» Программы Президиума РАН и проекту INTAS «Курган Аржан-2 и скифский мир Евразии в I тыс. до н. э. (хронология, окружающая среда, экономика)» был использован метод по сравнительному определению в костных остатках людей и животных радиогенного изотопа стронция ^{87}Sr (продукта распада долго живущего радиоактивного изотопа ^{87}Rb), выраженного в отношениях $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$. Соотношение изотопов стронция может идентифицировать место рождения и проживания древнего населения, поскольку это соотношение определяется двумя факторами: начальным соотношением Rb/Sr в породах и их геологическим возрастом. Почвы и воды в разных регионах должны быть различны по изотопному составу стронция. Отличительной биогеохимической чертой стронция является его фиксация в костной ткани живых организмов во время роста скелета. В дальнейшем, при смене места обитания, в котором изотопный состав стронция может быть отличен, не происходит изотопного обмена по стронцию, если костная ткань уже не растет. Таким образом, изотопный состав стронция может служить индикатором места рождения и направлений возможной миграции. Особенно четко факт миграции может быть установлен при сравнении изотопного состава стронция в костях людей с составом стронция в костях домашних животных с относительно малым сроком жизни: коровы, лучше овцы (рис. 31).

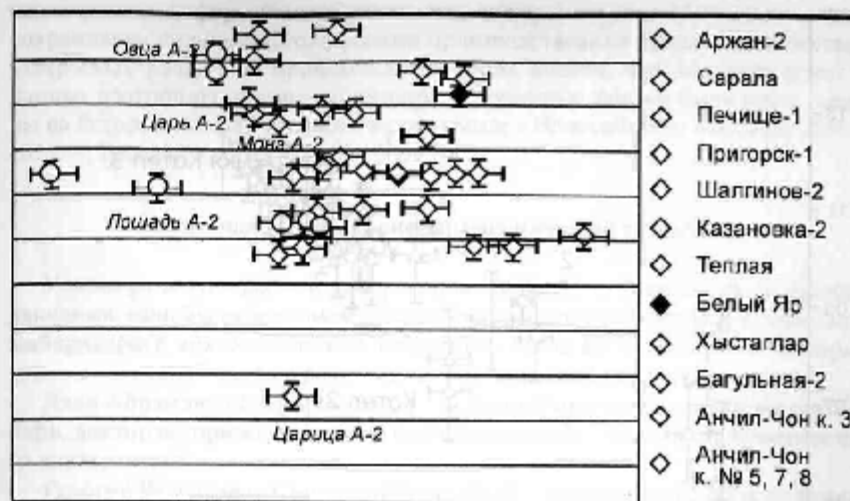

Рис. 31. Соотношение изотопов стронция и ^{14}C в костных остатках животных и людей из памятников Хакасии и Тувы

Изотопный состав стронция в костных остатках людей из захоронений в кургане Аржан-2 имеет достаточно большой разброс. Наиболее заметно отличается величина отношения изотопов стронция в костях женского скелета (погребение «царицы»). По-видимому, эта женщина проживала ранее в иной провинции, чем остальные люди, захороненные в этом могильнике. Поскольку изотопный состав стронция в костях «царицы» заметно отличен от такового в костных остатках из других районов, в частности, Хакасии, то, вероятнее всего, она являлась уроженкой мест, не охваченных нашим исследованием. Материалы исследования были представлены в 2005 г. на Международной конференции по инженерному обучению (Гливице, Польша) (Zaitseva, Bokovenko, Lokhov et al. 2005).

В настоящее время для создания банка данных по содержанию стронция для отдельных провинций и определения в дальнейшем места рождения и проживания, что особенно важно при исследовании миграционных процессов и взаимодействия древних культур, собран костный материал из районов Алтая, Казахстана и Монголии.

Современные приборы позволяют определить не только химический состав и микропримеси, но и стабильные изотопы, что существенно для решения проблем, связанных с вопросами технологии изготовления. В частности, изотопы свинца позволяют более тонко определять возможные различия в составе металлов и сплавов (рис. 32). Для изотопного исследования были выбраны бронзовые предметы из памятников скифского времени Минусинской (Хакасия и юг Красноярского края) и Уюкской (Тува) котловин. Промежуточное положение между Тувой и Хакасией занимает долина р. Ус, расположенная среди хребтов Западного Саяна. Исследованные здесь памятники (могильники Баданка и Теплая) входят в круг тувинских культур скифского типа и большинство из них имеют радиоуглеродные даты (Евразия в скифскую эпоху 2005).

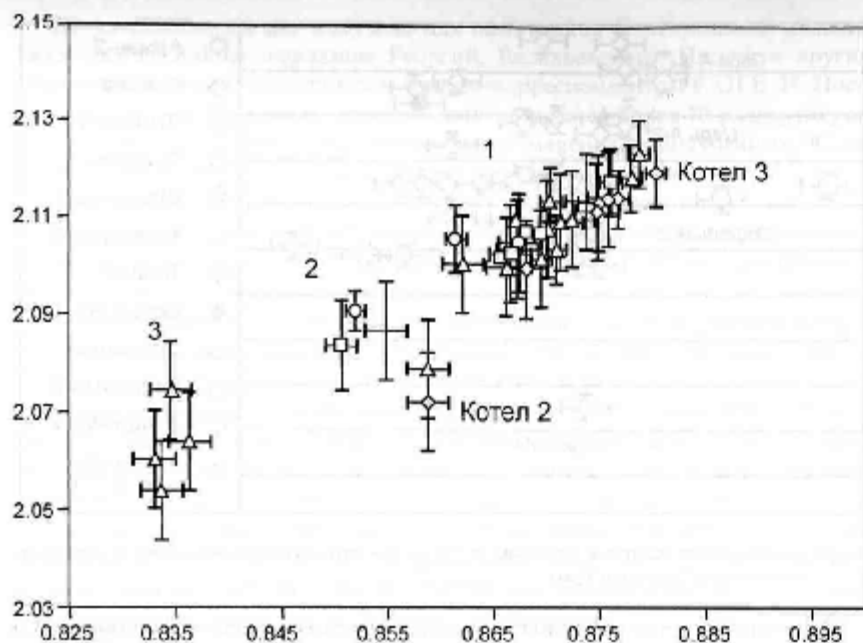

Рис. 32. Анализ бронзовых предметов по изотопам свинца

Вопрос о взаимодействии всех этих регионов в древности давно стоит перед исследователями. Были изучены различные категории предметов: топоры, ножи, зеркала, наконечники стрел, украшения. В составе металла всей совокупности исследованных бронзовых изделий выделяются три группы, различающиеся по изотопному составу свинца:

- 1) $0,850 < 207\text{Pb}/206\text{Pb} < 0,860$ и $2,07 < 208\text{Pb}/206\text{Pb} < 2,10$;
- 2) $0,860 < 207\text{Pb}/206\text{Pb} < 0,875$ и $2,10 < 208\text{Pb}/206\text{Pb} < 2,11$;
- 3) $0,875 < 207\text{Pb}/206\text{Pb} < 0,880$ и $2,11 < 208\text{Pb}/206\text{Pb} < 2,12$.

Все бронзовые предметы из Аржана-2, за исключением котлов, попадают в группу 2. Исключительный интерес представляют данные анализа двух котлов из могилы 5 Аржана-2. Котел 3 (меньшего размера) имеет на венчике пару вертикальных прямоугольных ручек. Конический высокий поддон и общая форма тулова аналогичны многочисленным изделиям, известным практически на всей территории расселения племен скифского типа. Однако прямоугольная форма ручек выделяет его из серии предметов этой категории. В то же время такая форма ручек характерна для бронзовых сосудов совершенно иных форм, широко распространенных на территории Китая. На венчике котла 2 (больших размеров) расположены вертикальные двукольчатые ручки и под ними на тулове — вертикальные петли. Этот сосуд уникален и аналогии ему неизвестны.

Оба котла были отлиты различными способами. Если котел 3 формовался и отливался вверх поддоном (как и большинство котлов скифского типа), то котел 2 формовался сначала так же, но на завершающей стадии форма была

перевернута и доформована. Отливка изделия происходила от колец ручек, где сохранились литники. Столь разные производственные традиции позволяют утверждать различное происхождение обоих котлов, что демонстрируют и данные изотопного анализа по свинцу. Полученные данные были представлены на Всероссийском Археологическом съезде в Новосибирске в октябре 2006 г. (Лохов, Березная и др. 2006; Чугунов 2006).

Заведующие Лабораторией археологической технологии

Успехи радиоуглеродной лаборатории (группы) не были бы столь впечатляющими, если бы не внимание со стороны заведующих, которые руководили Лабораторией археологической технологии после С. И. Руденко и которые также внесли свой вклад в развитие радиоуглеродной группы.

Яков Абрамович Шер (рис. 33, 1) — крупный археолог, исследователь Сибири, доктор исторических наук, в настоящее время — профессор Кемеровского университета.

Георгий Васильевич Сиповский (рис. 33, 2) — химик-исследователь, кандидат технических наук, долгое время работал на предприятиях и в институтах химической промышленности, специалист в области неорганической химии, химии торфа и аналитической химии.

Нина Михайловна Ермолова (рис. 33, 3) — специалист в области палеозоологии, кандидат биологических наук. Ее работы по реконструкции хозяйства древних сообществ на основе анализа остеологического материала широко известны как в России, так и за ее пределами.

Павел Маркович Долуханов (рис. 33, 4) — специалист в области реконструкции древней палеосреды и ее влияния на экономику древнего населения, доктор географических наук. Он сразу принял радиоуглеродный метод и широко его использует в своих реконструкциях, особенно для памятников палеолита и неолита. В настоящее время — профессор Университета г. Ньюкасл (Великобритания).

Ганна Ивановна Зайцева (рис. 33, 5) — химик-органик, специалист в области органического синтеза, кандидат химических наук. Исследовала изменение химического состава разрушенной древесины в зависимости от длительности и условий залегания, занимается хронологическими реконструкциями на основе радиоуглеродных определений.

Александр Николаевич Егорьков (рис. 33, 6) — химик, кандидат технических наук, занимается вопросами реконструкции древних технологий на основе спектрального анализа предметов из бронзы, стекла и других материалов.

Сотрудники лаборатории участвовали во многих международных и отечественных конференциях и семинарах, сами неоднократно проводили такие научные мероприятия, а с 1994 г. регулярно участвуют в Международных радиоуглеродных конференциях (Глазго, Гронинген, Иерусалим, Веллингтон, Оксфорд).

Лаборатория издала два выпуска журнала «Радиоуглерод и археология» (1996; 1997) на русском языке, и один — «Radiocarbon and Archaeology» (2000) — на английском. В последние годы вышли две коллективные монографии: «Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии» (СПб., 2004) и «Евра-

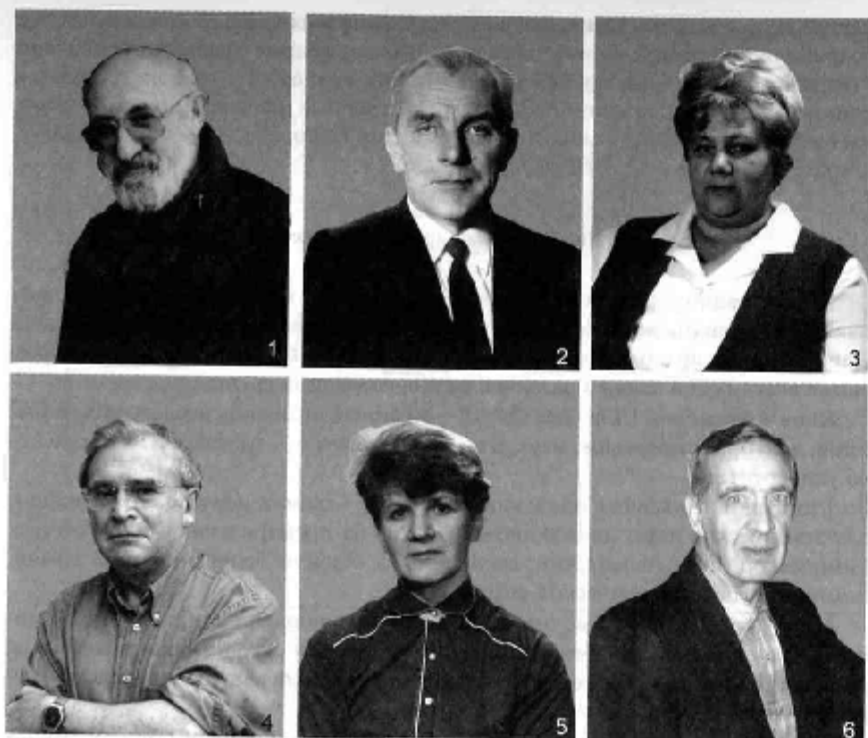

Рис. 33. Заведующие Лабораторией археологической технологии: 1 — Я. А. Шер (с 06.05.1967 г. по 02.11.1971 г.); 2 — Г. В. Силковский (с 27.10.1972 г. по 01.03.1976 г.); 3 — Н. М. Ермолова (с 24.02.1976 г. по 14.07.1987 г.); 4 — П. М. Далуханов (с 01.01.1988 г. по 20.10.1989 г.); 5 — Г. И. Зайцева (с 23.10.1989 г. по 31.12.2000 г.); 6 — А. Н. Егорьев (с 01.01.2001 г. по настоящее время)

зия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология» (СПб., 2005).

* * *

Хотя с момента создания радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН и прошло уже 50 лет, но перспективы ее развития можно считать довольно оптимистическими. Сейчас здесь работают молодые сотрудники (М. А. Кулькова, Н. Д. Бурова), которые набираются опыта, и их инициатива и квалификация позволяют с надеждой смотреть в будущее.

Пятидесятилетие лаборатории отметила международной конференцией «Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях», проходившей в ИИМК РАН с 9 по 13 апреля 2007 г. В ней приняли участие сотрудники практически всех радиоуглеродных лабораторий бывшего СССР, а также ученые из Великобритании, Нидерландов, Финляндии, Эстонии, США и Словакии. Рассмотрены как теоретические проблемы радиоуглерода, так и его применения в различных областях: археологии, палеоэкологии, исследова-

нии водных ресурсов, влиянии атомных электростанций на содержание радиоуглерода в атмосфере и в воде. Вышел в свет сборник материалов конференции: «Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях» (СПб., 2007).

Радиоуглерод — очень интересная субстанция: он входит в душу и там остается. Вот потому многие бывшие сотрудники лаборатории не порывают с ней связь до сих пор, хотя уже давно занимаются совсем иными проблемами.

- Алексеев, Казачевский, Чердынцев, Еникеев 1963 — Алексеев В. А., Казачевский И. В., Чердынцев В. В., Еникеев Р. Ш. Об определении абсолютного возраста четвертичных образований (Работы Лаборатории абсолютного возраста ГИИ АН СССР) // Абсолютная геохронология четвертичного периода. М., 1963. С. 22—27.
- Арсланов 1963 — Арсланов Х. А. Задачи применения радиоуглеродного метода к изучению четвертичных отложений // Абсолютная геохронология четвертичного периода. М., 1963. С. 27—30.
- Арсланов 1987 — Арсланов Х. А. Радиоуглерод: геохимия и геохронология. Л., 1987.
- Арсланов, Бутомо, Кинд 1963 — Арсланов Х. А., Бутомо С. В., Кинд Н. В. Инструкция по сбору образцов для радиоуглеродного анализа // Абсолютная геохронология четвертичного периода. М., 1963. С. 130—137.
- Артемьев 1963 — Артемьев В. В. О точности радиоуглеродных датировок // Абсолютная геохронология четвертичного периода. М., 1963. С. 88—94.
- Артемьев, Бутомо и др. 1961 — Артемьев В. В., Бутомо С. В., Дроздецкий В. М., Романов Е. Н. Результаты определения абсолютного возраста ряда археологических и геологических образцов по радиоуглероду (C^{14}) // СА. 1961. № 2. С. 3—12.
- Бутомо 1963а — Бутомо С. В. Некоторые химические проблемы радиоуглеродного датирования // Абсолютная геохронология четвертичного периода. М., 1963. С. 64—69.
- Бутомо 1963б — Бутомо С. В. Применение радиоуглеродного метода в археологии // Новые методы в археологических исследованиях. М.; Л., 1963. С. 9—31.
- Васильев и др. 2002 — Васильев С. С., Савицкая И. Ю., Чурилов К. В. Актуальные вопросы хронологии скифского времени Саяно-Алтая // Сусси: Евразия в древности и средневековье. Кн. 2: Сб. материалов конференции, посвященной 100-летию Михаила Петровича Грязнова. СПб., 2002. С. 24—27.
- Виноградов, Дервиш, Добкина, Маркова 1963 — Виноградов А. П., Дервиш А. Л., Добкина Э. И., Маркова Н. Г. Определение абсолютного возраста четвертичных отложений по C^{14} при помощи пропорционального счетчика // Абсолютная геохронология четвертичного периода. М., 1963. С. 8—17.
- Грязнов 1980 — Грязнов М. П. Аржан: царский курган раннескифского времени. Л., 1980.
- Дергачев, Зайцева и др. 1996 — Дергачев В. А., Зайцева Г. И., Талофеев В. И., Семенов А. А., Лебедева Л. М. Изменение природных процессов и радиоуглеродная хронология археологических памятников // Археология и радиоуглерод. СПб., 1996. Вып. 1. С. 7—18.
- Евразия в скифскую эпоху 2005 — Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб., 2005.
- Зайцева, Бокоченко и др. 2005 — Зайцева Г. И., Бокоченко Н. А., Семенов А. А., Лебедева Л. М., Чурилов К. В., Алексеев А. Ю., Дергачев В. А., Васильев С. С., Лохов К. И., Скопин Е. М., Ван дер Плихт Й., Юлиер Х. Хронологические исследования памятников скифского времени Южной Сибири и Центральной Азии // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия: Сб. докладов Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения членкорреспондента РАН С. В. Киселева. Минусинск. 20—26 июня 2005 г. Красноярск, 2005. С. 79—82.
- Зайцева, Васильев, Марсадоллов и др. 1997 — Зайцева Г. И., Васильев С. С., Марсадоллов Л. С., Ван дер Плихт Х., Семенов А. А., Дергачев В. А., Лебедева Л. М. Радиоуглерод и дендрохронология ключевых памятников Саяно-Алтая // Радиоуглерод в археологии. СПб., 1997. Вып. 2. С. 36—45.

- Зайцева, Дергачев и др. 1997 — *Зайцева Г. И., Дергачев В. А., Тимофеев В. И., Семенов А. А.* Радиоуглеродная хронология археологических памятников Европейской России и изменения природных процессов: исследование на основе базы данных // *Радиоуглерод и археология*. СПб., 1997. Вып. 2. С. 4—11.
- Клид, Алексеев 1963 — *Клид Н. В., Алексеев В. А.* Применение различных углеродсодержащих ископаемых материалов для определения абсолютного возраста по радиоуглероду // *Абсолютная геохронология четвертичного периода*. М., 1963. С. 70—87.
- Константинов, Кохарев 1965 — *Константинов В. П., Кохарев Г. Е.* Астрофизические явления и радиоуглерод // *Доклады АН СССР*. М., 1965. Т. 165. С. 63—64.
- Лийва, Ильвес 1963 — *Лийва А. А., Ильвес Э. О.* О работе радиоуглеродной лаборатории Института зоологии и ботаники Академии наук Эстонской ССР // *Абсолютная геохронология четвертичного периода*. М., 1963. С. 19—22.
- Лохов, Бережная и др. 2006 — *Лохов К. И., Бережная Н. Г., Матуков Д. И., Капитанов И. П., Бокеевко Н. А., Зайцева Г. И., Чугунов К. В., Скотт Е. М.* Комплексные изотопные исследования бронзовых изделий скифской эпохи из различных памятников Центральной Азии // *Современные проблемы археологии России: Материалы Всероссийского археологического съезда (21—28 октября 2006 г., Новосибирск)*. Новосибирск, 2006. Т. 2. С. 373—376.
- Марсадолов 1984 — *Марсадолов Л. С.* О последовательности сооружения пяти больших курганов в Пазырыке на Алтае // *АСГЭ*. 1984. Вып. 25. С. 90—98.
- Марсадолов 1988 — *Марсадолов Л. С.* Дендрохронология больших курганов Саяно-Алтая (I тыс. до н. э.) // *АСГЭ*. 1988. Вып. 29. С. 65—81.
- Марсадолов 1996 — *Марсадолов Л. С.* История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII—IV вв. до н. э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб., 1996.
- Марсадолов 1997 — *Марсадолов Л. С.* Проблемы уточнения абсолютной хронологии больших курганов Саяно-Алтая I тыс. до н. э. // *Радиоуглерод и археология*. СПб., 1997. Вып. 2. С. 45—52.
- Марсадолов 1998 — *Марсадолов Л. С.* Новые исследования Эрмитажа в Саяно-Алтае // *АСГЭ*. 1998. Вып. 33. С. 49—60.
- Марсадолов 2002 — *Марсадолов Л. С.* Еще раз о последовательности сооружений Пазырыкских и Бертекских курганов // *Степи Евразии в древности и средневековье*. Кн. 2. Сборник материалов конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова. СПб., 2002. С. 99—103.
- Марсадолов 2004 — *Марсадолов Л. С.* О необходимости и возможности создания единой хронологической шкалы памятников кочевых племен степей Евразии I тыс. до н. э. // *Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии: Доклады к 5-й международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории»*. Краснодар, 2004. С. 69—85.
- Марсадолов, Зайцева, Лебедева 1994 — *Марсадолов Л. С., Зайцева Г. И., Лебедева Л. М.* Корреляция дендрохронологических и радиоуглеродных определений для больших курганов Саяно-Алтая // *Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху: Материалы заседания «Круглого стола» 22—24 декабря 1994 г.* СПб., 1994. С. 141—157.
- Марсадолов, Зайцева, Семенов, Лебедева 1996 — *Марсадолов Л. С., Зайцева Г. И., Семенов А. А., Лебедева Л. М.* Возможности радиоуглеродного датирования для привязки «плавающей» дендрохронологии больших курганов Саяно-Алтая к календарному времени // *Археология и радиоуглерод*. СПб., 1996. Вып. 1. С. 24—33.
- Носов 1999 — *Носов Е. И.* Институту истории материальной культуры РАН 80 лет // *ИВ*. 1999. № 6. С. 9—14.
- Протопопов, Бутомо 1959 — *Протопопов Х. В., Бутомо С. В.* Развитие техники жидких сцинтилляторов и ее применение для датировки по радиоуглеродному методу // *СА*. 1959. № 2. С. 7—34.
- Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб., 2007.
- Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии 1997 — *Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии: Проблемы и перспективы*. СПб., 1997.
- Руденко 1963 — *Руденко С. И.* О работе радиоуглеродной лаборатории Института археологии АН СССР // *Абсолютная геохронология четвертичного периода*. М., 1963. С. 17—19.
- Солышева 1999 — *Солышева Ю. И.* В сотрудничестве осуществленной научной работы нас ждут успехи... (А. Н. Несмеянов — Президент АН СССР в 1951—1961 гг.) // *Вопросы истории естествознания и техники*. 1999. № 4. С. 44—55.

- Список радиоуглеродных датировок... 1963 — *Список радиоуглеродных датировок, выполненных в лабораториях СССР на 1.1.1962 г.* // *Абсолютная геохронология четвертичного периода*. М., 1963. С. 137—154.
- Старик 1963 — *Старик И. Е.* Современное состояние проблемы определения возраста молодых природных образований // *Абсолютная геохронология четвертичного периода*. М., 1963. С. 5—8.
- Тимофеев, Зайцева 1996а — *Тимофеев В. И., Зайцева Г. И.* Некоторые аспекты радиоуглеродной хронологии неолитических культур лесной зоны Европейской России // *Археология и радиоуглерод*. СПб., 1996. Вып. 1. С. 49—55.
- Тимофеев, Зайцева 1996б — *Тимофеев В. И., Зайцева Г. И.* Список радиоуглеродных датировок неолита // *Неолит Северной Евразии*. (Археология). М., 1996. С. 337—349.
- Тимофеев, Зайцева 1997 — *Тимофеев В. И., Зайцева Г. И.* К проблеме радиоуглеродной хронологии неолита степной и юга лесной зоны Европейской части России и Сибири (обзор источников) // *Радиоуглерод и археология*. СПб., 1997. Вып. 2. С. 98—108.
- Тимофеев, Зайцева, Долуханов, Шукуров 2004 — *Тимофеев В. И., Зайцева Г. И., Долуханов П. М., Шукуров А. М.* Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии. СПб., 2004.
- Членова 1997 — *Членова Н. Л.* Центральная Азия и скифы. Ч. 1. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. М., 1997.
- Чугунов 2006 — *Чугунов К. В.* Синхронизация культур начала раннескифского времени Центральной Азии. Южной Сибири и Казахстана // *Современные проблемы археологии России: Материалы Всероссийского археологического съезда (23—28 октября 2006 г., Новосибирск)*. Новосибирск, 2006. Т. 2. С. 69—71.
- НА ИИМК РАН, РА, ф. 312, оп. 1, д. 930.
- Blaauw et al. 2003 — *Blaauw M., Heuvelink G. B. M., Mauquoy D., Van der Plicht J., Van Geel B.* A numerical approach to ^{14}C wiggle match dating of organic deposits // *Quaternary Science Reviews*. 2003. Vol. 22. P. 1485—1500.
- Blaauw, Van Geel, Van der Plicht 2004 — *Blaauw M., Van Geel B., Van der Plicht J.* Solar forcing of climatic change during the mid-Holocene: indications from raised bogs in the Netherlands // *The Holocene*. 2004. No. 14. P. 35—44.
- Bronk Ramsey 1998 — *Bronk Ramsey C.* Probability and dating // *Radiocarbon*. 1998. Vol. 40. P. 461—474.
- Bronk Ramsey, Buck, Manning et al. 2006 — *Bronk Ramsey C., Buck C. E., Manning S. W., Reimer P., Van der Plicht J.* Developments in radiocarbon calibration for archaeology // *Antiquity*. Vol. 80. P. 783—798.
- Butomo 1965 — *Butomo S. K.* Radiocarbon Dating in the Soviet Union // *Radiocarbon*. 1965. Vol. 7. P. 223—228.
- Dergachev, Raspopov et al. 2004 — *Dergachev V. A., Raspopov O. M., Van Geel B., Zaitseva G. I.* The «Sierno-Etrusian» geomagnetic excursion around 2700 BP and changes of solar activity, cosmic ray intensity and climate // *Radiocarbon*. 2004. Vol. 46 (2). P. 661—681.
- Dergachev, Vasiliev 1999 — *Dergachev V. A., Vasiliev S. S.* Cross-Dating method in dendrochronology and construction dates of Altai Barrows // *Physics in Culture, Thessaloniki*, 1999. P. 217—223.
- Dolukhanov, Arslanov, Mazurkevich, Savelieva et al. 2004 — *Dolukhanov P., Arslanov K., Mazurkevich A., Savelieva L., Djanoridze E., Kalkova M.* The Holocene Environment and Transition to Agriculture in Boreal Russia: Serteya Valley Case Study // *Internet Archaeology*. 2004. No. 17. http://intarch.ac.uk/journal/issue17/dolukhanov_index.html.
- Dolukhanov et al. 2006 — *Dolukhanov P. M., Sidorov A., Gronenborn D., Sokoloff D., Timofeev V. I., Zaitseva G. I.* The chronology of the Neolithic dispersal in Central and Eastern Europe // *Journal of Archaeological Sciences*. 2006 (в печати).
- Dolukhanov, Romanova, Sementsov 1970 — *Dolukhanov P. M., Romanova E. N., Sementsov A. A.* Radiocarbon dates of the Institute of Archaeology. II // *Radiocarbon*. 1970. Vol. 12 (1). P. 130—155.
- Dolukhanov, Sementsov et al. 1976 — *Dolukhanov P. M., Sementsov A. A., Svezhentsev Yu. S., Timofeev V. I., Romanova E. N., Malasova N. S.* Radiocarbon dates of the Institute of Archaeology. III // *Radiocarbon*. 1976. Vol. 18 (2). P. 190—201.
- Guliksen, Scott 1995 — *Guliksen S., Scott M.* Report of the TIRI workshop, Saturday 13 August 1994 // *Radiocarbon*. 1995. Vol. 37 (2). P. 820—821.
- Hajdas et al. 2004 — *Hajdas I., Bonani G., Shvarevko I. Yu., Seifert M.* Chronology of Pazyryk 2 and Ulandryk 4 kurgans based on high resolution radiocarbon dating and dendrochronology — a step to

- wards more precise dating of Scythian burials // *Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia*. NATO advanced research workshop, St. Petersburg, 14–18 nov. 2003. NATO Science Series. IV. Earth and Environmental Sciences. Vol. 42. Dordrecht; Boston; London, 2004. P. 107–117.
- Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia 2004 — *Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia*. NATO advanced research workshop, St. Petersburg, 14–18 nov. 2003. NATO Science Series. IV. Earth and Environmental Sciences. Vol. 42. Dordrecht; Boston; London, 2004.
- Korff 1940 — *Korff S. A.* On the contribution to the ionization at sea-level produced by the neutrons in the cosmic radiation // *Terrestrial Magnetism and Atmospheric Electricity*. 1940. Vol. 45. P. 133–137.
- Kuzmin, Slusarenko, Hajdas et al. 2004 — *Kuzmin Y. V., Slusarenko I. Y., Hajdas J., Bonani G., Christen J. A.* The comparison of ^{14}C wiggle-matching results for the «floating» tree-rings chronology of the Ulandryk-4 burial ground (Altai Mountains, Siberia) // *Radiocarbon*. 2004. Vol. 46 (2). P. 943–948.
- Libby 1946 — *Libby W. F.* Atmospheric helium three and radiocarbon from cosmic radiation // *Physical Review*. 1946. Ser. 2. Vol. 69 (12). P. 671–672.
- Libby, Anderson, Arnold 1949 — *Libby W. F., Anderson E. C., Arnold J. R.* Age determination by radiocarbon content: world-wide assay of natural radiocarbon // *Science*. 1949. Vol. 109 (2827). P. 227–228.
- Mallory et al. 2002 — *Mallory J. P., McCormac F. G., Reimer P. J., Marsadolov L. S.* The date of Pazyryk // *Ancient Interactions east and west in Eurasia*. Cambridge, 2002. P. 199–211.
- Manning, Weninger 1992 — *Manning S. W., Weninger B.* A light in the dark: archaeological wiggle matching and the absolute chronology of the close of the Aegean Late Bronze Age // *Antiquity*. 1992. Vol. 66. P. 636–663.
- McCormac, Reimer et al. 2000 — *McCormac F. G., Reimer P. J., Mallory J. P., Marsadolov L. S.* The Date of the Pazyryk Tombs // *Book of Abstracts of the 17th Radiocarbon Conference*. Israel, June 21, 2000. P. 59.
- Rozanski et al. 1992 — *Rozanski K., Stichler W., Gonfiantini R., Scott E. M., Boukewin R. P., Kramer B., Van der Plicht J.* The IAEA ^{14}C intercomparison exercise 1990 // *Radiocarbon*. 1992. Vol. 34 (3). P. 506–519.
- Sementsov et al. 1972 — *Sementsov A. A., Dolukhanov P. M., Romanova E. N., Timofeev V. I.* Radiocarbon dates of the Institute of Archaeology. III // *Radiocarbon*. 1972. Vol. 14 (2). P. 336–367.
- Skripkin, Kovalyukh 1998 — *Skripkin V. V., Kovalyukh N. N.* Recent developments in the procedures used at the SSSR Laboratory for the routine preparation of Lithium carbide // *Radiocarbon*. 1998. Vol. 40 (1). P. 211–214.
- Timofeev, Zaitseva 2000 — *Timofeev V. I., Zaitseva G. I.* The Chronology of the Neolithization of Eastern Europe and the Position of the South Russian area in this process // *Radiocarbon and Archaeology*. Sankt-Petersburg, 2000. No. 1. P. 53–58.
- Van der Plicht 1993 — *Van der Plicht J.* The Groningen Radiocarbon calibration program // *Radiocarbon*. 1993. Vol. 35. P. 231–237.
- Van der Plicht 2004 — *Van der Plicht J.* 2004. Radiocarbon, the calibration curve and Scythian chronology // *Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia*. NATO advanced research workshop, St. Petersburg, 14–18 nov. 2003. NATO Science Series. IV. Earth and Environmental Sciences. Vol. 42. Dordrecht; Boston; London, 2004. P. 45–61.
- Van der Plicht 2007 — *Van der Plicht J.* Radiocarbon: Recent developments and calibration // *Radiocarbon in the archaeological and Environmental researches*. 2007. P. 63–76.
- Van der Plicht, McCormac 1995 — *Van der Plicht J., McCormac F. G.* A note on Calibration Curves // *Radiocarbon*. 1995. Vol. 37. P. 963–964.
- Van Geel, Mook 1989 — *Van Geel B., Mook W. G.* High resolution ^{14}C dating of organic deposits using natural atmospheric ^{14}C variations // *Radiocarbon*. 1989. Vol. 31. P. 151–156.
- Zaitseva 1995 — *Zaitseva G. I.* Chemical composition and sample preparation of archaeological wood for radiocarbon dating // *Radiocarbon*. 1995. Vol. 37 (2). P. 311–319.
- Zaitseva, Bokovenko, Lokhev et al. 2005 — *Zaitseva G. I., Bokovenko N. A., Lokhov K. I., Berezhnaya N. G., Kapitonov I. N., Chugunov K. V., Scott E. M.* Strontium isotopes for the analyses of bone to study questions of migration and environment of ancient populations // *Proceeding the International Conference on Engineering Education*. Gliwice, 2005. Vol. 2. P. 504–507.

- Zaitseva, Chugunov, Alekseev et al. 2007 — *Zaitseva G. I., Chugunov K. V., Alekseev A. Yu., Dergachev V. A., Vasiliev S. S., Sementsov A. A., Cook G., Scott M., Van der Plicht J., Parzinger H., Nagler A., Jungner H., Sominen E., Bourova N. D.* The chronology of the key barrows belonging to different stages of Scythian Time in Tuva (the Arzhan-1 and Arzhan-2 barrows) // *Radiocarbon*. 2007 [в печати].
- Zaitseva, Chugunov et al. 2005 — *Zaitseva G. I., Chugunov K. V., Bokovenko N. A., Dergachev V. I., Dirksen V. G., Van Geel B., Koukova M. A., Lebedeva L. M., Sementsov A. A., Van der Plicht J., Scott E. M., Vasiliev S. S., Lokhov K. I., Bourova N.* Chronological study of archaeological sites and environmental changes around 2600 BP in the Eurasian Steppe belt (Uyk valley, Tuva Republic) // *Geochronometria*. 2005. Vol. 24. P. 97–108.
- Zaitseva, Chugunov, Dergachev et al. 2004 — *Zaitseva G. I., Chugunov K. V., Dergachev V. A., Nagler A., Parzinger H., Scott E. M., Sementsov A. A., Vasiliev S. S., Van Geel B., Van der Plicht J., Lebedeva L. M.* Chronological Study of the Arzhan-2 Scythian monument in Tuva (Russia) // *Radiocarbon*. 2004. Vol. 46 (1). P. 277–285.
- Zaitseva, Dergachev et al. 1998 — *Zaitseva G. I., Dergachev V. A., Timofeev V. I., Sementsov A. A.* ^{14}C Chronology of Archaeological Sites in European Russia and Changes in Environmental Processes: A Database Investigation // *Radiocarbon*. 1998. Vol. 40 (2). P. 759–767.
- Zaitseva, Timofeev, Dergachev, Sementsov 1997 — *Zaitseva G. I., Timofeev V. I., Dergachev V. A., Sementsov A. A.* Some aspects of the distribution of radiocarbon dates from the Mesolithic and Neolithic of European Russia // *ISKOS*. Helsinki, 1997. No. 11. P. 33–39.

РАБОТЫ АРМЯНО-РОССИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В 2003—2006 гг.

С. А. АСЛАНЯН, Е. В. БЕЛЯЕВА, Е. М. КОЛПАКОВ,
В. П. ЛЮБИН, Г. М. САРКИСЯН, А. В. СУВОРОВ

По инициативе и при поддержке МОО «Центр стратегических и политических исследований» была образована Армяно-Российская археологическая экспедиция, которая в 2003 г. начала исследования на территории Республики Армения (Dolukhanov et al. 2004; Aslanian et al. 2006). Работы отдельных отрядов экспедиции были проведены на памятниках, время существования которых охватывает период от нижнего палеолита до железного века. При этом перед палеолитическим отрядом ставилась задача найти стратифицированные памятники нижнего палеолита. Поиски проводились в основном на северо-западе Армении, в Лори и Шираке. Выбор района исследований определялся слабой изученностью этой территории (Гаспарян и др. 2005: 17—27) и ее соседством с древнейшей в Евразии стоянкой Дманиси в Южной Грузии, которая знаменита палеоантропологическими находками.

Основным районом исследований стал Лорийский среднегорный район, расположенный на юге Армяно-Джавахетского вулканического нагорья. С запада Лорийский район окаймляет южный отрезок Джавахетского (Кечутского) хребта, с юга — Базумский хребет, с севера — граничащий с Грузией Сомхетский хребет. Восточной границей является каньон р. Дебед (рис. 1).

В результате работ, проведенных в восточном подножье Джавахетского хребта, найдена верхнеашельская стоянка Даштадем 3. На стратифицированном ашельском памятнике Мурадово в нижних слоях встречены довернеашельские, по мнению Любина и Беляевой, артефакты. Кроме этих памятников открыто 25 местонахождений с ашельским подъемным материалом. Наконец, на отроге Сомхетского хребта в гроте Печка был обнаружен мустьерский подъемный материал, а во вскрытых раскопом неспотроженных слоях — массовые мезолитические находки.

Помимо памятников каменного века обнаружены курганные могильники в западной части Лорийского плоскогорья, катакомбные погребения эпохи средней бронзы с керамикой позднеэнеолитского облика у подножия горы Казсар, обследованы мегалитические сооружения у г. Ашоцк, а также крепость эпохи поздней бронзы — раннего железа у сел. Куртан.

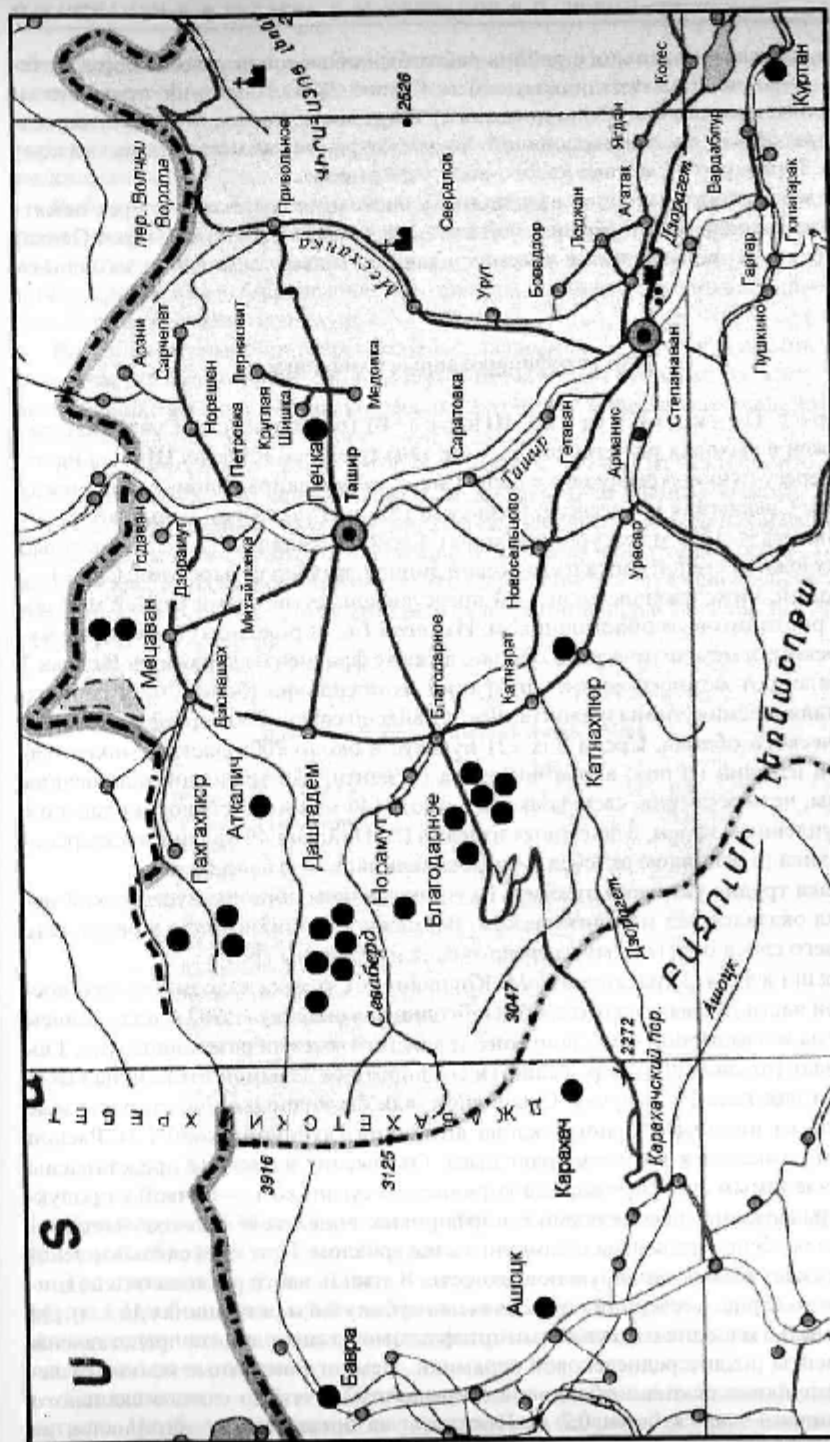

Рис. 1. Карта Северо-Западной Армении с указанием местоположения основных памятников

За пределами основного района работ был обследован участок горы Артени со знаменитым местоположением Сатани-Дар. Памятник практически уничтожен распашкой. Однако сама гора Артени несомненно требует серьезных археологических исследований. Был осмотрен также мегалитический комплекс Зоракарер в Сисиане на юго-востоке Армении.

Стационарные раскопки проводятся в настоящее время на четырех памятниках: Благодарное 1 (Мурадово), Даштадем 3, Круглая Шишка 1 (грот Печка) и Куртан. В данной статье рассматриваются только памятники каменного века.

Стратифицированные памятники

Грот Печка (Круглая Шишка 1) (раскопки А. В. Суворова) расположен в выходах риодацитов в 1 км к западу от сел. Круглая Шишка на левом берегу ручья, стекающего с горы Сискятская в направлении на юг, между горами Сискятская и Киселева, на высоте 15 м над тальвегом ручья (абсолютная высота — 1670 м над уровнем моря). Раскоп площадью 12 м², заложный между южной стеной грота и его осевой линией, выявил четыре слоя. Слои 1 — дерновый, нижележащие слои 2—4 представлены суглинками разной цветности с риодацитовым обломочником. Из слоев 1 и 2 происходят материалы мустьерского и мезолитического облика, а также фрагменты керамики. В слоях 3 и 4 залегают мезолитические артефакты из обсидиана (более 70%), горного хрусталя, кремня, яшмы и дашита. Всего найдено свыше 2600 артефактов мезолитического облика. Среди них 121 нуклеус и около 700 пластин, микропластин и изделий из них, в том числе два сегмента, две трапеции, наконечник стрелы, четыре сверла, сверлышко, 8 резцов, 140 микропластинок и пластин с притупленным краем, 8 фигурных изделий (?). Найдено 49 орудий мустьерского облика (в основном скребел и остроконечников) из гналодацита.

Пока трудно уверенно ответить на вопрос, каким образом мустьерский материал оказался над мезолитическим. Возможно, это произошло в результате позднего сноса остатков мустьерского слоя из глубины грота.

Даштадем 3 (раскопки Е. М. Колпакова). Стоянка находится в юго-восточной части Джавахетского хребта (абсолютная высота — 1902 м над уровнем моря) на возвышенной части широкого скалистого мыса, образованного руч. Гюлунбулак (правый приток р. Ташир) и его коротким левым притоком, на высоте 20 м над тальвегом ручья. С западной, как бы «нанольной», стороны мыс отрезан от пологого горного склона ложбиной глубиной около 1 м. Раскоп 5х6 м примыкает к южному краю мыса. Отложения в раскопе представлены нерасчленимым гумусированным коричневым суглинком — почвой с продуктами разложения подстилающих порфировых андезитов. Нижняя часть суглинка особенно насыщена обломочным материалом. При этом скальное основание имеет весьма неровную поверхность. В южной части раскопа оно поднимается до дерна, в северной опускается на глубину 0,8 м (в трещинах до 1 м). До глубины 0,5 м вместе с ашельскими артефактами из гналодацита представлены фрагменты позднесредневековой керамики. Немногочисленные мелкие отщепы, чешуйки и осколки обсидиана встречаются почти до самого скального основания — до глубины 0,7 м. Предметы из органических материалов не

обнаружены. Очевидно, вся толща отложений до скального основания вовлечена в почвообразовательные процессы. Хотя археологические материалы на стоянке не перетолжены, они должны были подвергнуться вертикальному и горизонтальному смещению в ходе процессов почвообразования и разложения подстилающего скального основания.

Выборочный палинологический анализ образцов из раскопа показал, что в придонной части отложений пыльца вообще отсутствует (вероятнее всего, вымыта дождевыми и тальными водами), а в образцах из верха и середины отложений ее крайне мало. Определены вяз, сфагнум, ужомник обыкновенный, сосна, ива, береза, гречишные, плаунок.

Раскопки вскрытой площади еще не завершены — неразобранными остались участки культурного слоя, которые перекрыты крупными блоками андезита. Однако на большей части раскопа расчистка доведена до скального основания.

В раскопе найдено 1924 каменных артефакта: 1874 — из гналодацита, 45 — из обсидиана и 5 — из яшмы, а также два куска охры и лопатка из пемзы, относящиеся к бронзовому веку. Материалом для ашельских каменных изделий на стоянке служил исключительно гналодацит, выходами которого богат Джавахетский хребет. В виде желваков и галек он распространен в непосредственных окрестностях стоянки. Среди артефактов из раскопа представлены 201 орудие (табл. 1) и 78 нуклеусов.

Таблица 1

Даштадем 3. Типологический состав орудий

Типы орудий	Кол-во	%
Рубила	42	20,9
Рубила незаконченные	6	3,0
Скребла	17	8,5
Скребки	13	6,5
Острия леваллуазские	8	4,0
Ножи с обушком	41	20,4
Пластинки с подвеской	1	0,5
Клововидные орудия	51	25,4
Выемчатые орудия	8	4,0
Зубчатые-выемчатые орудия	3	1,5
Нуклеидные орудия	2	1,0
Долота	1	0,5
Тесла	3	1,5
Резцы	3	1,5
Отбойники	2	1,0
Всего орудий:	201	100,0

Ручные рубила (42 экз.) являются наиболее выразительной и морфологически многообразной категорией орудий.

Треугольные — 9 экз. Слегка выпуклые или прямые лезвия сходятся к острию. Наибольшая ширина находится в нижней трети. Орудия более или менее симметричны относительно продольной оси. Как правило, они отличаются тщательностью отделки.

Сердцевидные — 7 экз. Слегка выпуклые или прямые лезвия сходятся к острию. Наибольшая ширина находится ниже середины и выше нижней тре-

ти изделия. Орудия более или менее симметричны относительно продольной оси.

Овальные — 12 экз. Лезвия по дуге сходятся как к дистальному, так и к проксимальному концу, не образуя выраженного острия. Наибольшая ширина находится в середине изделия. Орудия более или менее симметричны относительно как продольной, так и поперечной осей.

Овальные с обушком — 5 экз. Наибольшая ширина находится в середине изделия. Орудия несимметричны относительно продольной оси. Одно из продольных лезвий прямое или слегка выпуклое, угол его заострения значительно меньше угла заострения противоположного выпуклого лезвия.

Дисковидные — 2 экз. Овальные в плане орудия, не имеющие выраженных острия и пятки; лезвие занимает весь периметр.

Подпрямоугольные — 1 экз. В плане имеет подпрямоугольные очертания.

С плечиками — 2 экз. Дистальный конец подчеркнут выемками на боковых лезвиях.

Клювовидное — 1 экз. В плане вписывается в правильный пятигранник. Длина и ширина почти равны. Острие («клюв») образовано двумя вогнутыми лезвиями, расположенными при вершине пятигранника.

С клювом — 2 экз. На стыке бокового лезвия и поперечного дистального конца (без острия) сформирован «клюв», отходящий в сторону от продольной оси орудия.

С поперечным лезвием — 1 экз. Дистальный конец представляет собой не острие, а широкое поперечное лезвие, расположенное под некоторым углом к продольной оси орудия.

Ручные рубила незаконченные (6 экз.) — разные макроизделия с двусторонней обработкой, которые можно рассматривать как незаконченные рубила.

Острия левальюизские (8 экз. — 5 целых и 3 обломка) — нестрепанные острия — подтреугольные в плане. Все имеют ударные площадки *chapeau de gendarme*.

Скребли (17 экз.) выполнены на отщепах или пластинах, у которых хотя бы один край полностью обработан крутой или полукрутой ретушью. В целом они невыразительны. Выделяются лишь два экземпляра. Одно обработано по всему периметру и напоминает лимас. Второе, треугольное в плане, уплощено с вентральной стороны снятиями, занимающими больше половины площади брюшка.

Скрепки (13 экз.) изготовлены на отщепах или пластинах, один из концов которых обработан мелкой крутой или полукрутой ретушью.

Ножи с обушком (41 экз.) выполнены на отщепах или пластинах. Один край обработан пологой ретушью или имеет ретушь утилизации с дорсальной и/или вентральной сторон, а противоположный притуплен крутой или отвесной ретушью либо сломан или оставлен необработанным. В поперечном разрезе имеют форму клина. Нередко дистальный конец подтесан отдельными снятиями, делающими его более тонким, а лезвие частично закругляется на него. Проксимальный конец нередко тронкирован и иногда также утончен разными способами. В двух случаях ножи сделаны на реберчатых сколах. Один экземпляр выделяется тем, что дистальный конец, в плане прямой, подтесан плоскими снятиями с обеих сторон. Некоторые из этих снятий, возможно, являются результатом утилизации.

Резцы (3 экз.) представляют собой отщепы с резцовым сколом.

Клювовидные орудия (51 экз.) — уплощенные изделия, рабочий элемент которых представлен узким выступом, образованным двумя оформленными каким-либо способом выемками.

Простые — 29 экз. На отщепах или пластинах, узкий заостренный «клюв» сформирован двумя выемками с дорсальной стороны.

Оформленные противоположащей ретушью — 10 экз. Орудия изготовлены на отщепах или пластинах, узкий заостренный «клюв» сформирован двумя противоположащими выемками.

Широкие — 10 экз. Орудия сформированы на отщепах или пластинах, «клюв» широкий и тупой в сравнении с другими клювовидными изделиями.

На сработанных нуклеусах — 2 экз.

Выемчатые орудия (8 экз.) — ретушь формирует выемку на одном из краев отщепа.

Зубчато-выемчатые орудия (3 экз.) — ретушь формирует смежные выемки по краю отщепа.

Тесла (3 экз.) — уплощенные изделия, один из краев которых имеет одностороннюю или двустороннюю подтеску, возможно, образовавшуюся в результате их использования.

Долото (1 экз.) — массивное по сравнению с теслами изделие, узкий дистальный конец которого имеет двустороннюю подтеску, возможно, образовавшуюся в результате его использования.

Пластина с подтеской (1 экз.) — очень крупная (22x8x3 см). На проксимальном конце сформирована новая ударная площадка, снявшая ударный бугорок, и с нее произведено снятие пластины со спинки. Дистальный конец подтесан с брюшка и спинки несколькими снятиями. Возможно, орудие не закончено.

Нуклеовидные орудия (2 экз.) — уплощенные изделия, одна сторона которых сохраняет корку, а другая обработана в основном подпараллельными снятиями, без оформленных ударных площадок. При этом их трудно интерпретировать и как сработанные нуклеусы, и как незаконченные орудия.

Для индустрии Даштадема 3 можно отметить следующее:

1) комплекс каменных артефактов выглядит типологически совершенно однородным — нет вещей, которые можно было бы предположительно рассматривать как «типологическую примесь»;

2) все типы достаточно стандартны и хорошо известны по другим памятникам;

3) отсутствует памятник, который был бы сходен с Даштадемом 3 по комплексу типов;

4) к особенностям Даштадема 3 можно отнести скорее некоторые «отсутствия», чем какие-либо «положительные» признаки: во-первых, нет никаких типов рубил с вогнутыми краями и кливеров (есть одно рубило с поперечным лезвием); во-вторых, мало скребел и они весьма невыразительны; в-третьих, почти нет зубчатых форм.

В целом, орудийный комплекс Даштадема 3 следует отнести к позднему ашелю.

Мурадово (участок Благодарного 1) (раскопки В. П. Любина и Е. В. Беляевой). Памятник расположен на высоте 1649 м над уровнем моря,

Рис. 2. Лорийский район, Мурадово. Раскоп 2006 г. Разрез отложений: культурные слои 1–5 (описание в тексте). На переднем плане три крупных дацитовых изделия *in situ*, слева ручное рубило, изображенное на рис. 3

в 1,5 км к западу от сел. Благодарное в полосе перехода холмистых предгорий Джавахетского хребта в Лорийское плато. Зачистка и раскоп (6,5 м²) поставлены на одном из участков местонахождения Благодарное I, в месте вымывания неокатанных ашельских изделий из эродированной плейстоценовой толщи, вскрытой современным ручьем (правым притоком р. Караката). Эти отложения, по всей видимости, представляют собой участок читаемой в рельефе широкой древней долины, которая образовалась в результате стока с хребта талых ледниковых вод (?). В раскопе глубиной около 1,5 м (почти до поверхности воды в ручье) сверху вниз прослеживается следующая колонка отложений (рис. 2):*

Слой 1 (0,2–0,3 м) — современный гумус, переполненный большим количеством обломков дацитов (650 экз., около 100 экз./м²), большинство которых имеет следы искусственной обработки. Встречены также десятки галек, валунов, полуокатанных блоков других вулканических пород. В нижней части слоя местами отмечены тонкие песчано-гравийные прослойки.

Слой 2 (0,4–0,5 м) — коричневатый, в верхней части неравномерно гумусированный, крупитчатый суглинок с меньшим количеством обломочника (около 300 экз.), среди которого встречаются дацитовые изделия, а также небольшие валуны, гальки, щебень и гравий из других вулканитов.

Слой 3 (до 0,6 м) — суглинок желто-коричневатый, плотный и вязкий, испещренный белыми извилистыми вертикальными полосами эпигенетических

известковых стяжений, заполнивших полости бывших корней (?). Верхняя часть слоя резко срезана эрозией (стратиграфическое несогласие). Слой насыщен обломочным материалом (770 экз.), включающим дацитовые изделия, а также гальки, валуны и глыбы разных вулканитов размером до 30–50 см.

Слой 4 (до 0,3–0,4 м) — супесь светло-палевая, пятнистая от «сгнивших камней» или стяжений, с гравием и валунами вулканитов. Содержит каменные изделия.

Слой 5 (верхняя часть вскрыта на участке шурфа площадью 1 м²) — песчано-равийный, слоистый, содержит гальки и валуны, а также единичные изделия.

Обломочный материал во всех слоях, по определению геолога Э. Х. Харизяна, содержит только вулканиты. Очень большая насыщенность обломочником маломощных слоев 1 и 2 объясняется, возможно, вымывом части рыхлого заполнителя в процессе поздней склоновой эрозии. Свежие повреждения на некоторых из дацитовых обломков и изделий в слое 1 могут быть отчасти связаны с прокладкой шоссе/шоссейной дороги, расположенной в 15 м от раскопа. В целом слои 1–3 сложены, как представляется, осадками дельвиально-аллювиального генезиса. Наряду с окатанным обломочником в них залегают практически неокатанные, но в той или иной степени корродированные изделия. Степень выветрелости поверхности изделий возрастает сверху вниз. Если в слоях 1–2 она незначительна и обычно выражается в неглубокой серой патине, то в слое 3 большинство изделий подвержено сильной коррозии, частично уничтожившей даже следы обработки. Слои 4–5 можно определить как аллювиальные: изделия в них не только корродированы, но и окатаны подобно обломочному материалу.

В слое 1 к бесспорным артефактам отнесены 36 предметов, в слое 2 — 26, в слое 3 — 55, в слое 4 — 13, в слое 5 — 4. Каменные изделия в слоях 1–3 изготовлены только из дацита, в слое 4 — из дацита и других вулканитов, а в слое 5 — из четырех предметов лишь один дацитовый. Находки с разных уровней различаются не только по составу сырья и составу сырья, но и по технико-морфологическим показателям. В слоях 1–2 содержится типичный для территории Армении позднеашельский материал. Это леваллуазские нуклеусы, пластины и отщепы, сопровождаемые бифасами преимущественно сердцевидных и овальных очертаний. Коллекция из слоев 3–5 имеет совершенно иной облик: характерно нелеваллуазское расщепление с частым использованием в качестве заготовок плитчатых обломков. В составе орудий имеются чоперы, пиковидное орудие, примитивные скребла, клювовидные и зубчатые формы. Несмотря на немногочисленные пока находки в нижних слоях Мурадово, допустимо рассматривать их как проявление индустриального шаста, предшествующего позднему ашелю.

Особый интерес вызывает находка крупного (24,5×14,7×4,0 см) незаконченного обработкой ручного рубила, обнаруженного на стыке слоев 3 и 4 (рис. 3). Изготовлено оно на крупной плитке. Крутыми или почти отвесными краевыми сколами, нанесенными по всему периметру плитки, ей были приданы правильные овальные очертания, с характерным для ручных рубил расширением базального конца и сужением или приострением дистального. Краевая оббивка сформировала ударные площадки, которые мастер использовал для обработки

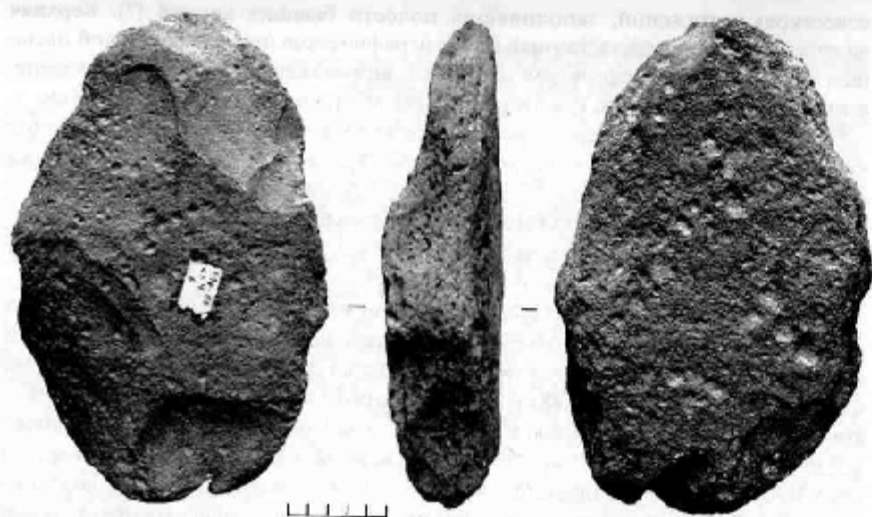

Рис. 3. Лорийский район. Мурадово. Слой 3. Крупное ручное рубило, незаконченное обработкой (?) Дацит

одной из сторон орудия крупными уплощающими снятиями. Последующие операции, которыми, по всей видимости, должны были стать срезание краевых вспомогательных площадок и обработка второй стороны с приспособлением продольных лезвий, выполнены не были.

Нестратифицированные памятники

Основные местонахождения расположены в предгорьях восточного склона Джавахетского хребта. Они приурочены к неглубоким, параллельно расположенным долинам ручьев, вытянутым в направлении движения лавовых потоков, талых ледниковых вод и селей, т. е. перпендикулярно оси хребта. Наиболее значительные сборы происходили из русловых галечников этих ручьев и тех прибрежных участков, где промолны, колесные колеи или выбитые скотом тропы разрушили современную днесьную поверхность; иногда при этом обнажалась кровля желтоватых (плейстоценовых?) суглинков. Находки, видимо, залегают неглубоко от современной поверхности. Всего на восточном склоне Джавахетского хребта было обнаружено более 20 местонахождений — с севера на юг это: Пахгахтор 1—5, Даштадем 1, 2, 4—10, Норамут 1—2, Благодарное 1—4, Севджур 1—2, на которых было собрано около 900 выразительных артефактов, включая 320 ручных рубил. Наиболее богатый подъемный материал доставили ашельские местонахождения юго-восточной части Джавахетского хребта в районах сел. Даштадем (293 изделия, в том числе 78 рубил) и сел. Благодарное (456 изделий, в том числе 214 рубил).

Материалы, собранные на местонахождениях у сел. Благодарное, по существу, соответствуют коллекциям, происходящим из слоев 1—4 Мурадово. Большинство сходно с изделиями, залегающими в слоях 1—2, и относится к

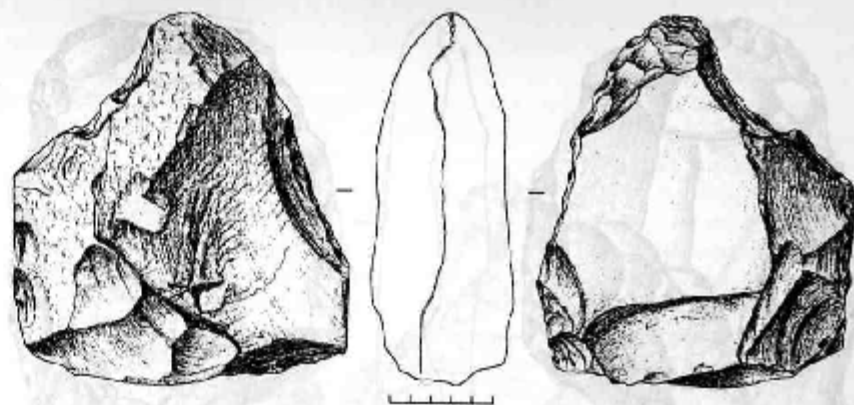

Рис. 4. Лорийский район. Местонахождение Даштадем 7. Массивное клювовидное орудие. Дацит

позднему ашелю фации леваллуа. Большинство, вымытое, по всей видимости, из более древних отложений (возможно, соответствующих слоям 3—4 Мурадово?), представлено изделиями с более выветрелой поверхностью, более примитивной техникой расщепления и грубой отделкой. Среди них представлены такие архаичные формы, как крупные и массивные, грубо оббитые ручные рубила без следов ретушной подправки лезвий, пики (Любин, Беляева 2006: рис. 22, 23, 24), своеобразные крупные орудия на плитчатых заготовках — поперечнолезвийные или клювовидные. На местонахождениях Даштадема, наряду с позднеашельским материалом, также встречена группа архаичных ашельских макроорудий: ручные рубила такого же рода, массивные цалды клювовидные, кливеровидные (рис. 4, 5) и другие орудия на плитчатых обломках и крупных сколах (Любин, Беляева 2006: 25, 27). Несколько сходных изделий были найдены на местонахождениях близ сел. Пахгахтор. Обнаруженное в том же районе ашело-мустьерское местонахождение вокруг оз. Аткалич представляет большой интерес благодаря наличию там гигантских нуклеусов на блоках вулканической породы.

Совершенно обособленно от описанных ашельских памятников — по облику, исходному сырью и условиям залегания — стоят находки в Карахачском карьере, в 3,5 км к западу—юго-западу от Мурадово. В этом месте находятся открытые разработки довольно рыхлых, как считает Э. Х. Харазян, вулканических агломератов. В осадках вскрытой карьером толщи отложений мощностью 15—20 м и непосредственно в низах этих отложений было найдено более 20 предметов, определенных В. П. Любиным и Е. В. Беляевой как артефакты — чопперы, грубые скребла и скребки, долотовидные и комбинированные орудия, нуклеусы и отщепы. Исходным сырьем здесь, согласно Э. Х. Харазяну, служил не гналодацит, а рогово-обманковый андезито-дацит — массивная порода, дающая при расщеплении почти ровный, но шероховатый или запозистый излом. По мнению Любина и Беляевой, полное отсутствие дацита, на котором базировались ашельские индустрии района, и отсутствие ручных рубил указывают, возможно, на доашельский возраст этих материалов.

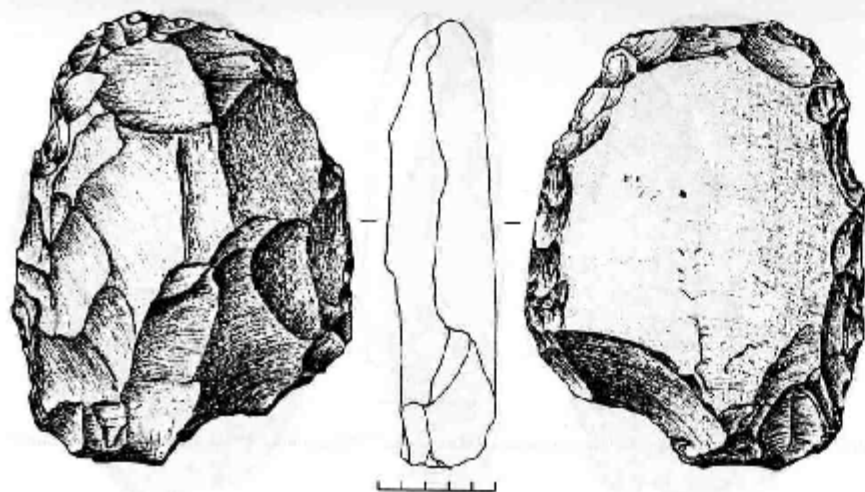

Рис. 5. Лорийский район. Местонахождение Даштадем 1. Массивное кливеровидное орудие Дацит

Архаичные по облику материалы доставил еще один карьер — Куртанский. Найденные в нем предметы, как и в Карахачском карьере, изготовлены не из дацитового сырья. Толща отложений Куртанского карьера мощностью до 20 м представляет особый интерес, поскольку осадочные породы перемежаются в ней с вулканическими. Согласно беглому визуальному определению Э. Х. Харазяна, в этом обрыве наблюдаются (сверху вниз):

- 1 — почвенный слой;
- 2 — суглинок желтоватый с вертикальной белой полосчатостью (возможный аналог слоя 3 Мурадово);
- 3 — лессовидная порода;
- 4 — темные вулканические пемзовые пески;
- 5 — лесс с бело-полосчатыми карбонатными стяжениями, как в слое 2;
- 6 — кварц-палевошпатовые пемзовые пески;
- 7 — верхнелиоценовые долеритовые базальты.

Предметы, атрибутированные Любиным и Беляевой как артефакты, были обнаружены как в осыпях стен карьера, так и непосредственно в толще «бело-полосчатого» слоя 5. Если вулканические пески, перекрывающие и подстилающие этот слой, удастся датировать, как сделано в Дманиси, то это позволит оценить и возрастную позицию куртанских находок. Они пока немногочисленны (21 экз.), но довольно представительны: чопперы, пики (рис. 6), примитивные скребки и скребла, нуклеусы и отщепы.

Из других сборов стоит отметить местонахождение на южной оконечности Джавахетского хребта над Карахачским перевалом на абсолютной высоте более 2600 м. Здесь собраны позднеашельские артефакты из гналодацита, чрезвычайно сходные с Даштадемом 3, а также изделия из обсидиана, которые могут относиться к временному интервалу от мезолита до бронзового века.

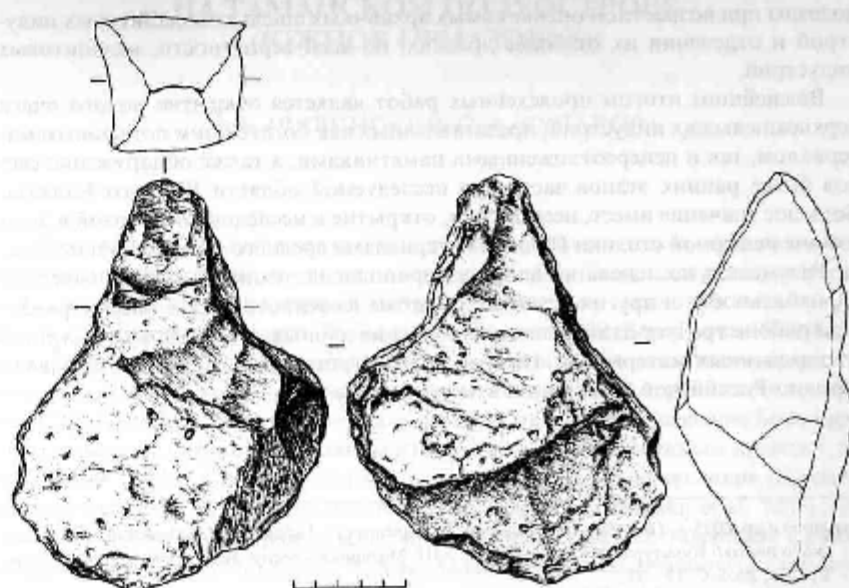

Рис. 6. Лорийский район. Куртанский карьер. Пик-квадридр (пик с четырехгранным дистальным концом). Местная вулканическая порода

* * *

Таким образом, в результате работ Армяно-Российской экспедиции 2003—2006 гг. в малоизученном Лорийском районе Армении была выявлена и ныне изучается целая группа разновременных археологических памятников. Особую ценность представляют открытия в области раннего палеолита. К известной ранее центральноармянской зоне обсидиановых ашельских индустрий (Гегамское нагорье, долина р. Раздан, массив Арагац) добавилась североармянская, или Лорийская, где сосредоточены ашельские индустрии, базировавшиеся на местном дацитовом сырье (Любин, Беляева 2005: 107—109).¹ Источниками гналодацита были новейшие лавовые вулканы, расположенные на восточном склоне Джавахетского (Кечутского) хребта. Вулкан Гайлаксар, в частности, по мнению Э. Х. Харазяна, мог снабжать дацитом ашельских обитателей благодарненских местонахождений. «В конце нижне-среднеплейстоценового вулканического этапа <...>, — отмечает Э. Х. Харазян, — в Кечутском хребте и на его восточных подножьях (между селами Ильмазту (совр. Даштадем) и Совугбулаг (совр. Пахгахлпюр)) имели место типично экстрезивные² внедрения черных гналодацитов» (Харазян 1970: 17). Извержения дацитовых лав, согласно Э. Х. Харазяну, происходили не ранее 1,0—0,8 млн л. н. Эти данные могут быть

¹ Слани-Дар, где использовалось как обсидиановое, так и дацитовое сырье, находится на стыке этих двух зон.

² Извержения вязких и малоподвижных лав.

полезны при возрастной оценке самых арханчных ашельских дацитовых индустрий и отделении их от более древних, по всей вероятности, недацитовых индустрий.

Важнейшим итогом проведенных работ является открытие нового очага верхнеашельских индустрий, представленных как богатейшим подъемным материалом, так и непереотложенными памятниками, а также обнаружение следов более ранних этапов заселения исследуемой области Южного Кавказа. Большое значение имеет, несомненно, открытие и исследование первой в этом районе пещерной стоянки Печка с материалами среднего палеолита и мезолита. Разумеется, исследование вопросов хронологии, технико-морфологической варибельности и других аспектов развития каменного века в рассматриваемом районе требует дальнейшего накопления данных и, прежде всего, стратифицированных материалов. Их получение будет являться основной задачей Армяно-Российской экспедиции в последующие годы.

Гаспарян и др. 2005 — *Гаспарян Б., Носапетян С., Саркисян Г., Габриелян И.* Каменный век Таширского плато // *Культура древней Армении*. XIII. Материалы республиканской научной сессии. Ереван, 2005. С. 17—27.

Любин, Беляева 2005 — *Любин В. П., Беляева Е. В.* Человек и каменное сырье в палеолите Кавказа // *Археоминералогия и ранняя история минералогии*. Сыктывкар, 2005. С. 107—109.

Любин, Беляева 2006 — *Любин В. П., Беляева Е. В.* Ранняя пренестория Кавказа. СПб., 2006.

Харазян 1970 — *Харазян Э. X.* Центры извержений в районе Кечутского хребта // *Известия АН Армянской ССР. Наука о земле*. Ереван, 1970. № 1. С. 15—24.

Aslanian et al. 2006 — *Aslanian S., Belyaeva E., Kolpakov E., Lyubin V., Suvorov A.* Stone Age in Northern Armenia // *Antiquity*. June 2006. Vol. 80, No. 308. Project Gallery. (<http://antiquity.ac.uk/ProjGall/aslanian%20et%20al/index.html>).

Dolukhanov et al. 2004 — *Dolukhanov F., Aslanian S., Kolpakov E., Belyaeva E.* Prehistoric Sites in Northern Armenia // *Antiquity*. September 2004. Vol. 78, No. 301. Project Gallery. (<http://antiquity.ac.uk/ProjGall/dolukhanov/>).

ВЫСТАВКА
ЖИВОПИСИ
МУЗЕЙ ДОК. ИСТОРИИ
ПРОСТАВЛЯЕТ
СВ. ДИМИТРИЙ
ВЫСТАВКА
АНДРЕЙ
— 1975

НОВЫЕ ДАННЫЕ О РАННЕМ ПАЛЕОЛИТЕ НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ (ЮЖНОЕ ПРИАЗОВЬЕ)¹

В. Е. ЩЕЛИНСКИЙ, С. А. КУЛАКОВ

Нам уже приходилось писать о том, что палеонтологическое местонахождение Синяя Балка, расположенное на северном берегу Таманского полуострова и рассматриваемое геологами и палеонтологами как стратотип таманского фаунистического комплекса (Губкин 1914; Громов 1948; Верещагин 1957; Вангенгейм и др. 1991), при ближайшем рассмотрении оказалось также археологическим памятником — раннепалеолитической стоянкой первобытного человека. Исходя из местной топонимики, мы дали этой стоянке название Богатыри (Синяя Балка). Она является одним из древнейших, если не самым древним, из известных сейчас в Восточной Европе палеолитических памятников (Щелинский и др. 2003; Щелинский, Кулаков 2005; Bosinski, Ščelinskij et al. 2003). Об этом свидетельствует прежде всего представленная на ней таманская фауна, относящаяся к эоплейстоцену. Раннепалеолитических памятников с этой фауной (хронологический интервал ее существования — 1,2—0,8 млн л. н.) у нас до сих пор не было.

Местонахождение определено как «стоянка» потому, что на нем имеется немало фрагментированных костей ископаемых млекопитающих, причем весьма ограниченного видового состава, и что самое главное — среди этих костей выявлены довольно многочисленные каменные изделия: орудия и отходы от их изготовления.

Раскопки памятника проводятся нами на протяжении уже трех полевых сезонов (2004—2006 гг.). В результате были получены не только важные археологические материалы, но сделаны также новые интересные наблюдения, касающиеся остеологических остатков и геологических условий залегания материала.

Отложения стоянки вскрыты и изучены на площади 25 м² и на глубину до 1,5 м и больше. Каменные изделия встречены на всей этой площади. Они залегают совместно с костными останками млекопитающих — рядом с ними и внутри их скоплений. Поэтому общая картина распределения костей животных и каменных изделий на местонахождении носит «стояночный» характер и очень напоминает то, что мы обычно видим на стоянках открытого типа среднего и позднего палеолита.

Однако толща отложений стоянки залегает все же не *in situ*, а в нарушенном положении. Овражно-селевая версия их происхождения, принимавшаяся ранее большинством исследователей, в настоящее время не подтверждается. Новые данные позволяют предполагать, что первоначально отложения с костями и каменными изделиями сформировались на периодически затопляемом берегу водосма, вероятнее всего, лимана, причем накапливались они довольно ди-

¹ Работа выполнена в рамках проектов РФФИ № 07-06-00127а и 07-05-10006к.

тельное время. По-видимому, можно говорить о субаквальных отложениях береговой фации. Впоследствии вся их толща вместе с залегающими под ними глинами куяльнического возраста (цоколь террасы) была поднята тектоническими или какими-то иными процессами наверх, опрокинута и поставлена на ребро. В результате этого толща деформирована, но ее первоначальная слоистая структура все же сохранилась. При этом сейчас она лучше просматривается не сверху вниз, а слева направо (рис. 1). Хорошо видно, что светлые субаквальные слоистые преимущественно песчаные отложения, залегающие с размывом на цоколе из темных глин, сменяются по разрезу более щебнистыми, скорее склоновыми отложениями. В 2006 г. к изучению стоянки подключились геологи из Геологического института РАН, что, как мы надеемся, позволит в ближайшее время прояснить ее геологическую ситуацию и точную стратиграфическую позицию в рамках таманского фаунистического комплекса.

Костный материал на стоянке встречается во всей толще отложений, но основная концентрация его отмечается в ее средней части. В основании, вблизи цоколя (слева по разрезу) и вверху толщи (крайняя правая часть разреза) он малочисленный, причем в базальной части иногда окатанный и покрыт толстой прочной известково-песчаной и известково-песчано-щебневой «рубашкой». Какая-либо сортировка костей по размерам, типам обломков, видам животных отсутствует. Сходным образом распределяется и археологический материал. Вместе с тем для стоянки характерна удивительно высокая выборочность костей по систематическому составу: 93% их принадлежит слонам и эласмотериям. При этом представлены животные разного возраста. Это хорошо показал в свое время Н. К. Верещагин, сравнивая состав млекопитающих из двух основных местонахождений с таманской фауной на Таманском полуострове — Цимбала и Синея Балка (Верещагин 1957: 67). Наши исследования подтверждают данные Н. К. Верещагина о доминировании в Богатырях (Синея Балка) слонов и эласмотериев (Щелинский, Байгушева и др. 2006: 356). Наличие в составе фауны многочисленных эласмотериев явно указывает на степные ландшафты и засушливый климат во время существования стоянки.

Следует напомнить, что именно из данного местонахождения происходят голотипы кавказского эласмотерия *Elasmotherium caucasicum Borissiak* (Борисяк 1914) и таманского слона *Archidiskodon meridionalis tamanensis Dubrovo* (Дуброво 1964), что и определяет эоплейстоценовый возраст памятника. Не исключено, что на этом же местонахождении может быть выделена также примитивная форма трогонтериевого слона, сосуществовавшего с таманским слоном (Lister et al. 2005: 62).

Как уже отмечалось, многие кости на стоянке в той или иной степени фрагментированы, хотя характер фрагментации зачастую не вполне ясен, так как кости в основном плохой сохранности. Вполне вероятно, что они были разбиты человеком. Об этом позволяет говорить контекст находок — среди костей залегают не только выраженные орудия, но и довольно крупные, тяжелые, угловатые камни с незначительной обработкой и со следами изношенности, скорее всего, от использования этих предметов в качестве орудий для кромсания туш и разбивания костей. Однако в слое немало и почти целых костей. В ходе раскопок обнаружены, например, кости значительной части скелета эласмотерия, залегавшие в близком к анатомическому порядке (Щелинский, Байгушева и др. 2006: 355).

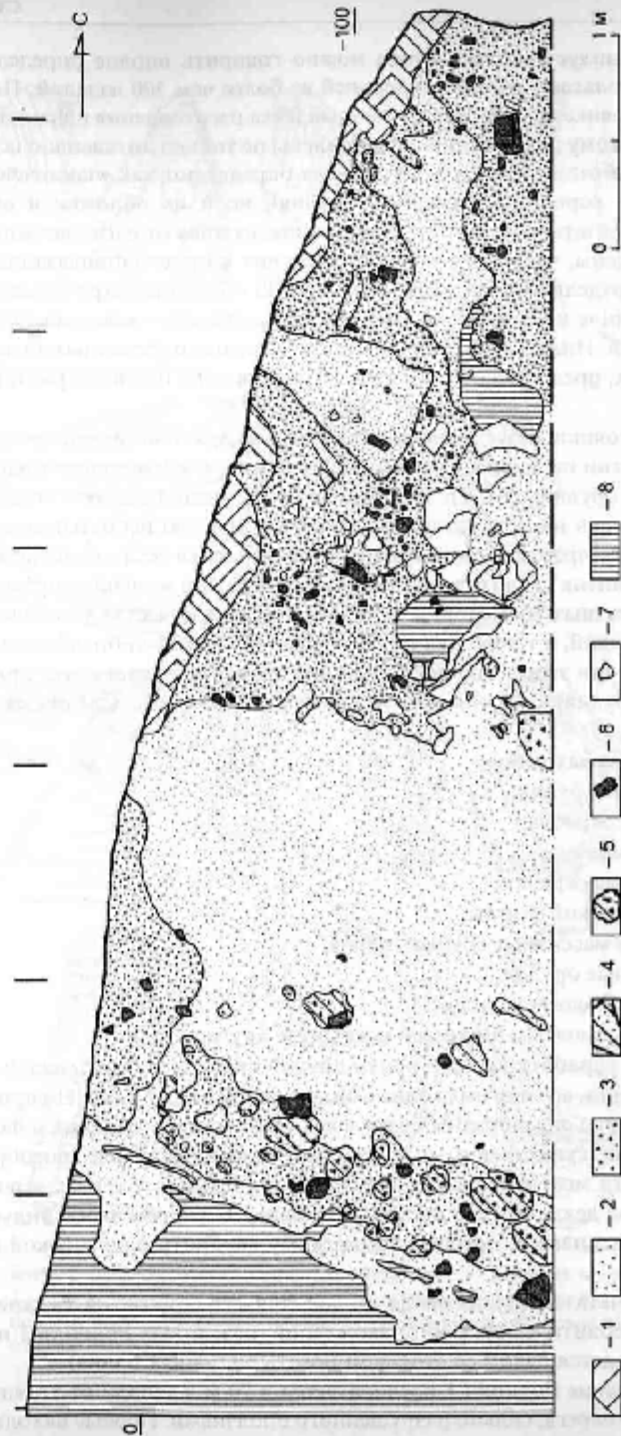

Рис. 1. Богатыри (Синея Балка). Разрез отложений по западной стенке раскопа 2006 г. 1 — смелаяная глина; 2 — песок; 3 — щебень и гравийная брекчия с песком; 4 — прочные известково-песчаные образования; 5 — прочные окатанные куски песчано-глинистой брекчи с обломками костей, покрытые песчанно-известковой рубашкой; 6 — камень; 7 — кость; 8 — плотная темно-серая глина

О каменной индустрии памятника можно говорить вполне определенно, так как мы располагаем сейчас коллекцией из более чем 300 изделий. По ним видно, что на стоянке осуществлялся полный цикл изготовления и использования орудий. Поэтому в коллекции представлены не только интенсивно использованные и обработанные орудия (их иногда определяют как «законченные», морфологически хорошо выраженные орудия), но и их обломки и орудия аморфные, так сказать, разового использования, отходы от изготовления орудий (мелкие отщепы, чешуйки), заготовки для них и просто принесенные или взятые на месте отдельности каменного сырья. На облик индустрии, несомненно, оказало влияние и первичное каменное сырье, использовавшееся для производства орудий. Индустрия базировалась на местных кремневых алевролитах и песчаниках, представленных в виде обломков плит и плиток разной толщины.

Индустрия стоянки, безусловно, является весьма архаичной, что проявляется как в технологии первичного расщепления камня, так и в приемах изготовления и формах орудий (рис. 2). Технология расщепления камня в этой индустрии основывалась на использовании почти полностью неподготовленного нуклеуса. Широко практиковалась также специфическая технология простого раскалывания плиток и плит сырья с целью откалывания от них грубых массивных сколов разных размеров, использовавшихся в качестве заготовок для разного рода орудий, а также в качестве орудий без какой-либо дополнительной обработки. При этом в составе инвентаря органично сочетаются крупные орудия (макроорудия) и орудия мелкие и даже миниатюрные. Среди них выделяются:

- чопперы разных типов;
- пиковидные орудия;
- массивные скребла;
- легкие скребла;
- нуклевидные скребки;
- скребки высокой формы;
- небольшие массивные грубые острия;
- кленовидные орудия;
- орудия с зубчатым лезвием;
- орудия с выемчатым лезвием и некоторые другие.

По способам обработки и категориям орудий индустрия Богатырей (Синей Балки), несомненно, во многом сходна с олдувайской индустрией. Но при этом мы видим в ней ряд своеобразных черт в технологии изготовления и формах орудий. Очевидно, существенными факторами, влиявшими на ее своеобразие, были особенности местного каменного сырья для орудий, а также, вероятно, конкретные виды деятельности людей на стоянке. С учетом этого индустрия стоянки относится нами к особому таманскому варианту олдувайской индустрии.

Важным результатом наших работ явилось также открытие на Тамани двух новых раннепалеолитических местонахождений, названных Родники 1 и Родники 2. Оба находятся рядом со стоянкой Богатырей (Синяя Балка).

Местонахождение Родники 1 располагается в 70 м к западу от стоянки на склоне морского берега, сильно разрушенного оползнями. Первые находки ка-

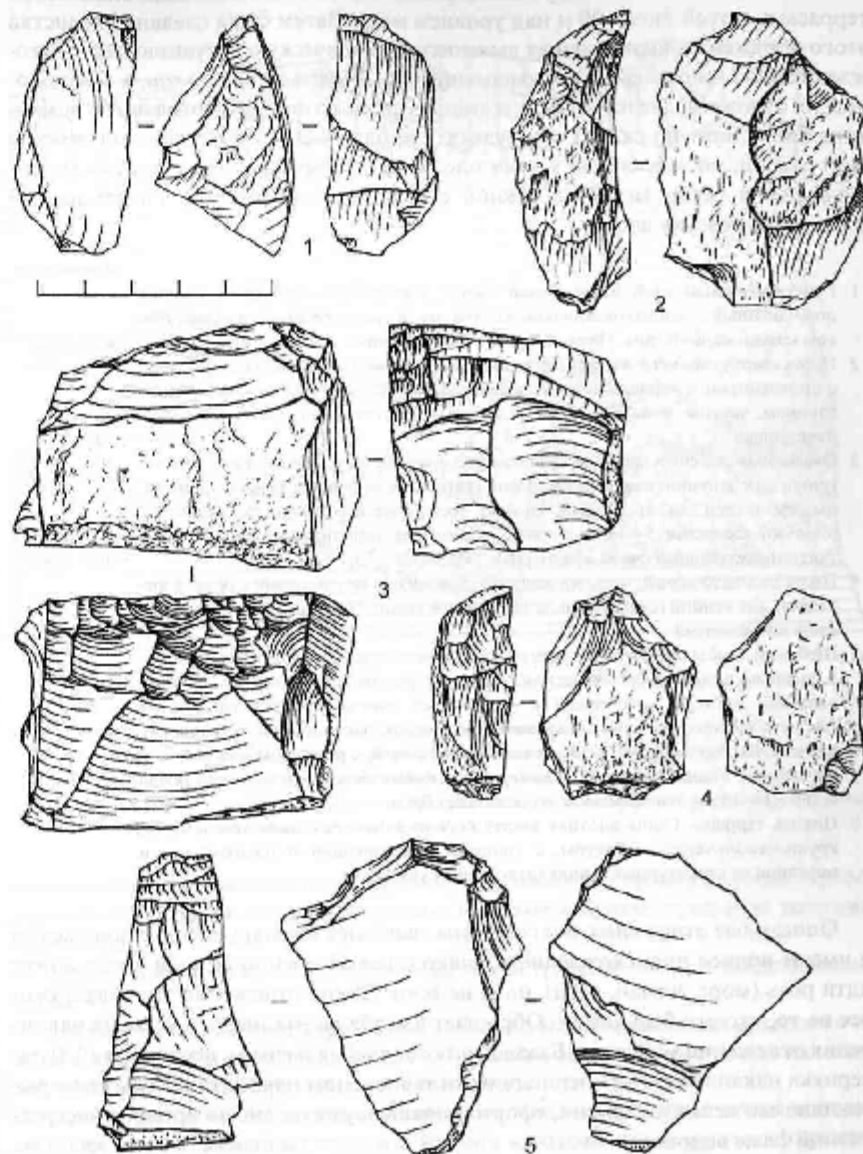

Рис. 2. Богатыри (Синяя Балка). Орудия из алевролита: 1 — острие на отщеповидном сколе; 2 — кленовидное орудие на отщепе; 3 — нуклевидное скребло; 4 — острие с обработкой по всему периметру на куске плитки; 5 — скребок высокой формы на фрагменте толстого отщепы

менных изделий были обнаружены в осыпи и в свежем обнажении оползневой террасы высотой около 20 м над уровнем моря. Затем была сделана расчистка этого обнажения, позволившая выяснить геологическую ситуацию местонахождения. Она ясно показала, что каменные изделия залегают *in situ*, а включающие их отложения не нарушены, а лишь несколько перемещены в виде громадного блока вниз по склону в результате оползня. Это же подтвердил небольшой раскоп, поставленный у края оползневой террасы. Стратиграфия местонахождения четко видна на южной стенке раскопа (рис. 3). Разрез на ней следующий (сверху вниз):

	Мощность, м
1 Гумусированный слой современной почвы. Супглиок темно-серый, легкий, опесчаненный, с многочисленными кротовинами, заполненными желтым песком нижележащего слоя. Нижний контакт постепенный	0,25—0,35
2 Песок сверху серовато-желтый, ниже желтый с синими пятнами и ожелезнением, с кротовинами и червоточинами, заполненными темным гумусированным супгликом, чистый, отмытый, неясно слоистый. Контакт с нижележащим слоем отчетливый	0,7—1,0
3 Окатанный щебень и дресва в основном песчаников с серовато-желтым песчано-глинистым заполнителем и окатышами плотной коричневой и темно-серой глины, составляющей цоколь террасы. Щебень преимущественно мелкий, единичные обломки достигают 5—10 см в поперечнике. Слой тонкий, прерывистый. Контакт с нижележащим слоем отчетливый, неровный	0,1—0,15
4 Песок сизовато-серый, местами желтый, горизонтально слоистый, с редкой щебенкой, уложенной горизонтально на широкие грани. Переход к нижележащему слою постепенный	0,1—0,2
5 Щебень и глыбы песчаников и мергелей с сизовато-серым, местами рыжим, ожелезненным разнозернистым песком, содержит редкие мелкие гальзы, а также окатыши плотной коричневой и темно-серой глины, образующей цоколь террасы. Обломочный материал слабо окатанный, часто сильно выветрелый, ломкий. Контакт с нижележащим слоем отчетливый, с разрывом и глубокими карманами. Толщина слоя неравномерная, на повышенных участках цоколя она всего 0,1—0,15 м, в понижениях его достигает 0,5 м	
6 Цоколь террасы. Глина плотная сверху коричневатая-серая, ниже темно-серая, крупнопочеччатой структуры, с сильным ожелезнением и пленкой окиси марганца на структурных гранях (отложения кувальника)	

Описанные отложения, без сомнения, залегают в ненарушенном положении и имеют водное происхождение. Однако о какой именно водной среде может идти речь (море, лиман, река), пока не ясно. Облик отложений указывает скорее на то, что это был лиман. Обращает на себя внимание, что условия накопления отложений менялись. Базальный слой щебня и глыб с песком (слой 5) наверняка накапливался на периодически заливаемом пляже, тогда как перекрывающие его пески, очевидно, сформировались уже на дне во время трансгрессивной фазы водоема.

О возрасте отложений судить пока сложно. Необходимы комплексные геологические и археологические исследования местонахождения, в ходе которых и можно будет установить его точную позицию в геохронологической шкале.

Культурные остатки местонахождения залегают преимущественно в основании описанной толщи — в базальном слое щебня и глыб с песком (слой 5). Причем находки концентрируются главным образом в самом нижнем 10—20-сантиметровом горизонте этого слоя на контакте с глиной цоколя террасы. Не-

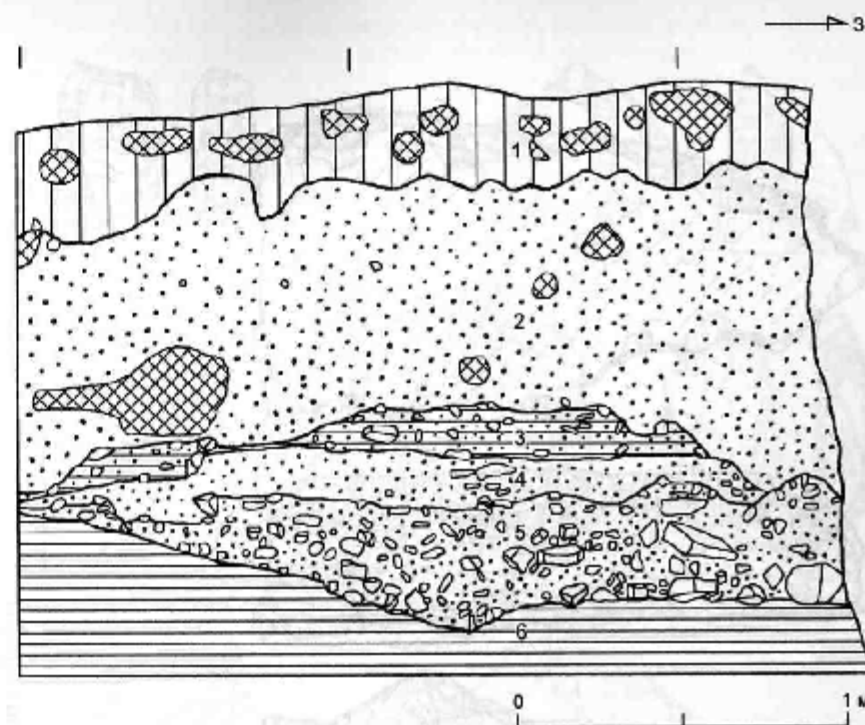

Рис. 3. Родники 1. Разрез отложений по южной стенке раскопа 2005 г.: 1 — гумусированный слой современной почвы; 2 — песок серовато-желтый и желтый; 3 — окатанный щебень и дресва с серовато-желтым песчано-глинистым заполнителем; 4 — песок сизовато-серый с редким окатышами щебнем; 5 — щебень и глыбы с сизовато-серым песком; 6 — плотная коричневатая-серая и серая глина

которые находки были даже погружены в эту глину на глубину до 10 см. Археологический материал не отсортирован, крупные и мелкие предметы залегают совместно.

Единичные мелкие и окатанные изделия встречены также в вышележащих слоях 4 и 3.

Для местонахождения характерен довольно многочисленный археологический материал. Однако представлен он главным образом каменными изделиями. Костные остатки практически отсутствуют.

Археологическая коллекция местонахождения в настоящее время состоит из более чем 250 каменных изделий. Все они изготовлены из местных кремне-песчаных алевритов и песчаников, т. е. из такого же сырья, какое использовалось на стоянке Богатыри (Синяя Балка). Изделия разнообразны, среди них, наряду со скелами, много орудий с вторичной обработкой, в том числе весьма выразительных (рис. 4).

По предварительным наблюдениям индустрия Родников 1 по технико-типологическим признакам очень близка индустрии Богатырей (Синей Балки), отличаясь от нее лишь более широким спектром форм орудий. Возможно, это

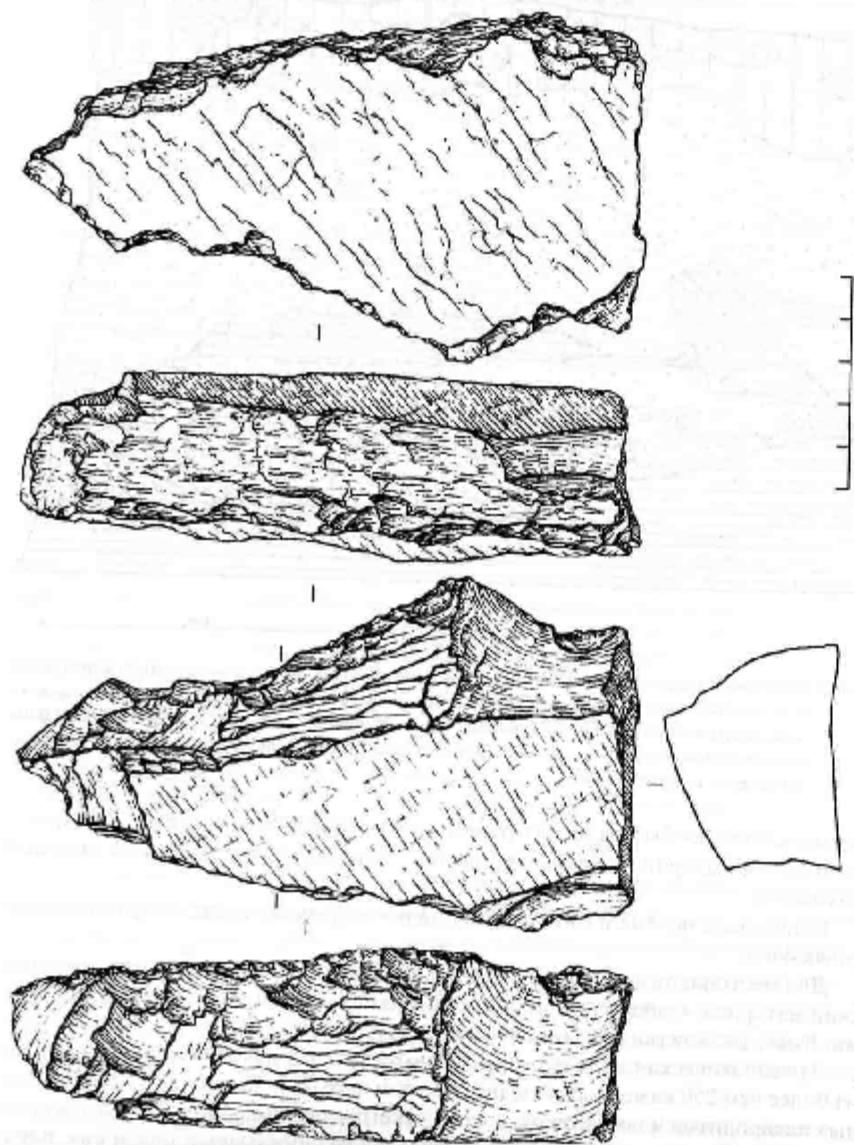

Рис. 4. Родники 1. Пиксельное орудие на толстой плитке из алевролита

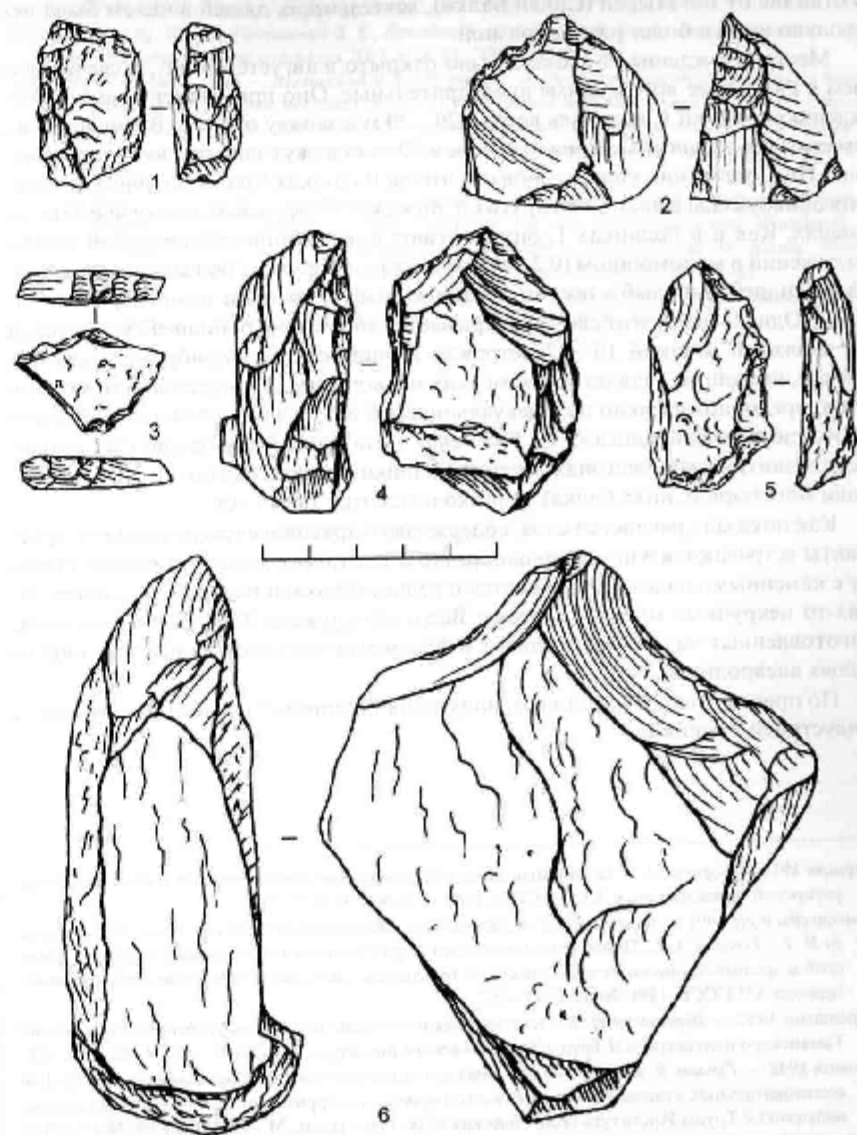

Рис. 5. Родники 2. Орудия из алевролита: 1 — мелкое скребло на обломке плитки; 2 — клыковидное орудие на фрагменте массивного отщепе; 3 — мелкое орудие с зубчатым лезвием почти по всему периметру; 4 — острое на обломке плитки; 5 — клыковидное орудие на обломке плитки; 6 — чоппер односторонний со стрельчатым лезвием на плитке

хронологический показатель, хотя не исключено также, что в Родниках 1, в отличие от Богатырей (Синей Балки), деятельность людей в целом была несколько иной и более разнообразной.

Местонахождение Родники 2 было открыто в августе 2006 г., и сведения о нем в настоящее время самые предварительные. Оно примыкает к местонахождению Родники 1, находясь всего в 20—30 м к западу от него. Возможно, мы имеем дело с одним местонахождением. Это покажут дальнейшие исследования. Пока же можно констатировать, что на Родниках 2 палеолитические изделия обнаружены в несколько других и, пожалуй, более ясных геологических условиях. Как и в Родниках 1, они залегают в основании субаквальной толщи отложений в маломощном (0,3—0,5 м) базальном слое из более или менее окатанного щебня и глыб с песком, подстилаемым плотными темно-серыми глинами. Однако здесь этот слой перекрывается хорошо сохранившейся, нигде не сползшей мощной 10—12-метровой толщей светлых прибрежно-морских песков, имеющих, судя по фауне мелких млекопитающих и раковинам моллюсков, предположительно позднекуальникский возраст (2—1,8 млн лет) (устное сообщение палеонтолога А. С. Тесакова). Если это действительно так, то раннепалеолитическое местонахождение Родники 2 может оказаться древнее стоянки Богатыри (Синяя Балка) на несколько сотен тысяч лет.

Как показала расчистка слоя, содержащего археологические находки, артефакты встречаются в нем довольно редко и залегают в рассеянном виде. Наряду с каменными изделиями, имеются и редкие обломки расколотых костей каких-то некрупных млекопитающих. Всего обнаружено 32 каменных изделия, изготовленных на обломках плиток и фрагментах отщепов из местных кремней и алевролитов (рис. 5).

По предварительным данным, индустрия Родников 2 имеет много общего с индустрией Родников 1.

Барняк 1914 — Барняк А. А. О зубном аппарате *Elastotherium caucasicum* n. sp. // Известия Императорской Академии наук. Сер. 6. СПб., 1914. Т. 8. № 9. С. 555—584.

Вангенгейм и др. 1991 — Вангенгейм Э. А., Векун М. Л., Жегалло В. И., Певзаер М. А., Такликашвили И. Г., Тесаков А. С. Положение таманского флувиотического комплекса в стратиграфической и магнитохронологической шкалах // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода АН СССР. 1991. № 60. С. 41—52.

Верещагин 1957 — Верещагин Н. К. Остатки млекопитающих из нижнечетвертичных отложений Таманского полуострова // Труды Зоологического института АН СССР. 1957. Т. 22. С. 9—49.

Громов 1948 — Громов В. И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит) // Труды Института геологических наук. Геол. серия. М., 1948. Вып. 64. № 17. 521 с.

Губкин 1914 — Губкин И. М. Заметка о возрасте слоев с *Elastotherium* и *Elephas* на Таманском полуострове // Известия Императорской Академии наук. Сер. 6. СПб., 1914. Т. 8. № 9. С. 582—590.

Дуброво 1964 — Дуброво И. А. Стопы рода *Archidiskodon* на территории СССР // Палеонтологический журнал. 1964. № 3. С. 82—94.

Щелинский, Байгуллева и др. 2006 — Щелинский В. Е., Байгуллева В. С., Кулаков С. А., Титов В. В. Раннепалеолитическая стоянка Богатыри (Синяя Балка): памятник начальной поры освоения первобытным человеком степной зоны Восточной Европы // Позднекайнозойская геологическая история севера аридной зоны. Кайнозойский мониторинг природных событий аридной

зоны юга России: Материалы международного симпозиума. Ростов-на-Дону/Азов, 26—29 сентября 2006 г. Ростов-на-Дону, 2006. С. 353—360.

Щелинский и др. 2003 — Щелинский В. Е., Босински Г., Кулаков С. А. Исследования палеолита Кубани // Археологические открытия 2002 года. М., 2003. С. 265—267.

Щелинский, Кулаков 2005 — Щелинский В. Е., Кулаков С. А. Раннепалеолитическая стоянка Богатыри (палеонтологическое местонахождение Синяя Балка) на Таманском полуострове: результаты исследований 2003—2004 годов // Проблемы палеонтологии и археологии юга России и сопредельных территорий: Материалы международной конференции. Ростов-на-Дону, 2005. С. 116—118.

Bosinski, Ščelinskij et al. 2003 — Bosinski G., Ščelinskij V. E., Kulakov S. A., Kindler L. Bogatyri (Sinaja Balka) — Ein altpaläolithischer Fundplatz auf der Taman-Halbinsel (Rusland) // Erkenntnisjäger. Kultur und Umwelt des frühen Menschen. Festschrift für D. Mania. Veröffentlichungen des Landesamtes für Archäologie. Halle; Saale, 2003. Bd 57/1. S. 79—89.

Lister et al. 2005 — Lister A. M., Sher A. V., Essen H., Wei G. The pattern and process of mammoth evolution in Eurasia // Quaternary International. 2005. Vol. 126—128. P. 49—64.

О ВОЗМОЖНЫХ СЛУЧАЯХ КУЛЬТУРНОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ МЕЖДУ *HOMO NEANDERTHALENSIS* И *HOMO SAPIENS*

Л. Б. ВИШНЯЦКИЙ

Проблема и предлагаемый путь ее решения

Люди современного анатомического типа сформировались в Африке уже по крайней мере к концу среднего плейстоцена, а в середине позднего плейстоцена, примерно 60—65 тыс. л. н., они начали осваивать обширные пространства Евразии. Первая и основная волна экспансии *Homo sapiens* за пределы их прародины исходила, по всей видимости, из области Африканского Рога (Tishkoff, Williams 2002: 613, 615) и была направлена на восток. Прокатившись через южные районы Азии, она достигла в итоге Австралии (Оппенгеймер 2004; Forster, Matsumura 2005; Macaulay et al. 2005), и произошло это около 45—50 тыс. л. н. В Европе, коренное население которой составляли неандертальцы, люди современного анатомического типа впервые появились, по-видимому, где-то в интервале от 35 до 40 тыс. л. н. В течение последующих 10 тыс. лет они заселили почти весь этот континент и начали проникать в северные районы Азии. Ареал *Homo neanderthalensis* по мере распространения *Homo sapiens* все более и более сокращался и в конце концов распался на ряд небольших изолированных областей. Последние представители этой формы гоминид продолжали обитать на крайнем западе Европы и, вероятно, еще в каких-то районах (на Балканах, возможно, в Крыму) почти до самого конца интерпленигляциала (кислородно-изотопная стадия 3). Наиболее поздние из найденных до сих пор останков неандертальцев имеют возраст около 30—32 тыс. лет (Higham et al. 2006).

Происходило ли в процессе колонизации Евразии людьми современного анатомического типа смешение автохтонного и пришлого населения? Какого рода характер носили контакты *Homo sapiens* и *Homo neanderthalensis*? Были ли, в конце концов, между ними вообще хоть какие-то контакты? Исследователи, как водится, расходятся во мнениях по всем этим вопросам. Ни антропологические материалы, ни данные палеогенетики не позволяют однозначно определить, имела ли место гибридизация или нет, а находки на памятниках, оставленных неандертальцами, изделий, привычно ассоциируемых с *Homo sapiens*, и наоборот, не настолько специфичны и многочисленны, чтобы служить неопровержимым доказательством культурных заимствований. Однако помимо поиска частных биологических или археологических признаков генетического и культурного обмена, которые, даже будучи обнаруженными, свидетельствовали бы лишь о разовых контактах, есть и иная возможность решения рассматриваемой проблемы — возможность, на которую почему-то до сих пор обращали мало внимания. Она заключается в выявлении случаев вероятной культурной преемственности между неандертальцами и *Homo sapiens*, т. е. таких случаев, когда имеются веские основания предполагать, что носителями одной и той же традиции на разных этапах ее существования были представители обеих этих форм гоминид. Если хотя бы для одной культурной традиции уда-

ется показать, что, возникнув первоначально среди неандертальцев, она продолжала затем свое существование и среди сменивших их людей современного анатомического типа, то это будет самым серьезным аргументом в пользу контактов — причем длительных и неантагонистических — между первыми и вторыми, какой только можно себе представить.

В этой статье рассматриваются два возможных случая культурной преемственности между неандертальцами и *Homo sapiens*. Один из них представлен секвенцией позднее левантийское мустье — эмиран — ахмар, а второй — секвенцией восточный микок — стрелецкая культура. Основное внимание уделяется первому примеру как менее разработанному. Анализ археологических материалов предпослан раздел, в котором кратко суммированы результаты антропологических и генетических исследований по проблеме гибридизации между *Homo neanderthalensis* и *Homo sapiens*.

Антропологические и палеогенетические данные

Приняли ли неандертальцы какое-то участие в формировании позднейшего палеолитического населения Европы, или же они исчезли с лица земли, не оставив абсолютно никакого следа в генофонде тех, кто пришел им на смену? Ни сопоставление размаха внутри- и межвидовой вариативности у разных групп приматов, включая неандертальцев и людей современного анатомического типа, ни результаты палеогенетических исследований, ни анализ палеоантропологических материалов не дают однозначного ответа на этот вопрос.

Сравнительными краниологическими исследованиями было показано, что по основным метрическим параметрам черепа *Homo neanderthalensis* и *Homo sapiens* различаются между собой больше, чем черепа современных людей разных рас (включая людей верхнего палеолита), а также черепа горилл, шимпанзе, павианов и макак разных подвидов и видов. Результаты этих работ, по мнению их авторов, подтверждают точку зрения, согласно которой неандертальцы должны рассматриваться как обособленный биологический вид, отделенный от *Homo sapiens*, возможно, и не совсем непроницаемым, но все же труднопреодолимым барьером репродуктивной изоляции (Schillaci, Froehlich 2001; Harvati et al. 2004). Однако если судить по аналогии с некоторыми современными приматами, то может показаться вполне вероятным, что, несмотря на внешние различия, вообще все виды рода *Homo*, включая современных людей и неандертальцев, потенциально были интерфертильны, т. е. способны скрещиваться и давать при этом плодовитое потомство. Такая ситуация зафиксирована, например, для рода *Papio* (павианы), скрещивающиеся, но морфологически заметно различающиеся между собой виды которого дивергировали около 1,7 млн л. н. (Holliday 2003). Более того, в отдельных случаях плодовитое потомство появляется и в результате скрещивания приматов разных родов, в частности, таких как *Theropithecus* (гелады) и *Papio* (см., например: Фридман 1979: 162).

По-разному можно интерпретировать и палеогенетические данные. К концу 2006 г. пригодные для анализа участки ДНК удалось извлечь более чем из 15 неандертальских костей и зубов, и результаты изучения как минимум 12 таких образцов были опубликованы. Они происходят со следующих пещерных стоянок: Фельдхофер (2 кости), Виндия (3 кости), Анжи, Ля Шапель-о-Сен,

Эль Сидрон, Рош де Вилленев, Складина, Монте Лессини, Мезмайская, Тешик-Гали. Кроме того, генетический материал был получен и из нескольких костей *Homo sapiens* ранней поры и середины верхнего палеолита (Младеч 2 и 25С, Пальиччи 25 и 12, Сунгирь и ряд других). Сопоставление последовательностей нуклеотидов в ДНК неандертальцев и современных людей позволило установить, что разница между первыми и вторыми в три с лишним раза превышает генетическое расстояние между ныне существующими расовыми группами человека (Krings et al. 1997; 2000). Сравнение аналогичных участков цепей ДНК поздних *Homo neanderthalensis*, верхнепалеолитических *Homo sapiens* и современных людей показало, что если между последними двумя группами, несмотря на хронологический разрыв в 20 с лишним тыс. лет, нет сколько-нибудь заметных различий, то неандертальцы явно стоят особняком. В частности, от людей из грота Пальиччи, живших 23–25 тыс. л. н., их отделяет такая же генетическая дистанция, как и от современных людей (Caramelli et al. 2003). Ни один из изученных до сих пор образцов ДНК *Homo sapiens* — современных и палеолитических — не дал последовательности, типичной для неандертальцев (Serre et al. 2004), а все неандертальцы, из какой бы части Европы ни происходили их останки и какими бы временем ни датировались,¹ оказались в генетическом плане весьма сходны между собой (Krings et al. 2000; Lalueza-Fox et al. 2005; 2006; Orlando et al. 2006). Тем не менее, по мнению большинства генетиков, имеющиеся данные не исключают полностью вероятность гибридизации между людьми современного физического типа и неандертальцами, а лишь свидетельствуют о том, что вклад последних в генофонд *Homo sapiens* был, скорее всего, весьма ограничен. Впрочем, количественные оценки возможной степени гибридизации могут очень сильно различаться, варьируя от 0,1 до 25% (ср. Serre et al. 2004 и Currat, Excoffier 2004). Более того, в самое последнее время в геноме как неандертальцев (Green et al. 2006), так и современных людей (Evans et al. 2006) были выявлены некоторые особенности, которые, по мнению описавших их исследователей, проще всего объясняются, если допустить вероятность обмена генетическим материалом между этими группами гоминид.

Наиболее правдоподобной кажется так называемая ассимиляционная модель, сторонники которой, признавая африканское происхождение *Homo sapiens*, предполагают, что в процессе расселения последних за пределы их прародины имела место скорее хотя бы частичная ассимиляция, нежели полная аннигиляция автохтонного населения других регионов. Эта модель базируется, прежде всего, на анализе палеоантропологических материалов. Что касается неандертальцев, то, действительно, ряд общих черт в морфологии; представителей этого вида и ранних анатомически современных европейцев позволяет предполагать, что их сосуществование сопровождалось хотя бы незначительной гибридизацией (Козинцев 2003; Wolpoff et al. 2004; Smith et al. 2005; Trinkaus 2005; 2006; Zilhão 2006). Особенно показательное то обстоятельство, что на черепах европейских *Homo sapiens* ранней поры верхнего палеолита бывают довольно отчетливо выражены некоторые признаки, отсутствующие или крайне редкие у первых африканских и ближневосточных представителей нашего вида, но обычные для неандертальцев. Это, например, значительный среднелицевой прогнатизм и

¹ Возраст неандертальских костей, давших генетический материал, варьирует от 100 (Складина) до 30 тыс. лет (Виндия).

пальчике хорошо выраженного затылочного валика. В частности, последний отмечен на 80% (8 из 10) черепов европейских неандертальцев и 68% (13 из 19) черепов верхнепалеолитических людей современного физического типа Европы, но ни разу не зафиксирован ни на черепах людей из Скул и Кафзех, ни на черепах ранних *Homo sapiens* Африки (Smith et al. 2005: tabl. 2). Факты такого рода свидетельствуют в пользу присутствия неандертальского анатомического компонента у европейцев ранней поры верхнего палеолита, наиболее простым и правдоподобным объяснением чего является гибридизация.

В свете археологических данных допущение возможности гибридизации и вообще неантагонистических контактов между неандертальцами и людьми современного анатомического типа выглядит вполне приемлемым. Во всяком случае, оно позволило бы объяснить те несколько случаев, когда есть основания предполагать, что носителями одной и той же традиции на разных этапах ее развития были гоминиды разного типа. Ниже такая возможность рассматривается применительно к некоторым индустриям, существовавшим в конце средне-го и начале верхнего палеолита на Ближнем Востоке и на Русской равнине.

Археологические данные: Ближний Восток

На Ближнем Востоке непрерывное развитие одной традиции может быть прослежено с конца среднего до середины верхнего палеолита, т. е. от финального левантийского мустье через эмиран к ахмару. Наиболее важным звеном этой последовательности является звено связующее, т. е. эмиран. Его технология на ранних стадиях еще не выходит за рамки изменчивости, свойственной левантийскому мустье, но орудийный набор изначально включает довольно многочисленные скребки и резцы, а также ряд специфических типов каменных артефактов, таких как леваллуазские острья с бифасиальным утончением основания (эмирейские острья) и изделия с поперечной фаской (*pièces à chanfrein*). Все основные технологические и типологические элементы этой индустрии вполне отчетливо представлены в среднем палеолите Ближнего Востока. Даже оба ее руководящих типа — эмирейские острья (рис. 1) и орудия с поперечной фаской (рис. 2) — хоть и нечасто и еще не в классической своей форме, но все же встречаются в позднем мустье региона (табл. 1).² Правда, для Эль-Вада и Кзар Акила нельзя исключить вероятность попадания таких вещей в мустьерские слои из верхнепалеолитических, но для Кеуз и Шуббабика такая возможность, по-видимому, исключена, поскольку верхнего палеолита на этих памятниках нет. Можно обратить внимание и на то обстоятельство, что оба *pièces à chanfrein* из 26-го слоя Кзар Акила сделаны, подобно подавляющему большинству орудий этого мустьерского комплекса, на широких ошцепах (рис. 2: 4, 5), тогда как почти все вещи данного типа, происходящие из верхнепалеолитических слоев, оформлены на удлинненных заготовках (рис. 2: 1–3).

² Но не в Амуде, где Х. Ватанабе выделил множество *pièces à chanfrein*, приняв за них обломки пластин с ретулью. Его определение используется в некоторых позднейших работах (см., например, Коробков 1978: 76–78), хотя еще в 1950-е гг. М. Ньюкамер отметил, что вещи, изображенные на рисунках в статье Ватанабе, не являются *pièces à chanfrein* (Newcomer 1968—1969: 180). Позднее Э. Ховерс, работавшая с коллекцией, подчеркивала полное отсутствие орудий с поперечной фаской во всех без исключения слоях Амуды (Hoovers 1998: 151).

Таблица 1

Встречаемость эмирейских острий и изделий с поперечной фаской в позднемезолитских (выделено жирным шрифтом) и ранних верхнепалеолитических комплексах Ближнего Востока¹

Памятник, слой	Эмирейские острия	Изделия с поперечной фаской	Всего вещей со вторичной обработкой
Шуббабик	2	—	178
Эль-Вад, F	3	—	400
Эль-Вад, G	2	—	319
Эмирах	7	—	295
Кафзах, E	2	—	—
Сефулим, D	1	—	—
Эт Таббан, B	1	—	—
Кебара, E (III—IV) ⁴	≥ 2	—	—
Бокер Тахтит, 3	1	—	19
Бокер Тахтит, 2	14	—	229
Бокер Тахтит, 1	3	—	78
Ракефет, VI	1	—	—
Ракефет, VII	—	1	—
Кеуз	≥ 1(?)	1	87
Кзар Акил, 19—17	—	5 (n) ²	—
Кзар Акил, 20	—	5 (n)	—
Кзар Акил, 21	—	7 (n)	—
Кзар Акил, 22	—	40 (r) + 228 (n)	241 (r)
Кзар Акил, 23	—	36 (r) + 263 (n)	143 (r)
Кзар Акил, 24	—	55 (n)	—
Кзар Акил, 25	1 (n)	27 (n)	—
Кзар Акил, 26	—	2 (r)	173
Абу Халка, 4e	2	40	183
Абу Халка, 4f	4	26	113
Ангелиас, V	1 (VI—V?)	73	194
Ючагизли, I	—	Есть	—

По смещению и частоте встречаемости руководящих типов орудий эмиран можно разделить на ранний, средний и поздний. Для раннего этапа обычны эмирейские острия, тогда как изделия с поперечной фаской совсем или почти не встречаются (Бокер Тахтит, 1—3; возможно также Эль-Вад, F; Эмирах и еще ряд комплексов). Затем, наоборот, *pièces à chanfrein* становятся едва ли не преобладающей группой орудий, а эмирейские острия сначала отходят по сравнению с ними на задний план (Кзар Акил, 25; Абу Халка, F—E), а потом и вовсе исчезают (Кзар Акил, 24—22; Ангелиас V; Ючагизли, I—H).⁵ На следующей фазе (поздний эмиран) орудия с поперечной фаской почти перестают встре-

¹ Где возможно, указано общее число вещей со вторичной обработкой в коллекции (по Garrod 1951; 1955; Valford 1966; Newcomer 1968—1969; Copeland 1970; 2001; Azouy 1986; Marks, Kaufman 1983; Volkman, Kaufman 1983; Kuhn 2004; Сарель 2005 и данным автора).

² Отложения Кебары, обозначенные Д. Гаррод как слой E, по номенклатуре, принятой современными исследователями памятника, соответствуют слоям III—IV (Bag-Yusef et al. 1996).

³ Цифры для слоев 17—21, 24 и 25 относятся лишь к лондонской (n) части коллекции Кзар Акила (по Newcomer 1968—1969), цифры для слоя 26 — лишь к гарвардской (r) части (подсчеты автора), а для слоев 22—23 — к обеим частям.

⁴ Выделение среднего эмирана носит пока сугубо гипотетический характер. Если окажется, что относимые к нему памятники в действительности не моложе тех, что зачислены здесь в ранний эмиран, то две эти стадии придется объединить в одну.

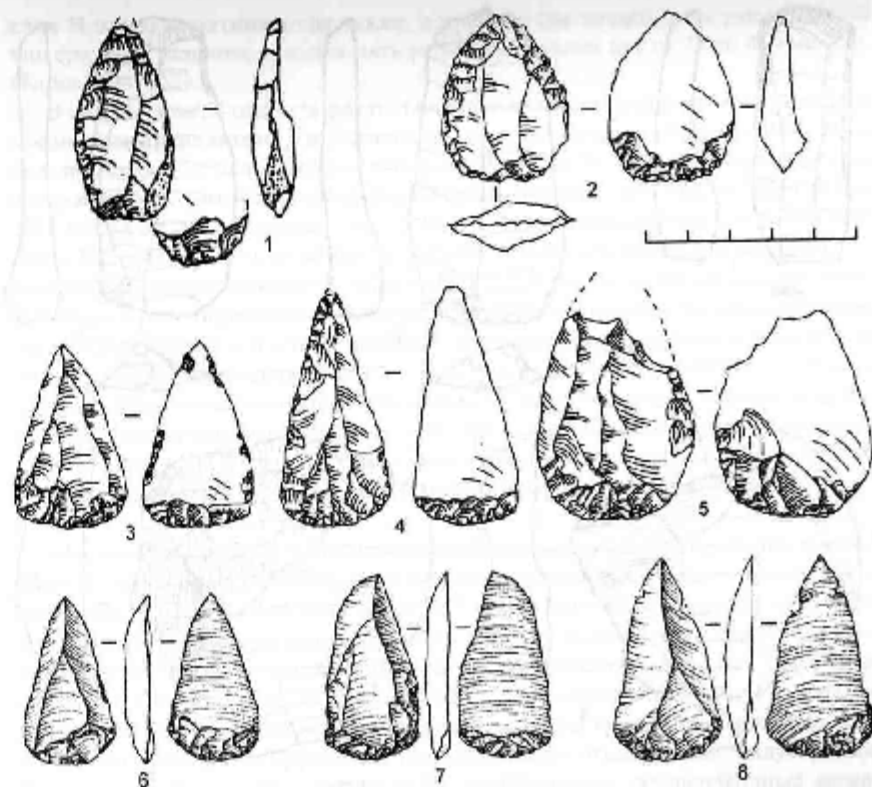

Рис. 1. Эмирейские острия: 1 — Кеуз; 2 — Кзар Акил, слой 25; 3—5 — Абу-Халка, слой F; 6—8 — Бокер Тахтит, слой 2 (1—5 — по Copeland 2001; 6—8 — по Marks, Kaufman 1983)

щаться, но начинают появляться различные формы приостренных ретушою пластин (например, острия типа кзар акил), часто сопровождаемые многочисленными леваллуазскими остриями сильно вытянутых пропорций (острия типа умм эль тлель). Кроме того, на этой стадии, по-видимому, уже зарождаются технологии, ориентированные на производство пластинок. К позднему эмирану с большей или меньшей степенью уверенности можно отнести Бокер Тахтит, 4; Ючагизли, G-F; Тор Садаф, A и B; Кзар Акил, 21—19 и так называемый «промежуточный палеолит» (*Paléolithique intermédiaire*) из Умм эль Тлель (слои III2b, III2a и I'низ) и ряда других памятников Эль Коюма и Пальмиры (Voëda, Bonifant 2006). Некоторые из этих комплексов, в частности, 4-й слой стоянки Бокер Тахтит, иногда относят к ахмару, но это вряд ли правильно, поскольку ничего похожего на ахмарский руководящий тип — острия эль-вад — здесь нет.⁷

⁷ Исследователи Тор Садафа сближают комплексы A и B, представляющие собой пакки условных горизонтов, с 4-м слоем Бокер Тахтит и слоями 23—21 Кзар Акила, но полагают, что их материал несколько ближе к ахмару (Fox, Coiffman 2004: 112). Действительно, в горизонтах комплекса B встречаются уже единичные острия эль-вад.

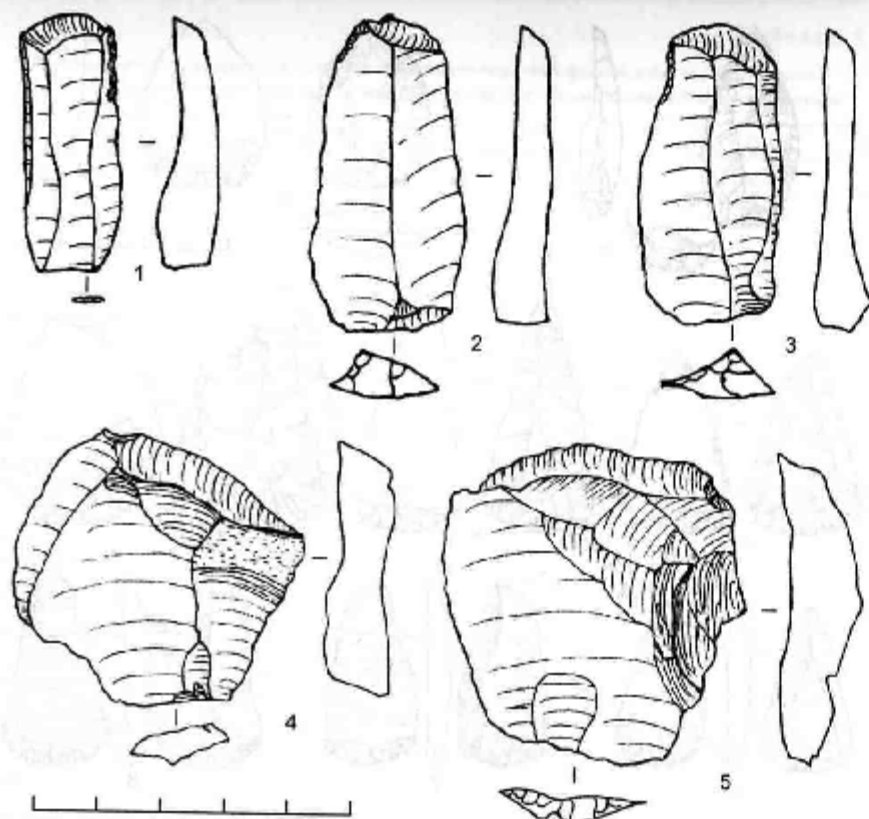

Рис. 2. Изделия с поперечной фаской (*pièces à chanfrein*) из 22-го (1–3) и 26-го (4, 5) слоев Кзар Акила

Начало эмирана, а вместе с ним и перехода к верхнему палеолиту на Ближнем Востоке обычно относят ко времени от 43 до 47 тыс. л. н., поскольку именно такой возраст, согласно данным радиоуглеродного датирования, должен иметь нижний (1-й) слой стоянки Бокер Тахтит в пустыне Негев на юге Израиля. По древесному углю из кострища для этого слоя получены четыре даты, две из них запредельные (>33 и $>43,6$ тыс. лет), а еще две — порядка 45 тыс. лет с отклонением в одном случае 2,5 тыс. лет, а в другом — 9 тыс. лет (Marks 1983: 37). Поскольку даты получены давно (до появления техники АМС), они имеют большое отклонение и находятся на пределе возможностей метода, к ним следует относиться с особой осторожностью. К сожалению, для других комплексов раннего эмирана абсолютных определений возраста нет. Большая часть комплексов среднего эмирана, т. е. тех, где есть многочисленные изделия с поперечной фаской и иногда еще встречаются единичные эмирейские острия, тоже остается недатированной. Лишь для слоя I Ючагизли, давшего несколько несомненных орудий *à chanfrein* (Kuhn 2004: 254), получено три радиоуглеродные даты порядка 40 тыс. л. н. и одна порядка 35 тыс. л. н. Для вышележащего

слоя H этого памятника, где также, возможно (не точно), есть руководящий тип среднего эмирана, имеется пять радиоуглеродных дат от 35 до 41 тыс. л. н. (Kuhn 2004: 257).

В какой-то мере оценить реалистичность имеющихся датировок раннего и среднего эмирана можно, сопоставив их с данными о верхней хронологической границе среднего палеолита на Ближнем Востоке. В Джерф Айле ТЛ анализ 8 обожженных кремней из позднемустьерского слоя C дал даты от $28,6 \pm 3,2$ до $39,1 \pm 6,4$ тыс. л. н. (Richter et al. 2001), в Кунейтре для мустье получены ЭПР даты $39,2$ – $53,9$ тыс. л. н. (Ziaei et al. 1990), в Умм эль Тлеле для верхнего мустьеерского слоя получена ОСЛ дата $42,5 \pm 5,9$ тыс. л. н. (Bourguignon 1998), в Ксбаре ТЛ датирование 5 обожженных кремней из слоя VI дало среднего дату $48,3 \pm 3,5$ тыс. л. н. (Valladas et al. 1987) и, наконец, для слоя 26 Кзар Акила имеется радиоуглеродная дата $43,7 \pm 1,5$ тыс. л. н. и ТУ дата 47 ± 9 тыс. л. н., а для слоя 32 этого же памятника получены ТУ даты 51 ± 4 и 49 ± 5 тыс. л. н. Таким образом, в четырех случаях из пяти даты для слоев конца среднего палеолита, полученные четырьмя разными методами, примерно такие же или чуть древнее, чем даты по Бокер Тахтит, что говорит в пользу реалистичности последних.

На смену эмирану в ближневосточной части его ареала приходит ахмар.⁸ Между двумя этими индустриями явно существует генетическая преемственность (Belfer-Cohen, Bar-Yosef 1999: 127; Kuhn 2003: 66; Goring-Morris, Davidson 2006). Постепенная трансформация эмирана в ахмар довольно четко прослеживается по материалам таких многослойных памятников, как Тор Салаф (Coinman, Fox 2000; Fox, Coinman 2004) и Ючагизли (Kuhn 2004). В последнем случае она носит настолько плавный характер, что трудно даже решить, где и по каким критериям проводить границу между этими двумя индустриями. Поэтому С. Кун определяет слои E–D Ючагизли как переходные между начальным нижним палеолитом (так он именует эмиран) и ахмаром, не рискуя отнести их ни к одной из этих двух индустрий, но отмечая несколько большую близость к последней (Kuhn 2004: 254).

Ахмар уже практически лишен среднепалеолитических черт как в технологии, так и в типологии, если не придавать слишком большого значения присутствию в инвентаре некоторых памятников (Кадеш Барнеа, Бокер А) многочисленных зубчато-выемчатых изделий. Верхнепалеолитические элементы, напротив, представлены в полном объеме. Характерна развитая пластинчатая технология (биполярные и одноплощадочные призматические и торцово-клиновидные нуклеусы) и незначительное преобладание в орудийном наборе ретушированных острий на пластинках (типов Эль-Вад, Кзар Акил и листовидных односторонних — *pointes à face plan*), которые в отдельных случаях составляют до 90% всех изделий со вторичной обработкой. Производство серий стандартизированных заготовок для этих острий являлось, как правило, конечной целью процесса расщепления, тогда как остальные орудия (скребки, зубчато-выемчатые, резцы) изготавливались на сколах, получавшихся в процессе пер-

⁸ Есть основания предполагать, что, начиная, по крайней мере, со среднего эмирана, область распространения индустрий этой традиции не ограничивалась Ближним Востоком и включала отдельные районы Северной Африки (даббан), а возможно, и Европы.

вичной подготовки и персформления нуклеусов (Ferring 1988; Goring-Morris, Davidzon 2006).

Иногда начало ахмара относят ко времени около 42—43 тыс. л. н. (Var-Yosef et al. 1996), но материалы слоев III—IV Кебара, для которых получена эта дата, остаются неопубликованными, а относительно определения связанной с ними индустрии существуют серьезные разногласия. Для ахмара в этой индустрии слишком мало ретушированных пластинок и пластинок вообще, слишком много скребков, в технологии отмечается сохранение среднепалеолитических элементов (Сарель и др. 2000). Видимо, правильнее было бы рассматривать ее как эмиран, тем более что именно с ней, а точнее, с бывшим слоем E, обозначаемым теперь как слой III—IV, связано несколько найденных в Кебаре эмирейских острей (см. табл. 1). Радиоуглеродный возраст древнейших достоверно ахмарских комплексов (Бокер А, Абу Ношра I) составляет 36—38 тыс. л. н. (Phillips 1994). На севере Израиля и в Ливане ахмар, как кажется, прекращает свое существование после появления там ориньяка (Belfer-Cohen, Var-Yosef 1999: 127), но в некоторых «периферийных» районах Ближнего Востока эта традиция доживает по крайней мере до конца интерплениглияла.

Индустрии, находящиеся в самой нижней и самой верхней частях описанной секвенции, настолько несхожи между собой, что, не будь промежуточных звеньев, в них трудно было бы увидеть проявления одной традиции. Ранний эмиран, не говоря уже о позднем левантийском мустье, имеет очень мало общего с ахмаром. Если в технологии отдельные параллели еще могут быть прослежены, то в типологии изделий со вторичной обработкой их практически нет. Тем не менее благодаря наличию материалов средней и поздней фаз эмирана, заполняющих этот кажущийся разрыв, можно с большой степенью вероятности предполагать, что своими корнями ахмар связан как минимум с самыми ранними переходными индустриями Ближнего Востока, а скорее всего, и с индустриями конца среднего палеолита.

Кем же были носители эмиро-ахмарских традиций обработки камня? К сожалению, антропологических материалов, могущих пролить свет на этот вопрос, пока крайне мало, но, суммируя имеющиеся прямые и косвенные данные, можно все же сделать ряд если не выводов, то, по крайней мере, достаточно обоснованных предположений. Что касается ахмара, то здесь ситуация кажется сравнительно простой. Судя по морфологии черепа и нижней челюсти из 17-го (ахмарского) слоя Кзар Акила (сохранились только реплики), их обладатель был человеком вполне современного анатомического типа (Bergman, Stringer 1989). Этот факт позволяет довольно уверенно связывать ахмар с *Homo sapiens*. С эмираном вопрос намного сложнее. Единственной антропологической находкой, которая могла бы его прояснить, являлся фрагмент верхней челюсти взрослого человека, обнаруженный в слое 25 Кзар Акила в 1947 г.,⁹ но впоследствии он был утерян. Дж. Юинг, опубликовавший описание и фотографии челюсти, определил ее как «неандерталоидную», ссылаясь прежде всего на такие признаки, как уплощенность области клыковых ямок (т. е. отсутствие

⁹ Высказывалось мнение, что на самом деле эта находка может происходить из слоя 24 (Ewing 1963: 101). В некоторых отечественных сводках она ошибочно соотносится со слоем 26 (Коробков 1978: 150; Дробышевский 2006: 121).

fossa canina, характерной для современных людей) и вогнутость дна носовой полости (Ewing 1963). При этом, однако, он отметил и ее сходство с челюстью Схул 5, которая в середине прошлого века считалась неандертальской, но теперь приписывается *Homo sapiens*.

По мнению современных антропологов, имеющиеся описания и изображения челюсти из 25-го слоя Кзар Акила недостаточны для надежного установления ее таксономического статуса (Bergman, Stringer 1989: 110). Вопрос остается открытым. Тем не менее имеющиеся косвенные данные свидетельствуют все же скорее в пользу связи эмирана с неандертальцами, нежели с *Homo sapiens*. Во-первых, очень похоже, что в период формирования этой индустрии на Ближнем Востоке неандертальцы вообще были единственными его обитателями. Во всяком случае, все те человеческие кости, которые могут быть уверенно или с оговорками отнесены к интервалу от 40 до 70 тыс. л. н., принадлежат именно им (Кебара, Дедерех, Табун С1), тогда как останки *Homo sapiens* имеют или намного более ранний (Кафзех, Схул), или же более поздний (Кзар Акил, слой 17) возраст. Во-вторых, некоторые балканские комплексы, могущие предположительно рассматриваться в качестве возможного европейского продолжения эмирана и связующего звена между ним и богунице, дали антропологические находки, либо не исключают, либо прямо подтверждающие их связь с неандертальцами. Фрагмент детской нижней челюсти из 11-го слоя Бачо Киро, по мнению одних антропологов, не поддается точной диагностике (Glen, Kaczanowski 1982; Churchill, Smith 2000: 87, 102), а по мнению других, вполне может быть неандертальским (Wolfhoff 1996: 58—59). Коренной зуб из слоя Ia пещеры Лаконис 1 уверенно определяется как неандертальский (Harvati et al. 2003).

Таким образом, имеются достаточно веские основания предполагать, что секвенция финальное левантийское мустье — ранний эмиран — поздний эмиран — ахмар представляет собой не только результат развития одной традиции, но и пример культурной преемственности между неандертальцами и людьми современного анатомического типа. Конечно, вследствие дефицита материалов — особенно костных — эта гипотеза ни в коем случае не может пока считаться доказанной. Тем не менее она, как кажется, гораздо лучше согласуется со всей совокупностью имеющихся сейчас археологических и антропологических данных, чем традиционная точка зрения, согласно которой переход к верхнему палеолиту на Ближнем Востоке был «случайной» исключительно *Homo sapiens*. Более того, гипотеза о неандертальском происхождении эмирана позволила бы избавиться от некоторых противоречий и при решении вопроса о носителях ряда европейских индустрий периода перехода от среднего палеолита к верхнему. Так, многие авторы почему-то убеждены, что раз принимается гипотеза о ближневосточном происхождении богунице, то его следует считать «делом рук анатомически современных людей» (Škrdla 2003: 151; Kozłowski 2004: 278). На самом деле второе из перво-го никоим образом не следует, да и костных останков *Homo sapiens* сопоставимых по древности с богунице, в Европе пока неизвестно. Появление этой индустрии за тысячи километров к северу от ареала эмирана могло быть результатом обратной миграции части неандертальцев, вынужденных оставить Ближний Восток под давлением начавшейся экспансии *Homo sapiens* и вернуться на «историческую родину».

Археологические данные: Русская равнина

С не меньшими основаниями, чем для эмирана, можно предполагать «двойное авторство» и для стрелецкой культуры. Она выделяется прежде всего благодаря наличию во всех относимых к ней комплексах двусторонне обработанных треугольных наконечников с волнутым или прямым основанием (Рогачев, Аникович 1984: 179–181; Аникович 2003; 2005). Кроме того, типичны наконечники с закругленным основанием и короткие подтреугольные скребки, часто имеющие брюшковое утончение. Каменный инвентарь стрелецкой культуры характеризуется рядом архаичных черт, которые весьма ощутимы не только в самых ранних, но и в поздних ее памятниках. Хотя в орудином наборе преобладают верхнепалеолитические типы, обычны также скребла и, в меньшей степени, остроконечники. Нуклеусы в большинстве своем плоские, отщепы заметно преобладают над пластинами, и большинство орудий также сделано на отщепе. Формальные костяные орудия и украшения получают широкое распространение только на поздней стадии (Сунгирь).

Древнейший стрелецкий комплекс связан со слоем III Костенок 12, который залегает ниже горизонта вулканического пепла, идентичного по основным параметрам пеплу горизонта Y5 из морских кернов Юго-Восточного Средиземноморья (Pyle et al. 2006). Формирование горизонта Y5 связывается с кампанским игнибритовым извержением (C1). Аргоновые даты, полученные в последние годы для C1 пеплов, варьируют в основном от 37 до 41 тыс. л. н. (Giaccio et al. 2006). Таким образом, можно заключить, что стрелецкая культура начала свое существование не позже 37 тыс. л. н. и, вероятно, даже несколько раньше 40 тыс. л. н. Самые поздние ее памятники в Костенках имеют радиоуглеродный возраст порядка 28–32 тыс. л. н., но в это время стрелецкие комплексы известны уже и далеко к югу (низовья Северского Донца), и далеко к северу (верховья Камы). Заключительный этап развития стрелецких традиций, представленный материалами Сунгирия и Русахи, приходится на период примерно от 28 до 25 тыс. л. н.

Отсутствие в центре Русской равнины сколько-нибудь представительных комплексов среднего палеолита с давних пор и поныне вынуждает археологов, ищущих истоки ранних костенковских индустрий, обращать свои взоры далеко на юг, к предгорьям Кавказа и в Крым, а то и на восток, в Приуралье и даже за Уральский хребет. Наиболее серьезное обоснование получила гипотеза, связывающая генезис стрелецкой культуры с микокскими комплексами Крыма (Заскальная 5, Чокурча, Пролом), где были найдены схожие формы двусторонне обработанных наконечников и треугольных скребков (Аникович 2001–2002; 2005). Типологические аналогии, выявленные и систематизированные М. В. Аниковичем (см., например: Аникович 2001–2002: рис. 3), слишком специфичны и многочисленны, чтобы можно было списать их на счет конвергенции или простой случайности. Объяснение, согласно которому эти аналогии представляют собой следствие существования преемственности между крымскими микокскими и стрелецкими традициями обработки камня, кажется гораздо более простым и экономичным, а потому и более правдоподобным. Вместе с тем то обстоятельство, что близкие по форме наконечники, представленные более или менее уверенно реконструируемыми фрагментами, известны

также на юго-западе (Тринка 3) и в центре (Бетово) Русской равнины (Аникович 2001–2002; 2005), заставляет допускать, что область распространения этих традиций и, соответственно, область формирования стрелецкой культуры не ограничивались Крымом, а включала гораздо более обширные территории.

Есть ли основания и в данном случае предполагать существование культурной преемственности между гоминидами разных видов? Безусловно, есть. Средний палеолит Крыма в его микокской разновидности определенно был «делом рук» неандертальцев (Заскальная V и VI, Киик-Коба). Скелеты из сунгирских погребений, связанные, скорее всего, со стрелецкой культурой, несомненно, принадлежат *Homo sapiens*. При этом, однако, для них отмечается и наличие ряда архаичных, «неандерталовидных» черт (Козинцев 2003; 2004). Таким образом, все говорит о том, что у истоков традиции, представленной секвенцией восточный микок — стрелецкая культура, стояли неандертальцы, а на завершающей стадии развития этой традиции ее носителями были люди современного анатомического типа.

Заключение

Анализ археологических и антропологических материалов с Ближнего Востока и Русской равнины дает основания предполагать, что в некоторых случаях носителями одной культурной традиции на разных этапах ее развития могли быть гоминиды разных видов. Если позднее левантийское мустье и, возможно, ранний эмиран связаны еще с неандертальцами, то выросший из эмирана ахмар — определенно с *Homo sapiens*. Микок — это явно неандертальская индустрия, в то время как по крайней мере часть памятников сформировавшейся на его основе стрелецкой культуры оставлена, скорее всего, анатомически современными людьми. Когда и каким образом вторые сменили первых в качестве носителей названных традиций, неизвестно, но представить, чтобы это могло произойти без контактов между ними и, более того, без тесного соуществования в границах одного пространства и даже, возможно, в рамках одного социума, очень трудно.

Обе рассмотренные выше секвенции связаны с восточными районами ареала *Homo neanderthalensis*, тогда как для западной его части никаких свидетельств культурной преемственности между неандертальцами и *Homo sapiens* пока неизвестно. Традиции, уходящие корнями в средний палеолит и продолжившие свое развитие в палеолите верхнем, там тоже существовали, но носителями их и на ранних стадиях, и на поздних оставались, судя по всему, неандертальцы.¹⁰ Возможно, это не случайно. И *Homo sapiens*, и *Homo neanderthalensis* были весьма полиморфны в анатомическом плане, и между разными географическими популяциями обоих видов подчас прослеживается большое количество различий. Антропологи серьезно расходятся во мнениях как отно-

¹⁰ Самый известный и убедительный пример тому — секвенция 'МТА-В — шатльперрон'. Азлогливая ситуация, вероятно, имела место и в линии 'мустье шарантское — жрон' (Slimak 2007), хотя отсутствие антропологических находок на немногочисленных пока памятниках этой традиции не позволяет говорить о видовой принадлежности ее носителей столь же уверенно, как в случае с шатльперроном.

нительно причин этих различий, так и относительно их значения для систематики позднелейстоценовых гоминид. Что касается неандертальцев, то в работах некоторых исследователей проводится мысль о том, что в Европе этот вид был представлен как минимум двумя вариантами, один из которых, более грацильный, существовал в южных районах с относительно мягким климатом, а второй, классический, обитал в более высоких широтах (Hambücker 1997). При этом первый вариант (Чирчео 1, грот Брейля и т. д.) сближается с неандертальцами Ближнего Востока, которые в морфологическом плане также представляли собой довольно своеобразную группу. Согласно еще одной точке зрения, неандертальцев следует рассматривать как «кольцевой вид», западные популяции которого обладали наибольшей степенью анатомической обособленности и были репродуктивно изолированы от *Homo sapiens*, а восточные (и прежде всего ближневосточные), напротив, имели много общих черт с последними, являя собой своего рода промежуточное звено, существование которого обеспечивало возможность межвидовой гибридизации (Mougel, Voisin 2006). Если это так, то тогда понятно, почему признаки существования прсмтственности между двумя видами пусть и с оговорками, но все же прослеживаются на востоке и полностью отсутствуют на западе.

- Аникович 2001—2002 — Аникович М. В. Происхождение костенковско-стрелецкой культуры и проблема поиска культурно-генетических связей между средним и верхним палеолитом // SP. 2001—2002. № 1. С. 266—290.
- Аникович 2003 — Аникович М. В. Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы // АЭАЕ. 2003. № 2. С. 15—29.
- Аникович 2005 — Аникович М. В. Сунгирь в культурно-историческом контексте и проблема становления современного человечества // АЭАЕ. 2005. № 2. С. 37—47.
- Дробышевский 2006 — Дробышевский С. В. Предшественники. Предки? Часть V: Палеоантропы. М., 2006.
- Козинцева 2003 — Козинцева А. Г. От среднего палеолита к верхнему: адаптация и ассимиляция (сунгирская проблема на новом этапе изучения) // АЭАЕ. 2003. № 1. С. 58—64.
- Козинцева 2004 — Козинцева А. Г. Сунгирь: старый спор, новые аргументы // АЭАЕ. 2004. № 1. С. 19—27.
- Коробков 1978 — Коробков И. И. Палеолит Восточного Средиземноморья // Палеолит Ближнего и Среднего Востока. Л., 1978. С. 7—185.
- Оппенгеймер 2004 — Оппенгеймер С. Изгнание из Эдема. Хроники демографического взрыва. М., 2004.
- Рогачев, Аникович 1984 — Рогачев А. Н., Аникович М. В. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. М., 1984. С. 162—271.
- Сарель 2005 — Сарель Ж. Переходные слои в пещере Ракефет (гора Кармел, Израиль): свидетельства культурной преемственности между средним и верхним палеолитом // АЭАЕ. 2005. № 3. С. 87—100.
- Сарель и др. 2000 — Сарель Ж., Ронен А., Бойда Э. Есть ли «переходная индустрия» в северном Израиле // SP. 2000. № 1. С. 147—157.
- Фридман 1979 — Фридман Э. П. Приматы. М., 1979.
- Azouy 1986 — Azouy I. A. Technological and Typological Analysis of the Transitional and Early Upper Palaeolithic Levels of Ksar Akil and Abu Halka. Oxford, 1986 (BAR International Series 289).
- Bar-Yosef et al. 1996 — Bar-Yosef O., Arnold M., Mercier N., Belfer-Cohen A., Goldberg P., Housley R., Laville H., Meignen L., Vogel J. C., Vandermeersch B. The dating of the Upper Palaeolithic layers in Kebara Cave, Mt. Carmel // Journal of Archaeological Science. 1996. Vol. 23. No. 3. P. 297—306.

- Belfer-Cohen, Bar Yosef 1999 — Belfer-Cohen A., Bar-Yosef O. The Levantine Aurignacian: 60 years of research // Dorothy Garrod and the Progress of the Palaeolithic. Studies in the Prehistoric Archaeology of the Near East and Europe. Oxford, 1999. P. 118—134.
- Bergman, Stringer 1989 — Bergman C. A., Stringer C. B. Fifty years after: Egbert, an Early Upper Palaeolithic juvenile from Ksar Akil, Lebanon // Paléorient. 1989. Vol. 15. No. 2. P. 99—111.
- Binford 1966 — Binford S. R. Me'arat Shovakh (Mugharet esh-Shubtabiq) // Israel Exploration Journal. 1966. Vol. 16. No. 1. P. 18—32.
- Boëda, Bonilauri 2006 — Boëda E., Bonilauri S. The Intermediate Paleolithic: the first bladelet production 40,000 years ago // Anthropologie. 2006. Vol. 44. No. 1. P. 75—92.
- Bourguignon 1998 — Bourguignon I. Les industries du Paléolithique intermédiaire d'Umm el Tiel: Nouveaux éléments pour le passage entre Paléolithique moyen et supérieur // Préhistoire d'Anatolie. Genèse de deux mondes. Liège, 1998. P. 709—730.
- Caramelli et al. 2003 — Caramelli D., Lalueza-Fox C., Vernes C., Lari M., Casoli A., Mallegni F., Chiarello B., Dupanloup I., Bertranpetit J., Barbujani G., Bertorello G. Evidence for a genetic discontinuity between Neanderthals and 24,000-year-old anatomically modern Europeans // PNAS. 2003. Vol. 100. No. 11. P. 6593—6597.
- Churchill, Smith 2000 — Churchill S. E., Smith F. H. Makers of the Early Aurignacian of Europe // Yearbook of Physical Anthropology. 2000. Vol. 43. P. 61—115.
- Coinman, Fox 2000 — Coinman N. R., Fox J. R. Tor Sadaf (WHNBS 8): The transition to the Upper Palaeolithic // The Archaeology of the Wadi Al-Hasa, West-Central Jordan. Phoenix, 2000. Vol. 2. P. 123—142.
- Copeland 1970 — Copeland L. The early Upper Palaeolithic flint material from levels VII—V, Antelias Cave, Lebanon // Berytus. Vol. 19. P. 99—149.
- Copeland 2001 — Copeland L. Forty-six Emirch points from the Lebanon in the context of the Middle to Upper Palaeolithic transition in the Levant // Paléorient. 2001. Vol. 26. No. 1. P. 73—92.
- Curat, Excoffier 2004 — Curat M., Excoffier L. Modern humans did not admix with Neanderthals during their range expansion into Europe // PLOS Biology. 2004. Vol. 2. No. 12. P. 1—11.
- Evans et al. 2006 — Evans P. D., Mekel-Bobrov N., Vallender E. J., Hudson R. R., Lohr B. T. Evidence that the adaptive allele of the brain size gene microcephalin introgressed into Homo sapiens from an archaic Homo lineage // PNAS. 2006. Vol. 103. No. 48. P. 18178—18183.
- Ewing 1963 — Ewing J. F. A probable Neanderthaloid from Ksar Akil, Lebanon // AJPA. 1963. Vol. 21. No. 2. P. 101—104.
- Ferring 1988 — Ferring C. R. Technological change in the Upper Paleolithic of the Negev // Upper Pleistocene Prehistory of Western Eurasia. Philadelphia, 1988. P. 333—348.
- Forster, Matsumura 2005 — Forster P., Matsumura S. Did early humans go North or South? // Science. 2005. Vol. 308. P. 965—966.
- Fox, Coinman 2004 — Fox J. R., Coinman N. R. Emergence of the Levantine Upper Paleolithic. Evidence from the Wadi al-Hasa // The Early Upper Paleolithic Beyond Western Europe. Berkeley, 2004. P. 97—112.
- Garrod 1951 — Garrod D. A. E. A transitional industry from the base of the Upper Palaeolithic in Palestine and Syria // JRAI. 1951. Vol. 81. P. 121—130.
- Garrod 1955 — Garrod D. A. E. The Mugharet el-Emirch in Lower Galilee: type-station of the Emiran industry // JRAI. 1955. Vol. 85. Pts. 1—2. P. 161—162.
- Giaccio et al. 2006 — Giaccio B., Hajdas I., Peresani M., Fedele F. G., Isaia R. The Campanian Ignimbrite tephra and its relevance for the timing of the Middle to Upper Palaeolithic shift // When Neanderthals and Modern Humans Met, Tübingen, 2006. P. 343—375.
- Glen, Kaczanowski 1982 — Glen E., Kaczanowski K. Human remains // Excavation in the Bacho Kiro Cave (Bulgaria). Final Report. Warszawa, 1982. P. 75—79.
- Goring-Morris, Davidson 2006 — Goring-Morris N., Davidson A. Straight to the point: Upper Palaeolithic Ahmarian lithic technology in the Levant // Anthropologie. 2006. Vol. 44. No. 1. P. 93—111.
- Green et al. 2006 — Green R. E., Krause J., Ptak S. E., Briggs A. W., Ronan M. T., Simons J. F., Du L., Egholm M., Rohlfberg J. M., Paunovic M., Paabo S. Analysis of one million base pairs of Neanderthal DNA // Nature. 2006. Vol. 444. P. 330—336.
- Hambücker 1997 — Hambücker A. La variabilité géographique des Néandertaliens: appt de l'étude du membre supérieur // Anthropologica et Præhistorica. 1997. T. 108. P. 109—120.
- Harvati et al. 2003 — Harvati K., Panagopoulou E., Karkanas P. First Neanderthal remains from Greece: the evidence from Lakonis // Journal of Human Evolution. 2003. Vol. 45. P. 465—473.

- Harvati et al. 2004 — Harvati K., Frost S. R., McNulty K. P. Neanderthal taxonomy reconsidered: Implications of 3D primate models of intra- and interspecific differences // PNAS. 2004. Vol. 101. No. 5. P. 1147—1152.
- Higham et al. 2006 — Higham T., Bronk Ramsey C., Karavanic I., Smith F. H., Trinkaus E. Revised direct radiocarbon dating of the Vindija G, Upper Paleolithic Neandertals // PNAS. 2006. Vol. 103. No. 3. P. 553—557.
- Holliday 2003 — Holliday T. W. Species concepts, reticulation, and human evolution // CAN. 2003. Vol. 44. No. 5. P. 653—673.
- Hovers 1998 — Hovers E. The lithic assemblages of Amud Cave. Implications for understanding the end of the Mousterian in the Levant // Neandertals and Modern Humans in Western Asia. New York, 1998. P. 143—163.
- Kozłowski 2004 — Kozłowski J. K. Early Upper Paleolithic Levallois-derived industries in the Balkans and in the Middle Danube basin // Anthropologie. 2004. Vol. 42. No. 3. P. 263—280.
- Krings et al. 1997 — Krings M., Stone A., Schmitz R. W., Krainitzki H., Stoneking H., Pääbo S. Neanderthal DNA sequences and the origin of modern humans // Cell. 1997. Vol. 90. No. 1. P. 19—30.
- Krings et al. 2000 — Krings M., Capelli C., Tschentscher F., Geisert H., Meyer S., von Haeseler A., Grassmann K., Passnert G., Pääbo S. A view of Neanderthal genetic diversity // Nature Genetics. 2000. Vol. 26. P. 144—146.
- Kuhn 2003 — Kuhn S. L. In what sense is the Levantine Initial Upper Paleolithic a "transitional" industry? // The Chronology of the Aurignacian and of the Transitional Technocomplexes. Dating, Stratigraphies, Cultural Implications. Lisbon, 2003. P. 61—69.
- Kuhn 2004 — Kuhn S. L. From initial Upper Paleolithic to Ahmarian at Üçağizli Cave, Turkey // Anthropologie. 2004. Vol. 42. No. 3. P. 249—263.
- Lalueza-Fox et al. 2005 — Lalueza-Fox C., Llorens Sanjaume M., Caramelli D., Pader M., Lari, Calafell F., Martínez-Maza C., Bastir M., Fortea J., de la Rasilla M. Y., Bertranpetit J., Rosas A. Neanderthal evolutionary genetics: Mitochondrial DNA data from the Iberian Peninsula // Molecular Biology and Evolution. 2005. Vol. 22. No. 4. P. 1077—1081.
- Lalueza-Fox et al. 2006 — Lalueza-Fox C., Krause J., Caramelli D., Catalano G., Miliani L., Sempietro M. L., Calafell F., Martínez-Maza C., Bastir M., García-Tabernero A., de la Rasilla M., Fortea J., Pääbo S., Bertranpetit J., Rosas A. Mitochondrial DNA of an Iberian Neanderthal suggests a population affinity with other European Neandertals // CB. 2006. Vol. 16. No. 16. P. 629—630.
- Macaulay et al. 2005 — Macaulay V., Hill C., Achilli A., Rengo C., Clarke D., Meehan W., Blackburn J., Semino O., Scozzari R., Cruciani F., Taha A., Shaari N. K., Raja J. M., Sanyal P., Zaidi A. Z., Goodwin W., Bulbeck D., Bandelt H.-J., Oppenheimer S., Torroni A., Richards M. Single, rapid coastal settlement of Asia revealed by analysis of complete mitochondrial genomes // Science. 2005. Vol. 308. P. 1034—1036.
- Marks 1983 — Marks A. F. The sites of Boker Tachtit and Boker: A brief introduction // Prehistory and Paleoenvironments in the Central Negev, Israel. Dallas, 1983. Vol. 3. P. 15—37.
- Marks, Kaufman 1983 — Marks A. E., Kaufman D. Boker Tachtit: The artifacts // Prehistory and Paleoenvironments in the Central Negev, Israel. Dallas, 1983. Vol. 3. P. 69—125.
- Moncel, Voisin 2005 — Moncel M.-H., Voisin J.-L. Les industries de transition et le mode de spéciation des groupes néandertaliens en Europe entre 40 et 30 ka // CRP. 2006. No. 5. P. 183—192.
- Newcomer 1968—1969 — Newcomer M. H. The chamfered pieces from Ksar Akil (Lebanon) // Bulletin of the Institute of Archaeology, London. 1968—1969. Vol. 8—9. P. 177—191.
- Orlando et al. 2006 — Orlando L., Darla P., Toussaint M., Bonjean D., Otte M., Hahn C. Revisiting Neanderthal diversity with a 100,000 year old mtDNA sequence // CB. 2006. Vol. 16. No. 11. P. 400—402.
- Phillips 1994 — Phillips J. L. The Upper Paleolithic chronology of the Levant and the Nile Valley // Late Quaternary Chronology and Paleoclimates of the Eastern Mediterranean. Tucson, 1994. P. 169—175.
- Pyle et al. 2005 — Pyle D. M., Ricketts G. D., Margarit V., van Andel T. H., Sinityn A. A., Proxlov N. D., Lisitsyn S. Wide dispersal and deposition of distal tephra during the Pleistocene Campanian Ignimbrite/Y5' eruption, Italy // Quaternary Science Review. 2006. Vol. 25. P. 2713—2728.
- Richter et al. 2001 — Richter D., Schroeder H. B., Rink W. J., Jullig P. J., Schwarz H. P. The Middle to Upper Paleolithic transition in the Levant and new thermoluminescence dates for a Late Mousterian assemblage from Jerf al-Ajia Cave (Syria) // Paleorient. 2001. Vol. 27. No. 2. P. 29—46.
- Schillaci, Froehlich 2001 — Schillaci M. A., Froehlich J. W. Nonhuman primate hybridization and the taxonomic status of Neandertals // AJPA. 2001. Vol. 115. No. 2. P. 157—166.

- Serre et al. 2004 — Serre D., Langeney A., Chech M., Tesseur-Nicola M., Poinovic M., Mennecier P., Hofreiter M., Passnert G., Pääbo S. No evidence of Neanderthal mtDNA contribution to early modern humans // PLOS Biology. 2004. Vol. 2. No. 3. P. 313—317.
- Škrdla 2003 — Škrdla P. Bohunician technology: A refitting approach // Stránská skála. Origins of the Upper Paleolithic in the Brno Basin, Moravia, Czech Republic. Cambridge, 2003. P. 119—151.
- Šlimak 2007 — Šlimak L. Le Néronien et la structure historique du basculement du Paléolithique moyen au Paléolithique supérieur en France méditerranéenne // CRP (in press).
- Smith et al. 2005 — Smith F. H., Jankovité I., Karavanic I. The assimilation model, modern human origins in Europe, and the extinction of Neandertals // Quaternary International. 2005. Vol. 137. P. 7—19.
- Tishkoff, Williams 2002 — Tishkoff S. A., Williams S. M. Genetic analysis of African populations: Human evolution and complex disease // Nature Reviews. Genetics. 2002. Vol. 3. P. 611—621.
- Trinkaus 2005 — Trinkaus E. Early modern humans // Annual Review of Anthropology. 2005. Vol. 34. P. 207—230.
- Trinkaus 2006 — Trinkaus E. Modern human versus Neanderthal evolutionary distinctiveness // CAN. 2006. Vol. 47. No. 4. P. 597—620.
- Valadas et al. 1987 — Valladas H., Joron J. L., Valladas G., Arensburg B., Bar-Yosef O., Bejfer-Cohen A., Gullberg P., Laville H., Meignen L., Rak Y., Tchernov E., Tillier A. M., Vandermeersch B. Thermoluminescence dates for the Neanderthal burial site at Kebara in Israel // Nature. 1987. Vol. 330. P. 159—160.
- Volkman, Kaufman 1983 — Volkman P., Kaufman D. A reassessment of the Emireh point as a possible type fossil for the technological shift from the Middle to the Upper Paleolithic in the Levant // The Mousterian Legacy. Human Bio-cultural Change in the Upper Pleistocene. Oxford, 1983. P. 35—51 (BAR. International Series. 164).
- Wolpoff 1996 — Wolpoff M. H. Neandertals of the Upper Paleolithic // The Last Neandertals, the First Anatomically Modern Humans. Barcelona, 1996. P. 51—76.
- Wolpoff et al. 2004 — Wolpoff M. H., Mannheim B., Munn A., Hawks J., Caspari R., Rosenberg K. R., Frayer D. W., Gil G. W., Clark G. Why not the Neandertals? // World Archaeology. 2004. Vol. 36. No. 4. P. 527—546.
- Ziaei et al. 1990 — Ziaei M., Schwartz H., Hall C., Grün R. Radiometric dating of the Mousterian site of Quneitra // Quneitra: A Mousterian Site on the Golan Heights. Jerusalem, 1990. P. 232—235.
- Zilhão 2006 — Zilhão J. Neandertals and moderns mixed, and it matters // Evolutionary Anthropology. 2006. Vol. 15. No. 4. P. 183—195.

Н. Д. ПРАСЛОВ, М. Н. ЖЕЛТОВА

Во всех работах, в той или иной мере касающихся истории исследований в Костенках в досоветский период, упоминаются только С. Г. Гмелин (1768—1769), затем — первооткрыватель палеолита И. С. Поляков (1879), московский археолог А. И. Кельсиев (1881) и польский археолог С. А. Круковский (1915). Ни П. П. Ефименко в своей капитальной монографии о Костенках I (Ефименко 1958), ни А. Н. Рогачев в большой серии статей не упоминают еще одного ученого — Н. И. Криштафовича, побывавшего в Костенках в 1904 г. и заложившего несколько шурфов на Костенках I. Этот факт, вероятно, остался незамеченным из-за того, что, хотя в опубликованном докладе Криштафовича на заседании Московского археологического общества Костенки значатся в списке обследованных им памятников (Криштафович 1906: 182), никаких других сведений не приводится. О его работах в Костенках не было известно ничего конкретного, а большую серию шурфов на Костенках I приписывали С. А. Круковскому. Поэтому не упомянут Н. И. Криштафович и в сводной монографии, посвященной 100-летию открытия палеолита в Костенках (Праслов, Рогачев 1982).

В 1994 г. в г. Брно в Чехии одному из авторов этой статьи (Н. Д. Праслову) поступила информация о небольшой коллекции из Костенок, хранящейся в Общественном Археологическом музее в Варшаве. Сотрудник этого музея А. Я. Томашевский сообщил, что она была обнаружена в процессе разборки старых материалов, сохранившихся в годы войны. Возникло предположение, что С. А. Круковскому все-таки удалось переправить часть коллекции в Варшаву, хотя в основном его материалы остались в Воронеже, а в настоящее время находятся в фондах Отдела археологии Кунсткамеры им. Петра Великого в Санкт-Петербурге.

Казалось бы, небольшая коллекция вряд ли может существенно дополнить огромные материалы, полученные на Костенках I за все долгие годы работ. Однако для полноты сведений учесть ее необходимо. Такая возможность представилась нам осенью 2002 г. благодаря любезному приглашению директора Института археологии и этнологии Польской Академии наук профессора Р. Шильда. За короткое время нам удалось при помощи польских коллег А. Я. Томашевского и З. Сулгустовской тщательно изучить эту коллекцию.

Коллекция хранится в фондах Отдела эпохи камня в небольших коробочках и снабжена старыми и очень ветхими этикетками, написанными рукой С. А. Круковского, что, по всей видимости, послужило дополнительным косвенным аргументом в пользу того, что коллекция обязана своим происхожде-

нием именно ему (Kozłowski 2001: 157—166). На них указаны номера шурфов, штыков и в некоторых случаях — «чернозем» или «лесовой суглинок». Однако на одной из этикеток имеется надпись PIngw (Puławsky Institut pawoźcznia gleb i weterinarii — Пулавский Институт агрономии и ветеринарии). Раньше коллекция хранилась в Пулавах (бывшая Ново-Александрия), где Н. И. Криштафович длительное время, вплоть до 1914 г., работал директором Института сельского хозяйства и лесоводства. Коллекция из Костенок могла попасть в Пулавы только вместе с Н. И. Криштафовичем. Во время наступления немцев он спешно покинул Ново-Александрию. Материалы остались в Пулавах, где их и обнаружил С. А. Круковский, производивший раскопки позднелеолитической стоянки Гура Пулавска после первой мировой войны. Вероятно, он же привез их в Варшаву. В 1981 г. коллекция была систематизирована З. Сулгустовской и передана в Общественный Археологический музей (РМА). К сожалению, никакой письменной документации не сохранилось ни в Пулавах, ни в Харькове, где Н. И. Криштафович также жил и работал. Во всяком случае, до сих пор нигде не удалось найти каких-либо архивных материалов, на основании которых можно было бы судить о характере произведенных им в Костенках работ. Обещанная им сводная публикация с подробным описанием всех исследованных в 1902—1904 гг. палеолитических стоянок (Криштафович 1906: 183) так и не появилась в печати.

Николай Иосифович (Осипович) Криштафович (Криштофович) был чрезвычайно яркой личностью, активным исследователем с разносторонними интересами. К сожалению, сведений о его жизни сохранилось исключительно мало. Большинство архивных материалов, скорее всего, погибло во время второй мировой войны. Известно, что он родился 1 октября в дер. Фролово Духовщинского уезда Смоленской губернии и принадлежал к русскому дворянскому роду, происходившему из Польши. Его предок, Дементий Иванович Криштафович, перешел в подданство России еще в 1655 г. и служил стольником (1662—1684), сын его, Илья, был стряпчим. Род Криштафовичей внесен в VI часть родословной книги Смоленской губернии. На территории Украины, в Харьковской области, до сих пор существует село Криштофовка, где родился сын Николая Иосифовича, Африкан Николаевич (1885—1953), выдающийся палеоботаник, академик АН УССР, член-корреспондент АН СССР.

Николай Иосифович был офицером, имел военное образование, но интересы его лежали в области геологии. И в 1888 г. он поступает в Московский университет. После его окончания в 1892 г. он ищет работу по специальности и в 1893 г. получает место геолога в Ново-Александрийском институте сельского хозяйства и лесоводства. В результате геологических исследований окрестностей и была в 1898 г. открыта позднелеолитическая стоянка Гура Пулавска (Ново-Александрийская стоянка). В этом же году Николай Иосифович переходит работать геологом в Харьковский сельскохозяйственный институт, по которому вновь возвращается в Ново-Александрию уже в должности директора сельскохозяйственного института. Именно к первому короткому периоду работы в Харькове относится открытие палеолитической стоянки Селище в районе Черкасс в 1900 г. Как уже говорилось, при наступлении немцев в 1914 г. он был вынужден покинуть Ново-Александрию и вернуться в Харьков. Он получает должность приват-доцента, а затем — профессора сельскохозяйственного

¹ Публикация подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», проект «Адаптация и расселение древнего человека в Северной Евразии...».

института и Харьковского университета, где читает лекции по геологии. С 1896 г. по 1916 г. под его редакцией выходит основанный им «Годовник по геологии и минералогии России». В 1930 г. Николай Иосифович выходит на пенсию, а в январе 1941 г. умирает в Харькове, оставив немалое научное наследие в геологии и несколько коллекций открытых им палеолитических стоянок, в том числе и небольшую коллекцию из верхнего слоя Костенок I.

Судя по этикеткам, Н. И. Криштафович заложил на Костенках I всего 6 шурфов, один из которых (№ 2) оказался пустым. Вся коллекция насчитывает 380 предметов, большая часть которых происходит из шурфов № 1 (102 предмета с шифром K1) и № 6 (134 предмета с шифром K6). Шурф № 3 дал 28 предметов (шифр K3), № 4 — 31 предмет (шифр K4), № 5 — 81 предмет (шифр K5). Четыре предмета депаспортизованы — это пластина с ретушью, обломок орудия с меловой коркой на спинке, пластина с негативом подтески на брюшке и довольно свежего вида первичный отщеп. Десять предметов происходят из чернозема: орудие с выемкой на пластинчатой заготовке, полностью обработанное краевой дорсальной ретушью (шурф № 4), и остальные — из шурфа № 5, причем из них лишь кресало несомненно не относится к палеолиту. Остальные попали в чернозем из верхнего слоя палеолитического поселения: концевой скребок/нож, резцовый скол, в результате термической обработки приобретший красный цвет, крупная пластина с ретушью, реберчатый скол с псевдоретушью, отщеп и два обломка отщепов (один из них — оранжевого кремня). Во всей коллекции насчитывается 13 обожженных кремней, причем 7 из них происходят из шурфа № 5. Учитывая это, а также неравномерность количества находок в шурфах, можно лишь сказать, что шурфовкой были затронуты разные участки поселения, периферийные (шурфы № 3 и № 4) и центральные (шурфы № 1 и № 6) с частью очага (шурф № 5), один шурф (№ 2) попал вне его пределов. К сожалению, совершенно невозможно установить местоположение шурфов Криштафовича. На плане П. П. Ефименко (Ефименко 1958) нанесены все шурфы, считающиеся шурфами Полякова, Кельсиева и Круконского, но последний также не оставил никакой документации, и разделить, где чьи шурфы, нет никакой возможности.

Не считая депаспортизованных предметов и кресала, коллекция насчитывает 111 предметов со вторичной обработкой. Они достаточно выразительны и по типологии полностью вписываются в культурный контекст верхнего слоя Костенок I (полную опись см. в Приложении).

Наконечники представлены двумя экземплярами с обломанным основанием. Один из них (рис. 1, 4) — кончик острия правильной треугольной формы с дорсальной ретушью по правому краю, ретушь регулярная, слегка наклонная. Конец подработан тилочной для Костенок I плоской внутренней вентральной ретушью с обоих краев, причем самый кончик оставлен свободным. Предмет сломан в результате вертикального приложения усилия на грань спинки, скорее всего, на него наступили. Слом, как и весь предмет из мелового кремня, покрыт равномерной сероватой патиной.

Второй наконечник (рис. 1, 5), также из мелового кремня, патинирован неравномерно: брюшко и слом — сильнее, а спинка — слабее и имеет участки вообще без патины. Пластина была не очень правильной формы, с резко выраженными волнами, толщина на сломе — 8 мм. Перо обработано дорсальной

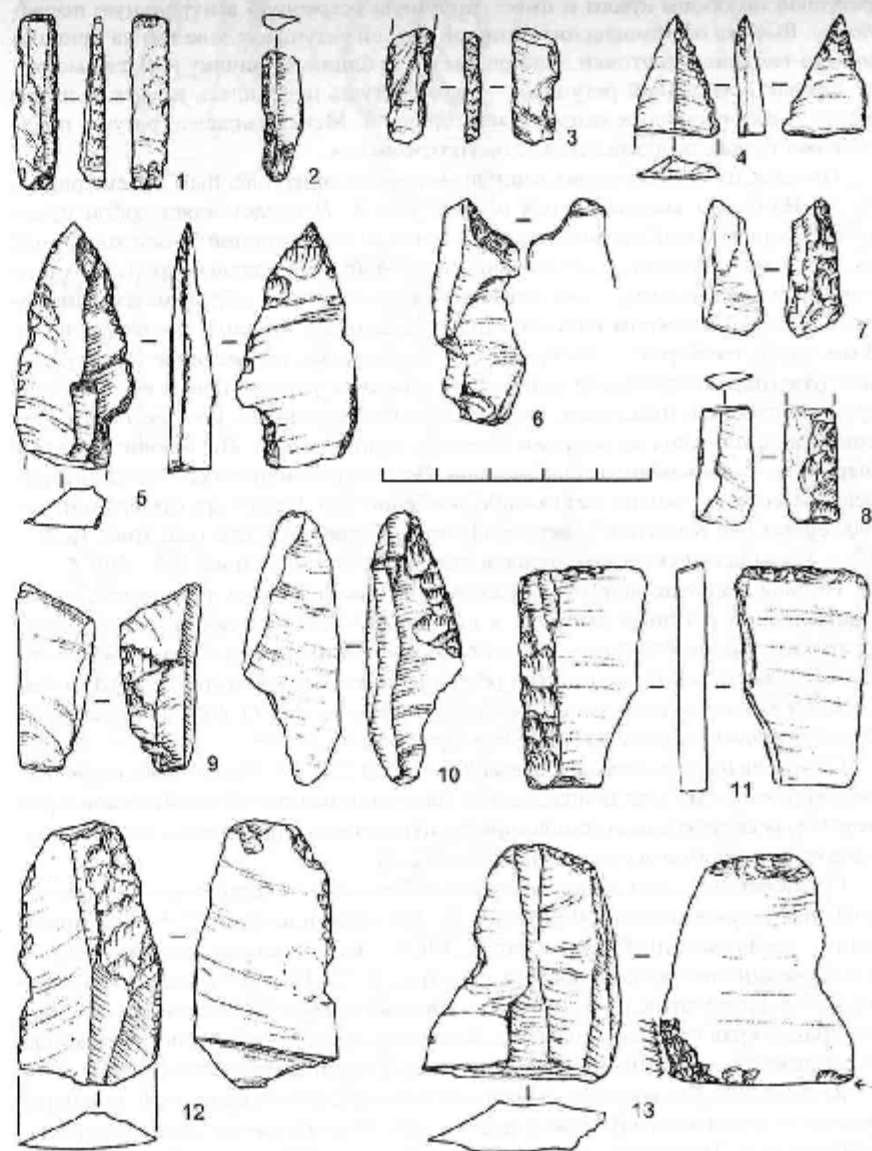

Рис. 1. Костенки I, кремневые изделия из коллекции Н. И. Криштафовича: 1—3 — пластины с притупленными краями; 4—5 — фрагменты наконечников с боковой выемкой; 6 — элемент орудия на пластинчатом отщепе; 7—10 — краевые сколы оживления лезвий ножей костяковско-го типа; 11 — усеченная пластина с краевой ретушью; 12—13 — ножи костяковско-го типа

ретушь по обоим краям и имеет тишичную встречную ventральную подработку. Выемка оформлена интенсивной крутой ретушью с завалом на брюшко на всю толщину заготовки. На правом краю ближе к кончику имелся выступ, не снятый дорсальной ретушью, — здесь ретушь наносилась вертикально по краю, моделируя его и снимая часть брюшка. Мелкая красная ретушь представляет собой, скорее всего, следы употребления.

Имеется небольшая серия микропластинок с притупленным краем (рис. 1, 1—3). Наиболее выразительная из них (рис. 1, 1) представляет собой практически правильный прямоугольник длиной 32 мм, шириной 7 мм и толщиной от 3 до 2 мм. Оба конца у нее срезаны по прямой. На лицевой стороне верхнего конца (толщиной 2 мм) — мелкая вертикальная ретушь, образующая площадку, с которой нанесены плоские сколы на брюшке. Нижний конец толще — 3 мм, здесь, наоборот, — на брюшке плоские сколы, не имеющие точек удара или отжима, послужившие площадкой для двух ударов, почти вертикально срезающих конец пластинки. Боковая ретушь регулярная, ровная, почти вертикальная, нанесена со стороны брюшка, край ровный. На брюшке две выщербины — современные повреждения. Остальные микропластинки с притупленным краем не имеют каких-либо особенностей. Среди других орудий, характерных для Костенок 1, встречены ножи костенковского типа (рис. 1, 12—13), а также серия сколов подправки лезвий таких ножей (рис. 1, 7—10).

Индивидуальные формы представлены пластинчатым отщепом с четко оформленной ретушью выемкой в дистальной части правого края, а также фрагментом широкой плоской плиткообразной пластины с хорошо выраженной субпараллельной полукрутой ретушью по левому краю, дистальный конец которой усечен крутой ретушью по прямой (рис. 1, 11). Есть и другие выемчатые формы, орудие «с носиком», фрагменты орудий.

Скребок насчитывается 5 экземпляров (рис. 2, 1—5). Их дугообразные лезвия оформлены на дистальных концах пластин и пластинчатых отщепов, края некоторых скребков имеют дополнительную ретушь. Проксимальная часть одного из них оформлена в виде резца (рис. 2, 5).

Среди резцов имеются: один ретушный (боковой), лезвие которого оформлено одним ударом по левому краю (рис. 2, 7); 6 срединных (рис. 2, 6), в том числе один — двойной; один боковой (рис. 2, 10); 4 — на углу слома заготовки (рис. 2, 8, 9, 11); один многофасеточный плоский (рис. 2, 12). Целых нуклеусов не найдено, есть 5 фрагментов, 3 скола подживления площадок («таблетки») и 7 сколов подправки края площадки нуклеуса, 4 целых и 2 фрагмента ребристых пластин. Пластины, отщепы, микропластинки и чешуйки дополняют коллекцию.

Хочется еще раз выразить сожаление в связи с невозможностью планиграфической привязки вышеописанных находок. Поиски какой-либо документации в архивах Института сельского хозяйства и лесоводства в Пулавах, Харьковского университета и Харьковского института сельского хозяйства пока ни к чему не привели, но мы надеемся, что продолжение работы в этом направлении даст положительный результат.²

² Авторы выражают искреннюю благодарность за помощь в этой работе коллегам А. Я. Томашевскому, З. Сулгустовской, Р. Шильду (Варшава), а также А. А. Кротовой (Киев) и И. А. Снежко (Харьков).

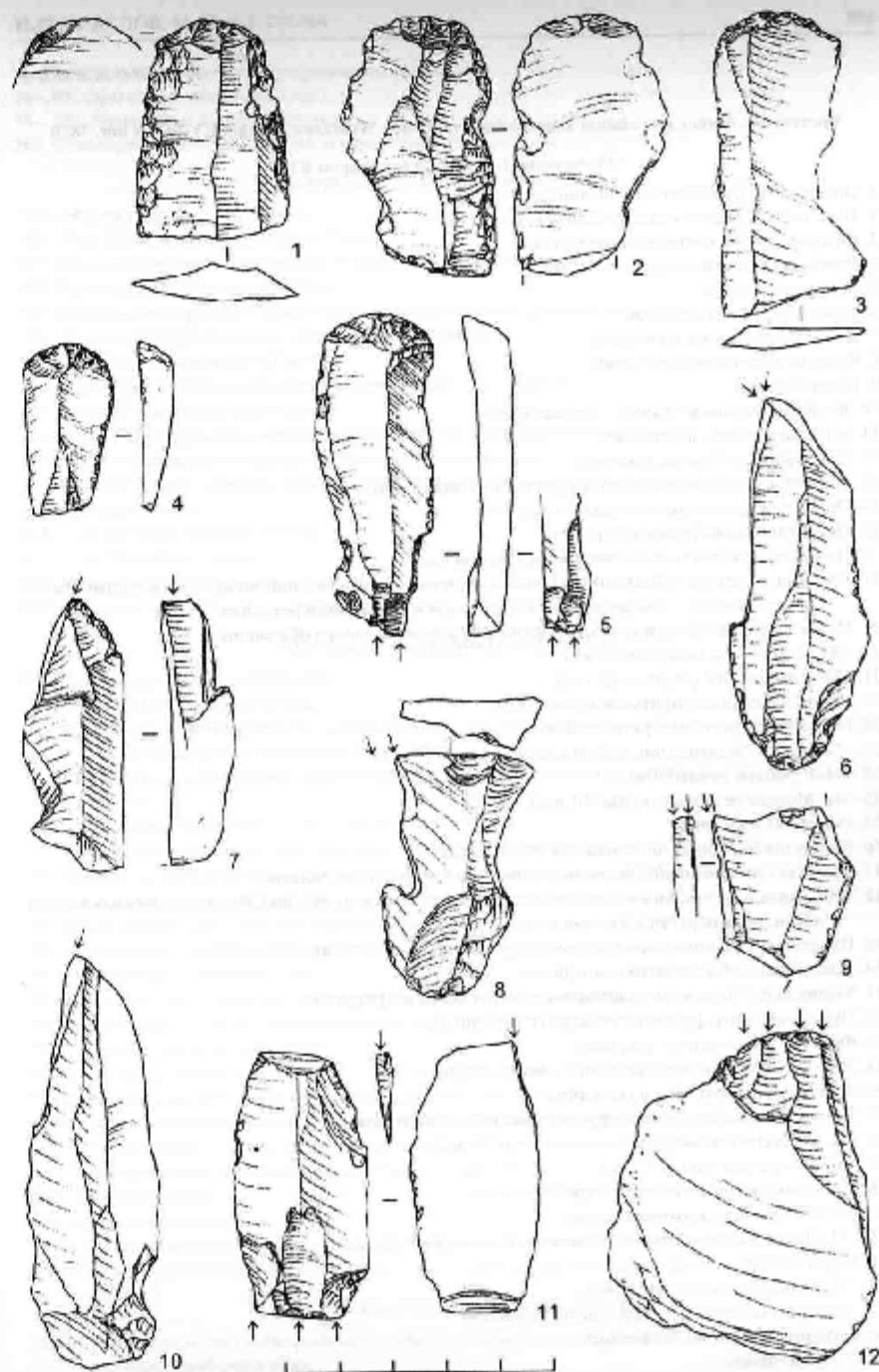

Рис. 2. Костенки 1, кремневые изделия из коллекции Н. И. Криштафовича: 1—4 — скребки; 5 — комбинированное орудие — скребок/резец; 6—12 — резцы

ПРИЛОЖЕНИЕ

Костенки I. Опись коллекции Крипгафовича. PMA, Warszawa, N mag. KV-8D, N inv. 7876

Материалы 1-го шурфа (с шифром K1):

1. Дистальный фрагмент наконечника.
2. Нож костенковского типа (с забитым углом).
3. Фрагмент ножа костенковского типа.
4. Резец срединный на крупном отщепе.
5. Резец срединный.
6. Резец срединный двойной.
7. Резец на углу слома на отщепе.
8. Резец на углу слома заготовки.
9. Резец боковой.
10. Комбинированное орудие — резец/скребок.
11. «Плоский резец» на отщепе.
12. Концевой скребок на пластине.
13. Концевой скребок на пластине с ретушью, конец забит.
14. Орудие с выделенным ретушью «носиком».
15. Проксимальный фрагмент орудия.
16. Пластина с выемчатым лезвием в дистальной части.
17. Крупная пластина с обломанным концом и выемками, оформленными мелкой ретушью. Выемки чередуются — оформленные вентральной и дорсальной ретушью.
18. Пластина с ретушью и микроретушью (2 фрагмента), концы обломаны.
- 19—20. Пластинки с ретушью (2 экз.).
- 21—22. Пластинки с ретушью (2 экз.).
23. Микропластинка с притупленным краем.
24. Пластина с ретушью (резовый скол).
- 25—27. Сколы поджигления рабочих краев орудий (3 экз.).
- 28—34. Резцовые сколы (7 экз.).
- 35—44. Мелкие резцовые сколы (10 экз.).
45. Ребристая пластина.
46. Ребристая пластина с обломанным основанием.
47. Крупная пластина с обломанным основанием (ретушь повреждения).
48. Пластина с обломанным концом (несколько плоских вентральных фасеток в проксимальной части, мелкая ретушь у слома по левому краю).
49. Пластина с обломанным концом (микроретушь утилизации).
50. Пластина с обломанным основанием.
51. Медиальный фрагмент пластинки с противоположной ретушью.
52. Проксимальный фрагмент пластинки с ретушью.
53. Фрагмент пластинки с ретушью.
54. Медиальный фрагмент пластины с микроретушью.
55. Медиальный фрагмент пластинки.
56. Проксимальный фрагмент крупной пластины или отщепе.
- 57—58. Проксимальные фрагменты пластин (2 экз.).
- 59—65. Микропластинки (7 экз.).
66. Проксимальный фрагмент микропластинки.
- 67—69. Пластинчатые отщепы (3 экз.).
- 70—71. Дистальные фрагменты пластинчатых отщепов (2 экз.).
72. Крупный отщеп с ретушью.
- 73—76. Отщепы с ретушью (4 экз.).
- 77—79. Средние отщепы, повреждены (3 экз.).
80. Средний полупервичный отщеп.
81. Средний отщеп.
- 82—88. Мелкие отщепы (7 экз.).
- 89—90. Чешуйки (2 экз.).
- 91—94. Дистальные фрагменты отщепов (4 экз.).

95. Дистальный фрагмент полупервичного отщепе.
- 96—97. Фрагменты отщепов (2 экз.).
- 98—101. Фрагменты нуклеусов (4 экз.).
102. Фронтальный отщеп подправки края площадки нуклеуса.

Материалы 3-го шурфа (с шифром K3):

- 103—105. Резцовые сколы (3 экз.).
- 105—106. Мелкие резцовые сколы (2 экз.).
107. Дистальный фрагмент пластины с мелкой вентральной ретушью.
108. Фрагмент пластины с ретушью.
109. Медиальный фрагмент пластинки с псевдорезцовым краевым сколом.
110. Дистальный фрагмент полупервичной пластинки.
- 111—114. Микропластинки (4 экз.).
- 115—118. Проксимальные фрагменты микропластинок (4 экз.).
119. Мелкий пластинчатый отщеп.
120. Медиальный фрагмент мелкого пластинчатого отщепе (жженный).
121. Дистальный фрагмент мелкого пластинчатого отщепе.
122. Мелкий отщеп с мелкой краевой ретушью.
123. Средний отщеп.
- 124—126. Мелкие отщепы (3 экз.).
- 127—128. Чешуйки (2 экз.).
129. Мелкий обломок отщепе.
130. Отщеп подправки края площадки нуклеуса.

Материалы 4-го шурфа (с шифром K4):

131. Резец срединный на пластине.
132. Фрагмент срединного реза.
133. Орудие с выемкой на пластинчатой заготовке, края полностью обработаны крупной дорсальной ретушью, конец обломан. (Из чернозема!)
134. Пластина с ретушированными выемками и микроретушью утилизации, дистальная часть обломана.
- 135—139. Мелкие резцовые сколы (5 экз.).
140. Медиальный фрагмент пластины с плоской вентральной ретушью на участке края.
141. Медиальный фрагмент пластины с ретушью и псевдорезцовым сколом со слома.
142. Медиальный фрагмент пластины с ретушью.
143. Медиальный фрагмент полупервичной пластинки.
144. Проксимальный фрагмент пластинки.
- 145—147. Микропластинки (3 экз.).
148. Пластинчатый отщеп полупервичный с псевдоретушью на конце.
149. Пластинчатый отщеп с микроретушью повреждения по краю.
150. Мелкий пластинчатый отщеп.
151. Пластинчатый микроотщеп.
152. Проксимальный фрагмент крупного пластинчатого отщепе.
153. Отщеп с несколькими плоскими дорсальными фасетками в дистальной части.
- 154—156. Чешуйки (3 экз., из них 2 обожженных).
157. Проксимальный фрагмент отщепе (оранжевый кремний).
158. Обломок отщепе.
159. Фрагмент нуклеуса.
160. Скол ожигления площадки нуклеуса (габлекка).
161. Мелкий фронтальный отщеп подправки края площадки нуклеуса.

Материалы 5-го шурфа (с шифром K5):

162. Концевой скребок с несколькими негативами плоских чешуйчатых сколов на вентральной поверхности рабочего края.
163. Фрагмент орудия неопределимый (обожжен).
- 164—169. Обломки резцов (6 экз., из них 3 обожженных).
- 170—175. Сколы приострения ножей костенковского типа (6 экз.).

- 176—177. Мелкие резцовые сколы (2 экз.).
 178—179. Микропластинки с притупленным краем (2 экз.).
 180. Микропластинка с противоположащей выемчатой ретушью, концы обломаны.
 181. Пластина с обломанными концами, с микроретушью утилизации.
 182. Мелкая пластина с обломанными концами.
 183. Мелкая полупервичная пластина с обломанным концом.
 184—188. Микропластинки (5 экз.).
 189. Микропластинка с центральной ретушью утилизации, концы обломаны.
 190. Микропластинка со следами использования на остром кончике.
 191. Фрагмент пластины с ретушью.
 192. Проксимальный фрагмент крупной пластины с ретушью.
 193. Дистальный фрагмент пластины.
 194—198. Медиальные фрагменты пластинок (5 экз., из них 2 обожженных).
 199. Проксимальный фрагмент пластины.
 200—201. Медиальные фрагменты мелких пластинок (2 экз.).
 202. Проксимальный фрагмент мелкой пластины.
 203. Проксимальный фрагмент микропластинки.
 204. Пластиночатый отщеп с ретушью (конец обломан).
 205. Пластиночатый отщеп с псевдорезцовым сколом, концы обломаны.
 206. Пластиночатый отщеп.
 207. Средний пластиночатый полупервичный отщеп.
 208—210. Мелкие пластиночатые отщепы (3 экз.).
 211—212. Пластиночатые микроотщепы (2 экз.).
 212—214. Дистальные фрагменты пластиночатых отщепов (3 экз.).
 215. Проксимальный фрагмент пластиночатого отщепя с ретушью повреждения.
 216. Отщеп с несколькими плоскими фасетками (основание обломано).
 217. Отщеп с плоской выемчатой ретушью (конец обломан).
 218. Средний первичный отщеп.
 219. Средний полупервичный отщеп.
 220—222. Средние отщепы (3 экз.).
 223—228. Мелкие отщепы (6 экз., из них 1 без патины).
 229—233. Осколки отщепов (5 экз., из них 1 обожженный).

Из чернозема:

234. Кресало.
 235. Концевой скребкопояс, на выпуклом лезвии — полукруглая ретушь, на вогнутом — микроретушь утилизации.
 236. Резцовый скол: красного цвета (термическая обработка).
 237. Скол от *pièce égalee*.
 238. Крупная пластина с ретушью.
 239. Ребристый скол с псевдоретушью.
 240. Средний отщеп с участком галечной корки.
 241. Обломок отщепя с галечной коркой.
 242. Обломок отщепя оранжевого кремня.

Материалы 6-го шурфа (с шифром К6):

243. Наконечник с боковой выемкой.
 244. Ресец срединный (оранжевый кремль).
 245. Ресец ретушный боковой.
 246. Ресец на углу сложенной пластины.
 247. Ресец на углу слома массивной пластиночатой заготовки.
 248. Скребок концевой на проксимальной части пластины с ретушью.
 249. Концевой скребок на мелкой пластинке.
 250. Обломок орудия.
 251. Обломок рабочего края орудия.
 252. Скол поджигления рабочего края орудия.
 253. Скол приострения ножа костенковского типа.

254. Пластина с обломанными концами и мелкой центральной краевой ретушью.
 255. Пластина с ретушью, концы обломаны, один — псевдорезцовым сколом, на другом сломе — подлеска.
 256. Пластина с краевой ретушью на спинке и плоской дорсальной ретушью.
 257. Пластина с ретушью.
 258. Фрагмент массивной пластины с ретушью.
 259. Проксимальный фрагмент пластины с ретушированной выемкой.
 260. Дистальный острый кончик пластины с ретушью (наконечника?).
 261. Медиальный фрагмент пластины с ретушью.
 262—263. Проксимальные фрагменты пластинок с ретушью (2 экз.).
 264. Обломок пластины с мелкой краевой ретушью.
 265. Фрагмент пластины с боковым резцовым сколом (начало скола не сохранилось).
 266. Пластина с псевдорезцовым сколом.
 267—272. Резцовые сколы (6 экз.).
 273—288. Мелкие резцовые сколы (16 экз.).
 289. Широкая пластина с обломанным основанием (2 фрагмента).
 290. Пластина неправильной формы с обломанными концами (2 фрагмента).
 291. Ножовидная пластина, изогнутая в профиле.
 292—296. Дистальные фрагменты пластинок (5 экз.).
 297—303. Медиальные фрагменты пластинок (7 экз.).
 304—307. Проксимальные фрагменты пластинок (4 экз.).
 308—318. Микропластинки (11 экз.).
 319. Дистальный фрагмент микропластинки.
 320. Медиальный фрагмент микропластинки.
 321—323. Проксимальные фрагменты микропластинок (3 экз.).
 324. Ребристая пластина с обломанными концами.
 325. Мелкая ребристая пластина.
 326. Дистальный фрагмент ребристой микропластинки.
 327. Проксимальный фрагмент ребристой пластины (ретушь, повреждения в процессе раскопок).
 328. Пластиночатый отщеп с центральной ретушью (основание обломано).
 329. Средний пластиночатый отщеп (скопа).
 330. Средний пластиночатый отщеп, конец обломан.
 331—333. Мелкие пластиночатые отщепы (3 экз.).
 334. Сильно обожженный полупервичный пластиночатый микроотщеп.
 335—336. Пластиночатые микроотщепы (2 экз.).
 337. Обломок крупного пластиночатого отщепя.
 338. Дистальный фрагмент пластиночатого отщепя.
 339—344. Дистальные фрагменты мелких пластиночатых отщепов (6 экз.).
 345—347. Медиальные фрагменты мелких пластиночатых отщепов (3 экз.).
 348. Проксимальный фрагмент мелкого пластиночатого отщепя.
 349. Отщеп с ретушью.
 350. Средний отщеп.
 351. Мелкий полупервичный отщеп.
 352—359. Мелкие полупервичные отщепы (8 экз.).
 360—361. Дистальные фрагменты отщепов (2 экз.).
 362. Проксимальный фрагмент отщепя.
 363—367. Обломки отщепов (5 экз., из них 1 обожженный).
 368. Обломок отщепя с небольшим участком микроретуши.
 369. Обломок отщепя.
 370. Осколок кремня со следами забитости.
 371. Крупный скол оживления площадки нуклеуса (таблетка).
 372. Скол оживления площадки нуклеуса (таблетка).
 373—376. Фронтальные сколы подправки края площадки нуклеуса (4 экз.).

Без шифра (из чернозема?):

377. Первичный отщеп.
 378. Пластина с ретушью.

379. Обломок орудия с меловой коркой на спинке (шпфр етерса).
380. Пластина с негативом подтески на броншке.
Итого триста восемьдесят предметов (380 пр.).

Ефименко 1958 — *Ефименко И. И.* Костенки I. М.: Л., 1958.

Криштафович 1906 — *Криштафович Н. I.* О геологическом изслѣдованіи палеолитических стоянокъ въ Европейской Россіи летомъ 1904 г. // Труды Императорскаго Московскаго археологическаго общества. М., 1906. Т. 21, вып. 1. С. 174—183.

Праслов, Рогачев 1982 — *Праслов Н. Д., Рогачев А. Н. (Ред.).* Палеолит Костенковско-Борщевско-го района на Дону. 1879—1979. Л., 1982.

Kozłowski 2001 — *Kozłowski S. K.* Kostenki 15 // *Problemy epoki kamienia na obszarze Starego Swiata.* Kraków, 2001. S. 157—166.

ДРЕВНИЕ СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА И ДОЛИНЫ ЗЕРАВШАНА (НАЧАЛО ФОРМИРОВАНИЯ ТОРГОВЫХ ПУТЕЙ В СРЕДНЕЙ АЗИИ)¹

Л. Б. КИРЧО

Древние связи населения долины Зеравшана и Южного Туркменистана в эпоху палеометалла привлекли внимание специалистов еще в 1960-х—начале 1980-х гг., сразу после открытия культуры Заман-баба и древнеземледельческого поселения Саразм (Гулямов, Исламов, Аскараров 1966: 180; Isakov 1981: 278—279). Однако в сколько-нибудь полном объеме эти связи могут быть исследованы только теперь, после первичной обработки и публикации материалов Саразма и некоторых новых исследований памятников Юго-Восточного Туркменистана. Материалы, полученные в 1980—1990-е гг. на Илгылы-депе, Алтын-депе и поселениях дельты Мургаба, позволяют уточнить характер и направления культурных взаимодействий населения Южного Туркменистана и долины Зеравшана во второй половине IV—III тыс. до н. э. Рассмотрим южнотуркменистанские аналогии основным компонентам культурного комплекса древнеземледельческого поселения Саразм.

Особенности техники и технологии строительства ранних комплексов Саразм I и II — массовое возведение стен домов из пахсы и каменные и паховые криволинейные ограды участков поселения и могильника — практически неизвестны в Южном Туркменистане. Характерный для строений периода среднего и позднего энеолита Юго-Восточного Туркменистана короткий (длиной 35—44 см; Сарияниди 1960: 229; Хлопин 1969: 7, 8; Массон 1960: 348; Кирчо 2001б: 36) кирпич встречен в Саразме только один раз (раскоп 7, горизонт 1/3, начало периода Саразм II; Bescnval, Isakov 1989: 11, 19). Размеры и пропорции прямоугольного сырцового кирпича, из которого возведены строения комплексов Саразм II—IV, в целом соответствуют размерам и пропорциям кирпича, использовавшегося в Южном Туркменистане в эпоху бронзы (Кирчо 2001б: 36). Однако кирпич Саразма несколько крупнее и имеет очень большой разброс значений размеров (47—59×25—37×10—12 см; Исаков 1991а: 6; Bescnval, Isakov 1989: 19), превышающий допустимый разброс значений вследствие деформации кирпича при сушке и давлении в кладке. Эта особенность позволяет предполагать, что либо производство строительных материалов было нестандартизованным, либо существовало несколько строительных стандартов (традиций?).

Как показывают стратиграфические наблюдения на многослойных поселениях-тепе, характер планировки — правильность и пропорциональность дома в целом — зависит прежде всего от места возведения строения — включения его в систему уже существующей застройки или использования незастроенного

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Технологии производства древнеземледельческого населения Юга Евразии V—III тыс. до н. э. и его адаптация к изменениям природной среды. Комплексный подход» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

участка-двора. Четкость планировки основной массы зданий Саразма свидетельствует, с одной стороны, — о предварительной разбивке плана на местности и наличии удобных для строительства свободных участков и, с другой, видимо, — о своеобразном характере условий существования и организации общественных коллективов (децентрализация? рассредоточенная система расселения?), возводивших эти строения.

Значительные размеры (площадь более 45 м²) и особенно большая ширина (свыше 4 м) целого ряда помещений говорят о наличии в районе Саразма массивов крупных деревьев (арчи?), необходимых для изготовления балок плоских перекрытий. Помещения площадью свыше 30 м² в Южном Туркменистане представлены только на памятниках времени раннего и среднего энеолита (периоды Намазга I—II, середина V—вторая половина IV тыс. до н. э.) и неизвестны в более позднее время, что обусловлено, видимо, в первую очередь иссушением климата и изменением характера растительности в III тыс. до н. э.

Таким образом, основные характеристики строительного комплекса Саразма — материал и технология строительства, размеры и особенности местоположения зданий — определялись в первую очередь местными условиями и общими приемами (технологиями) сырцовой архитектуры, а также, возможно, несколькими строительными традициями. К тому же архитектурные формы строений, исследованных на раскопах 3 и 5 в Саразме, — квадратное здание на платформе (предположительно общественное зернохранилище) и круглое сооружение из двух колец кирпичей (так называемый дворцовый комплекс) (Исаков 1991а: 12) уникальны для Средней Азии IV—III тыс. до н. э., и прототипы их, скорее всего, нужно искать за ее пределами.

В то же время основная планировочная единица жилых комплексов периодов Саразм II и III (раскопы 2 и 4) — двухкомнатные дома, состоявшие из входного помещения-вестибюля и комнаты (как правило, с очагом), полностью аналогичны двухкомнатным домам периода позднего энеолита и начала ранней бронзы (периоды Намазга III—раннего Намазга IV, 3100—2700 лет до н. э.) на Алтын-депе (Кирчо 2001б: 11). На Саразме представлены, однако, и более сложные по плану жилые комплексы из 4—5 помещений (раскопы 4 и 7), причем именно в них находились самые большие комнаты с разнообразными деталями интерьера, позволяющие рассматривать такие помещения как святилища (Исаков 1991а: 12; Besenval, Isakov 1989: 10—13). Эти детали интерьеров — пилястры, окраска стен и полов в красный цвет, стенная геометрическая роспись геоксюрского стиля — на желтом фоне нанесены красные треугольники, заполненные линиями или сеткой и обведенные контурными коричневыми линиями (Исаков 1991б: рис. 63), и в особенности очаги-алтари (рис. 1: 5, 8) имеют точные южнотуркменистанские соответствия.

Наиболее ранние круглые очаги-алтари (диаметром 0,6—0,8 м) ялангачского и раннегеоксюрского времени (период Намазга II) на Айна-депе, Геоксюр 7 и Илгынды-депе (рис. 1: 1, 2) почти не возвышались над поверхностью пола и имели либо невысокий бортик, либо покатое к центру основание высотой 2—3 см (Хлопин 1969: табл. XXI, 4; XXIV, 2; Березкин 1989: 22).² Лунка в центре

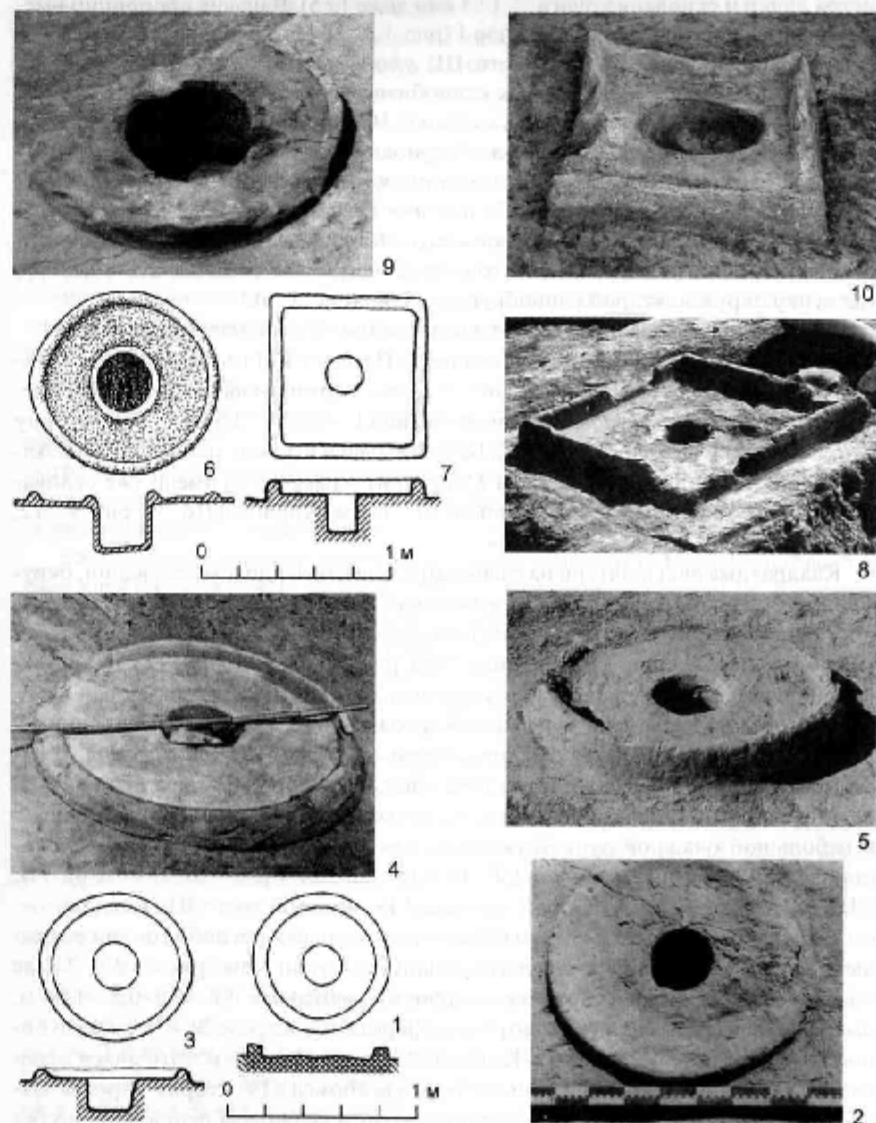

Рис. 1. Культовые очаги среднего (1, 2) и позднего (3—7, 9) энеолита и начала ранней бронзы (8, 10): 1 — Айна-депе; 2 — Илгынды-депе, горизонт III; 3, 4, 7 — Геоксюр I, горизонт I; 5 и 8 — Саразм II и II—III; 6 — Чонг-депе, горизонт I; 9 и 10 — Алтын-депе, горизонты 10 и 7 (1 — по Хлопину 1969; 2 — ФА, О.3514-8; 3, 7 — по Khlopin 1993; 4, 6 — по Сарганиди 1962; 5, 8—10 — слайды из коллекции автора)

² В западной группе памятников времени среднего энеолита (Намазга II) очаг на круглом сырцовом основании найден в 5-м строительном горизонте плурфа на Елен-депе, но точное описание его отсутствует (Щегленко 1968: 21; Массон 1982: 34).

очага была неглубокой (1—3 см) и небольшой по диаметру (соотношение диаметра лунки и основания очага — 1 : 4 или даже 1 : 5). Близкие пропорции имели круглые очаги поселения Геоксюр I (рис. 1: 4, 3). Но эти очаги геоксюрского времени (периода раннего Намазга III) уже имели выраженный бортик по краю высотой 5—8 см, небольшое глинобитное основание диаметром до 1 м, возвышавшееся над полом, и лунку глубиной 10—15 см (Сарианиди 1962: рис. 3). Чуть более поздние очаги Чонг-депе (периода Намазга III), также с бортиком по краю, имели несколько другие пропорции (соотношение диаметра лунки и внешнего диаметра очага — 1 : 3) и лунку глубиной 10—30 см (Сарианиди 1965б: рис. 7—9). При этом, однако, очаги Чонг-депе не имели глинобитного основания, а в двух случаях поверхность их несколько повышалась к центру, где лунку окружал второй глинобитный валик (рис. 1: 6).³

Круглые позднэнеолитические очаги-алтари Алтын-депе (горизонты II—10 раскопа 5, периода среднего и позднего Намазга III) на сырцовом основании диаметром около 1 м и высотой 5—10 см с бортиком высотой 4—5 см имели соотношение диаметров лунки и основания 1 : 2 или 1 : 3 (рис. 1: 9) и глубину лунки 34 и 47 см (Кирчо 2001б: 5, 8). Круглые очаги периода ранней бронзы Алтын-депе (горизонты 7—4 раскопа 5, горизонт 4 раскопа 9) имели уже основание диаметром 0,6—0,9 м и высотой до 10—15 см (Кирчо 2001б: 39, рис. 9—12; Березкин 2001: 42, рис. 1).

Квадратные очаги-алтари на слабо выраженном сырцовом основании, окруженном бортиком (рис. 1, 7),⁴ на памятниках эпохи энеолита Южного Туркменистана встречены только в комплексах двух верхних строительных горизонтов поселения Геоксюр I (Сарианиди 1966: рис. 32, 33; Khlorin 1993: fig. 2, 3, 4) конца периода Намазга II—начала периода Намазга III. Единственный квадратный очаг на Кара-депе из раскопа 4, к сожалению, очень плохо сохранился и детали его устройства, кроме прослеженного с трех сторон бортика, неизвестны (Хлопин 1971: 223; Массон 1982: табл. XX, двор Б). В то же время очаги на подквадратных и прямоугольных сырцовых основаниях с бортиком по краю и небольшой очажной лункой типичны для двухкомнатных домов белуджистанского Мундигака периодов I,4—IV,1 (Casal 1961: fig. 6—20, 23—26, pl. VII, VIII, IX, A, XIV, A, XVII) второй половины IV—первой трети III тыс. до н. э.

Подквадратные очаги-алтари с бортиком по краю и рогеобразными возвышениями на углах широко представлены и на Алтын-депе (рис. 1, 10). Такие очаги имели сырцовое основание-платформу размерами 0,7—0,9×0,8—1,04 м, высотой 18—22 см и лунку в центре платформы диаметром 29—35 см и глубиной 25—30 см (Кирчо 2001б: 39; Kircho 1988: fig. 6). Однако все эти очаги относятся уже ко времени ранней бронзы (периода Намазга IV, вторая—третья четверти III тыс. до н. э.). Очаги на подквадратном сырцовом основании, но без

³ Приводимый нами рисунок очага опубликован как иллюстрация к материалам святилища поселения Геоксюр I (Сарианиди 1962: рис. 4, 3), однако этот очаг найден на поселении Чонг-депе (Сарианиди 1965б: рис. 7: 2).

⁴ Приводимый нами рисунок квадратного очага опубликован И. Н. Хлопиным (Khlorin 1993: fig. 2, 3). В первой публикации наличие или отсутствие сырцового основания очага на мелкомаштабном разрезе не идентифицируется (Сарианиди 1966: рис. 33). Лунка в центре очага имела диаметр около 20 см и глубину около 35 см.

бортиков, типичны и для жилищ эпохи средней бронзы (периода Намазга V) Алтын-депе (Массон 1981: 36, 48 и др.).

Таким образом в среднем и позднем энеолите и ранней бронзе (периоды Намазга II—IV) Юго-Восточного Туркменистана прослеживается тенденция развития круглых очагов-алтарей по двум параметрам: от появления бортика по краю и сырцового основания-платформы до постепенного увеличения высоты платформы до 15 см и увеличения диаметра (с 15 до 35 см) и глубины (с 1—3 до 35 см) лунки очага. Аналогичную тенденцию развития имели, видимо, и подквадратные очаги. Однако очаги с бортиком, но без сырцового основания (рис. 1: 8), найденные в святилищах на раскопах 4 и 7 Саразма (Исаков 1991б: рис. 59, 1, 3; Besenval, Isakov 1989: fig. 12, 14), в Южном Туркменистане пока точно не зафиксированы. В то же время только для Саразма, позднэнеолитических комплексов Геоксюр I и Алтын-депе эпохи ранней—начала средней бронзы характерно одновременное существование и круглых, и подквадратных очагов, представленных в соседних зданиях одних и тех же строительных горизонтов. В целом, очаги-алтари (как круглые, так и подквадратные) комплексов Саразм II—III по своим параметрам (размеры и небольшая по диаметру лунка) и особенностям устройства наиболее близки, а фактически идентичны очагам в строениях двух верхних горизонтов поселения Геоксюр I (конец периода Намазга II—начало периода Намазга III).

Единственная хорошо сохранившаяся гончарная печь Саразма найдена на раскопе 4 (Исаков 1991б: 49, 50, рис. 50) в слоях периода Саразм IV. Конструктивно это одноярусная двухкамерная печь, обжигательная камера которой расположена выше топочной и отделена от нее невысокой кирпичной стенкой. Под обжигательной камеры вымощен плоскими камнями. В Южном Туркменистане такие гончарные печи появляются еще в раннем энеолите на Монджуклы-депе (Сарианиди 1963: 83, рис. 31, 2) и найдены также в верхних строительных горизонтах Акча-депе периода Намазга II и Геоксюра I периода раннего Намазга III (Сарианиди 1963: 8—83, рис. 30, 1, 2; 31, 1). На Алтын-депе гончарные печи изучены в 10-м и 5-м горизонтах периодов позднего Намазга III и среднего Намазга IV соответственно (Кирчо 2001б: 11—13, 32, 33, рис. 5, 6, 14). Обжигательные камеры печей на Саразме и Акча-депе больше по размерам, чем топочные, у печей на Геоксюр I и Алтын-депе соотношение размеров камер обратное. Интересно, что на Илгышлы-депе периода позднего Намазга II и на Алтын-депе периода раннего Намазга IV найдены аналогичные по конструкции двухкамерные одноярусные печи (Березкин, Соловьева 1998: 113, рис. 14; Кирчо 2001б: 31, рис. 13), но со следами слабого обожжения изнутри. Такие печи предположительно могли использовать для сушки глиняных изделий; их обжигательные камеры больше топочных. Как и у печи в Саразме, поды обжигательных камер печей для сушки (?) и гончарных печей на Алтын-депе были вымощены камнями (Кирчо 2001б: 11, 31, 32).

Керамика Саразма подробно исследована в специальной работе французского специалиста Б. Лионне (Lyonnet 1996), причем исследовательницей прослежены как южнотуркменистанский, так и белуджистанский компоненты керамических комплексов Саразма, а также выделена тазабагыбская, степная и серая (горганская) посуда.

Комплекс столовой керамики раннего Саразма (периодов Саразм I и, частично, Саразм II) фактически идентичен керамическому комплексу времени

позднего Намазга II—начала Намазга III (горизонты 1—3 поселения Геокюр I — горизонты Кара 3—2—1Б Кара-депе) Южного Туркменистана. Состав теста, техника изготовления и обработки поверхности, формы и орнаментация сосудов позволяют говорить о заимствовании керамического комплекса Саразм I в целом. Сходство керамики тем больше, чем лучше сохранность форм и орнаментов сосудов. Отдельные фрагменты керамики с росписью геокюрского стиля представлены и в комплексе Саразм III (Isakov, Lyonnet 1988: 42). В то же время в Саразме найдены только единичные фрагменты посуды времени раннего Намазга III (Lyonnet 1996: fig. 12, 3, 4) и полностью отсутствуют как сосуды с зооморфными изображениями типа Кара IA, так и расписная керамика конца периода позднего энеолита—начала ранней бронзы (позднее Намазга III—раннее Намазга IV) Южного Туркменистана (посуда с геометрической монохромной росписью так называемого коврового стиля). В дополнение к подробно приводимым Б. Лионне соответствиям необходимо отметить, что сероглиняный поильничек с трубчатым носиком из комплекса Саразм II (раскоп 2) идентичен сосудам из погребальных камер конца периода ЮЗТ VII—периода ЮЗТ VI (середина—вторая половина IV тыс. до н. э.) могильника Пархай II (Хлопик 1997: 25, 31, 55, 102, 103, табл. II—IV, табл. 3, 9; 21, 10, 28, 5; 31, 6; 51, 2). Аналогии в формах гончарной нерасписной посуды комплексов Саразм III и IV и эпохи бронзы Южного Туркменистана носят общетехнологический характер, за исключением двух фрагментов: чашечка с оттянутым краем венчика (сливом) и биконическое тулово горшковидного сосуда (Lyonnet 1996: fig. 7, 5; 38, 3), имеют соответствия в формах сосудов Алтын-депе и Намазга-депе позднего этапа периода ранней бронзы.

Немногочисленные антропоморфные терракоты Саразма также, видимо, имели южнотуркменское происхождение. Фрагментированная женская фигурка из заполнения некрополя периода Саразм I (рис. 2, 1) по статуарной позе, общим пропорциям и моделировке головы чрезвычайно близка раннегеокюрской статуэтке из Илгылы-депе (рис. 2, 5), а по манере передачи глаз («круглые глаза») — даже более архаичным фигуркам позднелангачского времени (рис. 2, 6—8). На Алтын-депе сидящие фигурки с раздвинутыми ногами, аналогичные саразмской статуэтке из раскопа 2 (рис. 2, 4), найдены в слоях геокюрского времени (рис. 2, 9, 10). Миниатюрные же фигурки без рук (из погребения женщины в могиле 5 некрополя) периода Саразм I, находя аналогии в миниатюрных фигурках эпохи среднего энеолита—ранней бронзы Илгылы-депе, Геокюр I, Хапуз-депе, Улуг-депе и Алтын-депе (Solovyova 2005; Сарияниди 1960: IX, 5—8, XIV, 19; 1969, рис. 46; Masson, Sarianidi 1972: табл. XL, 6; Кирчо 2005б: рис. 3, 13; 5, 9, 10), отличаются от южнотуркменских в передаче формы головы (прически?), носа и шеи и имеют своеобразный облик. В то же время обряд помещения одной, двух (или даже трех) антропоморфных фигурок в могильное сооружение (или рядом с ним) зафиксирован именно в погребальной практике населения Южного Туркменистана — как в индивидуальных, так и в коллективных погребениях времени позднего энеолита—средней бронзы на Кара-депе (Массон 1982: 39, 42) и Алтын-депе (Кирчо 2005б: 412—414). Необходимо отметить также, что одновременное тройное захоронение мужчины, женщины и подростка в погребении 5 некрополя Саразма, как и тройные захоронения на Алтын-депе эпохи ранней и сред-

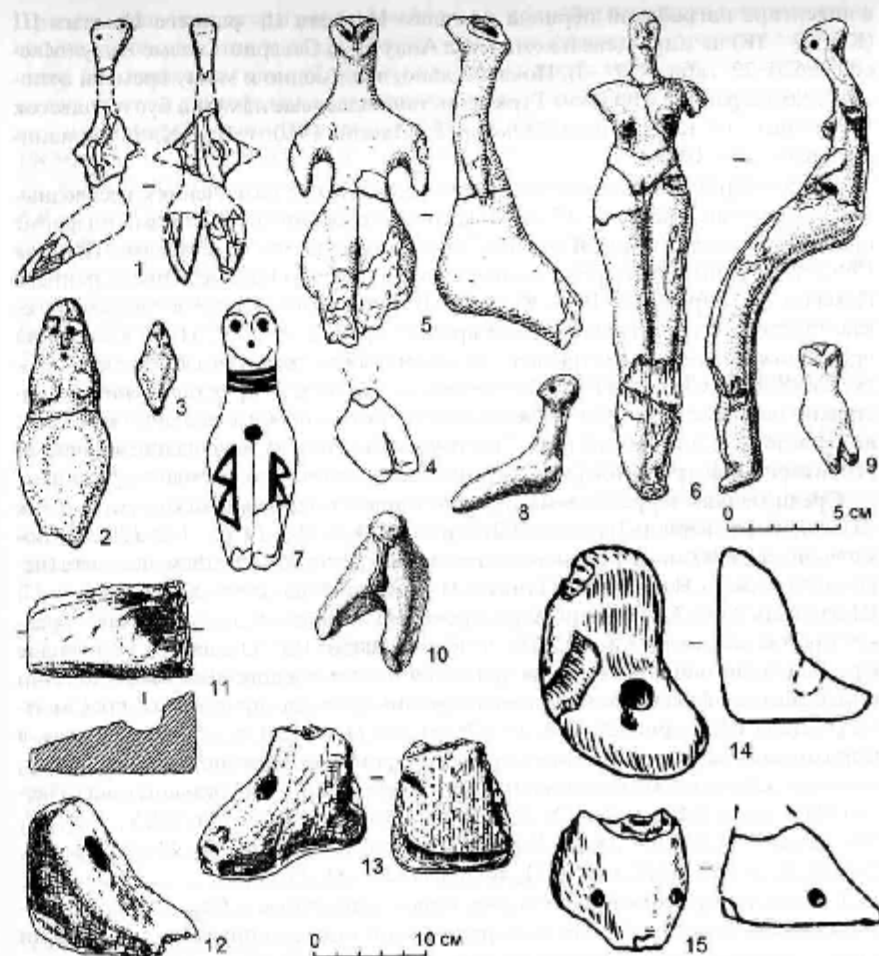

Рис. 2. Терракотовые антропоморфные статуэтки (1—10) и «подставки» (11—15): 1—4 — Саразм I; 14, 15 — Саразм II; 5—7, 11—13 — Илгылы-депе, горизонты I (5), III (6), с поверхности поселения (?), IV (11); 8 — Геокюр I; 9, 10 — Алтын-депе, горизонт II (1—4, 14—15 — по Исаков 1991б; 5—7 — по Masson, Berezkin, Solovyeva 1994; 8 — по Сарияниди 1965б; 9, 10 — по Kircho 1994; 11—13 — по Solovyova 2005)

ней бронзы, судя по антропологическим данным, не были захоронениями супружеских пар с детьми (Исаков 1992: 66; Кирчо 2005а: 346).

Еще одна яркая черта погребального инвентаря захоронений в некрополе древнейшего Саразма — обилие бус из поделочных камней (халцедона, бирюзы, сердолика, лазурита) и обожженного стеатита (?)⁵ находит аналогии

⁵ Бусы проишки А. И. Исаков называет известняковыми (Исаков 1992: 68), однако французский исследователь Р. Безенваль прямо пишет об обожженном стеатите (Besenval, Isakov 1989: 9).

в инвентаре погребенный периода позднего Намазга II—раннего Намазга III (Кара 3—1Б) на Кара-депе и комплексе Анау II на Северном холме Анау (Массон 1962б: 22, табл. X, 1—3). Показательно, что именно к этому времени относятся самые ранние в Южном Туркменистане массовые находки бус и подвесок из лазурита на Кара-депе и Геоксюр I (Массон 1960: табл. IX, 3; Сарьяниди 1965б: табл. III).

Конусообразные глиняные предметы неизвестного назначения с сквозными отверстиями (рис. 2, 14, 15) А. И. Исаков, по аналогии с близкими по форме предметами эпохи поздней бронзы, считал очажными подставками (Исаков 1991б: 25). Идентичные предметы найдены на Геоксюр I в слое периода раннего Намазга III (Сарьяниди 1966: 93, рис. 34) и на Илгылы-депе в слоях позднеялангачского и раннегеоксюрского времени (рис. 2, 11—13). Н. Ф. Соловьева предположительно рассматривает эти предметы как схематические женские статуэтки (Solovyeva 2005: 113, 114). Учитывая, что на всех трех поселениях «подставки» найдены группами по несколько штук в одном помещении (четыре — на Геоксюр I и дважды по три — на Илгылы-депе), их назначение в качестве утилитарных (антропоморфных?) предметов представляется вполне вероятным.

Среди мелких терракотовых изделий Саразма необходимо отметить и так называемые напершия (Исаков 1991б: рис. 22, 5, 6, 10—14; 61, 7, 8, 12—14), появляющиеся в Южном Туркменистане в конце раннего—среднем энеолите (периоды позднего Намазга I—Намазга II; Хлопин 1963: табл. XXII, 2—4, 7, 17; Шаровская 2003: 321) и широко распространенные в позднем энеолите—средней бронзе (периоды Намазга III—V; Кирчо 2005б: 389). Однако на юго-западе Средней Азии почти неизвестна традиция использования в качестве пряслиц обработанных фрагментов столовой керамики,* столь характерная для Саразма (Исаков 1991б: рис. 22, 7, 8, 15—25; 61, 9—11, 15, 16). С другой стороны, в Саразме полностью отсутствуют орнаментированные пряслица и «напершия», обычные в древнеземледельческих памятниках Южного Туркменистана (Массон 1960: табл. XIII, 1, 4; XIV, 10, 12; Сарьяниди 1965б: табл. XXV, 1, 9—11, 13—20, 24—29, 33, 36—38, 40; Хлопин 1963: табл. XXII, 8—10, 12—15, 21—24, 27—29, 31, 32, 34; 1969: табл. VII, 44; XXVI, 27—31, 33, 34).

Сосуды из мраморовидных пород камня, найденные в Саразме, среди которых абсолютно преобладают открытые конические и полусферические чаши с простым приоткрытым или закругленным венчиком, имеют широкие аналогии в комплексах памятников Белуджистана (Мундигака I—IV), Юго-Восточного (Шахри-Сохте I—III) и Северного Ирана (Гиссар III), древних Элама (Сузы) и Месопотамии (Ур, Киш, Тепе Гавра) IV—II тыс. до н. э. (Casalova 1991). Встречены такие чаши и на Геоксюр I (Сарьяниди 1965а: цветная вклейка между с. 104 и 105; 1965б: 39, табл. XXVI, 2, 15). В Южном Туркменистане каменные косметические сосуды появляются в период раннего Намазга III, причем изготовлены они преимущественно из алебаstra (кристаллического гипса).⁶

⁶ Одно такое пряслице найдено на Дашлы-депе в слоях периода позднего Намазга I (Хлопин 1963: табл. XXII, 18), а еще несколько таких пряслиц и их заготовок встречены на Илгылы-депе времени Намазга II.

⁷ Сосуды из мраморовидного камня (доломита или кальцита) в позднеэнеолитических комплексах Южного Туркменистана немногочисленны — две уже упомянутые чаши и обломки чаш: из Геоксура I (Сарьяниди 1965б: табл. XII, 37—64), миниатюрная чашечка из Кара-депе (Массон 1960: табл. XVIII, 14) и фрагмент сосуда с кубовидным резервуаром из Алтын-депе.

Представлены как открытые — конические, полусферические и подцилиндрические — сосуды, так и закрытые сосуды типа флаконов с усеченно-коническим, биконическим или кубовидным туловом, узким горлом и отогнутым венчиком, часто с рельефным орнаментом в виде желобков или прорисованных линий на тулове (Хлопин 1971: рис. 5; Массон 1982: табл. XXV, 8, 9; Сарьяниди 1965б: рис. 11, 1, табл. XXVI, 8, 13; Кирчо 2004: рис. 5; Коробкова 2001: рис. 21, 1—3, 7, 10). Косметические сосуды из мраморовидного известняка (доломита) в Южном Туркменистане характерны в первую очередь для комплексов эпохи ранней и средней бронзы (Алтын-депе, Хануз-депе, Улуг-депе), однако в это время уже преобладают усеченно-конические, полусферические и подцилиндрические сосуды с уплощенным, выступающим наружу подтреугольным венчиком (Кирчо 2005б: рис. 23; Коробкова 2001: рис. 25, 6; Массон 1981: табл. VII, 2, 4; Сарьяниди 1964: рис. 15, 37).

Широкий круг аналогий имеют и каменные овальные или подпрямоугольные «гири» с оформленной ручкой, найденные на поверхности поселения Саразм I и в слое периода Саразм II (Исаков 1991а: вклейка; 1991б: рис. 31). Такие изделия (рис. 3), изготовленные преимущественно из известняка, появляются в раннеземледельческих комплексах Ирана, Средней Азии и Белуджистана середины—второй половины IV тыс. до н. э. — в Сялке III,4, Гиссаре IC, Дашлы-депе у Изганта периода позднего Намазга I, на Северном холме Анау (комплекс Анау II) и на Илгылы-депе периода Намазга II, а также в комплексах Мундигака I,5—II (Массон 1962б: табл. XI, 10, 12, 13; Хлопин 1963: 9; Casal 1961: 235, fig. 135, 4; Ghirshman 1938: 142, pl. LXXXV, S223; Korobkova, Sharovskaya 1994: 29; Schmidt 1937: 404, pl. XVIII, A, II 2095). На Кара-депе, Геоксюре I и Алтын-депе они известны в период Намазга III (конец III—начало IV тыс. до н. э.) (Коробкова 2001: рис. 12, 5; Массон 1960: табл. XXXII, 1, 4; Сарьяниди 1965б: 39). Представлены «гири» и позднее, в материалах эпохи бронзы III тыс. до н. э. на Алтын-депе, Улуг-депе, в Мундигаке III,6 и Гиссаре IIIВ (Алехин 1973: рис. 1, 4—7; Кирчо 1983: рис. 1, 13; Casal 1961: 235; Schmidt 1937: 404, pl. LXII, H 2895; LXIII, H 2772). Но изделия второй половины III тыс. до н. э. обычно более плоские, тщательно зашлифованные и иногда имеют сквозные прорезы в виде ступенчатых фигур или орнаментированы канавками (см., например: Коробкова 2001: рис. 22, 1; 28, 3; Сарьяниди 2001: рис. 36). Как правило, «гири» или их обломки находились в культурном слое поселений, в заполнении помещений или дворов. Имеются и свидетельства вторичного использования обломков этих изделий в качестве орудий труда. Однако в Южном Туркменистане по крайней мере в трех случаях они найдены на полах помещений «святых»: на Илгылы-депе периода ранней бронзы (Кирчо 1983: 22) и на Алтын-депе начала периода ранней бронзы (Массон 1981: 65, рис. 21). Большинство исследователей считает, что «гири» служили хозяйственными мерами веса сыпучих продуктов (предположительно зерна). В то же время, учитывая, что в ряде парадных помещений «святых» Илгылы-депе находились крупные сосуды для хранения зерна (Березкин, Соловьева 1998), а сам процесс заполнения сосудов запасами, возможно, был ритуализирован, «гири» могли использовать и в каких-то обрядовых действиях.

Близкие аналогии в комплексах времени среднего энеолита—начала ранней бронзы Южного Туркменистана находят и четыре категории металлических

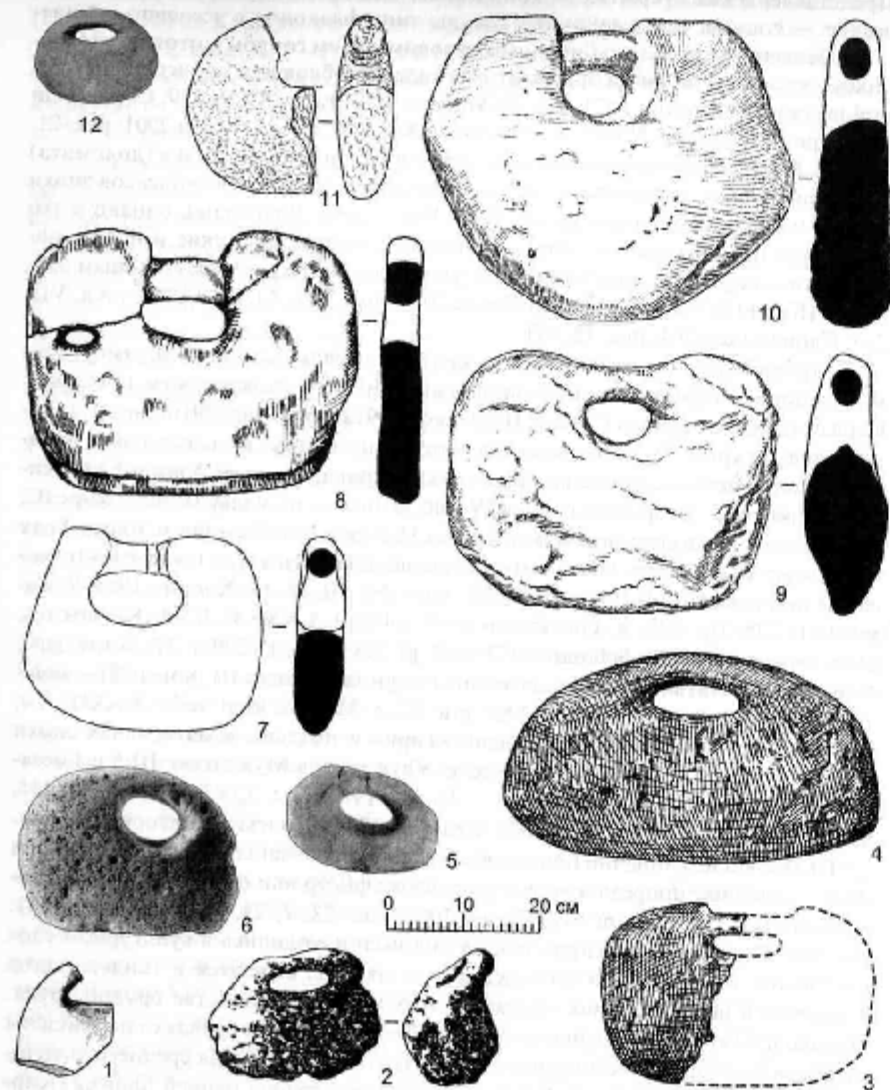

Рис. 3. Каменные «гирсы» середины—второй половины IV тыс. до н. э. (1—7) и первой трети III тыс. до н. э. (8—12): 1—Саялы III, 4; 2—Гиссар IC; 3, 4—Северный холм Анау, период Анау II; 5, 6—Илгынылы-депе, горизонт III; 7—Мундигаке I, 5; 8—Саразм II; 9, 10—Кара-депе, горизонт Кара IA; 11 и 12—Алтын-депе, горизонты II и 7 (1—по Ghirshman 1938; 2—по Schmidt 1937; 3, 4—по Массон 1962б; 5, 6—ФА, О-3515-52, 54; 7—по Casal 1961; 8—по Исаков 1991б; 9, 10—по Массон 1960; 11—по Коробкова 2001; 12—по Кирчо 1983)

изделий Саразма — косметические стержни с утолщением на одном конце и навершием в виде лопаточки, конуса, плоской спирали или ступенчатого ромба — на другом, крупное⁸ круглое зеркало без ручки, ножи (или наконечники дротиков) с длинным, изогнутым на конце черенком (рис. 4, 1—4, 11—14, 24), а также втульчатые топоры-тесла (Исаков 1991б: рис. 78). Косметические стержни появляются в Южном Туркменистане в инвентаре захоронений периода позднего Намазга II — самые ранние такие изделия с закругленным (рис. 4, 19) или согнутым петлей верхним концом (рис. 4, 16) найдены в погребениях периода Кара 3 (Массон 1960: табл. XV, 12) и раннегеоксюрского времени на Илгынылы-депе (Solovyova, Yegor'kov, Galibin, Berezkin 1994: fig. 2, 1). Стержни с навершиями в виде лопаточки или конуса (рис. 4, 17, 18) и крупное зеркало (рис. 4, 26) широко известны по раскопкам некрополя Геоксюр I (Сарианиди 1965б: рис. 11, 5, 17—19; Массон 1982: табл. VIII, 20). Стержни с навершиями в виде лопаточки и плоской спирали (рис. 4, 19—21) найдены на Кара-депе в погребениях периодов Кара IB—IA (Массон 1960: табл. XV, 9—11; Черных 1962: рис. 7, 13), а с навершиями в виде лопаточки и ступенчатого ромба встречены в захоронениях конца периода позднего энеолита—начала ранней бронзы на Алтын-депе (Кирчо 2005б: рис. 3, 1; 4, 5—7) и в Мундигаке IV, 1 (Casal 1961: fig. 140, 19—20). Двухлезвийные «ножи-дротики» с крючком на конце насада (рис. 4, 7) характерны только для позднелангачских-раннегеоксюрских комплексов Илгынылы-депе (Solovyova, Yegor'kov, Galibin, Berezkin 1994: fig. 1, 15—18), где найдены также зеркало диаметром 13 см (рис. 4, 29) и топор-тесло (Solovyova, Yegor'kov, Galibin, Berezkin 1994: fig. 1, 4, 6).

Терракотовая, металлическая и костяная печати-пуговицы из Саразма (Исаков 1991б: рис. 81, 3; Besenval, Isakov 1989: fig. 29, b) близки печатям периода ранней бронзы Алтын-депе (Кирчо 1990: рис. 2), а золотая овальная бусина с цилиндрической прорезкой в центре из раскола 5 Саразма идентична бусине⁹ из «святынища» «гробницы жрецов» Алтын-депе (Массон 1981: табл. XXII, 2) начала средней бронзы. Однако аналогии престижным предметам (печати, украшениям из поделочных камней и драгоценных металлов), как и каменным сосудам Саразма, носят широкий характер — такие изделия представлены на ряде памятников середины—второй половины III тыс. до н. э. (Мохенджо-Даро, Шортугай, Мергар, Шахри-Сохте, Гиссар и др.) и свидетельствуют скорее о хронологической, чем о культурной принадлежности.

Таким образом, тесные непосредственные контакты с южнотуркменистанскими общинами прослеживаются преимущественно на ранних этапах развития культуры Саразма и относятся к сравнительно узкому хронологическому промежутку — периоду среднего и позднего Намазга II—раннего Намазга III (около 3500/3400—3100/3000 лет до н. э.), не позднее времени существования двух-трех верхних строительных горизонтов поселения Геоксюр I. О прямых

⁸ В тексте книги А. И. Исакова указано, что диаметр зеркала — 17 см (Исаков 1991б: 52), однако по опубликованной зарисовке (Исаков 1991б: рис. 64, 2) диаметр зеркала — около 13 см. Зеркала эпохи ранней и средней бронзы на Алтын-депе в основном имели диаметр 6,5—8 см (Кирчо 2005б: 406).

⁹ Бусина имела, вероятно, древнеиндийское происхождение — такие бусины широко представлены в Шортугае, Лотхале и Харатпе (Franzfort 1989: 134, 135, pl. 73, 1), а ожерелья из них найдены в Мохенджо-Даро (Sharma, Sharma Madhuri 2003: fig. 121) и Гиссаре IIIВ (Schmidt 1937: fig. 138).

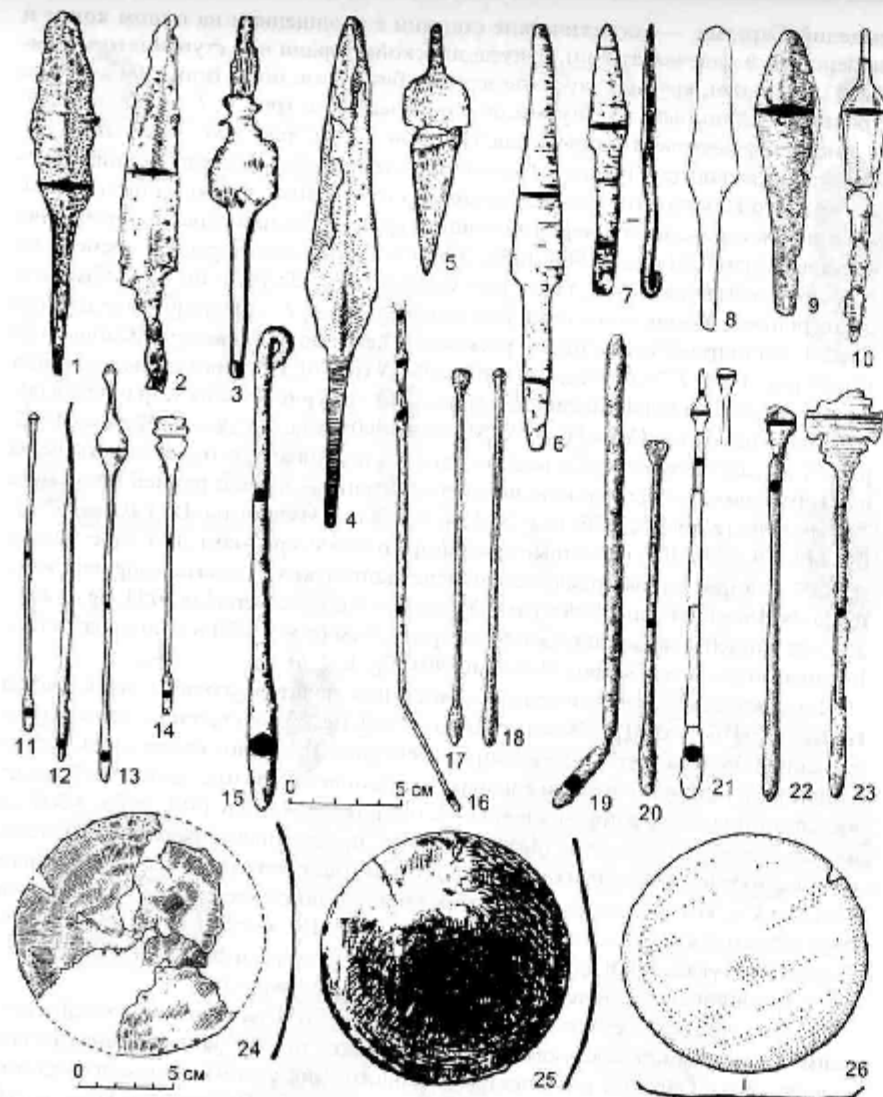

Рис. 4. Медные «ножи-дротикки» (1—4, 6—9), двулезвийные ножи (5, 10), косметические стержни (11—23) и зеркала (24—26): 1 — Сарам I; 2, 11 — Сарам II; 3—5, 12, 24 — Сарам III; 13, 14 — с поверхности поселения Сарам; 6, 7, 15, 25 — Ильтын-депе, горизонты III, III, IV; 8, 16—18, 26 — Геокюр I, горизонт 1; 9 — Северный холм Анау, период Анау II; 19, 20, 21 — Кара-депе, горизонты Кара 3, 1Б и 1; 10, 22 и 23 — Алтын-депе, горизонты 10 и 8 (1—5, 11—14, 24 — по Исаков 1991б; 6, 7, 15, 25 — по Solovyova, Yegor'kov, Galibin, Berezkin 1994; 8 — прорисовка автора; 9, 19 — по Массон 1962б; 10, 22, 23 — по Кирчо 2001а; 16—18 — по Сариянди 1963б; 20 — по Массон 1969; 21 — по Черных 1962; 26 — по Массон 1982)

постоянных контактах и передвижении части населения прежде всего из Юго-Восточного Туркменистана этого времени свидетельствуют очаги-алтари, геометрическая стенная роспись, комплексы керамики (технология, формы и орнаментация сосудов), «ножи-дротикки» с крючком на конце насада, топоры-тесла, крупное зеркало, косметические стержни с навершиями в виде конуса или лопаточки, фрагментированная женская статуэтка и глиняные предметы (подставки?), округлые «навершия», бусы из лазурита и обожженного стеатита, возможно, каменные гири с ручками и одноярусные двухкамерные гончарные печи — археологический комплекс, имеющий выраженную культурно-хронологическую принадлежность. В меньшей степени имеются соответствия материалам времени среднего и позднего Намазга III и начала ранней бронзы (3000—2700 лет до н. э.) — отдельные фрагменты керамики, косметические стержни с навершиями в виде лопаточки, плоской спирали и ступенчатого ромба, статуарный тип миниатюрных женских фигурок и включение их в состав погребального инвентаря, печати-пуговицы, каменные гири и одноярусные гончарные печи. Аналогичны же комплексам эпохи ранней и средней бронзы Южного Туркменистана в Саразме — использование гончарного круга при производстве керамики, биконический сосуд, плоская золотая бусина, сосуды из мраморовидных пород камня, ряд типов металлических и каменных орудий труда (двулезвийные ножи-кинжалы, противовесы и др.) — носят скорее хронологический характер. Фактически для середины—второй половины III тыс. до н. э. можно говорить только об общем для верховьев Зеравшана и Южного Туркменистана направлении развития культур, возможно, эпизодических контактах населения и включении его в широкую систему межрегиональных взаимодействий.

Как показало трасологическое изучение орудий труда Саразма (Раззиков 1994) и специальные обследования горных массивов региона, основу экономики поселения помимо земледелия и скотоводства составляли добыча и обработка минеральных ресурсов (полиметаллических руд и каменного сырья). Поскольку именно на памятниках второй половины IV тыс. до н. э. Юго-Восточного Туркменистана засвидетельствовано наибольшее количество крупных медных предметов — топоры, ножи, зеркала, стержни и т. д. (Массон 1982: табл. VII—VIII; Solovyova, Yegor'kov, Galibin, Berezkin 1994: fig. 1—2), а также найдены многочисленные орудия труда для изготовления и обработки металлических изделий (Коробкова 2001; Korobkova, Sharovskaya 1994), можно предполагать, что верховья Зеравшана были основным источником меди (и медной руды?), а возможно, и других видов минерального сырья для юго-запада Средней Азии. Постоянные культурные взаимодействия населения Саразма и Южного Туркменистана продолжались не менее 300 лет и, вероятно, представляли собой систематические торгово-обменные связи. Учитывая большую обводненность региона в IV тыс. до н. э., можно предполагать, что передвижение людей и товаров осуществлялось с помощью тягловой силы быков. Во всяком случае первые предположительные свидетельства существования колесного транспорта на юге Средней Азии — так называемые терракотовые модели колес с односторонней ступицей относятся к периоду Намазга II, а на Алтын-депе уже в слоях геокюрского времени (13-й, 12-й горизонты) найдены терракотовые модели кузовов одноосных однодышловых повозок (типа арбы) и ко-

лес с двусторонней ступицей. В предварительном порядке намечаются и направления торговых путей. Так, на севере древней дельты Мургаба отмечены отдельные пункты с керамикой и статуэткой времени позднего Намазга II (Масимов 2000), а переотложенная расписная керамика геоксюрского типа представлена также в столице Маргианы эпохи бронзы Гонур-депе. Через Маргиану торговые экспедиции могли двигаться как в северо-восточном, так и в восточном направлении до Амударьи и далее по долине Зеравшана или Сурхандарьи. В 2005 г. на правом берегу Шерабаддарьи найдено поселение с орнаментированной керамикой времени Намазга III.¹⁰ Возможно, существовал и южный путь — вверх по Мургабу (или Теджену через Серахское поселение), а затем на северо-восток по предгорьям Северного Афганистана через дельту Акчи на Термез.¹¹

По северо-восточному пути — через дельту Мургаба — вероятно, осуществлялись контакты населения Южного Туркменистана и культуры Заман-баба низовий Зеравшана в эпоху бронзы.

¹⁰ Устное сообщение немецкого археолога Н. Бороффка (N. Boroßka) 13.10.2005 г.

¹¹ В историческое время таков был один из отрезков Великого шелкового пути.

- Алехина 1973 — Алехина В. А. Каменные гири с древнеземледельческих поселений Южной Туркмении // СА. 1973. № 4. С. 238—242.
- Березкин 1989 — Березкин Ю. Е. Энеолитические святилища Илгыны-депе // Известия АН Туркменской ССР. Ашхабад, 1989. № 4. С. 20—24.
- Березкин 2001 — Березкин Ю. Е. Квартальный центр эпохи бронзы на Алтын-депе // Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. СПб., 2001. С. 40—59.
- Березкин, Соловьева 1998 — Березкин Ю. Е., Соловьева Н. Ф. Парадные помещения Илгыны-депе (предварительная типология) // АВ. 1998. № 5. С. 85—123.
- Гулямов, Исламов, Аскарв 1966 — Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарв А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарыфгана. Ташкент, 1966.
- Исаков 1991а — Исаков А. И. Верховья Зеравшана в эпоху энеолита и бронзы (к проблеме многоочагового развития Средней Азии в раннеземледельческую эпоху): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1991.
- Исаков 1991б — Исаков А. И. Саразм. Душанбе, 1991.
- Исаков 1992 — Исаков А. И. Богатое женское погребение из Саразма (Таджикистан) // АВ. 1992. № 1. С. 64—75.
- Кирчо 1983 — Кирчо Л. Б. Раскопки слоев ранней бронзы на Алтын-депе в 1979—1980 гг. // КСИА. 1983. Вып. 176. С. 58—76.
- Кирчо 1990 — Кирчо Л. Б. Древнейшие печати и их оттиски из Алтын-депе // СА. 1990. № 3. С. 176—183.
- Кирчо 2001а — Кирчо Л. Б. Металлические изделия Алтын-депе // Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. СПб., 2001. С. 60—84.
- Кирчо 2001б — Кирчо Л. Б. Основные типы сооружений и технологии строительства Алтын-депе в эпоху позднего энеолита и ранней бронзы // Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. СПб., 2001. С. 5—39.
- Кирчо 2004 — Кирчо Л. Б. Формирование древнейшей протогородской цивилизации бронзового века Средней Азии (по материалам Алтын-депе) // У истоков цивилизации. М., 2004. С. 142—160.
- Кирчо 2005а — Кирчо Л. Б. Общая характеристика погребений Алтын-депе // Хронология эпохи позднего энеолита—средней бронзы Средней Азии. СПб., 2005. С. 324—346.

- Кирчо 2005б — Кирчо Л. Б. Погребальный инвентарь Алтын-депе // Хронология эпохи позднего энеолита—средней бронзы Средней Азии. СПб., 2005. С. 347—421.
- Коробкова 2001 — Коробкова Г. Ф. Функциональная типология орудий труда и других нематаллических изделий Алтын-депе // Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. СПб., 2001. С. 146—212.
- Масимов 2000 — Масимов И. С. Истоки древнемургабской цивилизации // Культурное наследие Туркменистана (глубинные истоки и современные перспективы): Материалы к международной научной конференции. Ашхабад: СПБ., 2000. С. 25—26.
- Массон 1960 — Массон В. М. Кара-депе у Артыка // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1960. Т. 10. С. 319—463.
- Массон 1962а — Массон В. М. Новые данные о Джейтуне и Кара-Тепе // СА. 1962. № 3. С. 157—175.
- Массон 1962б — Массон В. М. Памятники развитого энеолита Юго-Западной Туркмении. Энеолит южных областей Средней Азии. Ч. 2. САИ. Вып. 63-8. М.: Л., 1962.
- Массон 1981 — Массон В. М. Алтын-депе. Л., 1981.
- Массон 1982 — Массон В. М. Энеолит Средней Азии // Энеолит СССР. М., 1982. С. 10—92.
- Резюков 1994 — Резюков А. Р. Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Саразма (по экспериментально-трассологическим данным): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1994.
- Сарияниди 1960 — Сарияниди В. И. Энеолитическое поселение Геоксюр (Результаты работ 1956—1957 гг.) // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1960. Т. 10. С. 225—318.
- Сарияниди 1962 — Сарияниди В. И. Культурные здания поселения апауской культуры // СА. 1962. № 1. С. 44—56.
- Сарияниди 1963 — Сарияниди В. И. Керамические формы восточноапауских поселений // КСИА. 1963. Вып. 93. С. 80—85.
- Сарияниди 1964 — Сарияниди В. И. Хапуз-депе как памятник эпохи бронзы // КСИА. 1964. Вып. 98. С. 63—65.
- Сарияниди 1965а — Сарияниди В. И. Геоксюрский некрополь (раскопки 1963 г.) // МИА. 1965. № 130. С. 102—105.
- Сарияниди 1965б — Сарияниди В. И. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. Энеолит южных областей Средней Азии. Ч. 4. САИ. Вып. 63-8. М., 1965.
- Сарияниди 1966 — Сарияниди В. И. Раскопки в Юго-Восточных Каракумах в 1964 г. // КСИА. 1966. Вып. 108. С. 89—95.
- Сарияниди 1968 — Сарияниди В. И. О великом лазуритовом пути на Древнем Востоке // КСИА. 1968. Вып. 114. С. 3—9.
- Сарияниди 2001 — Сарияниди В. И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001.
- Хлопин 1963 — Хлопин И. И. Памятники раннего энеолита Южной Туркмении. Энеолит южных областей Средней Азии. Ч. 1. САИ. Вып. 63-8. Л., 1963.
- Хлопин 1969 — Хлопин И. И. Памятники развитого энеолита Юго-Восточной Туркмении. Энеолит южных областей Средней Азии. Ч. 3. САИ. Вып. 63-8. Л., 1969.
- Хлопин 1971 — Хлопин И. И. Темное на Кара-Тепе // СА. 1971. № 3. С. 221—228.
- Хлопин 1997 — Хлопин И. И. Энеолит Юго-Западного Туркменистана. СПб., 1997.
- Черных 1962 — Черных Е. Н. Некоторые результаты изучения металла апауской культуры // КСИА. 1962. Вып. 91. С. 30—38.
- Шаровская 2003 — Шаровская Т. А. Типолого-технологический анализ прясени и завершей эпохи энеолита из поселения Алтын-депе // Петербургская трассологическая школа и изучение древних культур Евразии. СПб., 2003. С. 319—322.
- Щегинко 1968 — Щегинко А. Я. Раскопки памятников эпохи энеолита и бронзового века в Каах-хитском районе // Каракумские древности. Ашхабад, 1968. Вып. 1. С. 18—29.
- Besenval, Izakov 1989 — Besenval R., Izakov A. Sarazm et les débuts du peuplement agricole dans la région de Samarkand // Arts Asiatiques. Paris, 1989. T. 44. P. 5—20.
- Casal 1961 — Casal J.-M. Fouilles de Mandigak. Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan. Paris, 1961. T. 17. Vol. 1, 2.
- Casanova 1991 — Casanova M. La vaisselle d'albâtre de Mésopotamie, d'Iran et d'Asie centrale aux IIIe et IIe millénaires av. J.-C. Paris, 1991.
- Francfort 1989 — Francfort H.-P. Fouilles de Shortugai. Recherches sur l'Asie Centrale protohistorique. Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale. Paris, 1989. T. 2. Vol. 1, 2.
- Ghirshman 1938 — Ghirshman R. Fouilles de Sialk près de Kashan. 1933, 1934, 1937. Paris, 1938.

- Isakov 1981 — *Isakov A.* Excavations on the Bronze Age Settlement of Sarazm // *The Bronze Age Civilization of Central Asia*. Armonk; New York, 1981. P. 273–286.
- Isakov, Lyonnet 1988 — *Isakov A., Lyonnet B.* Ceramiques de Sarazm (Tadjikistan, URSS): Problèmes d'échanges et de peuplement à la fin du chalcolithique et au début de l'âge du Bronze // *Paléorient*. Paris, 1988. Vol. 14/1. P. 31–47.
- Khlopin 1993 — *Khlopin I. N.* Zoroastrianism — location and time of its origin // *Iranica Antiqua*. Gent, 1993. Vol. 27. P. 95–116.
- Kircho 1988 — *Kircho (Kirča) L. B.* The Beginning of the Early Bronze Age in Southern Turkmenia on the Basis of Altyn-depe Materials // *East & West*. 1988. Vol. 38, Nos. 1–4. P. 33–64.
- Kircho 1994 — *Kircho L. B.* New studies of the Late Chalcolithic at Altyn-depe, Turkmenistan // *New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia*. Sankt-Petersburg, 1994. P. 39–43.
- Korobkova, Sharovskaya 1994 — *Korobkova G. F., Sharovskaya T. A.* Stone tools from Ilgynly-depe (Turkmenistan): the evidence from use-wear analysis // *New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia*. Sankt-Petersburg, 1994. P. 27–30.
- Lyonnet 1996 — *Lyonnet B.* Sarazm (Tadjikistan) ceramiques (Chalcolithique et Bronze Ancien). Paris, 1996.
- Masson, Berezkin, Solovyova 1994 — *Masson V. M., Berezkin Yu. E., Solovyova N. F.* Excavations of houses and sanctuaries at Ilgynly-depe Chalcolithic site, Turkmenistan // *New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia*. Sankt-Petersburg, 1994. P. 18–26.
- Masson, Sarianidi 1972 — *Masson V. M., Sarianidi V. I.* Central Asia. Turkmenia before the Achae-menids. London, 1972.
- Schmidt 1937 — *Schmidt E. F.* Excavations at Tepe-Hissar Damghan. Philadelphia, 1937.
- Sharma, Sharma Madhuri 2003 — *Sharma D. P., Sharma Madhuri.* Panorama of Harappan Civilization. New Delhi, 2003.
- Solovyova 2005 — *Solovyova N. F.* Chalcolithic Anthropomorphic Figurines from Ilgynly-depe, Southern Turkmenistan. Classification, analysis and catalogue: BAR International Series 1336 Oxford, 2005.
- Solovyova, Yegor'kov, Galbin, Berezkin 1994 — *Solovyova N. F., Yegor'kov A. N., Galbin V. A., Berezkin Yu. E.* Metal artifacts from Ilgynly-Depe, Turkmenistan // *New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia*. Sankt-Petersburg, 1994. P. 31–35.

НА ИИМК РАН, ФА, О 3514-8; О-3515-52, 54.

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА ИЗ НЕКРОПОЛЯ АРТЮЩЕНКО-2¹

С. В. КАШАЕВ

Сельское поселение античного времени Артющенко-2 находится на берегу Черного моря в 3 км к юго-востоку от поселка Артющенко и примерно в 15 км к юго-востоку от станицы Тамань (Темирюкский район Краснодарского края). В 2002 г. к востоку от поселения был обнаружен его грунтовый некрополь (Виноградов, Кашаев 2003: 234), со следующего сезона Таманский отряд Боспорской экспедиции ИИМК РАН начал его раскопки (Кашаев, Грищик 2004: 266; Кашаев 2004: 184). Весь памятник Артющенко-2 расположен на высоком обрывистом берегу Черного моря и постоянно разрушается в результате абразии (Kashaev 2005: 63).

В 2003—2006 гг. на некрополе исследован участок площадью более 900 м², вытянутый вдоль берегового обрыва с запада на восток. Этот обрыв ограничивает некрополь с южной стороны. В 2006 г. была обнаружена западная граница некрополя, она располагается примерно в 180 м от восточной границы поселения и проходит по вытянутой с севера на юг линии сырцовых гробниц. Определение северной и западной границ позволит в дальнейшем судить о сохранившихся размерах могильника.

На раскопанной площади и в осыпи берегового обрыва обнаружено 34 захоронения с погребальным инвентарем. Набор керамических изделий, обнаруженных в погребениях, чрезвычайно разнообразен — от простых мисок и кувшинов до амфор, аттической чернолаковой и лепной керамики. В целом инвентарь из погребений можно датировать концом VI—IV в. до н. э., большинство обнаруженных захоронений относится к V в. до н. э.

Раскопки некрополя Артющенко дают многочисленные и интересные археологические материалы, изучение которых поможет исследованию целого ряда принципиальных проблем, связанных с освоением греками Азиатского Боспора, типом хозяйственной деятельности, торговыми и культурными связями поселенцев. В кругу этих проблем одной из самых важных является проблема контактов между греками и местным населением региона. Традиционно надежным индикатором присутствия выходцев из варварской среды в составе жителей античных городов и поселений считается лепная керамика. Именно эта группа находок привлекает особое внимание исследователей при рассмотрении вопросов о наличии на поселении варварского населения, его происхождении и многочисленности. Новые материалы из некрополя Артющенко-2 свидетельствуют о взаимопроникновении и смешении на Боспоре двух культур — греческой и варварской, каждая из которых представлена своим набором находок.

¹ Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», проект «Миграция кочевников Евразии и процессы социокультурной адаптации греков и варваров на берегах Боспора Киммерийского».

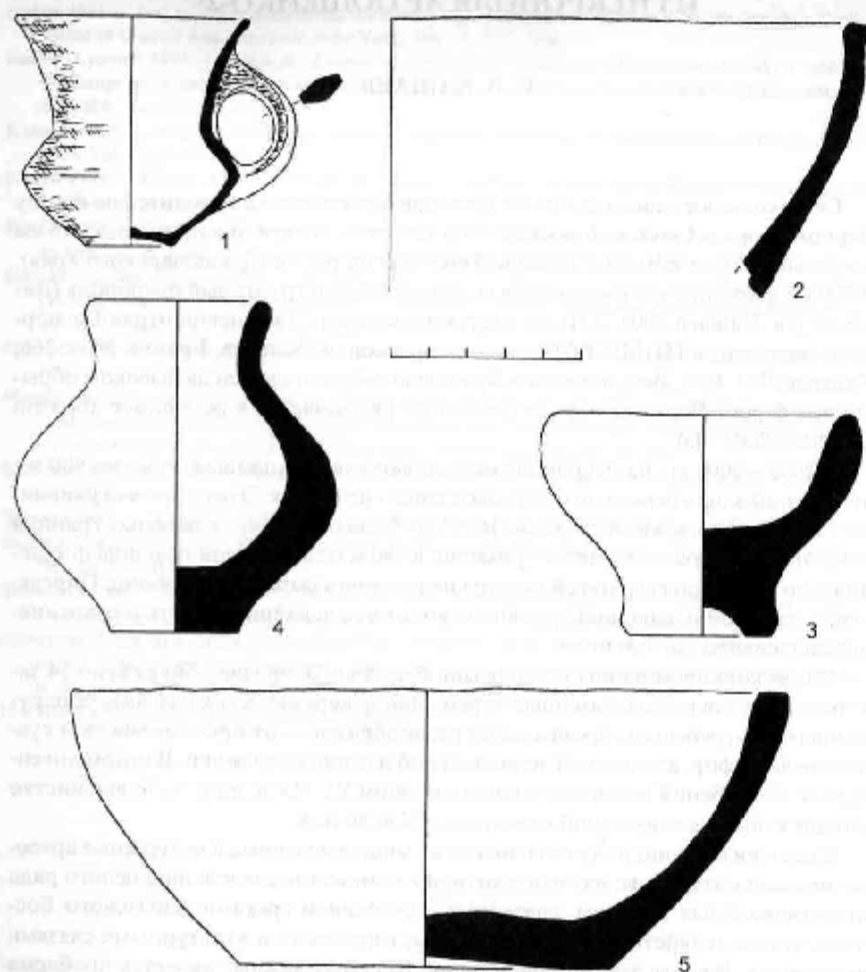

Рис. 1. Лепная керамика из некрополя Артюшенко-2: 1 — кружка (погр. № 24); 2 — миска (погр. № 17); 3 и 5 — чашечка и миска (погр. № 10); 4 — горшочек (погр. № 25)

Данная работа посвящена лепным сосудам из погребального инвентаря некрополя Артюшенко-2. На исследованном участке некрополя обнаружено четыре погребения (№ 10, 17, 24, 25), в которых найдены пять лепных сосудов.

В погребении № 10, датированном V в. до н. э., найдена небольшая чашечка на подставке (рис. 1, 3; 2, 1). Она имеет округлый вертикальный венчик и цилиндрическую ножку с несимметричным углублением в основании. Глина чашечки — светло-коричневого цвета; высота сосуда — 5,8 см, диаметр венчика — 7,8 см, ножки — 3,8 см.

Аналогии такой чашечке имеются в могильнике одного из меотских городищ Правобережной Кубани — Старокорсунского. Там найден очень похожий лепной сосуд, названный авторами «вазочкой» (Лимберис, Марченко 2001: 116

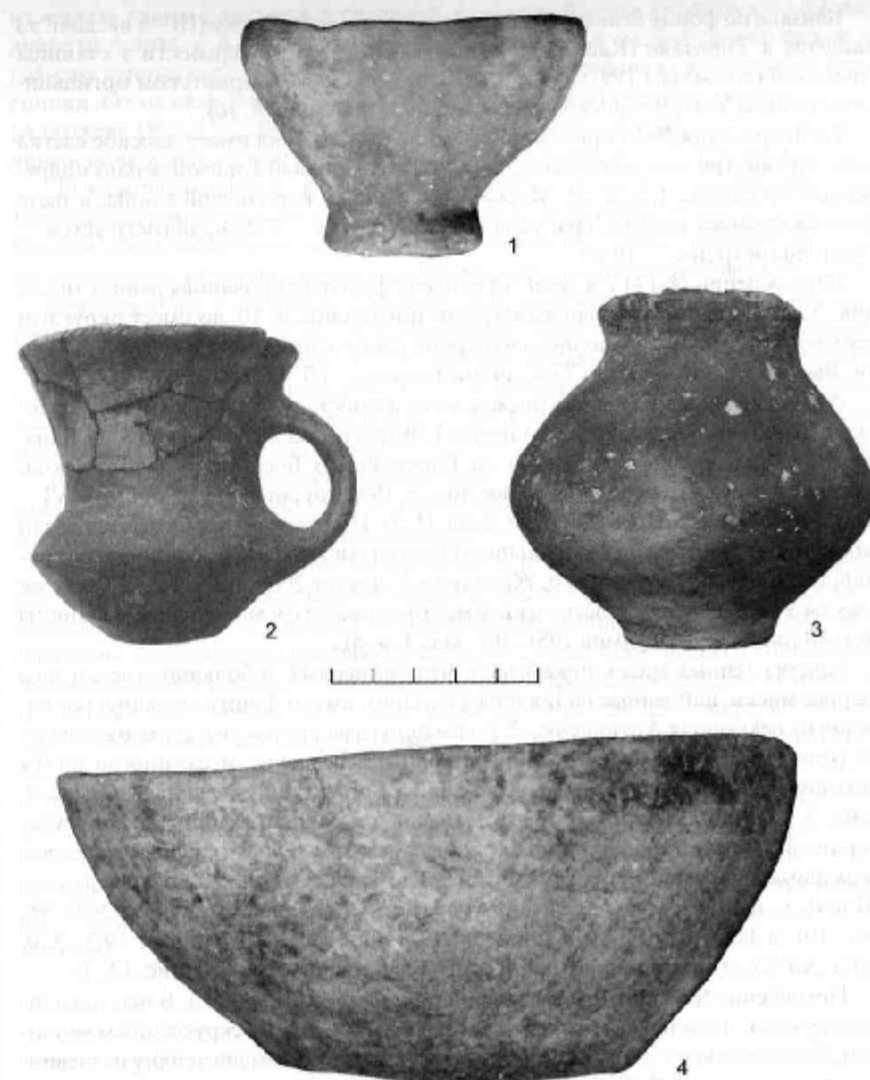

Рис. 2. Лепные сосуды из некрополя Артюшенко-2

рис. 36, 6) и датированный около середины V в. до н. э. (Лимберис, Марченко 2001: 60). По данным Е. Г. Кастанаян, прототипы таких сосудов встречены на Семибратнем городище в слое V в. до н. э. (Кастанаян 1981: 57).

В некрополях конца VI—III в. до н. э. у аула Уляп (Ульский) часто находят очень похожие по форме и размеру «вазочки», как лепные, так и гончарные (Лесков и др. 2005: 100, рис. 19, 3; 103, рис. 25, 8; 107, рис. 32, 4; 119, рис. 57, 7; 120, рис. 59, 5; 149, рис. 130, 8). При имеющейся разнице в способе изготовления сосуды такой формы могли иметь одинаковое предназначение.

Близкие по форме лепные чашечки более позднего времени (III—I вв. до н. э.) найдены в Тиритаке (Кастанаян 1981: 57, рис. 13, 2), в крепости у станицы Анапской (Алексеева 1997: 298, табл. 18, 6, 7) и в меото-сарматском могильнике у станицы Усть-Лабинской (Анфимов 1951: 171, рис. 5, 10).

Из погребения № 10 происходит и лепная миска. Она имеет плоское слегка вогнутое внутрь дно, округлые стенки и вертикальный горизонтально подрезанный край (рис. 1, 5; 2, 4). Миска выполнена из коричневой глины, в тесте имеется примесь толченой ракушки. Высота сосуда — 7,2 см, диаметр устья — 19 см, диаметр дна — 10 см.

В погребении № 17 (V в. до н. э.) найдена фрагментированная лепная миска (рис. 1, 2). По форме она близка миске из погребения № 10, но имеет округлый вертикальный край и выполнена из черной глины с примесью толченой ракушки. Высота миски — около 7 см, диаметр устья — 20—22 см.

Аналогии мискам имеются прежде всего в синхронных по времени комплексах на соседнем поселении Артюшенко-1 (Виноградов 2006: 74, рис. 2, 7). Близкие по форме сосуды найдены и на Европейском Боспоре — в Мирмекии, например, миски из слоев VI—IV вв. до н. э. (Кастанаян 1981: 34, рис. 4) и VI—V вв. до н. э. (Кастанаян 1981: 139, табл. II, 5). Похожие сосуды имеются среди находок Елизаветовского могильника (Кастанаян 1981: 34) и городища, например, миски типа VI (Марченко, Житников, Копылов 2000: табл. 31, 3). Такие же сосуды VI—V вв. до н. э. встречены в меото-сарматском могильнике у станицы Усть-Лабинской (Анфимов 1951: 161, рис. 1, 4, 5).

Анализ лепных мисок показывает, что, во-первых, в большинстве случаев лепные миски, найденные на Боспоре (Тамани), имеют форму, отличную от сосудов из некрополя Артюшенко-2: более округлые стенки, выступы-налепы на закраине и стенках, загнутый внутрь край и вследствие этого иногда почти биконическое тулово, например, сосуды из Горгиппии (Алексеева 1997: 289, табл. 9, 13—19). Во-вторых, при относительной редкости форма мисок из захоронений в некрополе Артюшенко-2 была довольно устойчивой и существовала длительное время. Похожие миски найдены на памятниках Боспора в слоях III в. н. э., например, на поселении Андреевка Северная (Кругликова 2000: 95, рис. 10), в Илурате (Гайдукевич 1958: 131, рис. 140, 1; Кастанаян 1981: 170, табл. XXXV, 8) и некрополе Фанагории (Блаватский 1951: 210, рис. 12, 3).

Погребение № 24 датируется первой половиной IV в. до н. э. В нем находилась кружка, имеющая воронковидную верхнюю часть со скругленным венчиком, биконическое тулово на нешироком слегка вогнутом дне и одну петлевидную ручку (рис. 1, 1; 2, 2). Глина кружки темно-серая, снаружи сохранились следы лощения. Высота сосуда — 6 см, диаметр тулова — 5,8 см, венчика — 6,1 см.

Похожие кружки имеют многочисленные аналогии в материалах меотских некрополей Прикубанья V—III вв. до н. э. Встречены они в могильнике у хутора Ленина (Лимберис, Марченко 2001: 98, рис. 18, 8), у городища Спорное (Бочковой, Лимберис, Марченко 2005: 215, рис. 20, 10), у аула Уляп (Лесков и др. 2005: 105, рис. 29, 4; 116, рис. 50, 8; 122, рис. 63, 2), у станицы Пашковской (Смирнов 1958: 286, рис. 8, 4; 291, рис. 10, 11, 13).

В погребении № 25, также относящемся к первой половине IV в. до н. э., обнаружен небольшой лепной горшочек (рис. 1, 4; 2, 3) с узким дном, раздутым, почти шаровидным туловом и слегка отогнутым венчиком. Сосуд сделан

из черной глины с примесью толченой ракушки. Высота горшочка — 8,6 см, диаметр тулова — 8,4 см, венчика — 4,2 см, дна — 3,4 см. Близкие по форме и размеру лепные горшочки встречены во многих погребениях в некрополе Горгиппии. От нашего экземпляра они отличаются чуть большим диаметром дна (Алексеева 1991: 114, табл. 41, 15; 115, табл. 42, 8; 120, табл. 47, 8). Такие же горшочки обнаружены и на городище Горгиппия (Алексеева 1997: 396, табл. 114, 5).

По классификации К. К. Марченко, горшки такой формы, найденные на Елизаветовском городище, относятся к типу I (Марченко 1972: 125, рис. 2, 2). Сосуды таких маленьких размеров использовать для приготовления пищи затруднительно, но они могли быть детскими игрушками (Марченко 1972: 128).

В могильнике у городища Спорное имеются близкие по форме и размеру горшочки, выполненные на гончарном круге (Бочковой, Лимберис, Марченко 2005: 199, рис. 5, 1; 207, рис. 13, 1). Авторы называют их «туалетными» (Бочковой, Лимберис, Марченко 2005: 179). Такие же гончарные сосуды имеются в могильнике у аула Уляп (Лесков и др. 2005: 101, рис. 21, 8; 104, рис. 27, 9; 115, рис. 47, 1), где они именуется «кубышками».

Возможно, что горшочки-кубышки имели одинаковое назначение (в качестве детских игрушек, туалетных или других сосудов) независимо от способа их изготовления (лепной или гончарной).

Подводя некоторые итоги, можно отметить, что все лепные сосуды в некрополе Артюшенко-2 встречены в индивидуальных женских погребениях (Кашаев 2005: 136) или в парных, где имеется костяк женщины (Кашаев 2006: 180). Аналогии сосудам из некрополя Артюшенко-2 представлены на различных памятниках Азиатского Боспора и Прикубанья. Предположительно их наличие можно связать с варварским населением Боспора. Более конкретно можно предполагать, что это были женщины из местных племен — синдов или меотов.

Костяки взрослых женщин и сопроводительный инвентарь присутствовали в 12 индивидуальных или коллективных погребениях из 34 изученных. Т. е. получается, что для 12 женщин были положены 5 лепных сосудов, или почти каждую вторую женщину сопровождала лепная керамика. Косвенно это может указывать на процент варварского населения среди женщин поселения Артюшенко-2.

Алексеева 1991 — Алексеева Е. М. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М., 1991.

Алексеева 1997 — Алексеева Е. М. Античный город Горгиппия. М., 1997.

Анфимов 1951 — Анфимов Н. В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской // МИА. 1951. № 23. С. 155—207.

Блаватский 1951 — Блаватский В. Д. Раскопки некрополя Фанагории в 1938—1940 гг. // МИА. 1951. № 19. С. 189—226.

Бочковой, Лимберис, Марченко 2005 — Бочковой В. В., Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Погребения с амфорами из могильника городища Спорное // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2005. № 5. С. 172—218.

Виноградов 2006 — Виноградов Ю. А. Лепная керамика архаического времени с поселения Артюшенко-1 на Таманском полуострове // Записки ИИМК РАН. СПб., 2006. № 1. С. 69—76.

Виноградов, Кашаев 2003 — Виноградов Ю. А., Кашаев С. В. Боспорская экспедиция ИИМК РАН // Археологические открытия 2002 года. М., 2003. С. 233—235.

- Гайдукевич 1958 — *Гайдукевич В. Ф.* Илурад. Боспорские города // МИА. 1958. № 85. С. 9—148.
- Кастаниян 1981 — *Кастаниян Е. Г.* Лепная керамика боспорских городов. Л., 1981.
- Кашаев 2004 — *Кашаев С. В.* Некрополь около поселения Артыушченко-2 // Боспор Киммерийский. Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы: Сб. науч. материалов V Боспорских чтений. Керчь, 2004. С. 184—190.
- Кашаев 2005 — *Кашаев С. В.* Некрополь поселения Артыушченко-2 (работы 2004 г.) // Боспор Киммерийский. Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации, катастрофы: Сб. науч. материалов VI Боспорских чтений. Керчь, 2005. С. 136—140.
- Кашаев 2006 — *Кашаев С. В.* Коллективные погребения (№ 10, 21, 24, 25) из некрополя Артыушченко-2 // Материалы Первой Абхазской археологической конференции, памяти Ю. Н. Воронцова. Сухум, 2006. С. 180—186.
- Кашаев, Грицик 2004 — *Кашаев С. В., Грицик Е. В.* Работы Таманского отряда Боспорской экспедиции ИИМК // Археологические открытия 2003 года. М., 2004. С. 266—268.
- Кругликова 2000 — *Кругликова И. Т.* Раскопки поселения Андреевка Северная // Древности Боспора. М., 2000. № 3. С. 78—96.
- Лесков и др. 2005 — *Лесков А. М., Белова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрих В. Р.* Меоты Закубанья в середине VI—начале III вв. до н. э. Некрополи у аула Уляп. М., 2005.
- Лимберис, Марченко 2001 — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Погребения VI—V вв. до н. э. из грунтовых могильников меотских городищ Правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2001. № 1. С. 32—123.
- Марченко 1972 — *Марченко К. К.* Лепная керамика V—III вв. до н. э. с городища у станции Елизаветовская на Нижнем Дону // СА. 1972. № 1. С. 122—134.
- Марченко, Житнигов, Копылов 2000 — *Марченко К. К., Житнигов В. Г., Копылов В. П.* Елизаветовское городище на Дону. М., 2000.
- Смирнов 1958 — *Смирнов К. Ф.* Меотский могильник у станции Пашковской // МИА. 1958. № 64. С. 272—312.
- Kashaev 2005 — *Kashaev Sergey.* Excavation of the necropolis Artyushchenko-2 and the rate of erosion of the southern shore of the Taman Peninsula // Third International Congress On Black Sea Antiquities (Pontic Congress). Praga, 2005. P. 63.

ДРЕВНЕЕ РАССЕЛЕНИЕ И ЗЕМЛЕДЕЛИЕ НА ВОСТОЧНОМ БЕРЕГУ оз. ИЛЬМЕНЬ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ И ПАЛЕОГЕОГРАФИИ¹

И. И. ЕРЕМЕЕВ, О. Ф. ДЗИОБА, О. В. ЛИСИЦЫНА

В 2003 г. в Новгородской областной экспедиции был создан Восточно-Приильменский отряд, основной задачей которого стало изучение восточной части Ильменской озерной котловины между дельтами рек Мсты и Ловати. Ранее эта территория не привлекала систематического внимания исследователей. Работа отряда должна была ликвидировать определенный географический дисбаланс в археологическом изучении Приильмения и Новгородской округи, сложившийся в 1960—1990-е гг., и позволить реконструировать в дальнейшем древнюю систему расселения вокруг оз. Ильмень как единое целое. С этой целью для изучения нами было выделено близ Ильменя несколько контрольных участков.

В этой публикации рассматривается область Бронницкой гряды, располагающаяся между дельтами рек Мсты и Ниши (Бронницкий контрольный участок) и образующая в Восточном Приильмье своеобразный изолированный археологический микрорегион (рис. 1). Наши исследования здесь носили предварительный характер и имели преимущественно географическую направленность. Стержневой их частью стало построение для этого участка спорово-пальцевой диаграммы, приводящейся ниже. Археологический и геоботанический обзоры имеют целью в первую очередь проиллюстрировать и дополнить данные палеоботаники. Археологическое изучение микрорегиона еще впереди. Пока же мы ограничились только сбором рассеянных в различных изданиях отрывочных публикаций и архивных данных, а также небольшими разведками.

1. Бронницкий участок. Географическая характеристика области низовьев рек Мсты и Ниши

Ключевой участок Бронница (рис. 1—3) расположен к юго-востоку от Мстинской дельты. Координаты крайних точек территории: северо-западная — $31^{\circ}31'$ в. д. $58^{\circ}31'$ с. ш., северо-восточная — $31^{\circ}49'$ в. д. $58^{\circ}31'$ с. ш., юго-западная — $31^{\circ}31'$ в. д. $58^{\circ}18'$ с. ш., юго-восточная — $31^{\circ}49'$ в. д. $58^{\circ}18'$ с. ш. Общая площадь участка составляет 408 км^2 (24 км с севера на юг и 17 км с запада на восток). На всю указанную территорию в процессе работы были составлены ландшафтная карта и карта современной растительности в масштабе 1 : 50 000.

В пределах исследованного участка абсолютные высоты колеблются от 18 м (юго-западная оконечность территории) до 57 м над уровнем моря² (Бронницкое городище). Наблюдается общее повышение территории с юго-запада на се-

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ (проекты 03-06-80048 и 06-06-80485).

² Абсолютные высотные отметки в тексте даны в Балтийской системе (БС).

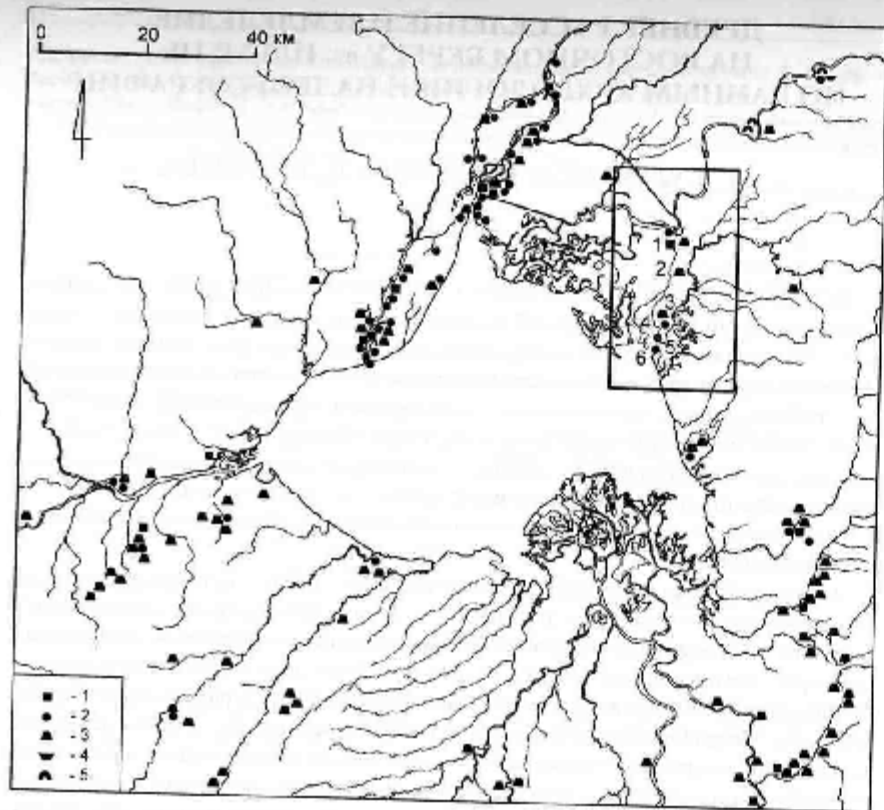

Рис. 1. Археологические памятники второй половины I тыс. н. э. в окрестностях оз. Ильмень. Условные обозначения: 1 — городища; 2 — селища; 3 — сопки; 4 — грунтовые могильники; 5 — курганы. Рамкой обведен Bronnitskiy участок: 1 — Bronnitsa; 2 — Ямно; 3—5 — Наволок; 6 — Войцы

Рис. 2. Bronnitskiy участок. Ландшафтная структура микрорегиона и средневековые поселения в пойме оз. Ильмень в районе Bronnitskiy гряды: 1 — Bronnitsa; 2 — Ямно; 3 — 5 — Наволок; 6 — Войцы. Условные обозначения: 1 — границы ресурсных зон радиусом 5 км; 2 — границы ресурсных зон радиусом 3 км; 3 — разрез торфяника у дер. Наволок; 4 — сопка; 5 — селище; 6 — городище; 7 — слабопроточная пойма оз. Ильмень и дельты рек с периодическим избыточным увлажнением (аллювиальные иловато-торфяно-глистые почвы); 8 — поймы рек с периодическим избыточным увлажнением (аллювиальные слоистые почвы); 9 — равнины на озерно-ледниковых песчаных и супесчаных отложениях (дерново и дерново-глистые почвы)

веро-восток. Рельеф равнинный, относительные превышения едва достигают 5 м, за исключением Брошицкого холма. Он возвышается над окрестной равниной на 37 м.

Территория ключевого участка относится к геоморфологическому району Приильменской низины. Дочетвертичные породы здесь представлены Франским ярусом верхнего отдела девонской системы. Коренные породы перекрыты сплошным чехлом четвертичных отложений, средняя мощность которых — 25—30 м (Атлас Новгородской области 1982). Преобладают верхнечетвертичные водно-ледниковые и валунные пески и супеси Крестецкого слоя Валдайского горизонта. Современные озерные отложения, представленные глинистыми и иловатыми повсеместно заторфованными супесями, занимают пойму оз. Ильмень на юго-западе исследованного участка.

В нижнем течении (от устья р. Холова до Бронницы) Мста пересекает водно-ледниковую равнину, сложенную преимущественно песчаными отложениями. Абсолютные высотные отметки 20—30 м. Здесь широко распространены сосновые леса. Пространства между Мстой и Вишерой, а также между Мстой и Холовой сильно заболочены. Крупнейший болотный массив «Гладкий Мох» располагается в междуречье рек Ниша и Мста. Берега последней сложены песками, валунными суглинками. Ближе к дельте отмечаются ленточные глины. Река здесь имеет хорошо выраженную пойму с луками, особенно широкими у пос. Новоселицы и Бронницы.

Близ Бронницы располагаются два участка поймы (луки), имеющие важное хозяйственное значение. Одна из пойменных луков, напротив дер. Белая Гора, достигает 2 км в ширину и 4 км в длину по берегу (Прасолов и др. 1927: 238, 239). Коренной берег сложен песком. Вторая лука выработана рекой на левом берегу к юго-западу от той же деревни. Обрывистая терраса коренного левого берега, сложенная песками и супесями, идет на северо-восток от Брошицкого

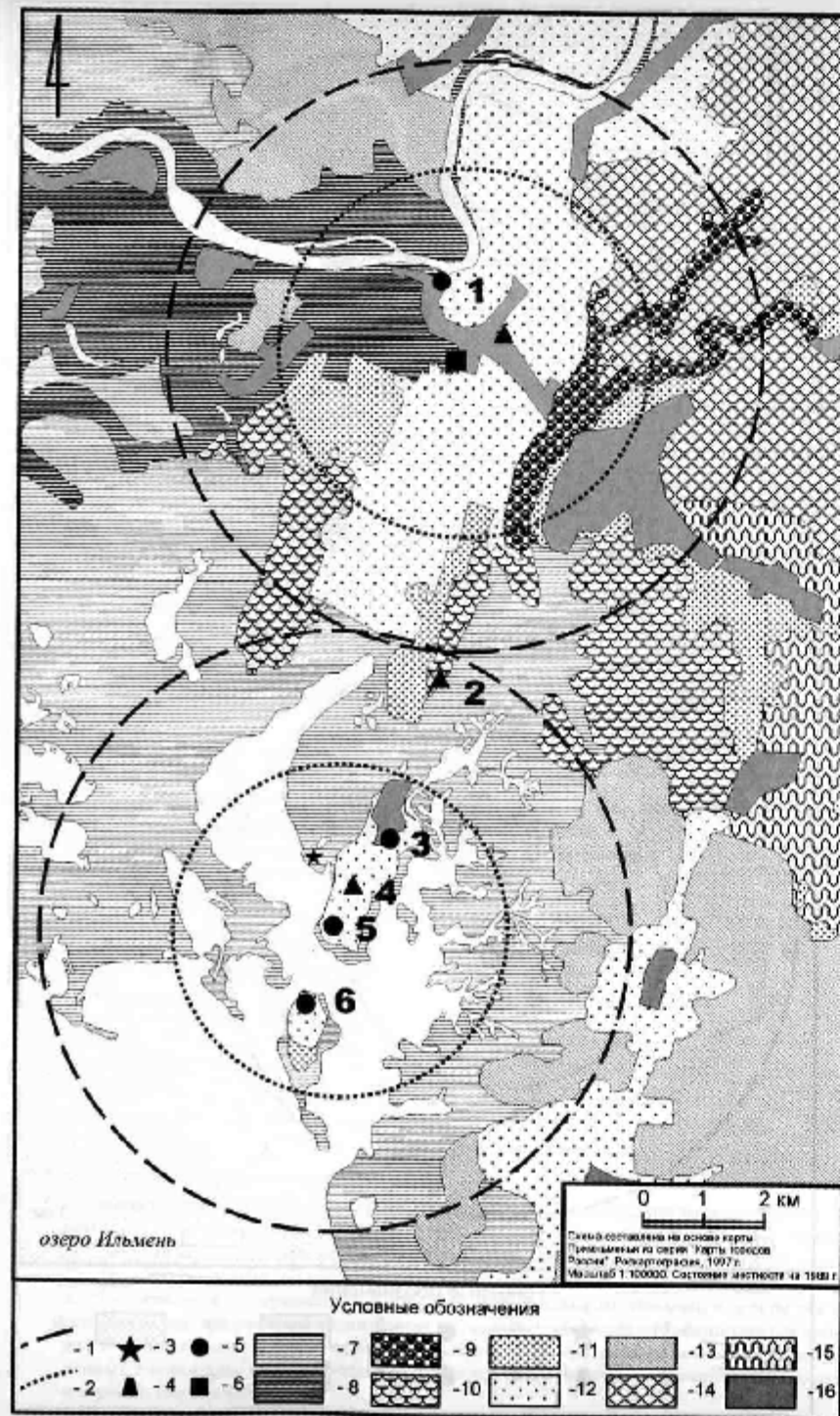

Рис. 3. Брошицкий участок. Современная растительность микрорегиона и средневековые поселения в пойме оз. Ильмень в районе Брошицкой гряды: 1 — Брошица; 2 — Ямо; 3—5 — Наволок; 6 — Войцы. Условные обозначения: 1 — границы ресурсных зон радиусом 5 км; 2 — границы ресурсных зон радиусом 3 км; 3 — разрез торфяника у дер. Наволок; 4 — оспа; 5 — селища; 6 — городище; 7 — пойменные злаково-осоковые болотные сообщества с порослью ивы (аллювиальные иловато-торфяно-глеевые почвы); 8 — пойменные злаково-влажнотравные и злаково-разнотравные луга с порослью ивы и ольхи серой (аллювиальные луговые кислые слоистые почвы); 9 — пойменные серолохово-черноотховые леса с влаголюбивым травяным покровом влажнотравной группы (аллювиальные иловато-глеевые почвы); 10 — широколиственные (вязовые, дубовые) леса с дубравным травяным покровом неморально-травяной группы (аллювиальные иловато-глеевые почвы); 11 — сельскохозяйственные угодья, используемые тигро-мезофитные и злаково-разнотравные луга (дерновые и дерново-глеевые почвы); 12 — начальные стадии зарастания сельскохозяйственных угодий: луга с подростом мелколиственных пород (береза, ольха серая, осина, ива козья) (дерновые и дерново-глеевые почвы); 13 — мелколиственные (береза, осина, ольха серая, ива) мезотигрофитно-травяные и бореально-травяные леса таежной группы (дерново-глеевые почвы); 14 — сосновые и сосново-мелколиственные бореально и тигрофитно-травяные леса ефганной группы (дерново-глеевые почвы); 15 — елово-широколиственные с примесью мелколиственных пород леса неморально-травяной группы (дерново-подзолистые почвы); 16 — населенные пункты (преобладает застройка сельского типа)

холма, ограничивая участок поймы шириной 2 км и длиной по берегу 6 км. К северу от холма у подножия высокой террасы располагается старица р. Меты, свидетельствующая о том, что когда-то река текла неподалеку от подножия Бронницкой горы, по меткому определению Н. Н. Соколова, «ударяясь» о нее (Соколов 1926: 218).

Метинская дельта образовалась на месте залива древнего озера за счет заполнения его речными наносами и сложена преимущественно глинистым аллювием, сменяющимся в полосе пляжей супесчаным слоистым аллювием. Рельеф области дельты слегка волнистый за счет прирусловых валов. В понижениях встречаются торфяники. Отдельные возвышенные участки сложены ленточными глинами. Уже упоминавшаяся полоса таких возвышенностей образует, например, западную границу дельты, протянувшись от оз. Печерского к церкви Николая на Липне (Соколов 1926: 26).

Русло Меты близ устья глубоко врезано в аллювиальную толщу. Поэтому, в отличие от дельты Ловати, метинская дельта не столь сильно заболочена и не так обильно заливается паводками. В восточной ее части в настоящее время расположены довольно обширные пространства, пригодные не только для пастбищ и сенокосов, но и для постоянного жилья и земледелия. Здесь находятся крупные деревни Хольня, Русско, Большое и Малое Лучно. Нужно, однако, подчеркнуть, что нашен (кроме огородов) они имели мало, — основу их благосостояния составляли преимущественно покосы в западной части дельты, позволявшие в большом количестве разводить скот и торговать сеном (Степанов 1927: 106, 121). Еще в XVIII в. ближайшие окрестности этих деревень (судя по карте Н. Н. Муравьева) были в значительной степени заняты лесом (Топографическое изображение Древнего Новгорода 1828).

Южнее Бронницы в озеро впадает р. Ниша, образующая в нижнем течении миниатюрное, со множеством заливов и протоков, подобие метинской дельты. Между Нишей и Метой в меридиональном направлении тянется цепь сплаженных холмов, разделенных затапливаемыми в половодье ложбинами. Эта полоса (по Н. Н. Соколову — Бронницкая гряда) начинается на территории современной дер. Бронница к северо-востоку от Бронницкого холма и идет на юг на 13 км, заканчиваясь возвышенностью, на которой располагается дер. Войцы. Деревня стоит на острове, но старожилы еще в начале 1990-х гг. рассказывали про времена (до строительства Воиховской ГЭС), когда о. Войцы отделял от «материка» лишь узкий ручей. Именно так он описан М. М. Юрьевым в 1920 г. (Юрьев 1927: 251).

Высота холмов Бронницкой гряды колеблется в пределах от 23,3 м (у дер. Войцы) до 25,3 м (к югу от Бронницкой горы). Высота самой крупной из возвышенностей — Бронницкого холма достигает отметки 57 м. Холм сложен валунным суглинком, перекрытым водно-ледниковыми отложениями (песками и галечниками) (Соколов 1926: 218).

По предположению Н. Н. Соколова, Бронницкая гряда является озом, размытым и частично перекрытым позднейшими наносами (Соколов 1926: 201, 218). Холмы Бронницкой гряды сложены ледниковыми валунными отложениями, перекрытыми аллювиальными наносами, а в понижениях — ленточными глинами. Почвы супесчаные и легкосуглинистые (Рудницкий, Глинка 1908: 60; Прасолов и др. 1927: 249, 250). По своим хозяйственно-земледельческим харак-

теристикам этот район близок Поозерью. Все свободные пространства здесь издавна распахиваются.

В юго-восточной части метинской дельты у западного подножия Бронницкой гряды расположена полоса мощных торфяников, идущая от ур. Ямно к дер. Наволок. Торфяники частично перекрыты аллювием (Прасолов 1925: 11). Еще не так давно здесь велись торфоразработки (у дер. Чавницы), оставившие после себя сеть карьеров.

1.1. Ландшафтная структура территории

Ландшафты территории претерпели значительное изменение под воздействием человека (сельскохозяйственная деятельность, промыслы, рубка леса, осушительная мелиорация). Два наибольших по площади типа ландшафтов — пойменные приозерные ландшафты и ландшафты озерно-ледниковых образований Крестецкой стадии стояния ледника (рис. 2, 3). Основные отличия этих ландшафтов заключаются в свойствах почвообразующих пород, режиме миграции веществ, степени увлажненности корнеобитаемого слоя почв и, соответственно, в формирующихся растительных сообществах.

Корсным типом растительности для озерно-ледниковых ландшафтов данной территории называют восточноевропейские лесные сообщества с лещиной *Corylus avellana* L., липой *Tilia cordata* Mill., кленом *Acer platanoides* L., вязом *Ulmus glabra* Huds. и дубравным травяным покровом (Карта восстановленной растительности 1989). Ряд авторов (Авдеев и др. 2000; Восточноевропейские леса... 2004) выдвигают предположение, что ранее на месте подобных сообществ могли произрастать дубравы. Большая часть исследованной территории занята производными растительными сообществами (Юрова и др. 1998). Преобладают сельскохозяйственные земли: сенокосные и пастбищные дуга, залежи различных стадий зарастания. Бывшие сельскохозяйственные угодья покрылись мелколиственно-сероольховыми (с *Alnus incana* (L.) Moench) дубравотравяными лесами. На местах старых вырубок распространены осиново-березовые (*Populus tremula* L., *Betula pendula* Roth) мелкотравные и разнотравные леса с словым подростом. В пойменных ландшафтах широко распространены волховско-сухонские дубовые (*Quercus robur* L.), смешанные леса и ивняки (*Salix spp.*). Подобные сообщества занимают значительные пространства на припойменных территориях и в пойме оз. Ильмень. Также там повсеместно распространены осоковые болота в сочетании с зарослями кустарников.

1.1.1. Пойменные ландшафты

Этот тип ландшафтов приурочен к долинам рек, а также к периодически заливаемым берегам оз. Ильмень (непосредственно пойма и первая надпойменная терраса до абсолютной высоты 20—22 м). Данные геокомплексы отличаются различной, как правило, изменяющейся в течение года степенью проточности. В качестве почвообразующих пород выступают аллювиальные отложения различного механического состава (от песков и супесей до суглинков) или же органические отложения — эвтрофный торф (пойма оз. Ильмень). Периодическое сенокосение на пойменных дугах было основным фактором антропогенной трансформации этих геокомплексов. В них можно выделить три основных типа растительности: разнотравные и злаково-разнотравные

луга с ивами и порослью ольхи серой, сероольховые и черноольховые *Alnus glutinosa* (L.) Gaertn леса с гигрофитным травяным покровом, леса со значительным участием широколиственных элементов (вяз, дуб) с дубравным травяным покровом.

Пойма р. Мста хорошо выражена. Она унаследована от водного потока, протекавшего здесь в доледниковое время. В пределах исследованного участка она практически полностью занята лугами с ивами и порослью ольхи серой, которые и по сей день используются под сенокосы и пастбища.

Река Ниша и ее правый приток Крупица имеют более узкую пойму. Здесь преобладают мелколиственные сероольховые с мезофитно-влаголюбивым травяным покровом (щучка дернистая *Deschampsia caespitosa* (L.) Beauv., щитовник игольчатый *Dryopteris carthusiana* (Vill.) H. P. Fuchs, кочедыжник женский *Athyrium filix-femina* (L.) Roth, страусник). Также можно встретить черноольховые леса со страусником и подлеском из хмеля *Humulus lupulus* L.

Пойма оз. Ильмень занимает значительные территории на западе и юго-западе исследованного участка. На значительных площадях она заторфована. На большей части территории произрастают однородные и монотонные злаково-осоковые сообщества местами с порослью ив (осока острая *Carex acuta* L., о. вздутоколосковая *C. vesicaria* L., манник большой *Glyceria maxima* (C. Hartm.) Holmb). Они могут формироваться как на аллювиальных иловато-глинистых почвообразующих породах, так и на органогенных аллювиальных отложениях с включениями торфа. Подобные сообщества специфичны для поймы оз. Ильмень, они являются коренными для данного региона и распространены на значительной ее части (Карта растительности Европейской части СССР 1950; Сергеев и др. 1997).

Значительные площади занимают дубовые леса с подлеском из орешника, дубравным и пойменно-нитрофильным травяным покровом (копытень *Asarum europaeum* L., крапива двудомная *Urtica dioica* L., зеленчук *Galeobdolon lateum* Huds.). Данные сообщества практически не нарушены человеком, их можно считать условно коренными при реконструкции исследованной растительности. До наших дней между деревнями Бронница, Пролетарий и Наволок сохранились заповедные участки чистых дубовых насаждений с примесью ели и осины.

1.1.2. Ландшафты озерно-ледниковых равнин

За пределами пойменных ландшафтов остальная часть территории занята озерно-ледниковыми песчаными и супесчаными отложениями. На линии Наволок—Бронница слабо выражена небольшая водно-ледниковая грядка. На ее продолжении расположен и остров с дер. Войцы. Здесь супеси имеют более валунный состав. Большинство археологических объектов приурочено именно к этой грядке.

Значительные пространства на равнинах на песчаных и супесчаных озерно-ледниковых отложениях заняты суходольными лугами и сельскохозяйственными угодьями в начальной стадии зарастания. Под такими сообществами наблюдаются дерново-глебовые, в том числе старонахотные (дерновый горизонт более 30 см) почвы. Преобладают сенокосные и пастбищные злаково-разнотравные луга (ежа сборная *Dactylis glomerata* L., клевер гибридный *Trifolium hybridum* L., тимopheвка, василек полевой). Присутствие значительного количе-

ства ежи сборной и тимopheвки свидетельствует о сильной антропогенной трансформации сообществ (посев трав, регулярное сенокосение, палы). Довольно часто встречаются луга первой стадии восстановительной сукцессии с тем же видовым составом, частично зарастающие мелколиственными породами: ольхой серой, березой, ивой козьей, осиной.

На участках со средним-избыточным увлажнением леса представлены в основном мелколиственными бореально-травяными сообществами с еловым подростом. Под ними обычно формируются дерново-глебовые илловально-железистые почвы. В древостое доминируют осина и ольха серая, иногда в примеси присутствуют ольха черная и береза. Средняя высота таких лесов достигает 18–20 м. В подросте присутствуют сосна *Pinus sylvestris* L. и дуб, встречаются рябина *Sorbus aucuparia* L. и ива козья. Напочвенный покров представлен типичными таежными лесными видами: брусника *Vaccinium vitis-idaea* L., черника *Vaccinium myrtillus* L., щучка дернистая, щитовник игольчатый. Такие леса типичны для озерно-ледниковых ландшафтов подтаежной зоны, а также для более северных территорий Северо-Запада. Скорее всего, они являются поздней стадией восстановительной сукцессии после сплошной рубки леса и/или сельскохозяйственного освоения. Значительные участки подобных сообществ расположены севернее р. Мста, а также южнее дер. Пильское.

На участках с умеренным увлажнением на дерново-подзолистых илловально-железистых почвах произрастают елово-широколиственные (дуб) с примесью мелколиственных пород леса неморально-травяной группы. Во втором ярусе часто присутствует вяз, в подлеске доминирует орешник. В напочвенном покрове присутствуют как типично юморальные виды — копытень, подмаренник душистый *Galium odoratum* (L.) Scop., зеленчук, так и бореальные виды — брусника, черника. Видимо, данное сообщество является одной из конечных стадий восстановительной послерубочной сукцессии. Присутствие видов неморальной флоры свидетельствует о произрастании здесь ранее широколиственных дубовых и вязовых лесов. Крупный, частично заповеданный участок такого леса расположен южнее линии Пролетарий — Красные Станки.

На участках с избыточным увлажнением произрастают сосновые и сосново-мелколиственные слабозаболоченные леса сфагновой группы. Иногда встречается осина. В напочвенном покрове преобладают гигрофитные мезоолиготетровые виды: сабельник, тростник. Моховой покров представлен в основном сфагновыми мхами. Крупный участок таких лесов расположен восточнее поселка Пролетарий.

1.2. Археологические памятники

В разное время в районе Бронницкой гряды неоднократно проводились археологические разведки и небольшие раскопки (Отчет... 1913; Орлов А-1958; Петров 1970; Еремеев 1995; Носов, Плохов, Янссон 1996; Еремеев, Лисицына 2004), носившие эпизодический характер. Наши знания об этом регионе все еще остаются недостаточными, памятники можно охарактеризовать пока только предварительно.

Группа поселений приурочена к Бронницкой грядке в междуречье рек Мста и Ниша. Памятники располагаются на отдельных всхолмлениях, образующих в пойме оз. Ильмень цепочку длиной до 13 км. Тип расселения здесь тот же, что

можно наблюдать в истоках Волхова (рис. 1—3). Археологические памятники Бронницкой гряды представлены неолитическими стоянками, могильником эпохи бронзы, городищем эпохи раннего железного века—средневековья, раннесредневековыми и древнерусскими селищами, сопками, средневековыми грунтовыми могильниками. Выделяются 4 поселения, которые можно предположительно датировать второй половиной—концом I тыс. н. э. Одно из них — в ур. Ямно известно только по располагавшейся там сопке. Вряд ли можно сомневаться, что целенаправленное изучение этого микрорегиона позволит увеличить количество известных селищ.

Основу расселения в области Бронницкой гряды составляют две группы археологических памятников — у пос. Бронница в северной части гряды и у дер. Наволок в южной ее части. На картах указаны ресурсные зоны поселений, составляющих ядро двух этих групп (рис. 2, 3).

1.2.1. Бронницкий археологический комплекс

Бронницкий археологический комплекс приурочен к географической точке исключительной важности — к Бронницкому перевозу (рис. 4). Бронницкий перевоз — это небольшой (протяженностью всего несколько сотен метров) участок р. Мста у пос. Бронница (рис. 11, 12). Долина реки здесь сужается, позволяя быстро и сравнительно безопасно переправиться с одного берега на другой. Берега тут относительно сухие и высокие. Ниже этого участка до самого Ильменя простирается труднопроходимая дельта. Выше его лежат заболоченные широкие пойменные террасы в районе деревень Новоселицы, Белая и Божонка. Эти поймы хотя и не представляли такого препятствия, как дельта истинской дельты с ее извилистыми протоками, но также существенно затрудняли переправу. Не приходится сомневаться, что перевоз был важнейшим стратегическим пунктом на пути с юга и юго-запада в Поволжье и играл узловую роль в сети коммуникаций Приильменя начиная с неолита.

Помимо своего стратегического значения окрестности Бронницкого перевоза отличались исключительным удобством для жизни. Дельта Мсты с ее протоками, обширные заливные луга и легкие почвы создавали прекрасные условия для рыболовства, охоты, скотоводства и земледелия. Неудивительно, что этот регион привлекал население во все исторические эпохи. Перечислим все известные данные о памятниках этого региона.

1. Стоянка у дер. Божонка близ Бронницы. Как пишет Н. Н. Соколов, в разрезе 358 на правом берегу р. Мста отмечен «культурный слой с угольками, черепками и каменными орудиями» мощностью 25 см (Соколов 1926: 222).

2. Местонахождение в ур. Лаврово. При нашем осмотре окрестностей Бронницы в 1,5 км к югу от городища и в 150 м к западу от дороги Бронница—Чавницы на поле был найден кремневый наконечник стрелы или дротика (рис. 5: 5).

3. Стоянка на левом берегу р. Мста ниже дер. Русско. Открыта Н. Н. Соколовым при буровых работах в 1921—1924 гг. В обнажении берега под слоем лессовидного бурого суглинка найден культурный слой мощностью 30 см «с каменными орудиями и черепками» (Соколов 1926: 222).

4. Могильник эпохи бронзы (первой половины II тыс. до н. э.) находился на небольшой возвышенности у юго-восточного подножия Бронницкого холма. В 1908 г. в карьере найдены каменные орудия и оружие, человеческие кости

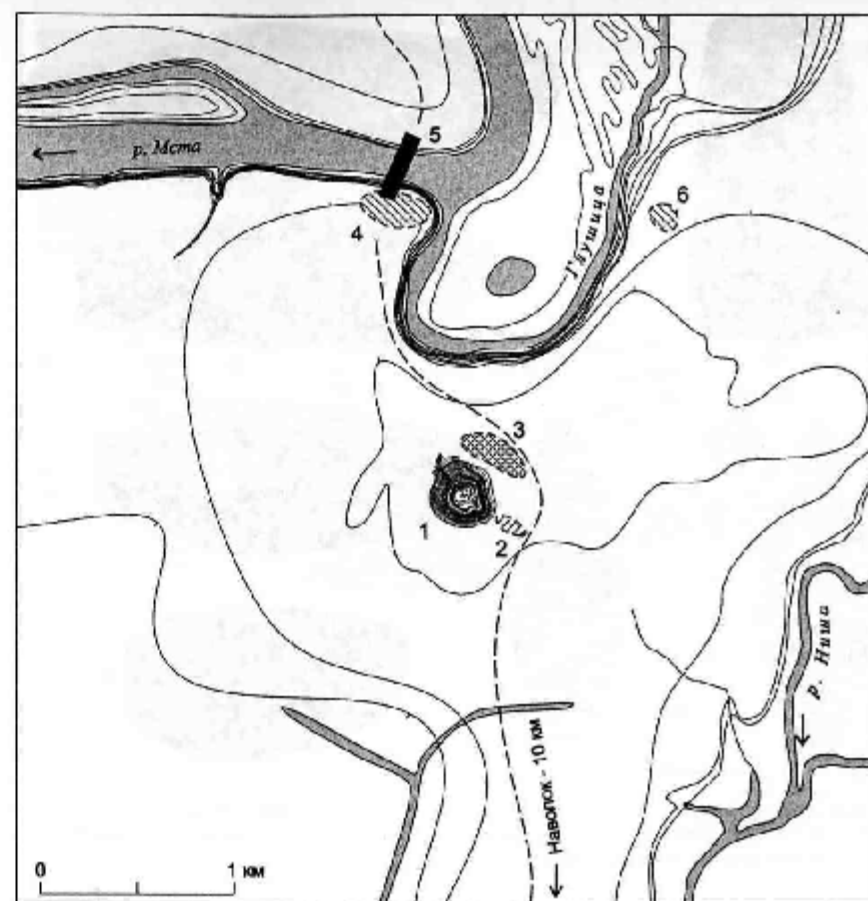

Рис. 4. Ситуационный план расположения археологических памятников в пос. Бронница: 1 — Бронницкое городище; 2 — территория уничтоженного могильника эпохи бронзы; 3 — территория уничтоженного курганного могильника; 4 — средневековое селище; 5 — Бронницкий перевоз; 6 — поднесредневековый грунтовый могильник

(Отчет... 1913: 164, 165). В Императорскую Археологическую Комиссию поступили четыре сверленных втульчатых топора разных типов и один клиновидный топор (рис. 5: 1—4, 6). При осмотре места находки в 1908 г. В. А. Подобедовым и в 1909 г. А. А. Спицыным выяснилось, что древний могильник полностью уничтожен карьером (О находках... 1908; Отчет... 1913: 165).

5. У подножия городища, к востоку от него, в XVIII—XIX вв. зафиксирована группа сопкок, раскопки в которой провели в 1733 г. профессора — участники Сибирской экспедиции Академии наук — И. Г. Гмелин, Г. Ф. Миллер и Делиль де ла Кроер (Материалы... 1886; Еремеев 1995: 68, 69). Последняя сопка была еще заметна в начале XIX в. и оказалась занесена на план Хольмской воности, снятый военными топографами в 1818 г. (Анкудинов 2005: 201).

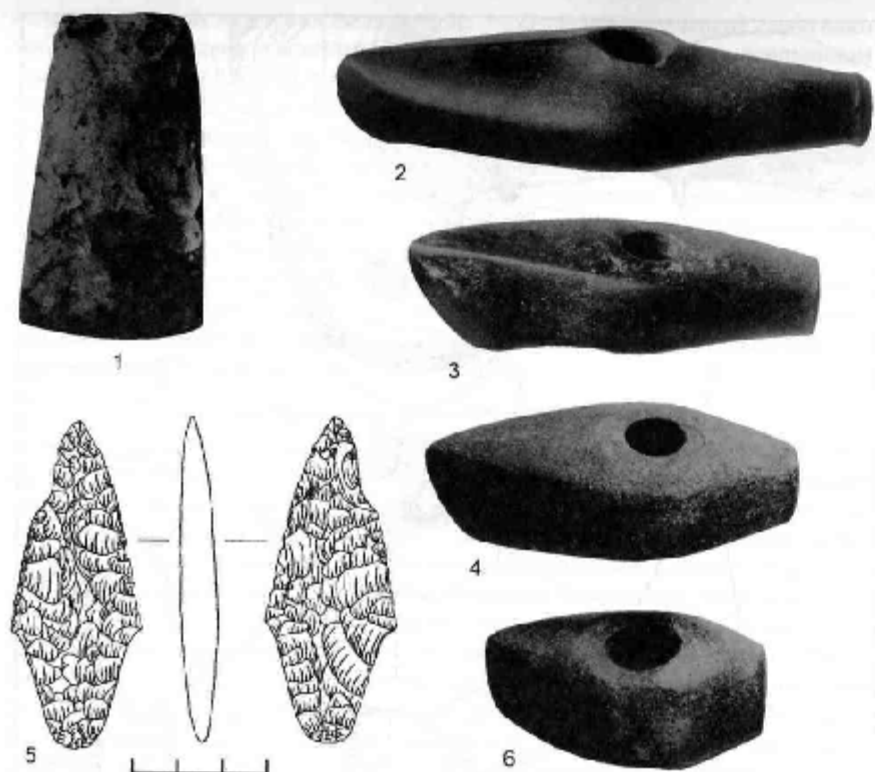

Рис. 5. Бронницкий участок. Находки эпохи неолита и бронзы из района Бронницкого перевоза: 1—4, 6 — каменные орудия и оружие из могильника у подножия Бронницкой горы, 5 — наконечник стрелы, найденный на поле к югу от горы

6. Селище со средневековой лепной керамикой у самого перевоза на левом берегу Мсты зафиксировано С. Н. Орловым (Курочкин 1999: 144).

1.2.1.1. Бронницкое городище

Городище находится неподалеку от перевоза на огромном холме среди Приильменской низины (рис. 6). Вершина его состоит из двух площадок. Первая из них, занятая церковью, имеет размеры 55×90 м. На 2—2,5 м ниже ее в юго-восточной части холма располагается вторая площадка, полукольцом охватывающая верхнюю часть холма (рис. 7, 8). Еще ниже по склону холма с востока и юго-востока, примерно на 2/3 высоты горы, считая от ее подножия, в настоящее время читается еще один узкий уступ, являющийся, видимо, остатками эскарпа.

Городище издавна привлекало внимание историков и географов. Первое научное описание горы сделано в августе 1733 г. участниками Сибирской экспедиции Академии наук профессорами Г. Ф. Миллером, Делилем де ла Кроссом и И. Г. Гмелиным (Материалы... 1886: 387). О Бронницком городище писали многие известные ученые и литераторы (Татищев 1793; Паллас 1809;

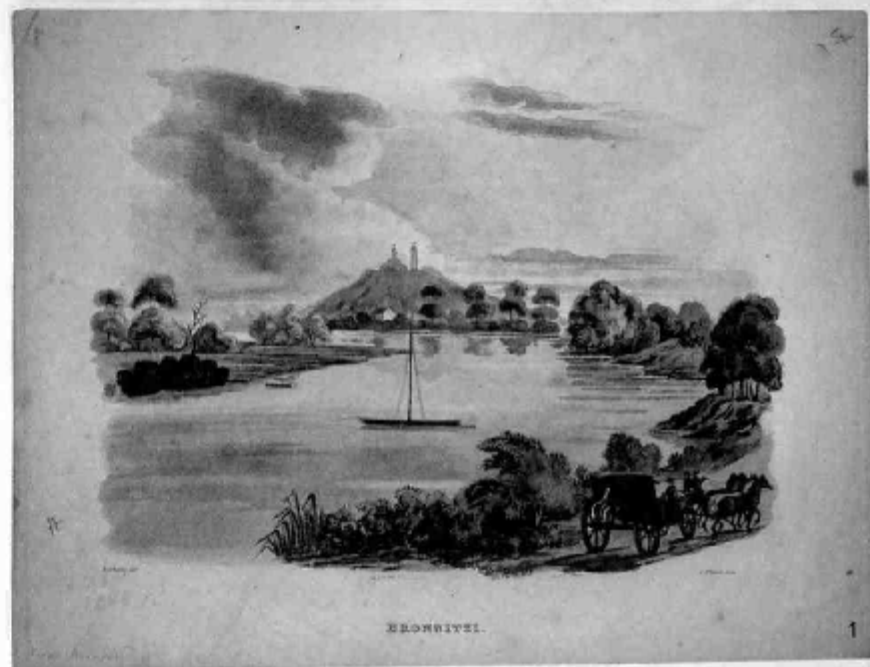

Рис. 6. Бронницкое городище и старина Мсты (Глушица), вид с северо-запада от перевоза: 1 — раскрашенная гравюра С. Вильямса по рисунку Р. Джонстона. Середина XIX в. (ГИМ, 45557, л. 8893); 2 — современное фото

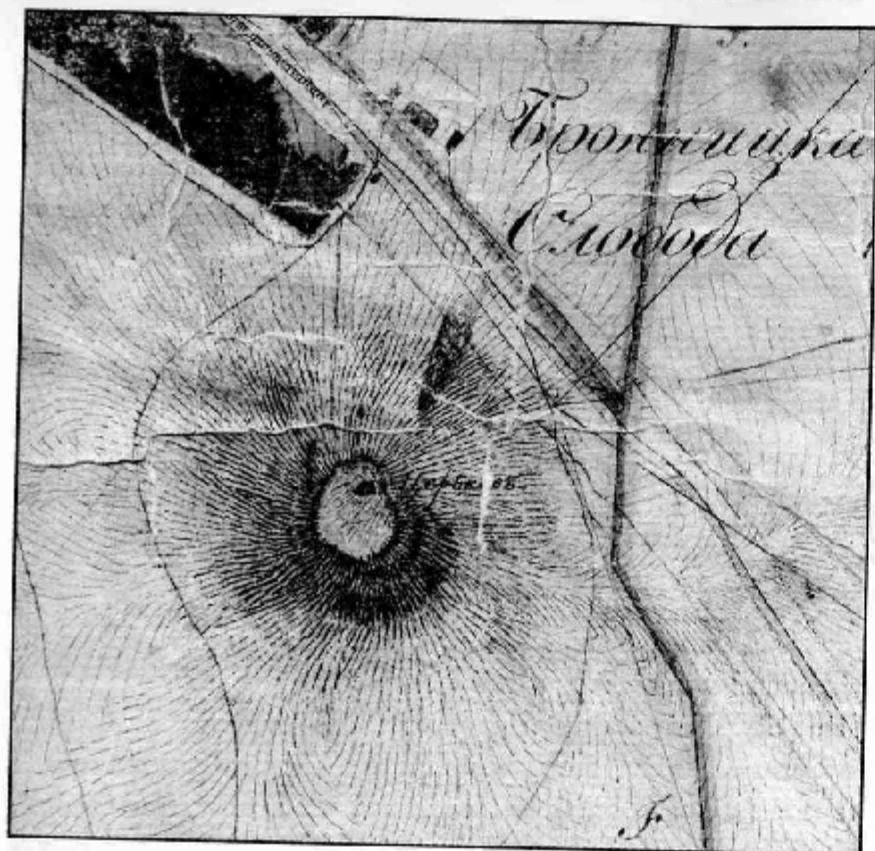

Рис. 7. Бронницкое городище на плане начала XIX в. К северо-востоку от городищевского холма видна сопка — все, что осталось от могильника, исследованного участниками Сибирской экспедиции в 1733 г. С востока к холму прилегает залобранная возвышенность, на которой располагался могильник эпохи бронзы. Хорошо читаются эскарпы и вбезд в северо-западной части холма

Радичев 1938; Озерецковский 1812; Ходаковский 1839). Едва ли не все археологи, работавшие в Новгородской области, начиная с А. А. Спицына, так или иначе пробовали исследовать этот памятник или его окрестности. Тем не менее, несмотря на свою известность, в настоящее время Бронницкий городок остается самым загадочным городищем Приильменя — о его хронологии мы можем судить преимущественно по типу укреплений. Но даже первоначальный облик памятника реконструировать оказывается непросто. И этому есть причины.

На вершине Бронницкого холма, в его северной части, в 1769 г. на месте старой деревянной часовни была возведена каменная Введенская церковь. В эпоху военных поселений XIX в. она была перестроена, а рядом с храмом был обустроен военный плац (Секретарь, Филиппова 1991: 177). Все эти работы сильно исказили облик городка. Существенный ущерб памятнику нанесла

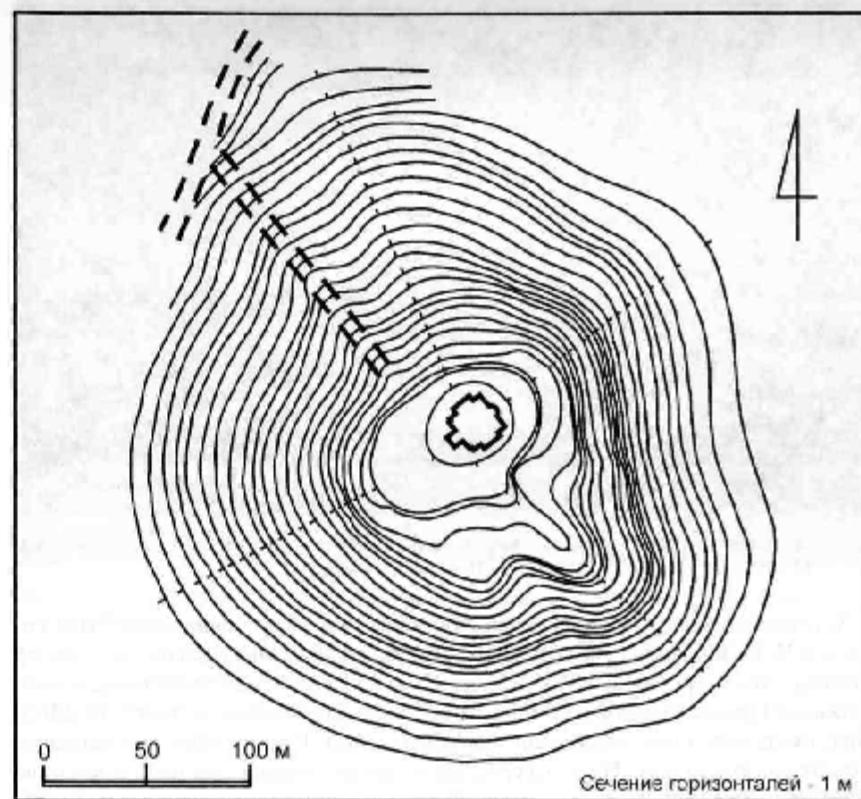

Рис. 8. Современный план Бронницкого городища. Топоъемка Е. Н. Носова

Великая Отечественная война. В настоящее время его внешний вид изменяют поселковая застройка и постоянно растущее кладбище. Поэтому большую важность представляют для нас изображения и описания городища, относящиеся к XVIII—XIX вв., позволяющие нам увидеть укрепления городка такими, какими они были до всех разрушений.

Самым ранним изображением Бронницкого холма является гравюра из популярного в XVIII в. сборника «Собрание Российских и Сибирских городов», сделанная в 1770 г. мастером А. М. Шухиным по рисунку одного из живописцев, сопровождавших Сибирскую экспедицию Академии наук в 1733 г. (предположительно художника Люрсениуса). На первом плане стоят две огромные сопки, упоминаемые членами экспедиции в отчете Сенату (рис. 9). Это обстоятельство позволяет ориентировать рисунок. Поскольку сопки, по указанию академиков, располагались к востоку от городища, стало быть, и рисунок представляет собой вид с востока. При такой его ориентировке постройки дер. Бронница оказываются, в соответствии с планом Холынской волости 1818 г. (рис. 7), — справа от горы. На гравюре мы отчетливо видим следы четырехърусной эскарпировки южного, восточного и северо-восточного склонов городища.

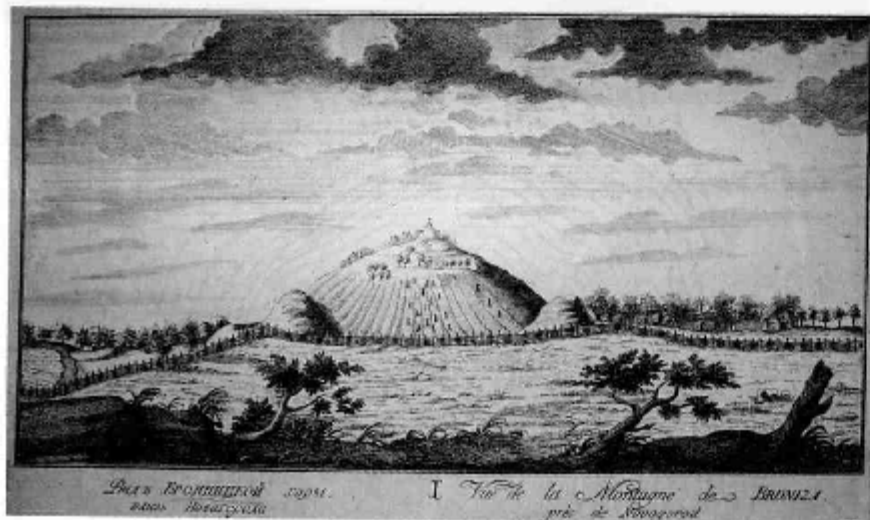

Рис. 9. Бронницкое городище, вид с северо-востока. Гравюра А. М. Шухина, выполненная в 1770 г. по рисунку 1733 г. художника И. В. Люрсениуса (?)

Следующая известная нам гравюра происходит из хранящегося в ГИМ собрания И. Е. Забелина (рис. 10) (ГИМ, 45856, л. 8881). Она сделана по тому же рисунку, что и гравюра А. М. Шухина, но близкое к действительности изображение Приильменской равнины, выполненное под наблюдением Г. Ф. Миллера, оказалось здесь совершенно преобразовано. Пейзаж обрел ирреальные романтические черты. На его переднем плане появились скалы, а городище оказалось окружено высоким лесом. Укрепления показаны очень схематично. Виден только один эскарп на северном и южном склонах холма. Этот пример показывает, с какой осторожностью нужно подходить к такому источнику, как гравюры XVIII—XIX вв.

Еще одна гравюра, опубликованная в начале XIX в., выполнена художником Г. Гейслером по рисунку, который он сделал в 1794 г., будучи спутником П. С. Палласа во время его второго, крымского, ученого путешествия (рис. 11) (Pallas 1805: Fig. 28). На этой гравюре мы видим уже новую каменную Введенскую церковь. Гравюра вполне реалистично представляет вид городища с северо-запада. Укрепления на этой стороне холма не прослеживаются. Позже здесь был устроен въезд на площадку, сохранившийся и сейчас. Вероятно, он находился здесь изначально; о въезде с северной стороны сохранилось упоминание 1733 г. (Материалы... 1886: 387).

Следующее изображение Бронницкого холма происходит из собрания ГИМ (рис. 12) (ГИМ, 81397/20, Р-5614). Это акварель неизвестного художника, сделанная, вероятно, в начале XIX в. — до перестройки Введенской церкви в 1828—1832 гг. и до расчистки рядом с ней плаца. Надпись на акварели сделана по-английски, судя по неуклюжей транскрипции слова «предтеча», иностранцем. Акварель изображает городище с юго-восточной стороны. Укрепления городка выписаны художником очень тщательно. Мы снова видим здесь четырехступенчатый эскарп, полукольцом охватывающий с юга верхнюю площад-

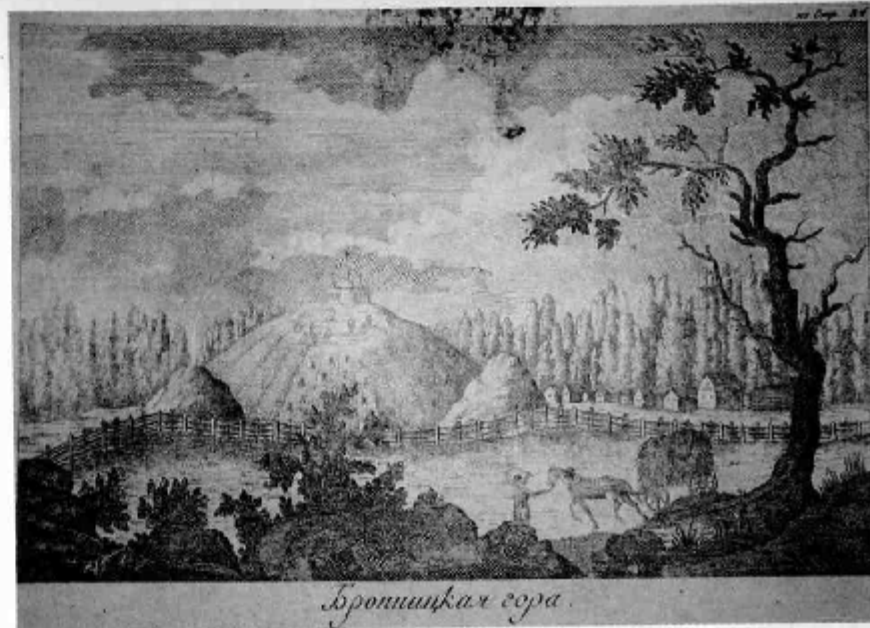

Рис. 10. Бронницкое городище, вид с северо-востока. Гравюра из собрания И. Е. Забелина, выполненная по рисунку 1733 г. художника И. В. Люрсениуса (?)

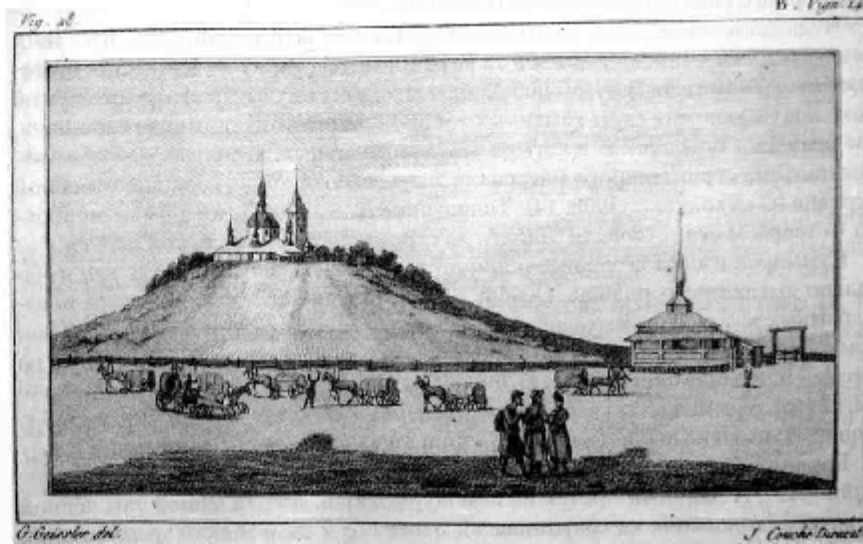

Рис. 11. Бронницкое городище, вид с северо-запада. Гравюра Г. Гейслера по рисунку 1794 г.

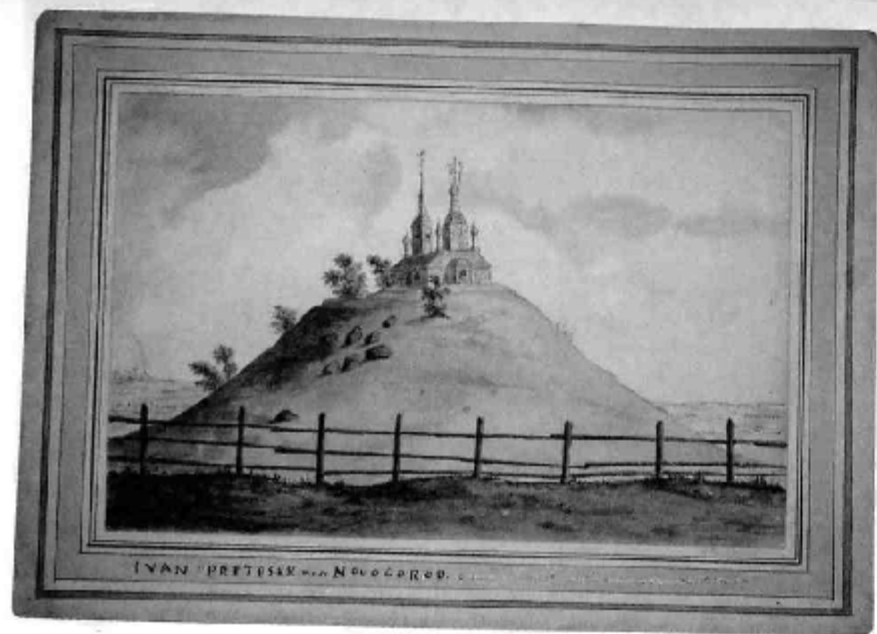

Рис. 12. Бронницкое городище, вид с юго-востока. Акварель неизвестного художника начала XIX в.

ку городища. Возможно, над некоторыми «ступенями» имелись невысокие вала. Отметим, что З. Ходаковский упоминал о наличии на городище частично разрушенного кольцевого вала, насыпанного из «черной земли» (очевидно, культурного слоя) (Ходаковский 1839: 169).

Последние сведения об остатках четырехступенчатого эскарпа на Бронницком городище относятся к 1908 г. В рапорте секретаря Губернского статистического комитета В. А. Подобедова новгородскому губернатору по случаю находки у подножия горы каменных топоров приводится описание городища, где речь идет о «террасах в четыре уступа, сделанных, вероятно, для облегчения подъема строительного материала для выстроенной на вершине каменной церкви» (О находках... 1908: 14). Толкование В. А. Подобедова было ошибочно — террасы существовали задолго до строительства Введенской церкви.

Суммируя изобразительные источники, можно представить себе, как изначально выглядело городище. Основу его укреплений составляли четыре полукольцевых эскарпа, размыкавшиеся на северо-западном склоне холма, обращенном к переправе через Мету. На городище находились два ключа — первый на верхней площадке близ церкви, второй — на одной из террас южного склона горы, также, очевидно, под защитой укреплений. Об обоих ключах еще в 1768 г. пишет П. С. Паллас (Паллас 1809: 7). Они просуществовали до начала XX в.

Бронницкое городище было одним из самых мощных в Приильменье. В 1909 г. А. А. Спицын провел на нем шурфовку и, по найденной там лепной керамике (коллекция не сохранилась), отнес его к памятникам дьякова типа (Отчет... 1913: 165). При взгляде на его укрепления сразу бросается в глаза их архаичность по отношению к другим приильменским раннесредневековым

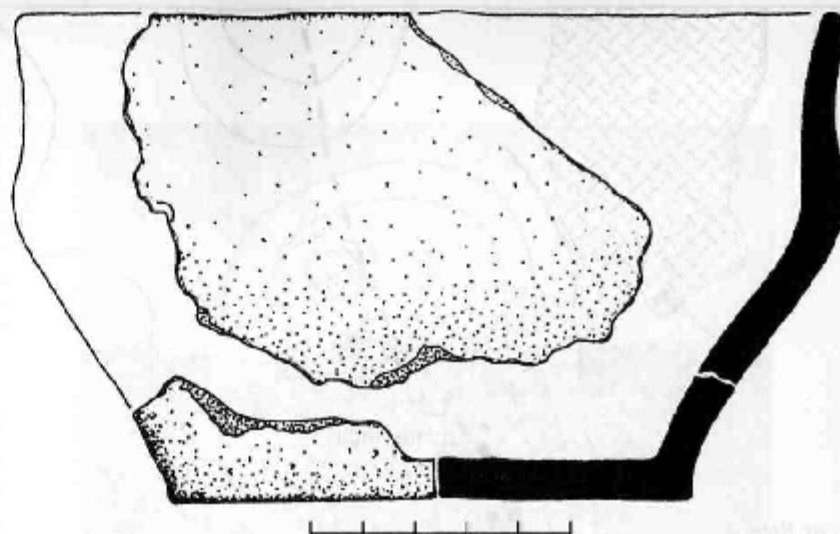

Рис. 13. Бронницкое городище. Лепная миска

городкам. Нужно отметить, что многоступенчатые оборонительные конструкции вообще не характерны для славянской раннесредневековой фортификации на северо-западе России. Замысловатые укрепления Бронницкого городища наводят на мысль об их принадлежности более ранней эпохе. Многоярусные подковообразные укрепления на холмовых городищах, сочетающие эскарпы с невысокими валами, на прилегающих к Приильменью землях широко распространяются в культуре псковских длинных курганов и тушемли-банцеровщины в третьей четверти I тыс. н. э. К этой эпохе, нам кажется, и следует отнести укрепления на Бронницкой горе. Не противоречит нашему предположению и облик лепной миски, фрагменты которой были найдены в 1985 г. А. В. Плоховым при шурфовке края городищенской площадки (рис. 13).³ Сосуд можно датировать лишь очень широко — в пределах второй—четвертой четверти I тыс. н. э.

1.2.2. Наволокский археологический комплекс

Одной из наиболее насыщенных археологическими памятниками областей Бронницкой гряды является ее южная оконечность в районе дер. Наволок (рис. 14—16). Здесь расположены следующие памятники.

1. Неолитическая стоянка южнее дер. Наволок на мысу Орлец (рис. 14, 15, 17), считающаяся крупнейшей в Восточном Приильменье; ее площадь составляет около 2000 м² (Петров 1970: 215).

2. Группа стоянок в восточной части оз. Нильское (Воецкая губа) — Нильский Ручей I, Нильский Ручей II, о. Телятник (Петров 1970: 215). Стоянки не изучены и датируются суммарно III—началом II тыс. до. н. э. (Петров 1970: 215—216).

³ Приносим благодарность А. В. Плохову за предоставленную возможность включить в публикацию иллюстрацию, выполненную по его зарисовке.

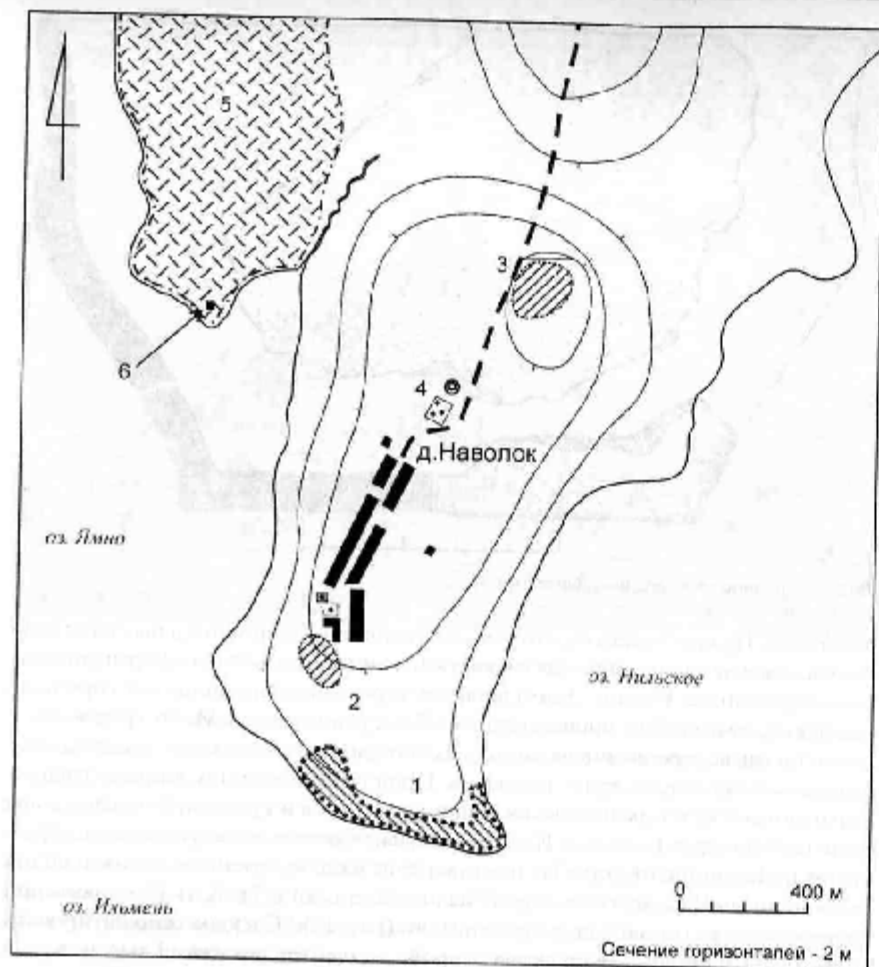

Рис. 14. Комплекс археологических памятников у дер. Наволок (Новгородская область, Новгородский район): 1 — неолитическая стоянка на мысу Орелец; 2, 3 — дrevнерусские селища; 4 — останец сопки; 5 — торфяник у дер. Наволок; 6 — разрез 2003 г. на торфянике у дер. Наволок

3. Кремневые отщепы встречались при нашем осмотре повсеместно на пляжах о. Войцы, свидетельствуя, вероятно, о существовании здесь в неолите кратковременных рыболовецких стоянок, в настоящее время размытых озером. Кремневые изделия находили здесь и ранее (Петров 1970: 215).

4. Среднеязековское селище с раннегончарной керамикой (рис. 18: 1) в западной части мыса Орелец (Ермеев 1995: 66). Культурный слой, видимо, размыт озером.

5. Древнерусское селище с гончарной керамикой (рис. 18: 3, 5, 6, 9—13) между деревнями Наволок и Чавицы (Ермеев 1995: 66).

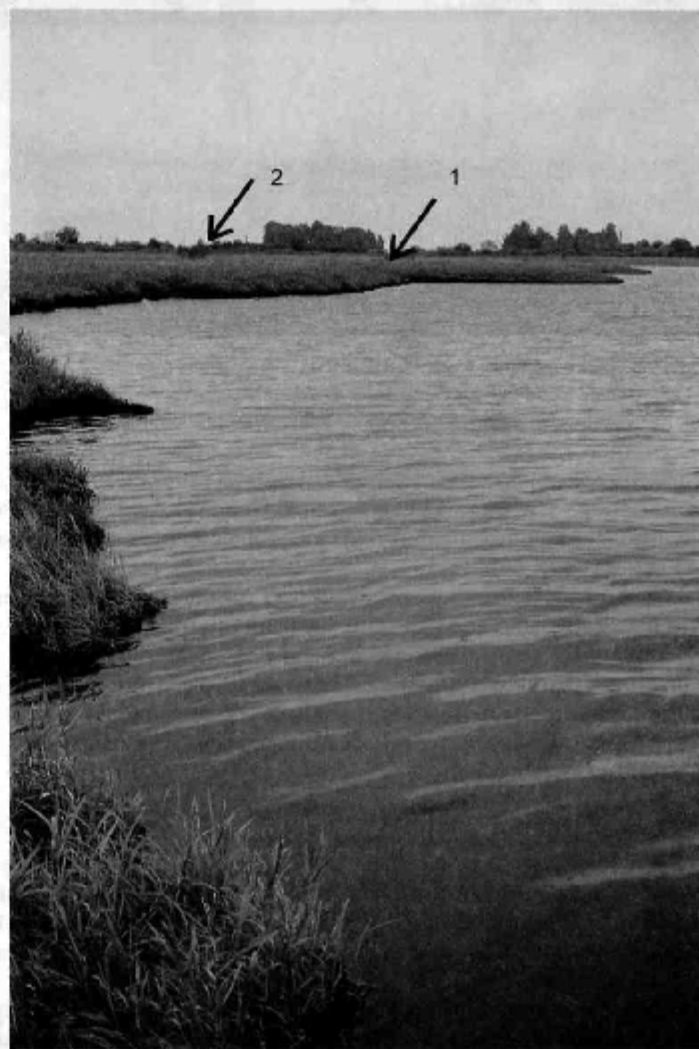

Рис. 15. Вид на наволокский торфяник с запада. Съемка 13.09.2003 г.: 1 — место разреза; 2 — останец сопки севернее дер. Наволок

Рис. 16. Обрез берега на торфянике у дер. Наволок в маловодный год (июль 2002 г.): 1 — церковь в дер. Наволок, 2 — древнерусское селище на мысу Орелец; 3 — неолитическая стоянка на мысу Орелец; 4 — древнерусское селище на северной оконечности дер. Войны

6. Древнерусское селище с гончарной керамикой (рис. 18; 2, 4, 7, 8, 19—22) на северной окраине дер. Войны, обнаруженное одним из авторов в 1990 г.

7. Разрушенная распашкой сопка близ кладбища на северной окраине дер. Наволок (Еремеев 1995: 66).

Соседство перечисленных археологических объектов с интереснейшим природным памятником — наволоцким торфяником (рис. 16, 19), определило выбор этой области для комплексного изучения.

Исследование бронницкого участка было начато нами с палеогеографических работ, главным элементом которых было составление спорово-пыльцевой диаграммы, отражающей динамику ландшафтов на протяжении последних четырех-пяти тысяч лет.

2. Наволоцкий торфяник

Исследованный эвтрофный торфяник расположен в современной пойме оз. Ильмень, имеет слабовыпуклую форму, его мощность превышает 2,5 м. Торфяник размывается озером, при этом из его берега вымываются крупные деревянные остатки (рис. 16, 19).

В настоящее время растительность здесь представлена в основном луговыми влаголюбивыми видами. Сомкнутость травяного яруса 75%, средняя высота 80 см. Видовой состав более разнообразен, чем в целом в пойме оз. Ильмень. Этот факт обусловлен, с одной стороны, близостью населенного пункта (присутствуют антропохоры — подморсник белый, чина луговая), с другой стороны, обсыханием данного торфяника в последнее время (вербейник). Об обсыхании также говорит присутствие большого количества подстилки (сухих отмерших остатков растений) на почве — до 90% поверхности почвы. Следы обсыхания и минерализации наблюдаются также и в верхнем горизонте разреза.

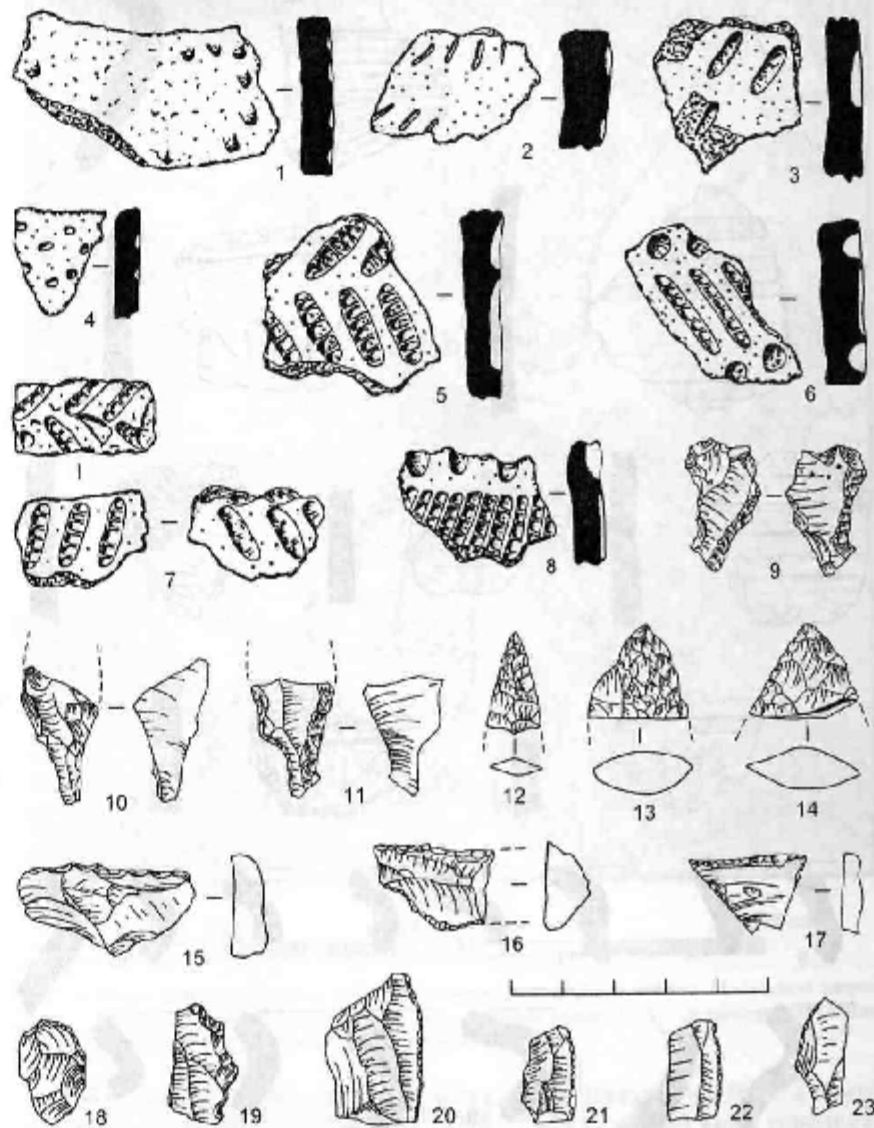

Рис. 17. Бронницкий участок. Подземный материал со стоянки на мысу Орелец у дер. Наволок: 1—8 — керамика; 9—23 — кремнь

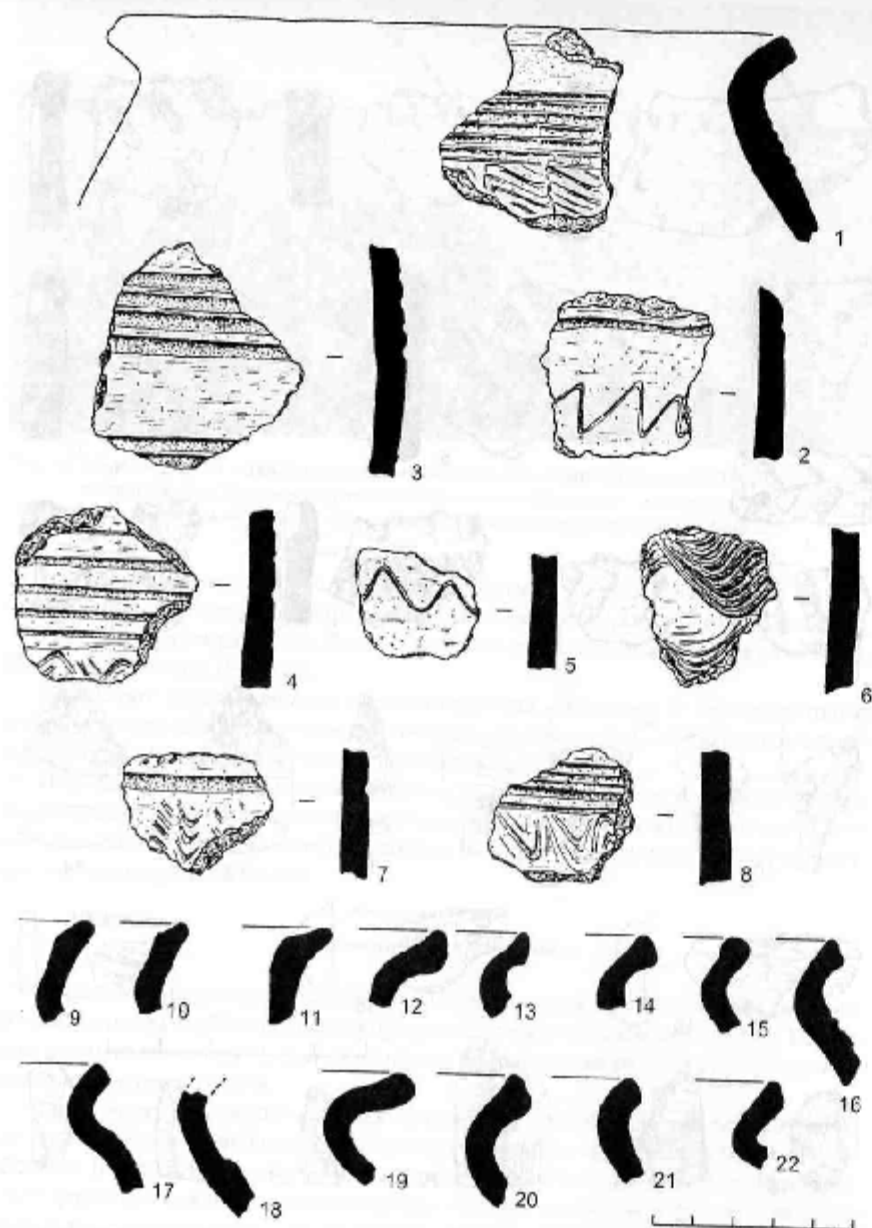

Рис. 18. Бронницкий участок. Гончарная керамика: 1 — поселение у дер. Наволок на мысу Орлея; 2, 4, 7, 8, 19—22 — селища на мысе дер. Войцы; 3, 5, 6, 9—13 — селища севернее дер. Наволок

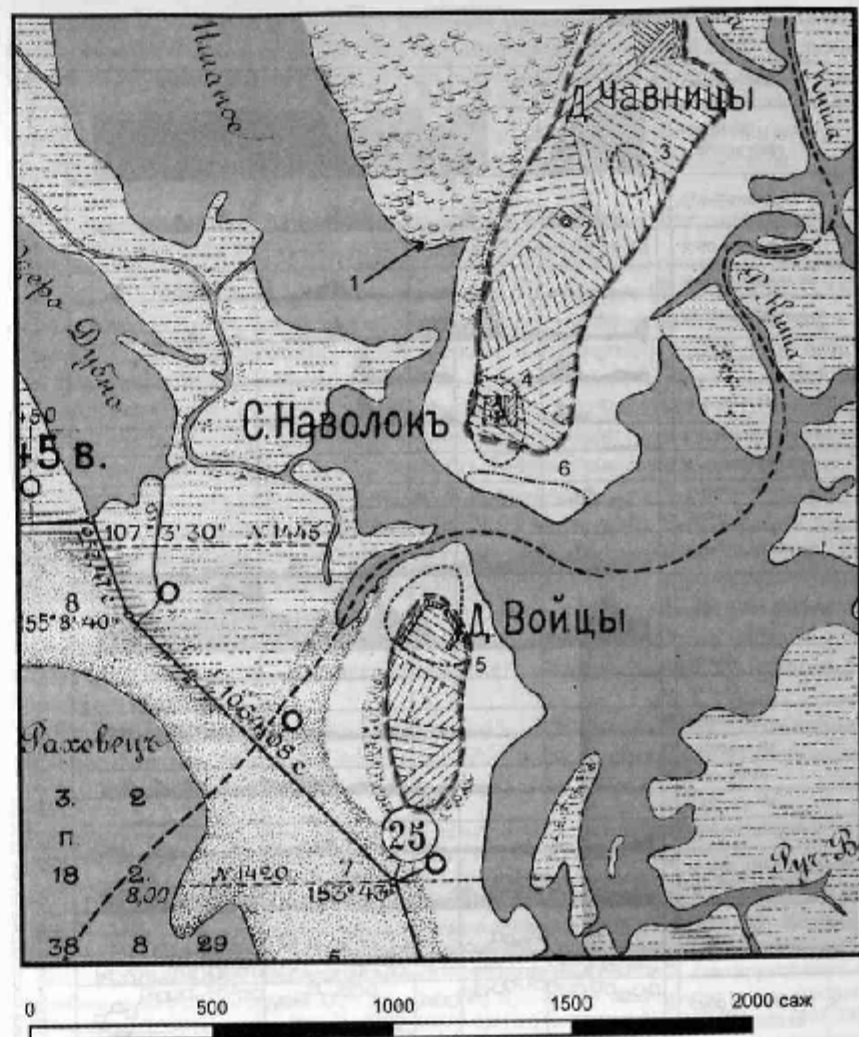

Рис. 19. Район деревень Наволок и Войцы на плане съемки 1885—1888 гг.: 1 — место разреза 2003 г. на торфянике у дер. Наволок; 2 — останец сопки; 3—5 — древнерусские селища; 6 — мезолитическая стоянка на мысу Орлея

Разрез заложен в 800 м на северо-запад от дер. Наволок и в 600 м к северо-западу от сопки ($58^{\circ}22'12,3''$ с. ш., $31^{\circ}37'04,7''$ в. д.) в южной части торфяника. От берега озера разрез удален на 35 м (рис. 14, 15). Глубина шурфа составила 1,7 м. Образцы на палинологический и радиоуглеродный анализы отбирались из северной стенки (обращена к озеру) монолитом в металлические контейнеры размерами $10 \times 10 \times 50$ см на глубину 1,5 м. Ниже образцы отбирались геологическим разведочным буром. Общая высота колонки образцов составила 2,2 м, описание составлено для колонки высотой 1,93 м (рис. 20, табл. 1).

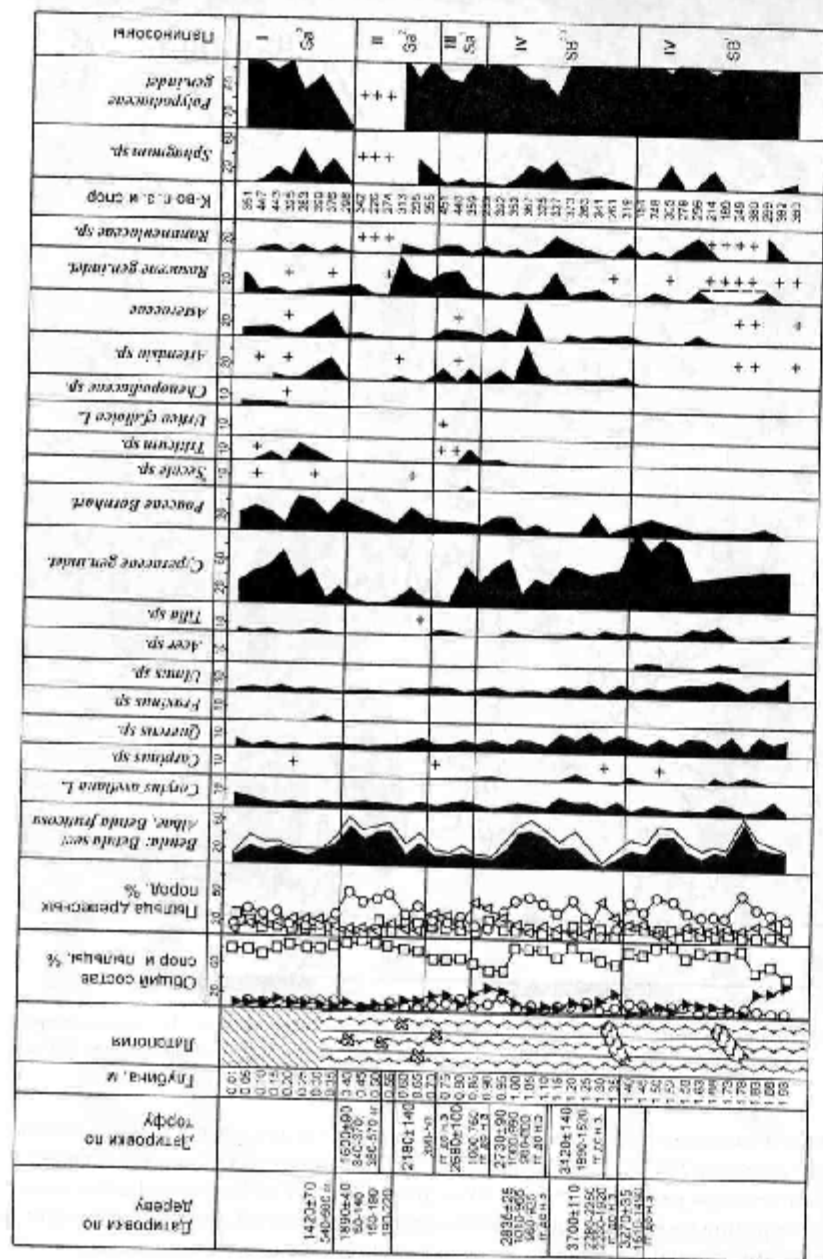

Рис. 20. Стратиграфическая диаграмма шурфа 7003 г. на южной склоне торфяника у дер. Наволок (Новгородская область, Новгородский район). Диаграмма составлена О. Ф. Дзюбой

Верхние 0,3 м разреза сложены плотным серым безвалунным суглинком с большим количеством органических остатков средней и слабой степени разложения. Ниже залегает буро-черный плотный торф сильной степени разложения с остатками осок, хвощей и злаков. На глубине 1,05 м отмечено скопление крупных древесных остатков (куски стволов, корней деревьев).⁴ Ниже этого уровня в стенках разреза регулярно встречаются фрагменты древесины.

2.1. Ботанический состав торфа из разреза на наволоцком торфянике

Результаты ботанического анализа состава торфа показывают историю слабооблесенного/закустаренного низинного пойменного болота (табл. 1).⁵ На протяжении длительного периода времени здесь произрастала береза, периодически к ней примешивались ольха и сосна. Значительное количество остатков тростника *Phragmites communis* Trin. и осоки *Carex appropinquata* Schum. может говорить о проточном режиме увлажнения в течение всей истории болота и/или относительно близком залегании минерального грунта. На протяжении исследованного периода облесенность болота изменялась, при этом трофность болота оставалась более или менее постоянной.

Нижняя часть торфяной толщи (1,78—1,93 м) сложена буро-черным плотным сильно разложившимся древесно-травяным низинным торфом (45%). Велико количество древесных остатков (35%), среди которых идентифицированы сосна и береза. Обнаруженные травянистые виды характеризуют типичное низинное болото. Несколько сниженное (по сравнению с другими частями профиля) количество остатков тростника может говорить о слабопроточном режиме увлажнения.

Травяной низинный торф с глубины 1,43—1,78 м характеризуется небольшим количеством древесных остатков (10%), а также увеличением количества

⁴ Эта прослойка отмечена первыми исследователями наволоцкого торфяника, отнесшими верхнюю его часть к «заболоченному наносу». «Здесь же у с. Наволок, к N, в 100—150 мтр., в 1920 г. (маловодный год) нам было указано жителями хорошее обнажение древнего «древесного» торфа. На глубине 100—125 см., под заболоченным наносом, среди черного торфа можно было видеть много стволов деревьев, с хорошо сохранившейся корой» (Юрьев 1927: 249). Необходимо отметить важную деталь — данный горизонт наволоцкого торфяника соотносится с аналогичными «древесными» горизонтами других торфяников в дельте Мсты, фиксируемыми на глубине около 0,5—1 м (Юрьев 1927: 243—247, 249). Кроме того, аналогичные горизонты выявлены и в торфяниках дельты Ловати (Юрьев 1927: 220) и близ устья р. Шелони (Юрьев 1927: 247). Ландшафтная ситуация, соответствующая этому периоду, охарактеризована следующим образом: «Существовавший здесь некогда водный бассейн не только сократился в размерах, но совершенно исчез, уступив свое место древесной и травяной растительности, пышно развившейся на речных и озерных отложениях. <...> Торфяники нижнего течения реки Мсты в этом отношении представляют собою ту же самую историю развития. нередко, согласно приводимым данным, мы встречаемся с дубовыми насаждениями в пойме реки Мсты, встречаемых и со случаями усыхания реки, в связи с общим понижением уровня вод в момент потепления климата. Наконец, погибают пойменные дубравы под напором развивающихся процессов заболачивания, и на месте их возникают травяно-осоковые болота, развиваются значительной мощности торфяники, которые, благодаря все повышающемуся уровню вод в Ильменском бассейне, перекрываются аллювиальными отложениями, оставаясь погребенными под ними до настоящего времени» (Юрьев 1927: 248). Зарастание торфяников поймы Мсты М. М. Юрьев соотносил с суббореальным периодом, а гибель лесов — с субатлантическим (Юрьев 1927: 248, 249).

⁵ Лабораторное определение ботанического состава торфа выполнено И. И. Сергеевой, которой авторы приносят глубокую благодарность.

Таблица 1

Ботанический состав, радиоуглеродный возраст и степень разложения образцов торфа из разреза к. лер. Павловок

Таблица, №	Радиоуглеродный возраст, BP	Вид торфа	Деревья				Травянистые виды																
			Альс sp.	Вельс sp.	Рис sp.	Древесные останки	<i>Саламгвайтис нудиса</i> (Ehrh.) Gaertn.	<i>Сасс парвифлора</i> Schum.	<i>Сасс евразика</i> L.	<i>Сасс шведицка</i> Ehrh.	<i>Сасс кельсера</i> Ehrh.	<i>Сантаин пахифлора</i> L.	<i>Еквистем sp.</i>	<i>Менуикус сибирика</i> L.	<i>Фитогийтис сибирика</i> Trin.	<i>Схизогийтис пахифлора</i> L.	Травянистые останки	Степень разложения	Примеры почвы				
0, 0,1		Травяной низинный				10	20	10	10									20	10	10	40	+	
0,1—0,25		древесно-травяной низинный				15	15	10	10									30	10	10	45	+	
0,25—0,4	1420 ± 70	древесно-травяной низинный				15	10	10	10									35	10	10	45	+	
0,4—0,48		древесно-травяной низинный				15		15	15									35	10	10	35		
0,48—0,6	1600 ± 90 1860 ± 40	древесно-травяной низинный				15		12	13									5	35	10	10	35	
0,6—0,65		древесно-травяной низинный				15		10	10									10		10	10	35	
0,65—0,75	2180 ± 140	древесно-травяной низинный	+	+		20		12	13									35	10	10	40	+	
0,75—0,8		древесно-травяной низинный	+	+		15		12	13									5	35	10	10	35	+
0,8—0,85		древесно-травяной низинный	+	+		15		12	13										35	10	10	35	
0,85—0,9	2680 ± 100	древесно-травяной низинный	+	+		15		12	13									5	35	10	10	35	
0,9—1,0		древесно-травяной низинный				15		10	10									10	35	10	10	35	
1,0—1,09	2730 ± 90	древесно-травяной низинный				15		9	9									5	35	10	10	38	
1,09—1,13	2835 ± 25	древесно-травяной низинный	-			10		12	13									10	5	40	10	25	
1,13—1,18		травяной низинный				10		8	7									5	5	55	10	50	
1,18—1,23		травяной низинный	+	+		10		5	5									10		60	10	35	
1,23—1,33	3420 ± 140	древесно-травяной низинный	+	+	+	20		7	8									20		35	10	38	
1,33—1,43	3700 ± 110	древесно-травяной низинный	+	+	+	15		8	8									8		35	10	35	

Таблица, №	Радиоуглеродный возраст, BP	Вид торфа	Деревья				Травянистые виды																
			Альс sp.	Вельс sp.	Рис sp.	Древесные останки	<i>Саламгвайтис нудиса</i> (Ehrh.) Gaertn.	<i>Сасс парвифлора</i> Schum.	<i>Сасс евразика</i> L.	<i>Сасс шведицка</i> Ehrh.	<i>Сасс кельсера</i> Ehrh.	<i>Сантаин пахифлора</i> L.	<i>Еквистем sp.</i>	<i>Менуикус сибирика</i> L.	<i>Фитогийтис сибирика</i> Trin.	<i>Схизогийтис пахифлора</i> L.	Травянистые останки	Степень разложения	Примеры почвы				
1,43—1,48	3270 ± 35	травяной низинный	+			10		8	8									20		35	10	35	
1,48—1,53		травяной низинный	+	+		10		5	5									5		35	10	35	
1,53—1,58		травяной низинный	+	+		10		12	13									15	5	35	10	35	
1,58—1,63		травяной низинный	+	+		10		12	13									20		35	10	35	
1,63—1,68		травяной низинный	+	+		10		8	8									8		35	10	35	
1,68—1,78		травяной низинный	+	+		10		8	8									15	5	35	10	35	
1,78—1,86		древесно-травяной низинный	+	+	+	35		5	5									15		30	10	45	
1,86—1,93		древесно-травяной низинный	+	+	+	35		5	5									15		30	10	45	

остатков тростника (до 35%) и других влаголюбивых видов (хвощ *Equisetum sp.*, вахта трехлистная *Menyanthes trifoliata* L.). Степень разложения торфа снижается до 35%. Скорее всего, на протяжении этого периода торфяник был слабооблесен и сильно увлажнен. На глубине 1,23—1,43 м наблюдается увеличение количества древесных остатков до 15—20%, присутствуют одновременно все три вида деревьев. Степень разложения этого древесно-травяного низинного торфа несколько выше и достигает 38%. Такие показатели могут говорить о меньшей увлажненности торфяника в это время и, соответственно, о более сухом климате. В этом же горизонте залегает значительное количество погребенной древесины (стволы и корни березы и ели).

С глубины 1,23 м количество древесных остатков вновь снижается до 10%, а степень разложения падает до 25%. Количество остатков тростника увеличивается до 60%, появляется типичный болотный вид — вахта трехлистная. По-видимому, это один из самых влажных периодов в истории этого торфяника. С отметки 1,09 м количество древесных остатков вновь возрастает до 15%. Степень разложения торфа средняя по профилю — 35. При этом количество тростника снижается до 35%, появляется типичный болотный вид шейцера болотная *Scheuchzeria palustris* L. Присутствие последнего говорит о том, что это было низинное слабооблесенное болото. На глубине 0,65—0,8 м обнаружена примесь песка, в палинологическом спектре на этой же глубине обнаружены пыльцевые зерна культурных злаков.

Верхний горизонт мощностью 0,3 м визуально выглядит как плотный мокрый серый безвалунный суглинок с большим количеством органических остатков средней и слабой степени разложения. По ботаническому составу он схож с предыдущим горизонтом. Степень разложения торфа возрастает до 45%, на протяжении всего горизонта наблюдается примесь песка. В значительной степени это связано с пойменным режимом, сформировавшимся за последние 80—100 лет.

На основании палеоботанических данных в истории этого болота можно выделить 6 периодов:

1,93—1,78 м — низинное облесенное болото;

1,78—1,43 м — низинное слабооблесенное болото;

1,43—1,23 м — облесенное болото, короткий относительно «сухой» период, в течение которого происходит сначала резкое облесение, а затем быстрое вымирание деревьев;

1,23—1,09 м — низинно-переходное слабооблесенное болото, наиболее влажный период;

1,09—0,3 м — низинно-переходное слабооблесенное болото, зафиксированы первые признаки земледелия;

0,3—0 м — пойменное низинно-переходное болото (облик, близкий к современному).

2.2. Спорно-пыльцевые исследования

Разновозрастные образцы торфа, отобранные для исследования с помощью палинологического/спорно-пыльцевого анализа, прежде всего были подвержены технической обработке. Обработка производилась по модифицированной

методике Поста для обработки торфов и сапропелей (Дзюба 1984) с применением пирофосфата натрия и плавиковой кислоты.

Исследование и микрофотографирование пыльцы производится с помощью световых микроскопов (СМ) марки «БИОЛАМ-И» и марки «Leica DLMS» с использованием системы анализа изображений «Видео-Тест».

Пыльцевые зерна по возможности определялись до таксона ранга семейства, рода, в оптимальном случае — вида. Особое внимание уделялось выявлению пыльцы таксонов, присутствие которых могло бы подтвердить наличие хозяйственной деятельности в современное им время и получить ответ на вопрос о системе земледелия.

Для уточнения диагностики пыльцы отдельных таксонов использовалась «коллекция сравнения» пыльцы современных культурных и диких растений, привлекалась сканирующая электронная микроскопия (СЭМ).

Подсчет содержания пыльцы в спектрах производился общепринятым при изучении палинологических образцов четвертичного времени групповым методом (Пыльцевой анализ 1953; Каревская 1999). При этом количество пыльцы древесных и кустарниковых таксонов, травянисто-кустарничковых таксонов и спор принималось каждое за 100%. Кроме того, для каждого конкретного образца отдельно подсчитывалось участие перечисленных трех групп в суммарном спектре (общий состав спектров).

При исследовании подсчет пыльцевых зерен производился, как правило, с площади 4 покровных стекол, но в ряде случаев, вследствие низкой насыщенности образцов пыльцой и спорами, приходилось вести подсчет с площади 6—8 стекол.

В целом, за отчетный период изучены и проанализированы палиноспектры 40 образцов разновозрастных торфов, отобранных из шурфа (рис. 20). Исследование образцов и анализ палинологических материалов, сведенных в диаграмму, позволили проследить эволюцию растительного покрова территории, прилегающей к болоту, начиная с суббореального времени (SB¹). Значительное количество радиоуглеродных дат, образующих две хронологические шкалы — по торфу и по древесным фрагментам, позволяет достаточно надежно привязать экологические процессы к временной шкале (табл. 2).

Таблица 2

Броштинский участок. Радиоуглеродные датировки по торфянику у дер. Новолок.
Калибровка по программе OxCal v3,9

Лабораторный индекс	Радиоуглеродный возраст, BP	Калиброванный возраст 68,2%, BC, AD	Глубина отбора (от поверхности торфяника, см)	Материал
Ле-6719	1420 ± 70	540AD (68,2%) 680AD	34	дерево, ветка
Ле-7001	1600 ± 90	540AD (4,6%) 370AD 380AD (63,6%) 570AD	49—51	торф
Ле-6720	1890 ± 40	60AD (49,1%) 140AD 150AD (10,3%) 180AD 190AD (8,8%) 220AD	54	дерево, ветка
Ле-7000	2180 ± 140	390BC (68,2%) 50BC	69—71	торф
Ле-6999	2680 ± 100	1000BC (68,2%) 760BC	89—91	торф
Ле-6998	2730 ± 90	1000BC (0,9%) 990BC 980BC (67,3%) 800BC	109—111	торф

Окончание табл. 2

Лабораторный индекс	Радиус верхнего покрыва, ВР	Калибровочный возраст 68,2%, ВС, АД	Глубина отбора (от поверхности торфяника, см)	Материал
Ле-6721	2835 ± 25	1010BC (39,3%) 965BC 960BC (28,9%) 925BC	112	дерево, ветка
Ле-6997	3420 ± 140	1890BC (58,2%) 1520BC	129—131	торф
Ле-6722	3700 ± 110	2280BC (4,5%) 2250BC 2230BC (63,7%) 1920BC	135	дерево, ветка
Ле-6723	3270 ± 35	110BC (68,2%) 1490BC	145	дерево, ветка

Палинозона V (SB¹). В целом, в спектрах древесных пород этого времени преобладает пыльца березы. Ее содержание достигает 31—65%. Кривые остальных пород сближены и колеблются на уровне 5,7—20% от общего числа древесных представителей растительности. В палиноспектрах этого времени зафиксировано постоянное присутствие пыльцы широколиственных элементов. Суммарное участие широколиственных пород достигает максимального по всему разрезу значения (6,4—23,2%). В спектрах этих пород преобладают дуб (*Quercus sp.*) — до 9,9% и вяз (преимущественно *Ulmus laevis* Pall., и *U. glabra* Huds.) — до 12,2%; содержание пыльцы липы (*Tilia sp.*) также максимально, но не превышает 4,6% от общего состава древесных пород.

Травянистая растительность представлена в спектрах довольно бедно. Преимущественно это представители семейства осоковых (*Cyperaceae gen. indet.*) — до 100%, злаковых (*Poaceae gen. indet.*) — до 15,8%, в ряде образцов удалось установить наличие единичных пыльцевых зерен полыни (*Artemisia sp.*).

Споровая растительность практически на 100% представлена семейством *Polypodiaceae* Bercht. & J. Presl.

Палинозона VI (SB²⁻³). Для пыльцевых спектров древесных пород этого времени характерно значительное увеличение роли ели. Ее содержание достигает в нижней части палинозоны 57,4%, а в верхней — 53,5%, т. е. кривая ели здесь образует свой максимум, что соответствует представлениям о заключительном этапе суббореального времени. В нашем случае правильно говорить о двух максимумах ели в пределах палинозоны VI (SB²⁻³), поскольку в центральной части данного отрезка времени (гл. 1,00—1,20 м) зафиксирован максимум березы (33,6—64%). Это может быть одним из проявлений локальности данной диаграммы, связанной с тем, что береза — древесная порода, участвующая в процессах рестаурации лесов, в частности, после пожаров (Сажапдер 1926; Сукачев 1931; Гуман, Хотинский 1981; Лаасимер 1983; Каревская 1999), хотя прямых указаний на то, что современные исследованным микрофоссилиям леса горели, мы не имеем.

Кривые остальных пород сближены и колеблются на уровне 5—20% от общего числа древесных представителей растительности. В палиноспектрах этого времени суммарное участие широколиственных пород все еще довольно велико (18,9—6,4%). Представлены они по-прежнему преимущественно пыльцой дуба и вязов, но количество пыльцы вязов, особенно теплолюбивого *U. glabra*, постепенно уменьшается. Содержание пыльцы липы в спектрах не превышает 2,2%.

Травянистая и споровая растительность в спектрах по-прежнему не радует ни видовым разнообразием, ни обилием пыльцевых зерен. Здесь, как и в пре-

дыдущей палинозоне, доминируют осоковые. В небольших количествах зарегистрирована пыльца злаковых, розоцветных, лютиковых, сложноцветных (в том числе и полыни) и зонтичных. В целом, количество травянистых растений в спектрах остается на прежнем уровне — их содержание колеблется в разных образцах от 6 до 11,7%.

Обращает на себя внимание следующее: в двух образцах (глубины отбора 0,85 и 0,90 м) обнаружены пыльцевые зерна, которые можно диагностировать как рожь — *cf. Triticum sp.* (обр. № 1185 и № 1190).

Споровая растительность представлена преимущественно папоротникообразными с небольшим участием сфагновых мхов.

Палинозона III (SA¹) характеризуется сближением спектров всех древесных пород на фоне резкого сокращения участия в них пыльцы ели (до 23%). Одновременно с этим в спектрах несколько возрастает роль сосны. Суммарное участие широколиственных сокращается до 6%.

Травянистые растения в спектрах общего состава становятся несколько заметнее, их максимальное содержание — 18,4%. Видовой состав спектров остается практически таким же, как и в суббореальное время, но несколько сокращается роль осоковых. Увеличивается роль розоцветных и злаковых, зарегистрирована пыльца сложноцветных (в том числе и полыни), лютиковых, зонтичных, вербейниковых.

Среди травянистых растений в спектрах обращают на себя внимание крапива (*Urtica cf. dioica* — обр. № 1170). Существенно, что в образцах этой палинозоны зафиксированы пыльцевые зерна, которые можно диагностировать как пшеницу (*cf. Triticum sp.*) и рожь (*cf. Secale sp.*).

Спектры споровых растений по-прежнему представлены преимущественно папоротникообразными, хотя наряду с ними в некоторых образцах зафиксированы единичные споры сфагновых мхов и плаунов.

Палинозона II (SA²) — середина субатлантического периода. Палинозона характеризуется заметным увеличением участия в спектрах пыльцы березы (62%), некоторым сокращением участия пыльцы сосны и продолжающимся сокращением участия в палиноспектрах представителей широколиственных пород.

Среди пыльцы травянистых растений обращает на себя внимание пыльцевое зерно, которое можно диагностировать как рожь — *cf. Secale sp.* (обр. № 1160). В целом, количество травянистых растений в спектрах несколько снижается. Их содержание колеблется в разных образцах от 2,2 до 7,7%, при этом заметно сокращается участие в спектрах осоковых. Последнее, одновременно с увеличением роли злаковых трав и сокращением роли споровой растительности в общих спектрах, может свидетельствовать о некотором иссушении климата, что соответствует представлениям о субатлантическом времени. Можно взять на себя смелость предположить, что описанные выше изменения растительности на данной территории являются следствием хозяйственной деятельности человека.

Палинозона I (SA¹). Заключительный этап субатлантического периода характеризуется падением кривой березы и сближением спектров всех древесных пород, на фоне чего явно просматривается доминирование в составе спектров сосны.

Участье в спектрах общего состава травянистых и споровых растений немного увеличилось. Одновременно с этим возросло и количество влаголюбивых элементов, в частности представителей семейства осоковых. Роль пыльных злаков в спектрах тоже значительно выросла. Среди пыльных злаковых трав имеются зерна, которые можно диагностировать как рожь — *cf. Secale sp.* (обр. № Л015, № Л025) и пшеница — *cf. Triticum sp.* (обр. № 05, № Л010, № Л020, № Л030).

Споровая растительность по-прежнему представлена преимущественно папоротникообразными, но появилась и эмпирическая кривая сфагновых мхов.

В заключение хочется отметить, что данная диаграмма, отражая общерегиональные особенности формирования растительности на территории Северо-Запада, несет в себе и вполне определенный элемент локальности. Частными проявлениями этого являются в первую очередь «максимум пыльцы березы» в середине заключительного этапа суббореального времени и «максимум пыльцы березы» в середине субатлантического времени.

Кроме того, удивляет бедность палиноспектров травянисто-кустарничковых таксонов растений. Возможно, последнее связано с тем, что болото у дер. Наволок в историческом прошлом и вплоть до недавнего времени было расположено достаточно изолированно, непосредственно в смешанном лесу, что затрудняет занос пыльцы травянистых растений. Тем не менее даже те единичные пыльцевые зерна культурных растений, которые удалось обнаружить в изученных образцах, позволяют предположить существование уже в середине I тыс. до н. э. (конец суббореального — начало субатлантического периода — SB² /SA¹) не слишком удаленного от болота древнего поселения, жители которого активно занимались земледельческой деятельностью. О том же, возможно, свидетельствует и наличие в ряде образцов указанного времени значительного количества тератоморфных пыльцевых зерен.

3. Вопросы земледельческого освоения Восточного Приильмья

При обсуждении вопросов земледелия на Ильмене большое значение имеет сопоставление полученных нами данных с результатами исследований шведских и немецких коллег, проделавших аналогичную работу в Поозерье — на противоположном берегу озера (рис. 21). Не лишним будет напомнить, что по материалам торфяника у дер. Радбелк им удалось выявить четыре земледельческих периода. Первый из них — неолитический — радиоуглеродные датировки: 4480 ± 80 BP (Ua-4639), 3915 ± 60 BP (Ua-10607). Второй относится к эпохе бронзы: 3695 ± 60 BP (Ua-10610), 3630 ± 85 BP (Ua-3794). Третий, начинаясь в эпоху бронзы, завершается около рубежа, маркированного датой 2300 ± 75 BP (Ua-3793). Последний пик — средневековый — начиная с V—VI вв. н. э., датировки — после 1515 ± 70 BP (Ua-10506). Первые три пика выделены преимущественно по пыльце ячменя и в незначительной степени — пшеницы; четвертый — по пыльце ячменя, пшеницы и ржи (Königsson, Posselt, Hammar 1997).

Выводы о ранней (относящейся к суббореальному периоду голоцена) земледельческой деятельности являются традиционными для палеогеографии Южной

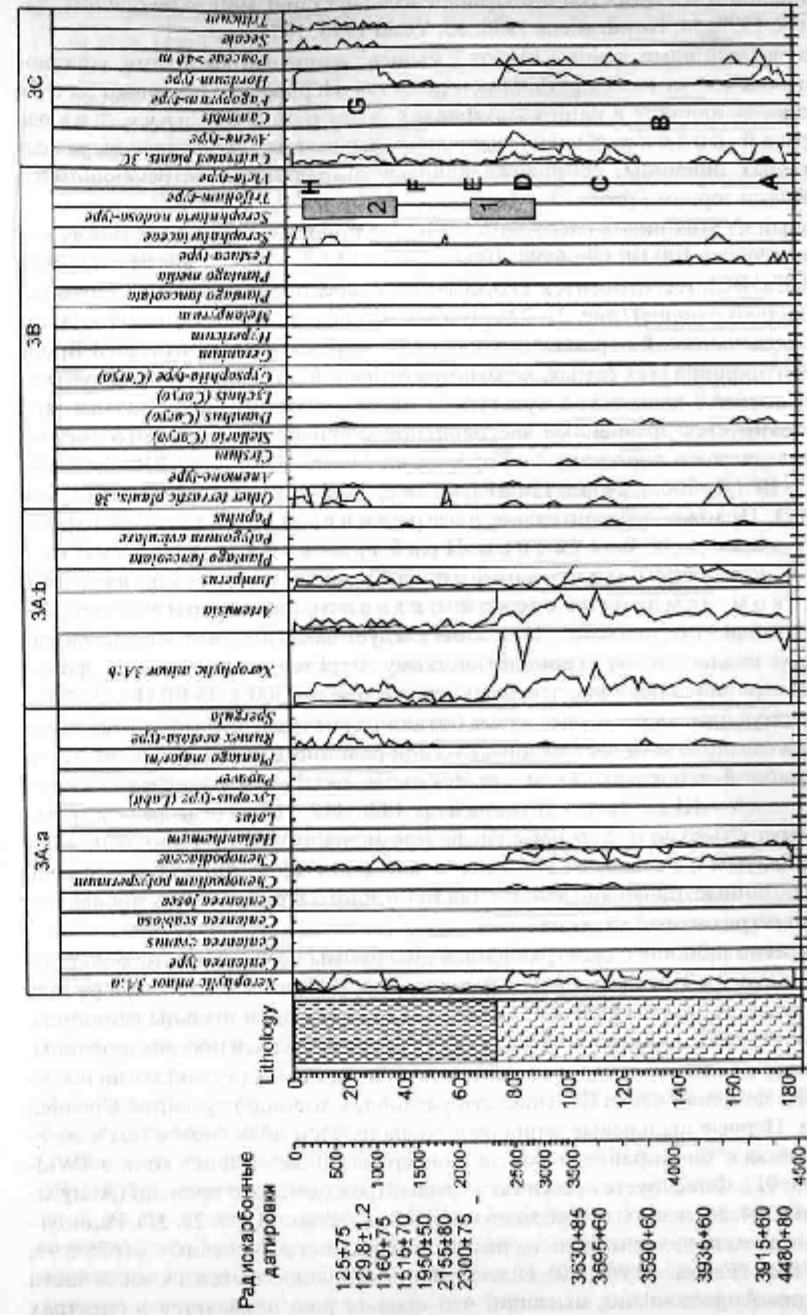

Рис. 21. Спорово-пыльцевая диаграмма по болоту Радбелк в Ильменском Поозерье (по Königsson, Posselt, Hammar 1997). 1, 2 — периоды земледельческой активности, выделенные для Восточного Приильмья

Скандинавии и Юго-Восточной Прибалтики (Berglund 1991: 428; Seibutis, Sa-vukynienė 1998: 54; Kondratienė 1998: 60; Veski 1998: 107).

Полученные нами данные имеют с вышеописанными выводами западно-европейских коллег как отличия, так и сходства. Первое, что обращает на себя внимание, — наличие в наших материалах всего лишь двух пиков аграрной колонизации, прошедших отражение в отчетливо выраженных кривых пшеницы, сопровождающихся спорадически встречающимися пылевыми зёрнами ржи.

Первый из этих пиков располагается на хронологической шкале между интервалом 2680 ± 100 BP (Ле-6999; 1000—760 Cal BC) и 2180 ± 140 BP (Ле-7000; 390—50 Cal BC), т. е. относится, скорее всего, к середине I тыс. до н. э. (возможно, несколько раньше) (рис. 21, 22). Думаем, мы не ошибемся, если сопоставим этот сельскохозяйственный период с деятельностью древнейших обитателей Бронницкого городища (тех самых, керамику которых А. А. Спичин предположительно соотнес с дьяковской культурой). Важно отметить, что близким временем датируется древнейшее частокольное укрепление еще одного восточноприильменского городища — Городка на Маяте: 2270 ± 60 BP (Ле-7064), 2380 ± 35 BP (Ле-7065), 2450 ± 120 BP (Ле-7066), 2480 ± 50 BP (Ле-7067) (Еремеев 2006: 262). Похоже, действительно, в середине — третьей четверти I тыс. до н. э. в Восточном Приильменье происходят какие-то культурные трансформации, сопровождавшиеся всплеском земледельческой активности и приведшие к появлению городищ. При этом следует заметить, что на диаграмме шведских коллег этому хронологическому отрезку соответствует финал третьего аграрного периода, завершающегося около 2300 ± 75 BP (Ua-3793).

Развернувшиеся в последнее время ботанические исследования памятников раннего железного века лесной зоны Русской равнины сдвигают начало широкомасштабной земледельческой деятельности вниз — к раннедьяковскому времени — к V—III вв. до н. э. (Гунова и др. 1996: 117, 118). Тогда же — в третьей четверти I тыс. до н. э. первые следы примитивного земледелия начинают проследиваться и к северу от Ильменя — в Южной Финляндии (Tolonen et al. 1979: 55). Данные, полученные нами для Восточного Приильменья, добавляют еще один штрих к этой картине.

Интересно наличие в спектрах нашей диаграммы незначительного количества ржи, что требует некоторого комментария. В Приильменье такая ранняя кривая ржи получена впервые. Судя по тому, что находки пылцы единичны, в данном случае мы, очевидно, имеем дело с сорной рожью в посевах пшеницы.

Полезно в этом отношении сопоставить наши данные с результатами исследований в западной части Балтийского региона, в хорошо изученной Средней Швеции. Первые пылевые зёрна ржи спорадически появляются там в спектрах начиная с эпохи раннего железа в интервале 1000—100 лет до н. э. (Widgren 1983: 91). Фиксируется рожь также в спектрах римского времени (Almgist-Jacobson 1994: 56) и эпохи переселения народов (Eriksson 1999: 28, 31). Радиоуглеродные даты появления пылцы ржи для окрестностей Уппсалы — 1675 ± 75 ; 1530 ± 75 BP (Eriksson 1999: 30). Исследования, проводившиеся в южной части провинции Angermanland, выявили, что пыльца ржи появляется в спектрах около рубежа нашей эры и возрастает в числе после 500 г. н. э. (Wallin 1996: 304, 305).

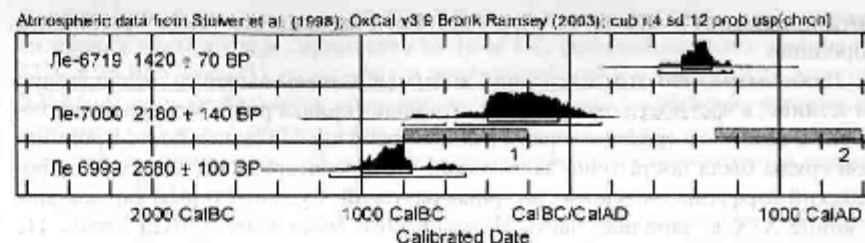

Рис. 22. Бронницкий участок. Радиоуглеродные датировки периодов земледельческого использования области Бронницкой гряды. Периоды 1, 2

Незначительное количество пылцы ржи на всех этих ранних отрезках диаграммы указывает на отсутствие ее целенаправленной культивации. Ту же картину дает и эпоха викингов, когда рожь не имела в Средней Швеции самостоятельного места в составе культивируемых злаков (Karlsson, Robertsson 1997: 66). Материалы спорово-пыльцевых исследований привели палеогеографов к выводу, что начало культивации ржи (*Secale cereale*) в районе оз. Меларен и на прилегающих территориях относится ко времени около 1000 л. н. (Robertsson, Karlsson, Helm 1995: 287, 293). Т. е. как и у нас — на северо-западе России. В целом, шведские пылевые спектры указывают на постепенное вхождение ржи в состав целенаправленно культивируемых злаков.

В Центральной Европе и в лесостепной части Восточной Европы для середины — третьей четверти I тыс. до н. э. зафиксированы находки культурной ржи (Behre: 1992: 143). В небольшом количестве в предримском железном веке рожь встречается в Европе достаточно часто. Таким образом, полученная нами картина сопоставима с данными, характерными для западной части Балтийского региона и для Европы в целом. Вероятно, распространение ржи на северо-западе не носило столь взрывообразного характера, как представлялось ранее, а имело сходную тенденцию с расположенными на тех же широтах областями Европы.

Вторая четверть — середина I тыс. н. э. отмечена на диаграмме снижением аграрной активности. На этот период приходится некоторая засуха, выразившаяся помимо снижения доли влаголюбивых элементов в образовании слабого верхнего пограничного горизонта. Здесь наши данные согласуются с материалами западноевропейских коллег, отмечающих «период уменьшенного землепользования» в Поозерье в позднем предримском и в римском железном веке. На диаграмме, построенной по торфянику у дер. Радбеллик, этот отрезок маркирован датами 2155 ± 80 BP (Ua-3792), 1950 ± 50 BP (Ua-10505) (Königsson, Possnert, Hammar 1997: fig. 6).

Наконец, после периода, отмеченного датой 1420 ± 70 BP (Ле-6719; 680—540 Cal BC), в Восточном Приильменье наблюдается второй пик аграрной активности, протекающей на фоне увлажнения климата. Прекращается торфонакопление, и торфяник заносится глинистым аллювием. Этот пик, соответствующий по времени славянскому продвижению в глубь лесной зоны, хорошо фиксируется на большинстве известных для этой территории диаграмм. Отмечен он и в Поозерье. Единственным памятником в рассматриваемом регионе, который может быть отнесен к начальному периоду этого аграр-

ного подъема (VI—IX вв. н. э.), может быть названо все то же Бронницкое городище.

Любопытно, что этот последний аграрный подъем выражен недостаточно отчетливо, в частности отсутствует устойчивая кривая ржи. Это, вероятно, говорит о том, что в средневековье и в новое время южная оконечность Бронницкой гряды была достаточно залесенной, что препятствовало заносу на наволоцкий торфяник пыльцы культурных растений. Судя по старым картам, еще в конце XIX в. западная часть Наволокского мыса была занята лесом. На рисунке из альбома Августина Мейерберга 1661 г. словый бор подходит почти вплотную к Наволоку (Альбом Мейерберга 1903). Вероятно, примерно так же обстояли дела и в домонгольское время. Характерно, что ни на одном из поселений близ Наволока не зафиксирована при сборах лепная керамика. Можно допустить, что аграрное освоение ильменской поймы на восточном берегу озера после прихода славян произошло достаточно поздно, и на протяжении третьей и большей части четвертой четверти I тыс. н. э. земледельческое население не продвигалось южнее Бронниц. Похоже, славянское земледельческое движение в пойму в районе дельты Мсты началось достаточно поздно (вероятнее всего, в X в.) и не было особенно интенсивным. Кстати, самая ранняя средневековая находка в дельте Ловати — клад из Подборовки датируется по младшей монете 992 г. н. э. (Яниш 1956: 77; Кротошкин 1971: 82, ил. 54). Видимо, в дельте Ловати ситуация была аналогичной.

Ландшафтное и геоботаническое картирование и археологические разведки позволили выделить в пределах Бронницкой гряды два археологических микрорегиона различного типа. Если памятники Бронницкого археологического комплекса ориентируются на ландшафты озерно-ледниковых равнин (в пределах пятикилометровой ресурсной зоны они составляют около 56,5% угодий), то памятники Наволокского археологического комплекса связаны преимущественно с пойменными ландшафтами (участки озерно-ледниковой равнины занимают в пятикилометровой зоне всего около 10,8% территории) (рис. 2). В районе Наволока земледельческое население могло эффективно вести хозяйство только при достаточно низком уровне воды в оз. Ильмень.

По материалам нашего разреза некоторые наблюдения можно сделать в области изменения водного режима озера. В археологической литературе довольно частыми являются ссылки на периодические трансгрессии, оказывавшие порой решающее воздействие на судьбы древних племен северо-запада Восточной Европы. Наш разрез, впущенный в торфяник практически с современного уровня Ильменя (в день отбора образцов 13.09.2003 г. вода в озере стояла всего в 0,3 м ниже поверхности исследованной части торфяника — рис. 15), позволяет проверить наличие следов трансгрессий. Учитывая расположение торфяника в береговой зоне, они неизбежно должны были бы остаться в слоях торфа хорошо заметные прослойки озерных отложений.

Подробная нивелировка южной части Бронницкой гряды (в том числе и наволокского торфяника) была проведена сотрудниками Отдела изысканий Волховского строительства в 1923 г., на основании чего была составлена детальная карта (Озеро Ильмень, л. II).

Согласно ей, наш разрез лежит на отметке 9 саж., т. е. на абсолютной высоте около 19,2 м БС. Глубина разреза составляет 1,93 м, и основание его находится

на абсолютной отметке около 17,27 м БС, т. е. примерно на 0,73 м ниже среднего уровня воды в озере, принятого за 18 м БС. Древнейшая дата разреза — 3270 ± 35 ВР (Лс-6723), относящаяся после калибровки к концу XVII—началу XV вв. до н. э. (к фатьяновскому времени), получена по образцу, взятому на глубине -1,45 м, т. е. примерно на отметке 17,75 м БС. Ниже в разрезе залегает слой торфа мощностью 0,48 м, сформировавшийся в заключительный период SB¹, т. е. в III тыс. до н. э.

Примечательно, что отчетливо выраженных прослоек аллювия, которые бы залегали выше приблизительной отметки 17,27 м БС и датированных бы временем позднее конца III тыс. н. э., нами в разрезе не прослежено вплоть до эпохи средневековья. Это обстоятельство говорит о том, что на протяжении периода с конца III тыс. до н. э. и до конца I тыс. н. э. трансгрессии озера не превышали абсолютных отметок порядка 17 м БС. Приведенные подсчеты высот имеют, разумеется, некоторую погрешность, однако нужно подчеркнуть, что корректировка их возможна, исходя из данных съемок 1923 г., скорее в сторону понижения абсолютной отметки нашего разреза. Это значит, что колебания уровня озера в течение длительного периода не оказывали катастрофических воздействий на земледелие в прибрежной зоне Ильменя.

Несомненно, за время, которое охватывает разрез, режим озера не раз претерпевал изменения. Об этом говорит, в частности, появление пограничного горизонта в первой четверти I тыс. до н. э. Горизонт погресенной древесины отмечен на глубине 1,05—1,25 м (около 18 м БС). Для него получены две даты: 2730 ± 90 ВР (Лс-6998) и 2835 ± 25 ВР (Лс-6721). Последовавшая в первой половине—середине I тыс. до н. э. гибель лесов в пойме Ильменя связана с трансгрессией, которая, однако, не вызвала масштабного и длительного затопления поймы и, следовательно, вряд ли оказала глобальное влияние на жизнь приильменских племен эпохи раннего металла.

В более позднее время примесь песка отмечена в торфе на глубине 0,65—0,80 м. Указанной отметке соответствует дата 2180 ± 140 ВР (Лс-7000; 390—50 Cal BC). Вероятно, эта примесь также связана с некоторым подъемом уровня воды в озере, вызвавшим частые затопления торфяника, но не оставившим после себя визуально заметного горизонта озерных отложений.

Итак:

Следов земледелия эпохи неолита и ранней бронзы в районе Бронницкой гряды, несмотря на наличие здесь ярких археологических памятников этих эпох (наволокская стоянка, бронницкий могильник), выявить пока не удалось.

Аграрная колонизация области Бронницкой гряды носила пульсирующий характер. Первый из ударов этого пульса фиксируется еще в середине I тыс. до н. э. — задолго до появления славян на Ильмене. В это время, видимо, активно использовались земли в пойме, расположенные вблизи озера. Возможно, освоению поймы способствовало ее обсыхание в начале I тыс. до н. э., приведшее к развитию лесов в дельте Мсты. Но для окончательных выводов о начале земледельческого освоения ильменской поймы в связи с ритмами увлажненности у нас пока недостаточно радиоуглеродных дат.

В период, непосредственно предшествовавший появлению на восточном берегу Ильменя славянского населения (в римское время), здесь отмечается упадок земледельческой активности.

Следующий аграрный пик приходится на период после 540—680 гг. н. э. и соотносится с зафиксированной повсеместно в Восточной Европе раннесредневековой земледельческой экспансией.

Выдвижение славянского земледельческого населения в красную часть дельты Мсты и Ловати и появление в средневековье значительных пахотных угодий на берегу Ильменя происходит, насколько можно судить по результатам обследования окрестностей дер. Наволок, довольно поздно — не ранее X в. Таким образом, у нас, кажется, нет оснований искать славянские поселения VI—IX вв. на шире подтопленных участках ильменской поймы. Видимо, на ранних этапах расселения славяне держались на некотором удалении от низкого восточного берега оз. Ильмень.

- Авдеев и др. 2000 — *Авдеев А. Н., Литвинова Е. М., Тукачев С. Н., Смирнов И. А.* Исследования дубрав в Новгородской области и концепция их охраны и восстановления // Исследования по охраняемым природным территориям Северо-Запада России: Материалы региональной научной конференции, посвященной 10-летию Валдайского национального парка 25—26 апреля 2000 года. Великий Новгород, 2000.
- Альбом Мейерберга 1903 — Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века. СПб., 1903.
- Анкудинов 2005 — *Анкудинов И. Ю.* Археологические памятники на топографических картах Новгородского уезда первой четверти XIX в. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 2005. Вып. 19. С. 186—202.
- Восточноевропейские леса... 2004 — Восточноевропейские леса: история в голоцене и современность. М., 2004. Кн. 1 и 2.
- Гуман. Хатинский 1981 — *Гуман М. А., Хатинский Н. А.* Антропогенные изменения растительности центра Русской равнины в голоцене (по палинологическим данным) // Антропогенные факторы в истории развития современных экосистем. М., 1981. С. 7—19.
- Гунова и др. 1996 — *Гунова В. С., Кирьшова Н. А., Креще Н. А., Нисовцев В. А., Свиридовская Е. А.* Земледелие и система землепользования в долине Москвы-реки в железном веке // Российская археология. 1996. № 4. С. 93—120.
- Дзюба 1984 — *Дзюба О. Ф.* Результаты палинологического исследования разреза торфяных отложений Никольско-Лютинского болота (Новгородская — Псковская обл.) // Труды ВНИИ торфяной промышленности. 1984. Вып. 53. С. 13—16.
- Еремеев 1995 — *Еремеев И. И.* О сонках в истоках р. Ниши в Восточном Приильменье // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1995. Вып. 9. С. 65—71.
- Еремеев 2006 — *Еремеев И. И.* Славянский городок в Восточном Приильменье // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 2006. Вып. 20. С. 259—274.
- Еремеев, Лисицына 2004 — *Еремеев И. И., Лисицына О. В.* Комплексные исследования в Восточном Приильменье в 2003 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 2004. Вып. 18. С. 34—50.
- Каревская 1999 — *Каревская И. А.* Спорно-пыльцевой анализ при палеогеографических и геоморфологических исследованиях: Уч. пособие. М., 1999.
- Кропоткин 1971 — *Кропоткин В. В.* Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // Нумизматика и эпиграфика. М., 1971. Вып. 9. С. 76—97.
- Курочкин 1999 — *Курочкин А. Ю.* Памятники истории и культуры Новгородской области. Каталог. Ч. 2 (памятники археологии). Великий Новгород, 1999.
- Лассиер 1983 — *Лассиер Л. Р.* Об истории антропогенных растительных сообществ на территории Эстонии // Человек, растительность, почва. Тарту, 1983. С. 5—25.
- Материалы... 1886 — Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1886. Т. 2.
- Муравьев 1828 — *Муравьев Н. Н.* Исторические исследования о древностях Новгорода. СПб., 1828.
- Носов, Плехов, Янссон 1996 — *Носов Е. Н., Плехов А. В., Янссон И.* Охранные исследования на Юрьевом Городище // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1996. Вып. 10. С. 27—31.
- Озерковский 1812 — *Озерковский Н. Я.* Путешествие академика Н. Озерковского по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильменя. СПб., 1812.
- О находках... 1908 — О находках каменных молотков и других каменных поделок в с. Бронницах Новгородской губ. // ИА ИИМК РАН, РА, ф. 1, 1908, л. 126.
- Орлов А-1958 — *Орлов С. Н.* Дневник 1958 г. // ОНИ НГОМЗ, ф. Р-10, ед. хр. 44.
- Отчет... 1913 — Отчет Императорской Археологической комиссии за 1909 и 1910 годы. СПб., 1913.
- Паллас 1809 — *Паллас П.-С.* Путешествие по разным провинциям Российской Империи. СПб., 1809. Ч. 1.
- Петров 1970 — *Петров М. Н.* Стоянки развитого неолита в Северном Приильменье // СА. 1970. № 2. С. 211—216.
- Прасолов 1925 — *Прасолов Л. И.* Почвы зативных пугов по берегам р. Волхова и оз. Ильменя // Материалы по исследованию реки Волхова и его бассейна. Л., 1925. Вып. 4. С. 3—26.
- Прасолов и др. 1927 — *Прасолов Л. И., Соколов Н. Н., Грунвальд М. А., Нецветайченко В. А., Юрьев М. М.* Почвы пойм в районе р. Волхова и оз. Ильменя: Материалы по исследованию реки Волхова и его бассейна. Л., 1927. Вып. 16.
- Пыльцевой анализ 1953 — Пыльцевой анализ. М., 1953.
- Радищев 1938 — *Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву // ИСС. М.; Л., 1938. Т. 2.
- Рудницкий, Глинка 1908 — *Рудницкий В. Е., Глинка К. Д.* Почвенно-геологический очерк Крестецкого уезда. Новгород, 1908.
- Секретарь, Филиппова 1991 — *Секретарь Л. А., Филиппова Л. А.* По Приильменью: Путеводитель. Л., 1991.
- Сергеев и др. 1997 — *Сергеев Ю. И., Курев В. П., Дмитриев В. В. и др.* Экосистема озера Ильмень и его поймы. СПб., 1997.
- Соколов 1926 — *Соколов Н. Н.* Геоморфологический очерк района р. Волхова и оз. Ильменя. Рельеф, наносы, история развития: Материалы по исследованию реки Волхова и его бассейна. Л., 1926. Вып. 7.
- Степанов 1927 — *Степанов Е. С.* Хозяйственная характеристика лугов Волхово-Ильменского бассейна и общие соображения о затопляемости пойменных угодий р. Волхова: Материалы по исследованию реки Волхова и его бассейна. Л., 1927. Вып. 19.
- Сухачев 1931 — *Сухачев И. П.* Руководство к исследованию типов лесов. М.; Л., 1931.
- Татищев 1793 — *Татищев В. Н.* Лексикон Российский исторический, географический, политический и гражданский. СПб., 1793. Ч. 1.
- Ходяковский 1839 — *Ходяковский Э.* Отрывок из путешествия по России // Русский исторический сборник. М., 1839. Т. 3, вып. 2.
- Юрова и др. 1998 — *Юрова Э. А., Колеца Г. Ю., Крупкина Л. И.* Кадастр флоры Новгородской области. Новгород, 1998.
- Юрьев 1927 — *Юрьев М. М.* Погребенные торфяники нижнего течения Мсты // *Прасолов Л. И., Соколов Н. Н., Грунвальд М. А., Нецветайченко В. А., Юрьев М. М.* Почвы пойм в районе р. Волхова и оз. Ильменя: Материалы по исследованию реки Волхова и его бассейна. Л., 1927. Вып. 16. С. 243—249.
- Янссон 1956 — *Янссон В. Л.* Деревяно-лесовые системы русского средневековья. М., 1956.
- Almgist-Jacobson 1994 — *Almgist-Jacobson H.* Interaction of the Holocene climate, water balance, vegetation, fire, and the cultural land-use in Swedish Borderland. Lundqua Thesis. Lund, 1994. Vol. 30.
- Behre 1992 — *Behre K.-E.* The history of rye cultivation in Europe // *Vegetation History and Archaeobotany*. 1992. No. 1. P. 141—156.
- Berglund 1991 — *Berglund B. E. (ed.)* The cultural landscape during 6000 years in southern Sweden — the Ystad Project. Ecological Bulletins. Copenhagen, 1991. Bd 4.
- Cajander 1926 — *Cajander A. K.* The Theory of forest types // *Acta Forest. Fenn.* 1926. Vol. 31.
- Eriksson 1999 — *Eriksson J.-A.* Land-use history in Gamla Uppsala // *Laborativ Arkeolog.* 1999. Bd 12. P. 25—34.
- Karlsson, Robertsson 1997 — *Karlsson S., Robertsson A.-M.* Human Impact on the Lake Malaren Region during the Viking Age (AD 750—1050): a Survey of Biostratigraphical Evidence // *Birka Studies*. Stockholm, 1997. Vol. 4. P. 47—72.

- Kondratienė 1998 — *Kondratienė O.* Palynologiske Angaen über die Entwicklung des Ackerbaus in Litauen // *Pact.* 1998. Bd 54. P. 61—67.
- Königsson, Possner, Hammar 1997 — *Königsson I. K., Possner G., Hammar Th.* Economical and Cultural Changes in the Landscape Development at Novgorod, Russia // *Tot.* Uppsala, 1997. Bd 29. P. 353—327.
- Pallas 1805 — *Pallas P. S.* Voyages entrepris dans les gouvernemens de l'empire de Russie. Paris, 1805. Vol. 2.
- Robertsson, Karlsson, Helm 1995 — *Robertsson A.-M., Karlsson S., Helm K.* Lake Fatburssjön — an Archive of 3000 Years of Environmental History in Stockholm, Sweden // *Pact.* 1995. Bd 50. P. 283—296.
- Seibutis, Savukynienė 1998 — *Seibutis A., Savukynienė N.* A Review of Major Turning Points in the Agricultural History of the Area Inhabited by the Baltic Peoples, Based on Palynological, Historical and Linguistic Data // *Pact.* 1998. Bd 54. P. 51—59.
- Tolonen et al. 1979 — *Tolonen K., Sibiräinen A., Hirviluoto A.-L.* Iron Age cultivation in SW Finland // *Finsk Museum* 1976. Esbo, 1979. P. 5—66.
- Veski 1998 — *Veski S.* Vegetation History, Human Impact and Palaeogeography of West Estonia. Pollen Analytical Studies of Lake and Bog Sediments. Striae; Uppsala, 1998. Vol. 38.
- Wallin 1996 — *Wallin J.-E.* History of sedentary farming in Angermanland, Northern Sweden, during the Iron Age and Medieval period based on pollen analytical investigations // *Vegetation History and Archaeobotany*. 1996. Vol. 5. P. 301—312.
- Widgren 1983 — *Widgren M.* Settlement and farming systems in the early Iron Age. A study of fossil agrarian landscapes in Östergötland, Sweden. Stockholm, 1983.

Картографические материалы

- Атлас Новгородской области 1982 — Атлас Новгородской области. М., 1982.
- Карта восстановленной растительности 1989 — Карта восстановленной растительности Центральной и Восточной Европы (Масштаб 1 : 2 500 000) / Отв. ред. С. А. Грибова. СПб., 1989.
- Карта растительности Европейской части СССР 1950 — Карта растительности Европейской части СССР. Пояснительный текст / Под ред. Е. М. Лавренко и В. Г. Сочавы. М.; Л., 1950.
- Новгородская область. Топографическая карта. Масштаб 1 : 200 000. М., 1997.
- Озеро Ильмень — Озеро Ильмень и его пойма. Составлена по данным исследования Отдела Исследований Волховского Строительства в 1923 году. Масштаб 1 : 25 000 Л., 1925. Лист II.
- Топографическое изображение Древнего Новгорода 1828 — Топографическое изображение Древнего Новгорода Великого с его окрестностями на 18 верст во все стороны, с показанием обработанных и необработанных мест земли, как оные были в последней четверти XVIII века при генеральном межевании // *Муравьев П. И.* Исторические исследования о древностях Новгорода. СПб., 1828. Масштаб 2 вершка в дюйме. 1 : 82 686.

К ТРАДИЦИЯМ СТЕКЛОДЕЛИЯ
В ДРЕВНЕМ ВЛАДИМИРЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2006 г.
В «ВЕТЧАНОМ ГОРОДЕ»)

А. Н. ЕГОРЬКОВ, В. И. КИЛЬДЮШЕВСКИЙ, А. В. КУРБАТОВ

Летом 2006 г. проводились охранные раскопки в «Ветчаном городе» Владимира, в квартале, ограниченном ул. Б. Нижегородской, 14—22. Для этого участка города имеются картографические материалы XVIII—XIX вв., показывающие особенности землепользования. Наиболее ранним является «чертеж» 1715 г., где в данном районе обозначены «слободы посадские» (Воропин 1946: 150—151, № 8). Это подтверждается и при сопоставлении плана с материалами пасцовых книг, что позволило реконструировать застройку Владимира в XVI—XVII вв. (Мазур 2006: 83). На плане города 1769 г. интересующий район показан узкой полосой между центральной улицей и крепостным валом (Бунин 1900: вставка). Недавно опубликован фрагмент «плана города Владимира, имеющего герб льва...» 1779 г., где в данном районе не показано никаких объектов. Он выглядит довольно узкой полосой между центральной улицей и валом, обозначенным штриховкой. От центральной улицы на север отходит дорога к Зачатьевскому монастырю, а к югу — короткая дорога, пересекающая вал, которая позднее, вероятно, стала Жандармским спуском (Тимофеева 1996: 550, рис.). План губернского города Владимира, датируемый 1794 г., был составлен на основе проектного плана 1781 г. с поправками на натурную съемку в 1794 г. На нем в интересующем районе показан острог (под литерой X), а восточнее его — участки, отведенные обывателям. Древние валы на плане не выделены, хотя понятно, что пространство между ними и центральной улицей достаточно узкое. Примерно на месте валов, или несколько южнее, на плане проведена улица, позднее известная как 2-я Щемиловка. Для более позднего периода имеется «Описание предложений Владимирской губернской строительной комиссии к устройству г. Владимира» 1845 г. В данном районе было, в частности, предложено: «Назначенную по утвержденному на город Владимир плану в квартале 161 улицу, доселе еще не открытую, предполагается открыть <...> улица эта совершенно необходима как для проезда к устроенным каменным зданиям для помещения жандармской команды, ибо другой дороги нет, так и для ближайшего доставления жителям Заивановской стороны воды из реки Клязьмы, в которой она весьма нуждаются, особенно в случае пожара, по неимению другого удобного и близкого сообщения с рекою» (Описание... 1845: л. 35 об.—36). Проложенная вскоре улица остается незастроенной, что отражает «Подробный инвентарь недвижимых имуществ г. Владимира» 1852 г., где отмечены «незастроенные места» «на Большой улице при съезде к Жандармским казармам» (Подробный инвентарь... 1852: л. 3 об.—4). На фрагменте плана 1899 г. в данном районе виден угол Нижегородской улицы и Жандармского спуска. На нижнем конце спуска показаны жандармские казармы. В «Списке домов и улиц города Владимира» 1899 г. на пересечении Нижегородской улицы и Жандармского спуска указаны следующие владельцы: перед

спуском полукаменные дома Дмитриевой и Федосеева, после — деревянный дом Крыловой и полукаменный — Милосидовой. На месте последнего стоит современный жилой дом (Список... 1899: 28).

Из приведенного обзора планов и документов следует, что интересующий нас участок находится в пределах валов восточной части Владимира, так называемого Ветчаного города, где ближайшей церковью была Зачатьевская, упраздненная после 1779 г. Он расположен между Нижегородской улицей, не менявшей здесь своего направления, и линией земляного вала, место которого и прилегающую к югу полосу в XIX в. заняла улица 2-я Щемилровка, а также Жандармским спуском, проложенным в середине XIX в. (ныне Рабочий спуск).

Таким образом, по письменным источникам эта часть города известна как посадская. В 1715 г. здесь находились посадские дворы. В конце XVIII в. примерно здесь же был построен деревянный острог. На южном конце Жандармского спуска в первой половине XIX в. появились каменные жандармские казармы. Место «на Большой улице при съезде к жандармским казармам» в 1852 г. было еще не застроено и принадлежало городской управе. В конце XIX в. застройка уже существовала — это деревянные и полукаменные частновладельческие дома.

На этой территории в 2006 г. были проведены охранные археологические исследования. Три раскопа общей площадью около 1400 м² развернуты на протяжении 57 м вдоль склона коренного берега р. Клязьмы и спускаются по склону в сторону поймы на 69 м. Перепад высоты современной поверхности на этом участке составляет более 3,5 м. Основные раскопы (№ 2 и 3) разбиты вдоль «красной линии» современной улицы, между домами 14 и 22, а дополнительный (№ 1) развернут южнее, у края берегового обрыва, спускающегося в пойму р. Клязьма, и удален от улицы более чем на 60 м. Мощностной культурный отложений составляет 0,7—1,6 м на участке вдоль Б. Нижегородской ул. и до 5,3 м в южной части.

Раскоп 1 (150 м²) расположен в южной части пятна застройки, на месте вала «Ветчаного города». Общая глубина раскопа достигает 5,2—5,3 м от дневной поверхности, из которых 2,6—2,8 м составляет современная рыхлая засыпка. Ниже были разобраны слои темно-серого суглинка — огородный слой нового времени, с единичными находками XVIII в., сильно измельченной керамикой XVII—XVIII вв. (красноглиняная, краснолощенная и чернолощенная) и XII—XIII вв. Почти на материке (на глубине 5,0—5,1 м) прослежен мешаный горелый слой (мощностью 0,1—0,25 м), насыщенный мелким углем, в котором встречена домонгольская керамика, большое количество стеклянных браслетов, единичные обломки амфор и железных изделий. В южной половине раскопа (на глубине 3,4 м) обнаружены остатки вала, насыпанного из серо-коричневого суглинка на темно-сером предматериковом слое. Верхняя часть вала оплыла (или была снушена) и перекрывала культурные напластования XIII—XVIII вв. В насыпи, сохранившейся на высоту 1,2—1,5 м, прослежены отдельные гумусные прослойки. Большая часть вала была уничтожена при перепланировке г. Владимира в конце XVIII в. (рис. 1).

Раскоп 2 (площадью 608 м²) изрезан различными хозяйственными и мусорными ямами, преимущественно второй половины XVIII—XX вв. (погребя, сараи, выгребные ямы). В северной части раскопа, под дорогой конца XVII—

Рис. 1. Раскоп № 1. Разборка вала и остатков вала

начала XIX в. выявлены остатки по крайней мере четырех погребов (глубиной 1,2—1,8 м и площадью 16—20 м²), имевших в верхней части заполнения древнерусский слой. Но отнесение их к домонгольскому периоду остается под сомнением, поскольку в заполнении, наряду с вещами XII—XIII вв., встречаются фрагменты керамики XIV—XV вв. Всего на раскопе вскрыто более 60 ям, среди которых лишь отдельные небольшие ямки, по встреченной в заполнении керамике, можно относить к XII—XIII вв.

Раскоп 3 (площадью более 510 м²) охватывал участки вдоль Б. Нижегородской улицы и Рабочего (бывшего Жандармского) спуска. Вдоль Б. Нижегородской улицы культурный слой ранее XIX в., по-видимому, был снят при планировке территории в разное время. Здесь зафиксированы остатки разновременных объектов. К XII—первой половине XIII в. относятся подвалы, вероятно, трех наземных построек. В северной половине раскопа исследован участок грунтовой дороги XVII—начала XIX вв., шириной не менее 4 м, с сохранившимися колеями, оставленными колесным транспортом (рис. 2). На позднем этапе была сооружена деревянная мостовая. Можно предполагать, что исследованная дорога являлась первоначальной трассой «Большой улицы».

При раскопках собрано более 350 индивидуальных бытовых предметов и более 3000 фрагментов разновременной столовой и кухонной посуды. К домонгольскому времени можно отнести множество обломков стеклянных браслетов, шиферные пряслица, стеклянные бусы, фрагменты красноглиняных амфор, ножи, шилья, иглы, замки, ключи. Представлена также большая серия клейм на донцах глиняных сосудов. Предметы вооружения — обломки топора,

Рис. 2. Раскоп № 3. Остатки грунтовой дороги («Большой улицы»). Видны западины от нескольких колес, оставленных телегами

шпоры и наконечники стрел — немногочисленны. К XVIII в. относятся железные ножи, скобы, гвозди и обломки различных глиняных игрушек, а также три модели кожаной обуви. В ямах собрана и коллекция фаянсовой посуды XIX—первой половины XX в.

Раскопки показали, что культурный слой домонгольского времени на данной территории отсутствует. Можно предполагать, что его остатки были сняты в более позднее время при разного рода нивелировках и планировках поверхности. Именно поэтому многие вещи, принадлежность которых к раннему периоду истории города не вызывает сомнений, были найдены в заполнении позднейших ям и построек, а также в заполнении рва в раскопе № 1. Найденные остатки сооружений позволяют считать, что территория, лежащая к югу от «Большой улицы», была слабо застроена в домонгольское время и использовалась преимущественно под огороды. Такое положение сохранялось длительное время. Только в конце XVII—XVIII в. здесь начала складываться плотная городская застройка.

Изучение средневекового стеклоделия на землях древнерусских княжеств ведется уже несколько десятилетий. К настоящему времени во взглядах на этот вопрос утвердилось мнение Ю. Л. Шаповой, которая доказала наличие самостоятельной древнерусской школы стеклоделия, сложившейся в X—начале XI в. (Шапова 1983: 183). Она считает типичной для древнерусского ремесла калиево-свинцовую рецептуру стекла. Начало массового производства в Киеве браслетов из калиево-свинцово-кремнеземного стекла Ю. Л. Шапова относит к

30-м гг. XII в. Через 2—3 десятилетия свои мастерские уже появляются в Новгороде, Полоцке и Смоленске, а с конца столетия — в Рязани и, возможно, во Владимире (Шапова 1972: 143—146, 166, 172—174, табл. 30). О сложении в Восточной Европе собственной традиции стекловарения уже к XI в. писал и В. А. Галибин, считавший древнерусским свинцовое и свинцово-калиево (или потанно-свинцовое) по составу стекло (Галибин 2001: 83).

А. П. Калюк высказала предположение, что проникновение во Владимир из Киева мастерских по производству браслетов происходило на базе производства глазурованных керамических плиток пола для строящихся храмов. В коллекции владимирских браслетов преобладают изделия из коричневого стекла (около половины коллекции). Коричневая окраска стекла отличает центры местного производства браслетов от продукции киевских мастерских: коричневые браслеты составляют 42—53% стеклянных браслетов, найденных при раскопках Новгорода, Смоленска, Полоцка (Калюк 1988: 90—92).

Фрагменты стеклянных сосудов, найденные во Владимире и Суздале, в большинстве своем относят к продукции киевских мастерских. Время их бытования ограничено XI в.—1240-ми гг. (Шапова 1972: 187—193) Расцвет киевского стеклоделия отмечается в середине—второй половине XII в. (Шапова 1972: 63). Среди новых форм продукции были и сосуды (кубки) с поддонами, которые встречаются в слоях домонгольского времени многих древнерусских городов. Небольшая часть владимиро-суздальских сосудов отличается от продукции киевских мастеров техникой исполнения декора. Он выполнен росписью золотом и эмалью, что характерно для византийской школы стеклоделия. Р. М. Джанполадян выделила основные принципы такого декора: сочетание растительного орнамента с изображением людей, зверей, птиц; разделение поверхности сосуда волнистыми парными орнаментальными линиями на композиционные зоны и нанесение рисунка эмалью или золотом (Джанполадян 1967: 256).

Особенности стеклоделия в Северо-Восточной Руси исследовала М. В. Седова. По ее мнению, многочисленные и разнообразные стеклянные изделия, найденные в слоях XII—XIII вв. Суздаля, по респентуре варки стекла не отличаются от всей продукции стекольщиков Владимиро-Суздальской земли. К продукции стекоделов она относит не только стеклянные предметы, но и поливные плитки и мозаики, поливную посуду и погремушки-писанки с желтой поливой. Вслед за другими специалистами М. В. Седова полагала, что местное производство стекла к середине XII в. уже сложилось, а не в Суздале (Седова 1997: 178—179). Однако, учитывая отсутствие археологически исследованных стекловарных печей, точное место производства стекла остается неясным. В одной из ранних работ М. В. Седова писала, что изученность браслетов из Владимира и Суздаля не дает возможности говорить о месте их производства, но близость по цвету стекла браслетов из Ярополча Залеского и этих городов предполагает производство стеклянных изделий в одном или нескольких из этих городов (Седова 1978: 110—111). Также отмечалось, что спектральный анализ 33 суздальских браслетов показал их местное производство. При этом рецептура варки стекла и цветовой состав браслетов из Суздаля имеют наибольшее сходство с новгородскими изделиями, что позволяет предполагать по-

ступленце в Суздаль части новгородской стеклянной продукции в XIII—начале XIV в., т. е. уже после опустошительных татаро-монгольских нашествий (Седова 1997: 179).

Местное владимирское производство браслетов предполагается по наличию в коллекции большого числа изделий зеленого цвета по сравнению с составом коллекций браслетов из других городов. Это подкрепляется наблюдениями В. А. Александровского о местном производстве зеленых поливных плиток пола, найденных при раскопках владимирского детинца и относящихся в конце XII в. (Александровский 1949: 243). Своеобразие владимирских плиток отмечали Н. Н. Воронин и Т. А. Чукова (Воронин 1949: 227—228; Чукова 1987: 18). Т. А. Чукова указывала, что владимирские плитки отличаются сложностью и изяществом форм, своеобразием рисунка, богатством цветовой гаммы — наряду с зелеными и желтыми плитками из Боголюбова найдены также плитки синего и красного цветов. Но последнее утверждение о цветовом характере удивляет: получение синего некобальтового цвета достижимо лишь в поташном стекле, но подробный анализ поливы плиток полов древнерусских храмов пока такого стекла не выявил (Егорьков 2000: 79, 80). Изобразительные сюжеты отмечены только на владимирских экземплярах. Поливные плитки пола обнаружены в церкви Спаса во Владимире, в соборе Рождества Богородицы в Боголюбове, в церкви Покрова на Нерли, в Успенском соборе, в соборе Княгинина монастыря и в Суздальском соборе Рождества Богородицы. Строительство всех этих памятников связано с архитектурной политикой Юрия Долгорукого, Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо, когда во Владимир были приглашены мастера «изо всех земель» (Лаврентьевская летопись 1846: 35). Возможно, в этот период было налажено и производство стеклянных браслетов. По мнению Ю. Л. Щаповой, развитию местного центра, скорее всего, способствовали киевские стеклоделы. Причина их переселения — это усиление конкуренции, в результате чего «в конце XII века они появляются в Новгороде и, видимо, около этого времени в Рязани, может быть, во Владимире» (Щапова 1972: 191—192). Возможно, что объем производства во Владимире был небольшим, а основную массу стеклянных браслетов везли из Киева. Относительно Ярополча Залеского А. В. Лядова соглашается с выводами М. В. Седовой о том, что вероятными поставщиками браслетов в Ярополч были Владимир и Суздаль. Бусы же, по ее мнению, поступали во Владимир и Суздаль из Византии, Киева, возможно, Новгорода и с Ближнего Востока, через который, видимо, везли и египетскую продукцию. Наиболее ранние экземпляры найдены при раскопках Суздаля. Картографирование византийских бус показывает, что Суздаль входил в арал византийских интересов (Лядова 1996: л. 95, 98—99).

Как видно из приведенного обзора работ, большое значение в определении места производства стеклянных изделий имеет цвет стекла. В последнее время для таких определений все больше привлекают и формы стеклянных изделий. В дипломной работе А. В. Лядовой по средневековым стеклянным изделиям Владимира и Суздаля проведен анализ 916 браслетов, из которых 753 найдены во Владимире (Лядова 1996: л. 26—27, 29—30, 35—36). Для морфологического анализа оказались пригодны 835 браслетов. Из раскопок Торговых рядов Владимира происходят 304 браслета, из них определена форма 283 браслетов (крученые — 202 экз., простые — 68 экз., витые — 13 экз.). Кроме того, у браслетов

различается окончание обруча. В Торговых рядах учтен 31 браслет, у которых концы сомкнуты встык, у 9 экз. — внакладку. Примерно такое же соотношение форм отмечается по материалам 22-го квартала в «Ветчаном городе», где найдено 334 браслета. Стеклянные браслеты имели диаметр от 3 до 7 см, и А. В. Лядова делит их на три группы (ранга): малые браслеты — диаметром 3—4 см, средние — 5—6 см и большие — 7 см. По ширине браслетов также выделены три группы: малой ширины — 0,3—0,4 см, средние — 0,5—0,6 см и большие — 0,7—1,0 см. В просмотренной ею коллекции преобладают изделия средних групп. Небольшая часть браслетов была декорирована. Из Торговых рядов происходят 27 таких изделий, а из квартала 22 — 38 экз. По окраске браслеты распределены А. В. Лядовой на 6 цветов — коричневый, фиолетовый, синий, зеленый, бирюзовый, желтый. В целом доминируют браслеты коричневого и зеленого цветов. Во Владимире, по сравнению с Суздалем, преобладают изделия зеленого и бирюзового стекла, а в Суздале — желтого. По прозрачности стекла основная часть находок Владимира отнесена ею к прозрачным (49%), а непрозрачными названы только 34% изделий.

Однако сам принцип морфологического анализа стеклянных изделий подвергается критике. По мнению О. М. Олейникова, морфологический анализ не может дать ответа на вопрос о месте производства массовой продукции стеклоделов, в частности браслетов. Эти изделия широко распространены в домонгольских слоях городов и поселений всей Восточной Европы. Морфологические же различия в наборах из разных регионов практически неуловимы. Поэтому основное внимание исследователь предлагает обратить на химический состав стекла, используя для исторической оценки результаты крупных серий таких анализов (Олейников 2001: 98 и след.).

Средневековый Владимир, несмотря на масштабные археологические исследования последнего времени, не имеет представительной выборки древних изделий из стекла, изученных методами естественных наук. Ранее спектральные анализы крупных серий стеклянных изделий из Владимира и Суздаля не проводились. В каталоге В. А. Галибина даны результаты спектрографии лишь 9 находок из Суздаля и 11 — из Владимира (Галибин 2001: 176, ап. 1976—1986). Еще 33 анализа браслетов из Суздаля выполнены Ю. Л. Щаповой в Лаборатории кафедры археологии МГУ (Седова 1997: 179). Такое количество анализов явно недостаточно для качественного сравнительного изучения материалов из разных городов и получения объективных исторических выводов. Кроме того, расширение источниковой базы состава стекла дает возможность проверки выводов, сделанных при морфологических исследованиях изделий, что имеет важное значение для развития методики.

Отчасти восполнить недостаток данных о составе стекла средневековых изделий во Владимире позволяют материалы из раскопок 2006 г. на Б. Нижегородской улице, где они найдены сериями на разных участках средневековой застройки, как в слое, так и в заполнении ям и построек. Среди 46 отобранных образцов стекла преобладают обломки браслетов, но представлены также фрагменты сосудов XII—XIII вв. и XVII—XVIII вв. Для анализа отобраны обломки браслетов разной формы и цвета: крученые, витые, продольно рифленые и гладкие, круглого, прямоугольного или треугольного сечения, имевшие широкий спектр цветовой гаммы. Наиболее многочисленны браслеты зелено-

Таблица 1

Химический состав стеклянных предметов из раскопок 2006 г. во Владивостоле (по данным оптико-эмиссионной спектроскопии)

№	Шифр	Категория	Цвет	SiO ₂	Na ₂ O	K ₂ O	CaO	MgO	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	MnO	TiO ₂	PbO	SnO ₂	CaO
1	792-13	браслет	жел.	осн.	0,2	1,3	0,3	0,2	0,2	2,2	—	0,1	20	—	—
2	792-14	браслет	синие-зел.	осн.	0,2	1,0	0,4	0,2	0,05	0,4	1,6	0,05	24	—	1,3
3	792-15	браслет	синие-зел.	осн.	0,1	1,0	0,6	0,2	0,2	0,9	0,1	0,03	34	0,2	2,1
4	792-16	браслет	кор.	осн.	0,2	1,6	0,4	0,3	0,4	3,3	0,05	0,1	32	0,3	—
5	792-17	браслет	фиол.	осн.	0,2	1,0	0,4	0,2	0,1	0,5	7,1	0,04	26	—	—
6	792-18	браслет	син.	осн.	0,1	1,0	0,5	0,2	0,09	0,3	1,6	0,04	22	—	1,1
7	792-19	браслет	жел.	осн.	0,08	4,5	0,4	0,2	0,1	0,3	—	0,04	21	0,1	—
8	792-20	браслет	син.	осн.	0,2	1,1	0,4	0,1	0,2	0,4	0,8	0,05	27	—	0,7
9	792-21	браслет	син.	осн.	0,2	9,0	0,7	0,2	0,1	0,5	0,04	0,04	42	—	2,0
10	792-22	браслет	фиол.	осн.	1,4	1,3	1,5	5,6	7,0	1,4	3,6	0,2	—	—	—
11	792-23	сосуд	желт.	осн.	0,2	1,2	0,5	0,2	0,3	0,3	—	0,06	27	—	—
12	792-24	браслет	кор.	осн.	0,7	1,3	0,5	0,2	0,2	1,6	—	0,1	38	—	1,1
13	792-25	браслет	кор.	осн.	0,06	1,0	0,3	0,2	0,3	3,5	0,04	0,08	43	—	—
14	792-26	браслет	зел.	осн.	—	1,0	0,4	0,2	0,1	0,6	1,1	0,03	24	—	1,4
Расход 2															
15	792-27	браслет	зел.	осн.	0,06	5,0	0,6	0,2	0,3	0,7	0,7	0,04	23	—	0,8
16	792-28	браслет	зел.	осн.	—	1,3	0,4	0,3	0,7	1,9	0,03	0,06	39	—	—
17	792-29	браслет	кор.	осн.	0,08	1,1	0,5	0,2	0,4	0,5	—	0,05	43	—	0,4
18	792-30	браслет	желт.	осн.	0,07	1,1	0,4	0,2	0,20	0,4	—	0,07	40	—	—
19	792-31	браслет	кор.	осн.	0,08	7,4	0,3	0,2	0,07	0,4	—	0,08	46	—	0,5
20	792-32	браслет	кор.	осн.	1,9	2,0	6,7	5,0	5,3	0,8	0,3	0,3	—	—	0,3
21	792-33	браслет	синие-зел.	осн.	0,04	6,7	0,3	0,2	0,06	0,4	3,6	0,03	30	—	1,2
22	792-34	браслет	син.	осн.	0,2	1,1	0,4	0,2	0,2	0,7	—	0,06	42	—	0,9
23	792-35	браслет	фиол.	осн.	0,1	9,0	0,3	0,2	0,2	0,8	0,9	0,1	30	—	—
24	792-36	браслет	жел.	осн.	0,08	9,3	0,4	0,2	0,2	3,0	0,7	0,09	33	—	0,9
25	792-37	браслет	фиол.	осн.	0,1	7,2	0,2	0,1	0,06	0,5	4,5	0,1	40	—	—
26	792-38	браслет	б/д	осн.	0,1	5,7	0,5	0,4	0,3	0,4	2,8	0,09	15	0,1	—
Расход 3															
27	792-39	сосуд	б/д	осн.	1,0	2,8	1,1	5,0	4,0	2,4	0,9	0,2	—	—	—

№	Шифр	Категория	Цвет	SiO ₂	Na ₂ O	K ₂ O	CaO	MgO	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	MnO	TiO ₂	PbO	SnO ₂	CaO
28	792-40	браслет	синие-зел.	осн.	0,4	7,4	0,5	0,2	0,2	0,4	0,7	0,06	22	—	1,5
29	792-41	браслет	фиол.	осн.	0,1	8,6	0,3	0,2	0,1	0,7	4,5	0,04	32	—	—
30	792-42	браслет	фиол.	осн.	0,1	1,3	0,5	0,2	0,3	0,5	2,8	0,07	31	—	—
31	792-43	браслет	фиол.	осн.	0,3	6,0	0,6	0,3	0,6	0,7	2,9	0,1	1,6	—	—
32	792-44	сосуд	б/д	осн.	1,3	1,1	6,7	2,8	4,0	0,9	0,08	0,09	—	—	—
33	792-45	сосуд	б/д	осн.	0,2	2,5	1,7	5,0	2,8	2,0	0,5	0,2	—	—	—
34	792-46	сосуд	б/д	осн.	0,6	3,3	1,3	5,3	6,2	2,0	2,2	0,7	0,2	—	—
35	792-47	браслет	кор.	осн.	1,5	2,3	5,6	6,0	7,0	1,5	0,4	0,7	—	—	—
36	792-48	браслет	фиол.	осн.	0,1	6,2	0,4	0,3	0,2	0,3	1,7	0,05	17	—	—
37	792-49	браслет	зел.	осн.	0,3	8,3	0,5	0,2	0,3	1,9	0,05	0,05	72	—	1,6
38	792-50	браслет	фиол.	осн.	0,2	8,5	0,6	0,3	0,4	0,5	2,4	0,06	23	—	—
39	792-51	браслет	зел.	осн.	0,2	8,0	0,4	0,3	0,08	4,0	0,05	0,06	52	—	—
40	792-52	браслет	кор.	осн.	0,3	1,1	0,4	0,3	0,3	3,3	0,06	0,07	48	—	—
41	792-53	браслет	кор.	осн.	0,1	8,0	0,5	0,2	0,2	0,7	3,2	0,05	25	—	0,6
42	792-54	браслет	зел.	осн.	0,2	6,2	0,7	0,3	0,2	2,9	0,3	0,08	53	0,5	1,8
43	792-55	браслет	фиол.	осн.	—	8,0	0,4	0,2	0,3	1,1	3,5	0,05	48	—	—
44	792-56	пронизка	зел.	осн.	—	—	0,4	—	0,02	0,1	—	0,05	51	—	1,1
45	792-57	б/д	б/д	осн.	0,2	1,2	0,3	0,2	0,1	0,3	—	0,05	41	—	—
46	792-58	браслет	синие-зел.	осн.	0,7	5,7	0,6	0,3	0,2	1,2	1,4	0,05	22	—	1,2

го, синего, фиолетового, коричневого и желтого прозрачного стекла, разных тонов и оттенков. На ряде изделий имеется дополнительно навитая нить желтого или красного цветов.

Результаты оптико-эмиссионной спектрографии¹ стеклянных предметов из раскопок 2006 г. сведены в таблице 1, где приведены все выявленные компоненты состава (сурьма, кобальт, никель не были обнаружены ни в одном случае). В материалах раскопа № 1 проанализировано 14 предметов — 13 фрагментов браслетов и одна стенка сосуда. Стекло всех браслетов, кроме образца 10, поташно-свинцового типа. Такое стекло, традиционно относимое к древнерусскому производству, имело сложившиеся способы окраски. В качестве красителей использовали железо, медь, марганец или их сочетания. В частности, синий цвет достигался совместным действием марганца и меди (образцы 6 и 8), тогда как кобальт в древнерусском стеклоделии практически не использовали (Галибин 2001: 38).

Из совершенно иного, несвинцового стекла изготовлен браслет 10, окрашенный марганцем в фиолетовый цвет. По соотношению щелочей и щелочно-земельных металлов можно заключить, что это стекло варили с использованием золы солончаковых растений (галофитов), и оно представляет собой импорт из Восточного Средиземноморья. На фоне известного материала появление фиолетового браслета такого состава стекла удивляет, поскольку по опыту работы Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН браслеты из стекла такого типа в синий цвет окрашивали соединениями кобальта, а не марганца. Причина этого, вероятно, в том, что получение поташно-свинцового стекла синего цвета, при совместном введении в него оксидов меди и марганца, представляет собой задачу определенной сложности.

На раскопах № 2 и 3 также найдены два браслета из стекла на основе золы галофитов, но они имели коричневый цвет (соответственно, образцы 20 и 35). Присутствие во Владимире браслетов, сваренных на золе галофитов и не окрашенных в синий цвет кобальтом, можно рассматривать как местную особенность. Это подтверждают и данные В. А. Галибина — из 11 проанализированных им браслетов два оказались из стекла, сваренного на золе галофитов (Галибин 2001: 176, ан. 1981, 1984), причем первый из них окрашен железом в зеленый цвет, а второй — кобальтом в синий. Другой местной особенностью можно считать то, что в рецептуре всех без исключения браслетов из свинцового стекла использован поташ (в меньшей степени это относится к зеленому стеклу браслета 16), в то время как для получения браслетов, перстней, бусин и т. п. может быть использовано и беспоташное стекло. Так в составе 11 Влади-

¹ Принято в археологической литературе название этого типа анализа «эмиссионный спектральный» или «оптический эмиссионно-спектральный», по нашему мнению, представляется не вполне точным, поскольку видов спектрального анализа достаточно много. Исследователи же, не сталкиваясь непосредственно с практическим осуществлением инструментальных методов анализа археологического материала, иной раз не вполне ясно себе представляют, о чем идет речь. Кроме того, неконкретное название создает и трудности с переводом на иностранные языки. Для всех целей употребление термина «оптико-эмиссионная спектрография» предпочтительнее, поскольку в названии указан способ фиксации спектра (греч. *grapho* — «писать», применительно к спектральным методам подразумевает съемку на фотопластику). Трудностей с переводом также не возникает, англ. *optical emission spectrography*.

мирских браслетов, проанализированных В. А. Галибиным, один оказался из свинцового беспоташного стекла (Галибин 2001: 176, ан. 1983). Однако для подтверждения высказанных предположений следует подвергнуть анализу значительно большее число образцов.

Образцы с других раскопов частично подтверждают высказанные предположения. Если в материалах раскопа № 2 11 браслетов (из 12 проанализированных) изготовлены из поташно-свинцового стекла, то из раскопа № 3 происходит более разнообразный материал. Здесь также почти все браслеты (кроме образца 35) сварены из поташно-свинцового стекла, но присутствует и прописка (рис. 3) из свинцового стекла без поташа (образец 44). Сосуды из этого раскопа изготовлены из стекла двух типов: сваренного на золе галофитов (образец 32) и «гутного» стекла (образцы 27, 33 и 34). Последний тип по низкому содержанию щелочей, преобладанию кали над натрием, а также повышенному содержанию кальция показывает, что стекло сварено на золе растений центральной европейской зоны широколиственных лесов. Такой состав характерен для так называемого гутного стекла, появление которого отмечает поздний период в стеклоделии, когда стекловарные печи были значительно усовершенствованы и позволяли варить стекло на золе, имевшей низкое содержание щелочей (Галибин 2001: 84).

Таким образом, новые аналитические данные помогают уточнить направление поступления во Владимир стеклянных изделий в XII — первой половине XIII в. и его объем на фоне всей аналогичной продукции. Кроме того, эти результаты надо рассматривать и для поиска центров стекловарения на территории Руси. Здесь нельзя забывать, что стекловарные печи или мастерские стеклоделов во Владимире и Суздале (как и во многих древнерусских городах) до сих пор археологически не зафиксированы. Важен и тот факт, что свинцово-калиевое (щелочное) стекло, признаваемое за древнерусское, не разделяется по своему составу или технике варки на какие-либо локальные варианты, указывающие на конкретные центры стекловарения в древнерусских землях.

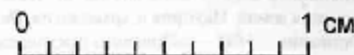

Рис. 3. Раскоп № 3. Стеклянная прописка зеленого цвета

- Александровский 1949 — Александровский В. А. Поливные пеловые плитки из раскопок детница во Владимире // МИА. 1949. № 11. С. 239—244.
- Бунин 1900 — Бунин А. К исторической топографии города Владимира на Клязьме // Тверская ученая архивная комиссия. Владимир, 1900. Вып. 2.
- Вороши 1946 — Вороши И. И. Социальная топография Владимира XII—XIII вв. и чертеж 1715 г. // СА. 1946. № 8. С. 145—173.
- Вороши 1949 — Вороши И. И. Оборонительные сооружения Владимира XII в. // МИА. 1949. № 11. С. 203—239.
- Галибин 2001 — Галибин В. А. Состав стекла как археологический источник. СПб., 2001.
- Джамполадян 1967 — Джамполадян Р. М. Новые материалы по истории византийского стеклоделия // Византийский вестник. 1967. Т. 27. С. 248—258.
- Егорьев 2000 — Егорьев А. И. Химический состав древнерусской плиточной посуды // Российская археология. 2000. № 4. С. 77—85.

- Каток 1988 — Каток А. П. Об экспорте стеклоделательной ремесла из Киевской земли в середине—второй половине XII в. // Чернигов и его округа в IX—XIII веках. Киев, 1988. С. 86—92.
- Лаврентьевская летопись 1846 — Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. СПб., 1846. Т. 1.
- Лядова 1996 — Лядова А. В. Средневековое стекло Владимира и Суздаля. Дипломная работа. МГУ им. М. В. Ломоносова. 1996. Руководитель Ю. Л. Шапова. Хранится на кафедре археологии МГУ.
- Мазур 2006 — Мазур И. Д. Русский город XI—XVIII вв. Владимирская земля. М., 2006.
- Олейников 2001 — Олейников О. М. Новгородские стеклянные браслеты // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 2001. Вып. 15. С. 98—117.
- Описание... 1845 — «Описание предложений Владимирской губернской строительной комиссии к устройству г. Владимира», 1845 г. // Государственный архив Владимирской области, ф. 445, оп. 1, д. 157, л. 35 об.—36.
- Подробный инвентарь... 1852 — «Подробный инвентарь недвижимых имуществ г. Владимира», 1852 г. // Государственный архив Владимирской области, ф. 40, оп. 1, д. 3802, л. 3 об.—4.
- Седова 1978 — Седова М. В. Ярополч Залесский. М., 1978.
- Седова 1997 — Седова М. В. Суздаль в X—XV веках. М., 1997.
- Список... 1899 — Список домов и улиц города Владимира. Владимир, 1899.
- Тимофеева 1996 — Тимофеева Т. А. Архитектурный облик г. Владимира по рисунку 1764 г. // Памятники культуры. Новые открытия. М., 1996. С. 548—558.
- Чукова 1987 — Чукова Т. А. Древнерусские керамические поливные плитки // КСИА. 1987. Вып. 190. С. 13—19.
- Шитова 1995 — Шитова С. Н. Башкирская народная одежда. Уфа, 1995.
- Шапова 1972 — Шапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси. М., 1972.
- Шапова 1983 — Шапова Ю. Л. Очерки истории древнего стеклоделия (по материалам долины Нила, Ближнего Востока и Европы). М., 1983.

О РОЛИ ЛИЧНОСТИ В АРХЕОЛОГИИ.
ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ СВОЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ
(1859—1882)

А. Е. МУСИИ

В 2003 г. в рамках изучения моей плановой темы «Императорская Археологическая Комиссия (1859—1917) и ее роль в изучении памятников христианской культуры Древней Руси» я столкнулся с явлением, которое в первый момент может показаться плохо объяснимым — в течение первых 30 лет деятельности Императорской Археологической Комиссии (ИАК) изучение этой категории памятников оказывалось практически вне поля ее научно-исследовательской и практической заботы. При этом хорошо известно, что структура отечественной археологии уже с начала 1850-х гг. включала в себя славяно-русский раздел, значительную часть которого занимали именно церковные древности. Научным итогом исследования стало историческое и логическое осмысление этого феномена, в котором познавательная активность Археологической Комиссии оказалась в целом оторванной от общего развития отечественной науки второй половины XIX в.

Однако обескураживало и другое. Современный исследователь, который надеется заняться изучением какого-либо аспекта деятельности ИАК — первого государственного учреждения в области археологии и охраны культурного наследия, неминуемо сталкивается с трудно разрешимой проблемой — отсутствием монографического исследования, посвященного истории этого учреждения. В отличие от Русского и Московского археологических обществ, охотно писавших свои истории (Веселовский 1900; Императорское Московское археологическое общество 1915), ИАК, будучи всего лишь подразделением Министерства Императорского Двора, воздерживалась от подобного самоанализа. Несомненно, руководство Комиссии и ее члены задумывались над осмыслением собственной деятельности, правда, преимущественно в форме отчетов вышестоящему органу (Бобринской 1900: л. 3—23 об.; Строганов 1881: л. 22—23, 24—25 об.), как, впрочем, к этой деятельности не осталось равнодушным и тогдашнее российское общество (Мионов 1900: 240—245; Яковлев 1888: 20—22; ср.: Фармаковский 1921). С тех пор ситуация мало изменилась. Остается ждать, когда увидит свет фундаментальная, построенная на архивных источниках работа М. В. Медведевой (Медведева 2007).

До настоящего времени единственное авторитетное исследование, весьма насыщенное информативно и концентрированное содержательно, — это юбилейная публикация К. М. Пескаревой и Е. А. Рябицина к 125-летию Комиссии (Пескарева, Рябицин 1984: 299—307). В прочих изданиях характеристика деятельности ИАК дана либо тезисно (Лебедев 1992: 89, 99), либо тенденциозно (Материалы по вопросу о сохранении древних памятников... 1911: 14; Вадворнов 1986: 23—27, 158—163), особенно в том случае, если авторы слепо следовали штампам, вышедшим из-под пера членов Московского археологического общества (МАО).

При этом противостояние ИАК и МАО, возникшего в 1864 г., обычно расценивают как конфликт двух научно-организационных и методологических школ в археологии — петербургской и московской, бюрократическо-аристократической и разночинно-демократической. Вместе с тем известно, что в 1850 г. основатель МАО граф А. С. Уваров перешел на службу в Министерство внутренних дел, которым тогда руководил его дядя по материнской линии А. Л. Перовский. Именно этот политический деятель и возглавляемое им ведомство в 1841—1852 гг. производило раскопки в Российской империи. Он и поручил племяннику ведение археологических раскопок, по сути дела поставив во главе виртуальной «археологической комиссии» — «Комиссии для изыскания и исследования древностей». В 1852 г. Л. А. Перовский становится министром Уделов и управляющим Кабинетом Его Императорского Величества, в составе которого сразу же появляются «чиновники по археологической части», среди которых, как следует полагать, был и А. С. Уваров, и с 1853 г. можно вести отсчет планомерных масштабных раскопок в России (Тихонов 2006: 362).

Однако после смерти А. Л. Перовского археологические изыскания и последующие труды по созданию ИАК 24 ноября 1856 г. возглавил генерал от кавалерии граф С. Г. Строганов, и в 1857 г. все археологические дела из Императорского Кабинета поступили в ведение Министерства Императорского Двора. От сотрудничества с ним А. С. Уваров, сын министра народного просвещения уже в начале 1857 г. отбывший в Москву в должности помощника попечителя Московского учебного округа, отказался, как известно, «по личным мотивам» (Формозов 1993: 236; Стрижова 2001: 10). Таким образом, в основе противостояния МАО и ИАК лежит личностный конфликт. О причинах «личного свойства», связанных с самолюбием, нетерпимостью и враждебностью графини П. С. Уваровой к иным археологическим учреждениям, лежавших в основе противостояния, писал и граф А. А. Бобринской (РА, ф. 25, д. 47, л. 8).

Замечательно, что независимо от нас к аналогичным выводам пришел и И. Л. Тихонов (Тихонов 2006: 358—371), отметив, что блестящая карьера просвещенного С. Г. Строганова в качестве попечителя Московского учебного округа (1835—1847) оборвалась из-за конфликта и разногласий с министром С. С. Уваровым по поводу степени личной свободы в исследованиях истории России. Однако и отставка министра в 1849 г. не обошлась без обстоятельного доклада С. Г. Строганова об обстоятельствах «московской» интриги. Исследователь справедливо пишет: «Для нас важно одно — в семействе Уваровых С. Г. Строганов воспринимался как личный враг!» (Тихонов 2006: 363). Для А. С. Уварова, путь для которого в «строгановское» Общество истории и древностей российских также был закрыт, оставалась одна возможность — создать свою собственную «оппозиционную» структуру, которая и появилась в лице МАО. В дальнейшем личная оппозиция дополнилась соперничеством столиц и дискуссией научных школ, когда петербуржец А. А. Спицын мог себе позволить говорить о «язвительности Москвы» или назвать университетский курс истории москвича В. О. Ключевского «огромной, чудовищной сплетней» (цит. по: Тихонов 2006: 369). И. Л. Тихонов завершает свою интереснейшую статью важным восклицанием: «Все это заставляет еще раз задуматься о роли личностного фактора в истории науки!» (Тихонов 2006: 369).

Действительно, все эти наблюдения о личном характере служебных отношений в России, как и то, что до сих пор ИАК остается своеобразным «исто-

риографическим призраком», заставляют нас быть крайне осторожными при изучении истории отечественной археологии. Впрочем, изложенные обстоятельства позволяют предположить, что конфликт А. С. Уварова с С. Г. Строгановым, ибо его инициатором был, как видится, именно первый, имел не только «родовой» характер и был связан с наследственной семейной неприязнью. В значительной степени он мог оказаться дополнен и профессиональной, карьерной ревностью: до 1856 г. А. С. Уваров определенно мог видеть во главе планируемой Археологической Комиссии именно себя, поскольку весь проект должен был реализовать его родной дядя. Такой исход дела вряд ли стоило бы относить к проявлениям «непотизма»: А. С. Уваров, человек несомненно талантливый и даровитый, в данном случае мог оказаться на этом посту заслуженно. Однако в результате ИАК и дело ее создания возглавил не он, как не он оказался во главе «имперской археологии». Потенциальный начальник не мыслил себя в роли подчиненного. Обиды личные наложились на обиды семейные.

Подобная абберрация исторической памяти происходит и при изучении практической деятельности ИАК. Значение и заслуги Комиссии зачастую подменяются в литературе общими фразами или же описанием конкретной научной деятельности ее членов. При этом сами эти имена оказываются значимыми для российской науки вообще, безотносительно их принадлежности к штату ИАК. Однако насколько вообще отделима деятельность выдающихся российских исследователей, являвшихся членами ИАК, от деятельности самой Комиссии? Представляется, что оценка ее деятельности не может быть представлена простой суммой результатов трудов ее сотрудников. Как бюрократическое учреждение она не исчерпывала своей значимости исключительно научно-исследовательской деятельностью ученых и сама в большой степени определяла и ограничивала их возможности.

Обратимся к исторической конкретике. В 1882 г. граф С. Г. Строганов мотивировал свой уход с поста председателя ИАК «болезненным состоянием» и возрастом. Р. В. Васильева обратила внимание на существование двух вариантов прошения об отставке (Васильева 2000: 177—187). В одном случае граф лишь просит на первое время сохранить личный состав Комиссии, в частности В. Г. Тизенгаузена и И. Сулова, во второй настоятельно рекомендует поступить именно так, дабы сохранить «многолетние ученые предания и опытность» (РА, ф. 1, 1882 г., д. 13, л. 1, 2). После его ухода в работе Комиссии наступает заметный спад. Характерно, что во время председательства А. А. Васильчикова ежегодные издания ИАК прекратились — суммарное издание отчетов за 1882—1888 гг. состоялось лишь в 1891 г. Именно в это время вызревал необходимость обобщения и издания не только классических и скифских древностей, но и славяно-русских («русско-византийских» в терминологии ИАК), складываются информационные и общественные предпосылки публикации сибирских древностей и древностей Западного края: продолжалось как освоение Сибири, так и замирание лишь недавно отбунтовавшей польско-белорусской области, где требовалось найти древнерусские и несомненно православные истоки местной культуры в целях ее включения в Империю (РА, ф. 1, 1889 г., д. 20, л. 1—101; Радлов 1888; Древности Северо-Западного края 1890). Однако глав-

ные заслуги А. А. Васильчикова все же видятся в его непрерывных усилиях не только по увеличению штата ИАК, но и по приданию ей нового статуса, связанного с функциями охраны памятников старины, для чего им и был выработан проект нового положения об ИАК с использованием наработок «Комиссии А. Б. Лобанова-Ростовского» в 1876—1877 гг. (РА, ф. 1, 1882 г., д. 31, л. 31—39). Он как минимум трижды обращался со своим проектом к министру Двора (22.12.1882, 20.10.1882, 26.11.1883), судя по всему, безрезультатно. Характерен разительный аргумент в пользу организации в России службы охраны памятников: говоря о том, что такая практика существует во всех европейских государствах, он пишет: «Даже в Турции есть нечто подобное».

Всеми признается, что новый этап в деятельности ИАК связан с Высочайшим указом 11 марта 1889 г., подтверждающим права и полномочия Комиссии. Его появление было подготовлено всем ходом развития общественной ситуации, но прежде всего появлением нового руководителя Комиссии — А. А. Бобринского в 1886 г. Именно начиная с этого времени изучение памятников славяно-русской культуры и Древней Руси в связи с их охраной и реставрацией становится непосредственной обязанностью ИАК. К тому же на рубеже 1890-х гг. в России происходит смена поколений исследователей и дифференциация исследовательских подходов в археологической науке.

Такая активность в этот период невыгодно оттеняет деятельность Комиссии в период председательства С. Г. Строганова. К концу 1881 г. С. Г. Строганов признает, что уменьшился штат ИАК и сократилось количество проводимых ею раскопок. Как явствует из пояснительной записки 24.04.1882 г., составленной А. А. Васильчиковым на имя министра Двора И. И. Воронцова-Дашкова, с конца 1870-х гг. С. Г. Строганов возвращал до 50% бюджетных ассигнований на деятельность Комиссии в ведомство Контроля Министерства Императорского Двора (РА, ф. 1, 1882 г., д. 31, л. 5 об.—6).

Такого рода отказ от активизации деятельности ИАК оказывается в разительном противоречии с ее потенциальными возможностями. Они, несомненно, расширились, поскольку деятельность Комиссии начала становиться известной. Так, 15 июля 1878 г. от военного губернатора Софии поступило предложение собственными силами с лишь частичным привлечением средств Комиссии раскопать уникальный многослойный памятник позднеантичной и византийской эпохи — Софийский собор в Сердики-Софии (рис. 1), пользуясь русским военным присутствием в Болгарии. Однако отвечавший за отсутствием председателя на это письмо академик Стефани указал, что все специалисты ИАК командированы на раскопки в Крым, и сама Комиссия не располагает дополнительными денежными средствами (РА, ф. 1, 1878 г., д. 22, л. 1, 2, 4).

Достижения ИАК этого периода ассоциируются прежде всего с достижениями в области античной и скифской археологии. По нашим подсчетам, лишь 4,5% дел, которыми занималась ИАК в период 1859—1889 гг., были связаны с проблематикой славяно-русской и христианской археологии. Изначально может показаться страшным, каким образом в деятельности Комиссии с самого начала не обозначились приоритеты в области изучения памятников культуры Древней Руси. Действительно, во главе ее стоял граф С. Г. Строганов, а ее членами были И. Е. Забелин и Н. П. Кондаков. Сам граф был владельцем уникальной коллекции русской иконы, именно в его собрании находился знаменитый

Рис. 1. Храм св. Софии, обращенный в мечеть. София, Болгария. 1878 г. (РА, ф. 1, 1878 г., д. 22, л. 4)

иконописный «Подтинник», изданный А. В. Прохоровым в 1869 г. (Гурулева 2005: 163—169; Пивоварова 2000: 88—97). Он был автором очерка о Дмитриевском соборе во Владимире, под его попечением в 1849—1853 гг. осуществилось задуманное А. Н. Олениным многотомное издание «Древности Российского государства» (Строганов 1849; Снегирев 1849—1853). В Москве С. Г. Строганов был председателем Общества истории и древностей российских. Уже в Санкт-Петербурге, будучи председателем ИАК, он явился одним из учредителей Общества любителей древней письменности в 1877 г. Таким образом, он предстает как тонкий знаток и ценитель древнерусского искусства и археологии. Заслуги других членов Комиссии в области древнерусской культуры известны. Однако эти интересы сотрудников Комиссии совершенно не сказались на ее деятельности. Все вышеперечисленные особенности требуют своего объяснения.

Именно здесь и встает вопрос о различении собственно значения ИАК в истории русской культуры и науки и заслуг ее конкретных сотрудников. Существует проблема соотношения общего (типового) как способа и результата осуществления задач, стоявших перед Комиссией, и частного (уникального) как реализации собственных научных интересов исследователя вне зависимости от поставленных перед ним задач корпоративных. При этом мера соотношения индивидуального и типового и дает нам то особенное, чем характеризовался каждый из сотрудников ИАК в своей работе.

Возможно, в наибольшей степени это проявилось в деятельности И. Е. Забелина (1820—1909), крупнейшего специалиста по древностям позднесредневекового быта России, который в рамках ИАК был вынужден заниматься архео-

логическим изучением скифо-сарматских древностей, и Н. П. Кондакова (1844—1925), крупнейшего специалиста по христианскому искусству, также в рамках Комиссии исследовавшего античные и скифо-сарматские памятники. Граф С. Г. Строганов, будучи назначенным на должность председателя Комиссии 9 февраля 1859 г., уже 6 марта делает официальное предложение И. Е. Забелину перейти на работу в Комиссию с 29 марта 1859 г. (РА, ф. 1, 1859 г., д. 5, л. 1). Министерство Императорского Двора разрешает ему этот переход по завершении дел архивариуса в Московской Дворцовой палате. Однако С. Г. Строганов просит ускорить перевод И. Е. Забелина в ИАК в связи с тем, что он предполагает командировать его на раскопки в Екатеринославскую губернию (РА, ф. 1, 1859 г., д. 5, л. 12).

Труды И. Е. Забелина в рамках ИАК в значительной степени способствовали созданию фонда археологических источников по археологии Северного Причерноморья. Им раскопаны Чертомлыкский курган (1862—1863), Краснокутский курган, Большая Близница и др. Однако его подлинный интерес всегда был связан с древностями русского быта, и, несмотря на необходимость исполнять служебные предписания, И. Е. Забелин всегда искал возможность трудиться в раз и навсегда избранной им области. Об этом, в частности, свидетельствует переписка председателя ИАК С. Г. Строганова с руководителями государственных архивов на предмет допуска И. Е. Забелина к фондам этих собраний. Однако основные его произведения на темы русской археологии выходят либо до, либо после его работы в ИАК.

Так, 21 апреля 1860 г. С. Г. Строганов обращается к канцлеру А. М. Горчакову с просьбой разрешить И. Е. Забелину ознакомиться с делами Приказа Тайных дел, хранящимися в Государственном архиве Министерства иностранных дел, с целью исследования домашнего быта русских царей (РА, ф. 1, 1860 г., д. 12, л. 1). Второе письмо в мае было отправлено В. Ф. Адлербергу — министру Двора с просьбой разрешить И. Е. Забелину, исследующему «русские древности», доступ в архивы Московской Дворцовой конторы и Оружейной палаты. 18 мая 1863 г. подобное письмо направляется министру юстиции с просьбой допустить исследователя в архивы министерства (РА, ф. 1, 1860 г., д. 12, л. 3—5). Это свидетельствует об определенном противоречии между задачами, которые И. Е. Забелин ставил себе сам, и задачами, которые перед ним ставило его членство в ИАК. Не без оснований предполагаем, что уход И. Е. Забелина из ИАК в 1876 г. был в значительной степени мотивирован той драматической ситуацией, когда он был вынужден заниматься совершенно не тем, что его интересовало, и чем он продолжал заниматься на самом деле — а именно русскими средневековыми древностями.

Вместе с тем уход И. Е. Забелина и его замена Н. П. Кондаковым 1 июня 1876 г. также не привели к существенным изменениям в деятельности ИАК, как можно было бы ожидать, оставаясь на позиции отождествления активности Комиссии с результатами работы ее отдельных членов. Первое крупное сочинение Н. П. Кондакова по христианской культуре «Древняя архитектура Грузии: Исследование», созданное отчасти по результатам поездки в Закавказье в 1873 г., вышло в 1876 г. как 6-й том «Трудов МАО». Защищенная им в 1877 г. в Московском университете докторская диссертация «История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей» вновь выхо-

дит вне рамок ИАК в «Записках» Императорского Новороссийского университета. Эти издания отражают тот потенциал, который Н. П. Кондаков накопил к моменту поступления в ИАК.

Очевидно, однако, что приглашение Н. П. Кондакова в ИАК было связано с его изначальным вниманием к античному искусству, проявившимся в магистерской диссертации 1873 г. и археологических поездках по Северному Причерноморью в 1870—1874 гг. По сути дела, в 1876—1890 гг. как младший член ИАК он занимался исключительно археологическими исследованиями в Керчи (1876, 1878, 1882, 1883, 1885 гг.), на Таманском полуострове и Кубани (1877, 1878, 1880 гг.), под Евпаторией (1887 г.), в Феодосии (1887 г.) и Херсонесе (1888, 1889, 1890 гг.) (Никодим Павлович Кондаков 2001). Любопытно, что результаты его исследований на Сипае (1881 г.) и в Константинополе (1883, 1886 гг.) были опубликованы не в связи с трудами ИАК (в отчетах ИАК об этих поездках просто не упоминалось), а вновь в «Записках» Новороссийского университета. Это свидетельствует, что подобные занятия он осуществлял в свободное от основной работы время. В работе VI Археологического съезда в Одессе в 1884 г. он также принимал участие в качестве делегата университета, а не Комиссии. Последнее, впрочем, могло быть связано с институциональным конфликтом съездов, организуемых МАО, и ИАК (Тихонов 2006: 366—368).

Новые возможности открываются перед ним в 1888—1890 гг., когда Н. П. Кондаков переезжает в Санкт-Петербург и становится хранителем Императорского Эрмитажа. 24 апреля 1888 г. из младшего члена ИАК он становится старшим членом, а 2 июня 1889 г. командировается на Кавказ специально для составления описания церковных древностей. В данном случае инициатива командировки принадлежит именно Комиссии и Министерству Двора (РА, ф. 1, 1889 г., д. 69, л. 1, 2). Это приводит к окончательной пересортировке деятельности Н. П. Кондакова на христианские древности, что связано дополнительно с общей реструктуризацией деятельности ИАК, предпринятой А. А. Бобринским.

Однако как только, казалось бы, перед Н. П. Кондаковым открывается перспектива, используя потенциал ИАК, плодотворно работать над христианскими древностями, он, по собственному прошению от 1 февраля 1891 г., увольняется от должности члена Комиссии. Очевидно, его пребывание в рамках ИАК, оживлявшее воспоминания о раскопной деятельности в достаточно чуждой для него сфере интересов, более не способствовало его научному росту и вряд ли улыбалось специалисту по христианской культуре. Таким образом, до определенного времени не исследователи определяли работу ИАК, а задачи Комиссии ограничивали их деятельность.

Все это подчеркивает строгость изначальных интересов ИАК, связанных исключительно с изучением античной и скифской археологии. Это особенно рельефно выступает в сравнении с научно-исследовательской и публикационной деятельностью других ученых обществ, которые, отличаясь завидной всеядностью, вместе с тем гораздо большее внимание уделяли собственно отечественным древностям и прежде всего памятникам христианской культуры. Так, в период, когда А. И. Войцехович возглавлял отделение славяно-русской археологии Русского Археологического общества (РАО) (1851—1855), здесь преобладало «изучение церковных памятников», да и сама знаменитая записка

И. П. Сахарова для «обозрения древностей русских» в значительной степени была ориентирована на церковные древности. Известно, что именно благодаря трудам членов РАО к 1860-м гг. вышли достаточно полные описания памятников церковной старины Новгорода, Нижнего Новгорода, Калуги и Казани (Веселовский 1900: 276).

Не менее информативным для выявления приоритетов ИАК представляется и анализ сохраняющегося в историографии странного противоречия. Общим местом стало утверждение о том, что к числу предметов, входящих в ведение ИАК, с конца 1859 г. относятся и «отыскание и возобновление древней стенной иконной живописи в старинных православных храмах». В этом случае остается непонятным, почему подобную функцию нужно было сообщать ИАК вторично в 1889 г. уже в виде категоричного распоряжения, что «реставрация монументальных памятников древности производится по предварительному соглашению с Императорской Археологической Комиссией по своему усмотрению с Императорской Академией художеств», и почему в 30-летний период истории ее деятельности исполнение этой важной миссии практически не осуществлялось?

Прежде всего, речь должна идти о различном правовом статусе делегированных Комиссии полномочий. Предоставление Комиссии функции согласования проектов реставрации памятников культуры от 11 марта 1889 г. было оформлено «Высочайшим повелением» и в силу этого приобретало статус государственного закона. Положение об ИАК было внесено в Свод законов Российской империи (Т. 1, ч. 2, ст. 914, разд. XII), а повеление 1889 г. было доложено Правительствующему Сенату министрам юстиции и включено в Собрание узаконений и распоряжений Правительства за № 359. Это и придало Комиссии необходимый авторитет и полномочия. В то же время «особое Высочайшее повеление» о фиксации памятников монументальной живописи и ее реставрации от 20 декабря 1859 г. было сформулировано императором Александром II достаточно расплывчато и сообщено председателю Комиссии министром Двора письмом за № 5823 в форме «пожелания» (РА, ф. 1, 1859 г., д. 29, л. 1—1 об.). В нем говорилось, чтобы пресловутое «отыскание и возобновление» «продолжаемо было *по-прежнему* (выделено нами. — А. М.), но с тем, чтобы занятия эти были отнесены к обязанностям Археологической комиссии». Это высочайшее пожелание так никогда и не было внесено в Положение об ИАК и в силу этого не стало приоритетом в ее деятельности как не обеспеченное необходимым правовым статусом.

Уже 2 января 1860 г. граф С. Г. Строганов обращается к министру Двора с письмом, где указывает на незнание «прежнего порядка» вещей в отношении реставрации (РА, ф. 1, 1859 г., д. 29, л. 3). Из ответа министра, датированного 11 января 1860 г., становится ясно, что до сих пор подобного рода дела находились в совместной компетенции Министерства Императорского Двора и Святейшего Синода. За дополнительными сведениями председателю Комиссии рекомендовано обратиться к обер-прокурору Синода. В архиве ИАК отсутствуют какие-либо документы, указывающие на то, что впоследствии С. Г. Строганов действительно адресовался в Синод и получал оттуда какие-либо материалы.

Стоит вспомнить, что «прежний порядок вещей» был определен указом Синода от 31 декабря 1842 г., состоявшимся по случаю императорского повеления

«строго подтвердить впредь во всех <...> памятниках ни к каким обновлениям не приступать без высочайшего разрешения», что, как известно, было вызвано реставрацией стенописи в Успенской церкви Киево-Печерской лавры. Эти вопросы должны были предварительно рассматриваться Синодом, куда надлежало представить соответствующую документацию (Охрана 1978: 53, № 28). Такая норма была зафиксирована и в строительном Уставе 1857 г. (ст. 102). Таким образом, граф Строганов был поставлен в достаточно сложные условия. С одной стороны, реставрация памятников церковной старины целиком находилась в ведении Синода, что имело законодательную базу, с другой стороны, он получил высочайшее повеление о частичном отнесении этой сферы деятельности «к обязанностям Комиссии», но без должного правового обоснования.

Однако ни «особое высочайшее повеление», ни соответствующее прикомандирование к ИАК академиков живописи Ф. Г. Солнцева и И. П. Вольского, ни членство в Комиссии крупнейших специалистов по русским и христианским древностям — И. Е. Забелина и Н. П. Кондакова, ни поступательное развитие славяно-русской археологии и археологии церковных древностей, ни в конечном счете сам факт возглавления ИАК тонким ценителем и знатоком древнерусского искусства и отечественной истории, каким был граф С. Г. Строганов, — все это не привело на первых порах к активному участию этой структуры в изучении и сохранении памятников древнерусской культуры. Однако все предпосылки к этому существовали — и конкретный социальный заказ, и достаточно мобильная структура самой Комиссии, подразумевавшая институт прикомандирования дополнительных специалистов, и работа в ИАК лиц, имеющих специальный интерес и соответствующие знания. Таким образом, поиск объективных, внешних условий низкой активности ИАК в деле изучения древнерусской, в том числе христианской, культуры и ее охраны не представляется перспективным. Необходимо изучением истории Комиссии изнутри определить алгоритм ее деятельности, внутренних интенций и приоритетов, как они ставились перед членами-сотрудниками ИАК ее руководством.

Очевидно, что в деятельности ИАК попросту отсутствовали приоритеты в изучении русских древностей, как отсутствовали четкие объективные критерии для научной оценки и экспертизы памятников русских древностей. В этом смысле характерной является история с Богоявленским Костромским монастырем (РА, ф. 1, 1860 г., д. 5, л. 1—21 об.). Это был первый случай, когда ИАК было предложено заняться вопросом, связанным с древнерусской церковной культурой. 26 февраля 1860 г. президент Академии художеств князь Г. Г. Гагарин, со ссылкой на редактора «Архитектурного вестника» А. Жуковского, сообщил председателю Комиссии о бедственном состоянии памятника архитектуры XVI в., в котором сохранились росписи XVII столетия, — Богоявленского собора в соименном монастыре Костромы (рис. 2).

Характерно, что князь Гагарин, обращая внимание С. Г. Строганова на бедственное положение храма, пишет, что не знает, насколько это может касаться действий ИАК. С. Г. Строганов пишет ответ в том духе, что собор по архитектуре относится к XVII в. («время Михаила Федоровича и особенно Алексея Михайловича»), а плохо сохранившиеся остатки древней живописи от переделок утратили всякое значение. В силу этого собор не может быть признан лучшим памятником древнего искусства, который бы заслуживал специ-

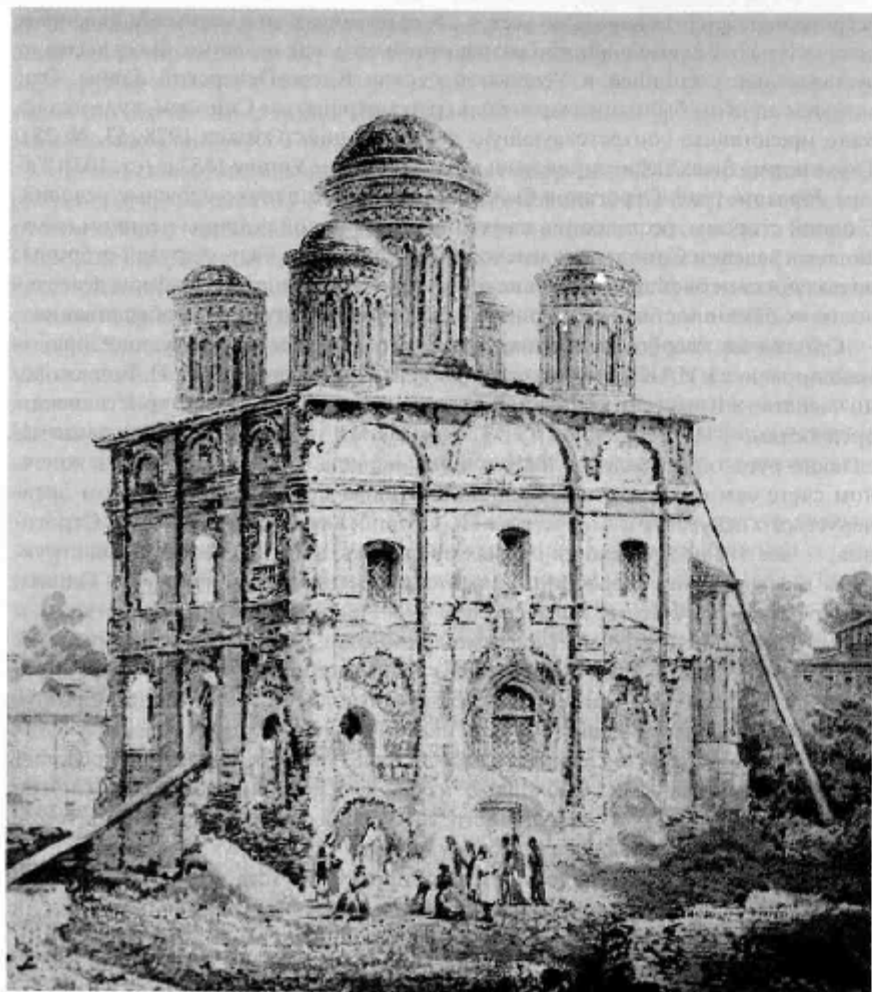

Рис. 2. Богоявленский собор, Кострома. Вторая половина XIX в. Фото А. Шмидта (РА, ф. 1, 1860 г., д. 5, л. 28)

ального изучения и издания. Налицо не только 100-летняя ошибка в датировке собора, заниженная оценка культурной значимости его росписей, но и явное нежелание связывать себя заботой об этом памятнике. Очевидно, председатель ИАК стремится максимально ограничиться возложенными на него поручениями, проистекающими из Положения о Комиссии и соответствующими его собственным представлениям о задачах и функциях археологической науки. Характерно, что в 1912 г. Комиссии вновь пришлось заниматься собором. В 1863 г. храм был передан в ведение Кресто-Воздвиженского Анастасьинского женского монастыря, здесь был произведен ремонт, а живопись в 1865—1868 гг. возобновлена известным «богомазом» Н. М. Софоновым, бывшим, по

мнению Н. П. Кондакова, «археологическим извергом или Геростратом» (Кондаков 2004: 86). В преддверии 300-летия дома Романовых 24 апреля 1912 г. игуменья Сусанна запрашивает разрешение ИАК на реставрацию собора. Комиссия прибегает к экспертному заключению от 25 июня того же года, подписанному М. П. Дикаревым и М. Г. Чириковым, и после окончательной экспертизы, проведенной Д. В. Милесвым, 22 августа надзор поручается именно ему.

История с Богоявленским монастырем носила не случайный характер. Такой же подход мы видим и в деле реставрации Успенского собора во Владимире и других памятников владимирского зодчества. Летом 1859 г. по высочайшему повелению Ф. Г. Солнцев осматривал состояние архитектуры и стенописи во Владимире. Отчет датирован ноябрем 1859 г., государю результаты поездки были доставлены 4 декабря 1859 г. Совершенно очевидно, что распоряжение об отнесении к обязанностям ИАК пресловутого «отыскания и возобновления» фресковой живописи было отдано именно под впечатлением от этих документов и, возможно, личной беседы царя с Ф. Г. Солнцевым (РА, ф. 1, 1860 г., д. 9, л. 3—12).

14 марта 1860 г. датировано письмо министра Двора В. Ф. Адлерберга, где С. Г. Строганову поручалось составить соображения о возможных сроках произведения и затратах на ремонтно-восстановительные работы. Отсутствие в штате архитектора заставляет графа, бывшего еще и членом Комиссии по строительству храма Христа Спасителя в Москве, отправить в конце мая во Владимир архитектора И. С. Каминского, состоявшего при той же Комиссии, а вместе с ним делопроизводителя А. С. Линевица, Ф. Г. Солнцева и художника. Именно Каминскому впервые в истории отечественной археологии был выдан открытый лист на архитектурно-археологические раскопки с «приложением герба моего (С. Г. Строганова. — А. М.) печати» (РА, ф. 1, 1860 г., д. 9, л. 28) (рис. 3).

На основании результатов этой поездки С. Г. Строганов пишет рапорт в Министерство Двора (РА, ф. 1, 1860 г., д. 9, л. 36—37). В рапорте сообщалось, что Покровская церковь на Нерли реставрируется местными средствами, а плохо и мало сохранившаяся живопись не имеет особого значения для истории русской иконописи. Успенская церковь в монастыре Рождественском не требует капиталовложений для реставрации. Речь может идти лишь об Успенском соборе. Однако в случае проведения в нем ремонтно-реставрационных работ С. Г. Строганов просит возложить на Комиссию лишь художественную сторону, так как чисто хозяйственная отвлекала бы Комиссию от ее непосредственной деятельности. В результате дело передается в Строительную контору Министерства Двора. При этом создается Комитет по реставрации собора (25 мая 1861 г.), и его председателем был назначен безмерно тяготящийся этим сам С. Г. Строганов. Осенью появляется записка полковника Красовского, представителя Строительной конторы в Комитете, где он не соглашается с Ф. Г. Солнцевым в том, что собор разрушается. Именно на этом и базируется новый рапорт-отношение С. Г. Строганова министру от 16 декабря 1861 г., где утверждается, что собор безо всякого вреда можно оставить без восстановления. И уже 30 декабря 1861 г. следует высочайшее решение об отме-

Открытый лист

*Привыкните к сего Высочайшего дня Импера-
торской Археологической Комиссии Личному
командированному для осмотра древних церквей
в г. Владимир, Высочайше повеленным
Всего Высочайшего повеления с соблюдением ман-
датов Высочайшей Комиссии, оказавшего
законное участие отсюда совместно из распоря-
жения и употреблению исполнению вышесказан-
ного на него поручения.*

*Дана сей лист за подписанным именем и
грамоточным гербом графа С. Г. Строганова.
Мая 27, г. 1860 года.*

*Ее Императорского Высочайшего
Всего Высочайшего повеления
Графиня Анна Артемьевна, Гене-
ральный-Кавалерий, Подполковник
Ее Императорского Высочайшего
Генерал-Кавалерийского Удесского,
Кавалер-Генералов Комитета
Сената, Председатель Импера-
торской Археологической Комиссии,
реставрированный Лесвицкий и несо-
страненный Орденский Кавалер*

Рис. 3. Открытый лист, выданный делопроизводителем ИАК А. С. Личеву для осмотра древних церквей г. Владимира 31 мая 1860 г. и заверенный личной печатью графа С. Г. Строганова с родовым гербом, — первый подобный документ, выданный на право архитектурно-археологических исследований (РА, ф. 1, 1860 г., л. 9, л. 29)

не ремонта собора и о роспуске Комитета, чего, собственно, и добивался С. Г. Строганов.

Таким образом, функция Комиссии по фиксации и реставрации храмовой живописи, приданная ей 20 декабря 1859 г., являлась следствием индивидуальной интриги Ф. Г. Солнцева и не была согласована с С. Г. Строгановым. К тому же она предполагала сохранение предшествующей практики, где подобные мероприятия были прерогативой Министерства Двора и Синода. Эта функция, не обладая юридическим статусом, равным положению об ИАК, являлась «Высочайшим поведением», оформленным в виде пожелания, проведенного не через Сенат, а через Министерство Двора. До 11 марта 1889 г. она

не имела правового характера. Сам С. Г. Строганов стремился минимизировать последствия распоряжения, сознательно преуменьшая значимость памятников (Богоявленский собор в Костроме — 1860 г.) или угрозу их деструкции (Успенский собор во Владимире — 1860—1863 гг.), и не проявлял собственной инициативы в этой области. При этом он практически отказался выполнять поручение министра Двора от 2 февраля 1860 г. по созданию процедуры подготовки исследований реставрационного характера. Все дела ИАК в области охраны памятников русской старины в период его правления были результатом инициативы «сверху». Прикомандированные к ИАК Ф. Г. Солнцев и И. П. Вольский в дальнейшем в деятельности Комиссии участия не принимали, несмотря на получение ими окладов.

Считаем, что С. Г. Строганов сознательно отказывался от исследования памятников славяно-русской и христианской археологии, перекладывая эти функции на Министерство внутренних дел и частных лиц и мотивируя это отсутствием средств и специалистов. При этом значительный процент бюджетных средств ИАК возращала в ведомство Контроля Министерства Двора, хотя достаточно гибкая структура ИАК, предполагавшая вовлечение в работу сверхштатных сотрудников, могла решить кадровую проблему, как это имело место с архитектором И. С. Каминским во время работ в Успенском соборе 1860 г.

Точно так же ИАК практически самоустранилась от архитектурно-археологических исследований. Так, в истории с изучением М. Н. Полесским-Щепило Собора на Протоке в Смоленске в 1867—1868 гг. С. Г. Строганов возложил всю ответственность на Министерство внутренних дел (министр А. Е. Тимашев) и смоленского губернатора. Состоявшиеся раскопки обнаруженного храма были личной инициативой преподавателя смоленской гимназии и местных властей, поскольку в своем письме в Смоленск от 22 марта 1868 г. С. Г. Строганов говорит лишь об охране остатков, но не об их исследовании (РА, ф. 1, 1867 г., д. 7, л. 8).

Есть все основания полагать, что граф С. Г. Строганов допустил стратегическую ошибку прежде всего в вопросах реставрации церковных памятников. Известно знаменитое определение Святейшего Синода № 2236 от 20.12.1878/9.01.1879, основывавшееся на ст. 207 строительного Устава и соответствующем высочайшем повелении, вошедшее в указе Синода № 16401 от 31.12.1842 г., о недопустимости самовольных переделок в древних храмах без высочайшего разрешения, без тщательного сохранения внешнего и внутреннего зидла и без доклада Святейшему Синоду. Тем же определением епископату в случае необходимости ремонта и реставрации памятников старины было предписано обращаться за консультациями и научным обеспечением к существующим археологическим обществам: Церковно-археологическому обществу при Киевской Духовной академии, Русскому археологическому обществу, Московскому археологическому обществу и Одесскому обществу.

Для нас в данном случае важно, что если в 1842 г. поводом для повеления и указа были неудовлетворительные реставрационные работы в Успенской церкви Киево-Печерской лавры, то в 1878 г. — ремонт Покровской церкви на Нерли, произведенный годом раньше архиепископом Владимирским Антони-ем (Павлинским), в результате чего остатки фресок и стены были покрашены

масляной краской, а некоторые фрагменты каменной резьбы уничтожены или заменены изделиями новейшей работы. Этим и воспользовался А. С. Уваров, войдя в Синод с ходатайством о возобновлении распоряжения № 16401, чем, по сути дела, «подставил» С. Г. Строганова, который еще ранее скептически отнесся к идее контроля ИАК за деятельностью по реставрации храма и недооценил ее живопись. Очевидно, что синодальное определение совершенно игнорировало высочайшее пожелание 1859 г. об участии ИАК в деле реставрации храмовой живописи: Комиссия в числе консультантов церковного ведомства не упоминалась вообще.

Впрочем, нам представляется, что это произошло не только в силу ошибки ИАК, но и практической неизвестности и юридической неопределенности распоряжения 1859 г. Необходимо было проявить общественно-политическую волю, придав «особому Высочайшему повелению» 20.12.1859 г. более определенный характер. Указ 11 марта 1889 г., по сути дела, не вводил ничего нового, придав лишь импульс деятельности Комиссии, поддержав начинания ее нового председателя и дав понять всему российскому обществу существующую иерархию полномочий и ответственности в вопросе охраны памятников старины и изучения памятников археологии.

В этом контексте вряд ли есть смысл говорить о создании МАО в 1890 г. Комиссии по сохранению памятников как о попытке «заполнить „административный вакуум“» в стремлении выполнить роль отсутствующего государственного органа (Лапшин 2002: 82; Охрана 1978: 134—137). Скорее речь идет о превентивных мерах, предпринятых П. С. Уваровой, по недопущению ИАК на поприще охраны памятников истории и культуры. Уже первый пункт Правил Комиссии по сохранению памятников от 23 апреля 1890 г. грубо вторгался в полномочия ИАК, нарушая императорский указ и присваивая Комиссии МАО право рассматривать проекты о пристройках, перестройках, возобновлении и разборке памятников архитектуры на предмет возможного ущерба произведениям, имеющим археологическое значение. Здесь не было ни слова о региональном характере деятельности по реставрации и охране, о чем ИАК договаривалась с обществами, в том числе и с МАО, в апреле 1889 г.

Таким образом, нельзя согласиться с тенденциозным мнением П. С. Уваровой и вдохновляемых ею историографов о том, что с приходом А. А. Бобринского Комиссия «приступила к скорейшему осуществлению давно подготовленного плана» по вытеснению археологических обществ из культурного пространства России. Анализ деятельности ИАК во время председательства С. Г. Строганова определенно показывает, что в планы ИАК не входила не только экстенсификация деятельности Комиссии — расширение сферы ее влияния за счет включения новых территорий и научной проблематики, но даже ее интенсификация — качественное усиление деятельности. ИАК существовала по законам консервативной бюрократии, охраняя свои права и преимущества и строго соблюдая молчаливые договоры о разграничении полномочий с другими ведомствами, в том числе и с «Ведомством православного исповедания».

Отсутствие приоритетов в деятельности ИАК в отношении изучения и охраны памятников древнерусской старины, в том числе и христианских древностей, обусловлено не столько внешними факторами, сколько субъективными причинами, связанными с пониманием председателем ИАК С. Г. Строгано-

вым своих задач и целей археологической науки вообще. Функцию и компетенцию археологии он видел, в согласии с «винкельмановской» традицией, в изучении памятников ареала античной культуры, а полномочия ИАК — в производстве полевых археологических исследований и пополнении с их помощью Керченского и Скифского отделов Императорского Эрмитажа. Все это соответствовало традиционному пониманию археологии как науки об эстетически прекрасных древностях, связанных своим происхождением с античной культурой, что восходит непосредственно к И. Винкельману (1717—1768). В этой связи обоснованно предполагаем, что С. Г. Строганов рассматривал область охраны памятников и вопросы организации славяно-русской археологии как виды деятельности, чуждые задачам ИАК. На фоне общего развития археологической науки в России 1860—1870-х гг. и оформления ее специализации такой взгляд представляется уже архаичным.

Считаем нужным добавить, что исключению ИАК из процесса исследований в области славяно-русской археологии мог способствовать и уже известный нам личный конфликт С. Г. Строганова и А. С. Уварова, последний из которых в 1856 г., очевидно, планировал встать во главе российской археологии. Не случайно А. И. Романчук предположила, что этот конфликт был непосредственно связан и с различными представлениями о перспективной тематике исследования: А. С. Уваров говорил о необходимости изучать палеолит и не ограничиваться лишь скифскими древностями и классической археологией (Романчук 1991: 7—8). Председатель МАО постоянно пользовался просчетами председателя ИАК для вытеснения его с общественной сцены (1861 г. — издание материалов раскопок П. А. Савельева, изначально члена ИАК; 1879 г. — история с Синодальным определением № 2236, исключавшим ИАК из перечня организаций, консультирующих церковные структуры по вопросам реставрации). Есть основание полагать, что последнее событие сыграло свою роль в отставке С. Г. Строганова. С этой точки зрения конфликт ИАК и МАО изначально носит не институциональный, а личностный характер, а его инициатива принадлежит МАО, тогда как ИАК, что особенно хорошо видно в событиях 1880—1890-х гг., стремилась консолидировать деятельность общества и распределить между ними ролевые полномочия.

Нельзя утверждать, что ИАК изначально вообще не занималась вопросами славяно-русской археологии. Однако ее функции в этой области в 1859—1889 гг. ограничивались исполнением поручений Министерства Двора по экспертизе национальных реликвий (Корсунические врата Новгородского Софийского собора — 1866 г., шапка Мономаха — 1861 г.), оценкой и приобретением для Императорского Эрмитажа кладов и отдельных вещей, найденных в процессе строительных работ (Киевский клад 1880 г. и др.), и экспертизой отдельных предметов, присылаемых в ИАК частными лицами. Это создавало практический опыт работы с русскими древностями и источниковую базу их изучения, что в 1890-е гг. воплотилось в трудах Н. И. Кондакова о русских кладах и эмальерном искусстве, изданных в 1892, 1896, 1897 гг.

Все это свидетельствует, на наш взгляд, что на посту председателя ИАК С. Г. Строганов, будучи человеком эпохи, скорее проявил себя как чиновник, который стремился ограничиться лишь тем, что прописано в положении о его деятельности, и не выходить за рамки предписанного. Здесь видится не столько

цензура и ограничения сверху, сколько своеобразная самоцензура. Стоит отметить, что, обладая достаточно консервативными взглядами, С. Г. Строганов отнюдь не был ретроградом и со всей ответственностью принимал вызов, брошенный культуре прогрессом, и понимал, в частности, неизбежность того, что сегодня мы бы назвали «исследованиями на новостройках» или «превентивной археологией». Так, еще в 1858 г. подготавливая проект «устава» ИАК и отмечая «змятные работы в огромных размерах по случаю проведения железных дорог», производимые в Империи, он полагал, что Комиссия должна «по мере средств своих обращать на эти работы особенное внимание», ибо «открытия при этих <...> работах могут навсегда исчезнуть без следа». Это положение составило 9-й пункт проекта устава и стало 8-м параграфом положения об ИАК. Не исключено, что последующее равнодушие к этой сфере деятельности было порождено отповедью министра Двора, который в ответ писал ему, что в случае «преобразования ее (ИАК. — А. М.) в смысле общего учреждения для всех археологических исследований в Государстве, штаты и средства потребуют совершенно иных условий», тогда как по замыслу Комиссия была ограничена «ведомством Министерства Двора» (РА, ф. 14, д. 1, л. 90 об., 101 об.—102, 106 об.—107; ф. 1, 1859 г., д. 1, л. 50). Это стало дополнительным фактором, ограничивающим сферу деятельности С. Г. Строганова.

В этой связи любопытно вспомнить наблюдения К. М. Пескаревой и Е. А. Рябинина о том, что нередко деятельность ИАК оказывалась «за прямой зависимости от личного отношения к этому органу царского окружения и правительственных учреждений» (Пескарева, Рябинин 1984: 306). Если абстрагироваться от социально-обличительного нафоса этого утверждения, то мы в целом должны признать, что сфера полномочий и активности ИАК была ограничена в начальный период ее истории исключительно «личным отношением» самого председателя к функции и компетенции археологической науки.

Характерно также, что изначально помещения ИАК располагались в собственном доме графа С. Г. Строганова у Полицейского моста (д. 17 по Невскому проспекту) — Строгановском дворце. Уже к концу первого года работы Комиссии такое положение дел было самим С. Г. Строгановым признано «крайне стеснительным». Однако в ответ на ходатайство от 1 ноября 1859 г. о предоставлении ИАК новых площадей 5 ноября последовал отказ Министерства Императорского Двора. Более таких попыток граф не предпринимал, ограничиваясь рамками деятельности, предоставленными ему этим ведомством. Однако через 30 лет А. А. Бобринской своей активностью сумел добиться не только увеличения сумм, выделяемых на деятельность Комиссии и сверхштатных сотрудников, но и перевода ИАК в другое помещение (РА, ф. 1, 1888 г., д. 72, л. 1, 2). Он же сумел существенно расширить и сферу исследовательской деятельности Комиссии, хотя бюрократическая машина Министерства Двора практически не изменилась. Это демонстрирует, как много в деле становления отечественной археологии зависело от личной позиции.

Наш обзор, объясняя особенности развития отечественной археологии в второй половине XIX в. и реконструируя событийную канву, показывает необходимость более полно учитывать роль личности в развитии и организации науки. Одновременно исследование выявляет и насущную потребность восполнения информационной лакуны в области написания истории и анализа деятельно-

сти ИАК, особенно в связи с предстоящим в 2009 г. 150-летним юбилеем ее деятельности.

- Бобринской 1900 — *Бобринской А. А.* Очерк деятельности Комиссии за время царствования императора Александра II // НА ИИМК РАН, РА, ф. 1, 1900 г., д. 174.
- Васильева 2000 — *Васильева Р. В.* Главное археологическое учреждение царской России: Императорская археологическая комиссия. 1859—1917 гг. Заметки архивиста // Культурное наследие Российского государства. Вып. 2. Прошлое и современность. Ученые и политики об историческом и культурном достоянии. СПб., 2000. С. 177—187.
- Веселовский 1900 — *Веселовский Н. И.* История Императорского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования (1846—1896). СПб., 1900.
- Вадорнов 1986 — *Вадорнов Г. И.* История открытия и изучения русской средневековой живописи: XIX в. М., 1986.
- Гурулева 2005 — *Гурулева В. В.* С. Г. Строганов — первый президент Императорской Археологической комиссии // Хранитель. Исследователь. Учитель. К 85-летию В. М. Потина: Сб. науч. статей. СПб., 2005. С. 163—169.
- Древности Северо-Западного края 1890 — *Древности Северо-Западного края.* МАР. СПб., 1890. № 4. Т. 1, вып. 1.
- Императорское Московское археологическое общество 1915 — *Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864—1914).* М., 1915. Т. 1—2.
- Кондаков 2004 — *Кондаков Н. П.* Воспоминания и думы // Мир Кондакова. Публикации. Статьи. Каталог выставки. [Ред., сост. И. Л. Кизласова]. М., 2004. С. 18—111.
- Лапшин 2002 — *Лапшин В. А.* Борьба за охрану памятников археологии в России во второй половине XIX—начале XX в. // Культурное наследие Российского государства. Вып. 3. Ученые, политики, журналисты, деятели Церкви об историческом и культурном достоянии. СПб., 2002. С. 79—86.
- Лебедев 1992 — *Лебедев Г. С.* История отечественной археологии. 1700—1917 гг. СПб., 1992.
- Материалы по вопросу о сохранении древних памятников... 1911 — *Материалы по вопросу о сохранении древних памятников, собранных Императорским Московским археологическим обществом.* М., 1911.
- Медведева 2007 — *Медведева М. В.* Изучение и охрана памятников археологии и архитектуры эпохи средневековья Северо-Запада России в деятельности Императорской Археологической Комиссии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007.
- Миронов 1900 — *Миронов А.* Первые годы деятельности Императорской археологической комиссии (1859—1860) // Вестник всемирной истории. 1900, № 4. С. 240—245.
- Никодим Павлович Кондаков 2001 — *Никодим Павлович Кондаков (1844—1925).* Личность, научное наследие. архив. СПб., 2001.
- Охрана 1978 — *Охрана памятников истории и культуры в России XVIII—начала XX в.: Сб. документов.* М., 1978.
- Пескарева, Рябинин 1984 — *Пескарева К. М., Рябинин Е. А.* Первое государственное учреждение отечественной археологии (к 125-летию создания Археологической Комиссии) // СА. 1984. № 4. С. 299—307.
- Пивоварова 2000 — *Пивоварова Н. В.* В истории коллекции икон графа С. Г. Строганова // Судьбы музейных коллекций: Материалы VI Царскосельской научной конференции. СПб., 2000. С. 88—97.
- Радлов 1888 — *Радлов В.* Сибирские древности. МАР. СПб., 1888. № 3. Т. 1, вып. 1.
- Романчук 1991 — *Романчук А. И.* Возрождение античного герода. Свердловск, 1991.
- Снегирев 1849—1853 — *Снегирев И. М.* Древности Российского государства. М., 1849—1853. Отд. 1. Святые иконы, кресты, утварь храмовая и облачение сана духовных лиц. 1849; Отд. 2. Древний чин царский, царские утвари и одежды. 1851; Отд. 3. Броня, оружие, кареты и конская сбруя. 1853; Отд. 4. Древние княжеские царские и боярские нарядные одежды, изображения и

- портреты. 1851; Отд. 5. Древняя столовая и домашняя утварь. 1853; Отд. 6. Памятники древнерусского зодчества. 1853.
- Стрижова 2001 — *Стрижова Н. Б.* Об аллоре «Христианской символика» // *Уваров А. С.* Христианская символика. М., 2001. С. 7—12.
- Строганов 1849 — *Строганов С. Г.* Дмитриевский собор во Владимире на Клязьме, строен от 1194 до 1197 г. М., 1849.
- Строганов 1881 — *Строганов С. Г.* Записки о деятельности Комиссии от 31.12.1881 г. // ИА ИИМК РАН, РА, ф. 1, 1859 г., д. 1.
- Тихонов 2006 — *Тихонов И. Л.* «Как поссорились Сергей Григорьевич и Алексей Сергеевич...» (К вопросу об истоках конфликта между Археологической комиссией и Московским археологическим обществом) // *IN SITU*. К 85-летию профессора А. Д. Столяра. СПб., 2006. С. 358—371.
- Фармаковский 1921 — *Фармаковский Б. В.* К истории учреждения Российской академии истории материальной культуры. Пг., 1921.
- Формозов 1993 — *Формозов А. А.* А. С. Уваров и его место в истории русской археологической науки // *Русская археология*. 1993. № 3. С. 228—245.
- Яковлев 1888 — *Яковлев П. С.* Императорская Археологическая комиссия // *Вестник археологии и истории*. СПб., 1888. Вып. 7. Отд. 3. С. 20—22.
- ИА ИИМК РАН, РА, ф. 1, 1859 г., д. 1, 5, 29; 1860 г., д. 5, 9, 12; 1867 г., д. 7; 1878 г., д. 22; 1882 г., д. 13, 31; 1888 г., д. 72; 1889 г., д. 20, 69; ф. 14, д. 1; 25, д. 47.

А. Е. МУСИН

Институту истории материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге, пусть и не надолго, удалось восстановить некогда распавшуюся «связь времен». 4 июня 2007 г. в Ново-Михайловском дворце, где располагается Институт, побывал протопресвитер Борис Алексеевич Бобринской со своей супругой Еленой Юрьевной, урожденной Дистерло. Читателю нет смысла напоминать, что Б. А. Бобринской — внук председателя ИАК А. А. Бобринского, занимавшего этот пост в 1886—1917 гг.

Его отец Алексей Алексеевич Бобринской (16.10.1893, Петербург—6.02.1971, Лондон), с личностью которого археологическая общественность уже знакома по ряду публикаций, в частности, по воспоминаниям о своем отце (Бобринской А. А. 2003: 479—480; Шильд 2003: 68—71), был единственным сыном Алексея Александровича от первого брака с Надеждой Александровной Половцовой, дочерью Государственного секретаря А. А. Половцова. Знаменитый находчик золотого гребня в кургане Солоха учился в Пажеском корпусе, ушел добровольцем на первую мировую войну, воевал в звании поручика в составе кавалерийского гусарского полка в Восточной Пруссии. В момент октябрьского переворота он оказался в Кисловодске и в 1919 г. эмигрировал в Европу из Батуми. В 1919—1920 гг. служил помощником военного атташе в Русской миссии в Стокгольме, затем учился в Оксфорде и жил в Париже. После второй мировой войны пересел жить в Англию. Перу А. А. Бобринского принадлежит книга, посвященная астрономическим знаниям в библейских текстах и их символическому значению (Бобринской А. А. 1928).

Книга увидела свет через три года после того, как 25 февраля 1925 г. на свет появился Б. А. Бобринской. Он окончил Свято-Сергиевский богословский институт в Париже в 1949 г. и защитил кандидатскую диссертацию по богословию, посвященную творениям свт. Григория Паламы (1296—1359). С 1949 по 1951 г. он проходил стажировку на православном факультете Афинского университета, в 1951 г. стал инспектором Сергиевского института, а в 1953 г. — профессором догматического богословия. После вступления в брак в 1957 г. он был рукоположен во священника 18 октября 1959 г. Б. А. Бобринской был одним из основателей и первым руководителем радиостанции «Голос Православия» (Париж) в 1970-х гг. В 1987 г. он стал доктором богословия. В 1993—2005 гг. был деканом Свято-Сергиевского института (по традиции ректором является глава спархии — в настоящее время архиепископ Команский Гавриил [де Вельдер]). В 2001 г. Б. А. Бобринской стал доктором *honoris causa* богословского факультета университета во Фрайбурге. Он — автор многочисленных богословских статей и трудов, изданных преимущественно по-французски (Бобринской Б. 1998а: 135—152; 1998б: 17—36; 2002: 227—247; 2005; Bobrinskoy 1986; 1992; 1999; 2000).

Сегодня Борис Алексеевич — протопресвитер, член совета Архиепископии Русских православных церквей в Западной Европе в юрисдикции Вселенского патриарха, настоятель (с 1969 г.) франкоязычной православной общины Свя-

той Троицы в крипте Александро-Невского собора на ул. Дарю в Париже и главный редактор ее журнала «Bulletin de la Sturte», издающегося с 1971 г.

Сказать, что Б. А. Бобринской приумножил ученую и общественную славу своего рода и, как и вся русская эмиграция во Франции, стремился сохранить для сегодняшней России богатство отечественной культуры и традиций — значит, сказать банальность или ничего не сказать. Однажды он так определил свою собственную задачу и задачу своих коллег по институту и собратьев по русской общине: «Не сохранить для себя, не изобразить из себя каких-то собственников чего-либо, а вернуть народу отечественное богословие». Это возвращение заключалось не только в издательской деятельности, но и в продолжении собственно богословской работы. И здесь, как ни парадоксально, деятельность Б. А. Бобринского соприкоснулась с археологическими трудами его деда, по крайней мере с методикой, присущей археологии. Дело в том, что сам Бобринской принадлежит в тому движению в православном богословии, которое именуется «неопатристикой». Речь шла не о слепом копировании взглядов и мнений отцов Церкви IV—VIII вв., а о воскрешении их метода отношения к жизни и истории сквозь толщи и наслоения слов и текстов. Текстология не только позволяла выявить историю рукописей, но и определить направление эволюции смыслов. Основатели и представители этого движения протоиерей Георгий Флоровский (1893—1979) и архиепископ Василий (Кривошеин, 1900—1985) не только подсознательно использовали «археологические методики» для различения культурных слоев, связанных с интерпретациями и толкованиями исследуемых текстов, но открыто и с гордостью сравнивали свой труд с трудом археолога, называя неопатристику «богословской археологией».

За последние 20 лет семейство Бобринских неоднократно бывало в России. Однако нынешняя встреча состоялась впервые. Приглашение руководства Института совпало с давним желанием самого Б. А. Бобринского. Тем более, что на этот раз, до того как попасть в Россию, чета побывала на Украине и, в частности, посетила Смелу, знаменитое имение Бобринских, курганы на территории которого были раскопаны его дедом (Бобринской А. А. 1887; 1901). В Институте Бобринские встретились с его директором Е. Н. Носовым, который рассказал о современных проблемах учреждения, ставшего одним из наследников ИАК, и о направлениях его научной деятельности. Гости пообщались также с заместителем директора по науке О. И. Богуславским, заведующей научным архивом Г. В. Длужневской, заведующим библиотекой ИИМК Л. М. Всеяновым и директором музея истории СПбГУ И. Л. Тихоновым. В читальном зале фотоархива была устроена временная выставка трудов Бобринского-деда и книг из его библиотеки с рукописными ex libris'ами. Чета смогла посмотреть материалы личного дела председателя ИАК и преподнесенные ему торжественные адреса, фотоальбом его археологической коллекции, а также фотографии дворца Бобринских в Петербурге, который гости посетили непосредственно перед визитом в ИИМК. На прощание была организована небольшая прогулка по Ново-Михайловскому дворцу и визит в помещения, некогда занимаемые ИАК в здании Эрмитажа.

Эта встреча оказалась частью процесса подготовки торжества по случаю 150-летия ИАК, который сейчас разворачивается в Институте. Так, в частности, готовится юбилейное издание по истории Комиссии, над которым коллек-

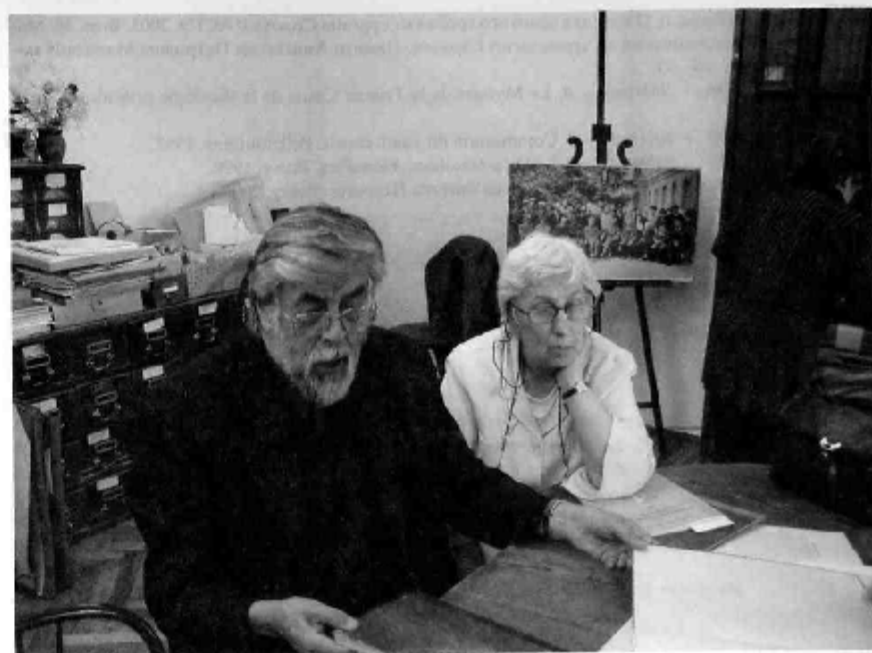

Рис. 1. Б. А. и Е. Ю. Бобринские в фотоархиве ИИМК РАН

тив авторов трудится в рамках гранта РГНФ. Руководство ИИМК передало Бобринским приглашение принять участие в праздновании юбилея, которое должно состояться весной 2009 г. Гости пообещали, что род Бобринских будет обязательно представлен на этом торжестве.

- Бобринской А. А. 1887 — *Бобринской А. А.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смела. СПб., 1887. Т. 1.
 Бобринской А. А. 1901 — *Бобринской А. А.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смела. СПб., 1901. Т. 2.
 Бобринской А. А. 1928 — *Бобринской А. А.* Астрономия Библии. Париж, 1928.
 Бобринской А. А. 2003 — *Бобринской А. А.* Гриф Алексей Алексеевич Бобринской. 1865—1917 (Сын об отце.) / Подгот. к публикации, предисл. и примеч. И. Л. Тихонова // Культурное наследие Российского государства: Ученые, политики, журналисты об историческом и культурном достоянии. СПб., 2003. Вып. 4. С. 479—532.
 Бобринской Б. 1998а — *Бобринской Б.* Отец Сергей Булгаков. Тайнозритель Премудрости Божией // Альманах Центра общественных наук. М., 1998. № 7. С. 135—152.
 Бобринской Б. 1998б — *Бобринской Б.* Отец Сергей Булгаков. Тайнозритель Премудрости Божией // Альманах Центра общественных наук. М., 1998. № 15. С. 17—36.
 Бобринской Б. 2002 — *Бобринской Б.* Отец Сергей Булгаков. Тайнозритель Премудрости Божией // Два Булгакова. М., 2002. Т. 1.
 Бобринской Б. 2005 — *Бобринской Б.* протопресвитер. Тайна Пресвятой Троицы (Курс догматического богословия) М., 2005.

- Шильд 2003 — Шильд В. О находке золотого гребня из кургана Солоха // АСГЭ. 2003. Вып. 36: Материалы и исследования по археологии Евразии. Памяти Анастасии Петровны Маневич посвящается. С. 68—71.
- Bobrinsky V. 1985 — *Bobrinsky V. Le Mystere de la Trinite: Cours de la theologie orthodoxe. Paris, 1985.*
- Bobrinsky V. 1992 — *Bobrinsky V. Communion du Saint-Esprit. Bellefontaine, 1992.*
- Bobrinsky V. 1999 — *Bobrinsky V. Le Dieu manifeste: Homelies. Bussy, 1999.*
- Bobrinsky V. 2000 — *Bobrinsky V. Les cieux ouverts: Homelies. Bussy, 2000.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ — Археологические вестн. СПб.
- АК — Архивная Комиссия.
- АН — Академия наук.
- АРЭМ — Архив Российского Этнографического музея.
- АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.; СПб.
- АЭАЕ — Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
- БС — Балтийская система высот.
- ВНИТРИ — Всесоюзный научно-исследовательский геологоразведочный институт.
- ВНИИ — Всесоюзный научно-исследовательский институт.
- ВСЕГЕИ — Всероссийский геологический институт.
- ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
- ГЕОХИ — Институт геологии им. В. И. Вернадского.
- ГИМ — Государственный Исторический музей.
- ГИН — Геологический институт.
- ГРМ — Государственный Русский музей.
- ГЭ — Государственный Эрмитаж.
- ДВО — Дальневосточное отделение.
- ИАК — Императорская Археологическая Комиссия.
- ИГАН — Институт географии.
- ИИМК — Институт истории материальной культуры.
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.; Л.
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л.
- ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
- ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
- ЛОИВАН — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР.
- ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры АН СССР.
- л. н. — лет назад.
- ЛЭТИ — Ленинградский электротехнический институт.
- МАО — Московское археологическое общество.
- МАР — Материалы по археологии России. СПб.
- МГУ — Московский государственный университет.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
- МОО — Международная общественная организация.
- НА — Научный архив.
- НАН — Национальная Академия наук.
- НГОМЗ — Новгородский государственный объединенный музей-заповедник.
- ОПИ — Отдел полевых исследований.
- ОСОАВИАХИМ — Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
- РА — Рукописный архив (отдел).

РАИМК	— Российская Академия истории материальной культуры.
РАН	— Российская Академия наук.
РАО	— Российское Археологическое общество.
РГНФ	— Российский гуманитарный научный фонд.
РИАН	— Радиевый институт Академии наук.
РМА	— Российский музей археологии.
СА	— Советская археология. М.
САИ	— Свод археологических источников. М.: Л.
СО	— Сибирское отделение Академии наук.
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет.
СПбФ ИВ	— Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения.
ФА	— Фотоархив (фотоотдел).
ФТИ	— Физико-технологический институт им. А. Ф. Иоффе.
ФЭУ	— Фотоэлектронный умножитель.
ЮТАКЭ	— Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
AJPA	— American Journal of Physical Anthropology.
AMS	— Accelerator Mass-spectrometry.
BAR	— British Archaeological Reports. Oxford.
CAp	— Current Anthropology.
CB	— Current Biology.
CRP	— Comptes Rendus Palevol.
INTAS	— The International Association for the Promotion of Co-operation with Scientists from the New Independent States of the Former Soviet Union.
JRAI	— Journal of the Royal Anthropological Institute.
NATO	— North Atlantic Treaty Organization.
PNAS	— Proceedings of the National Academy of Science USA.
SP	— Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса.